

~~К803~~

Крестьянская Россия. І-ІІ.

Эр1 б46

~~Свечи~~

38342/80

355

6... Крестьянская Россия

288

170

-2

МАЯ

288

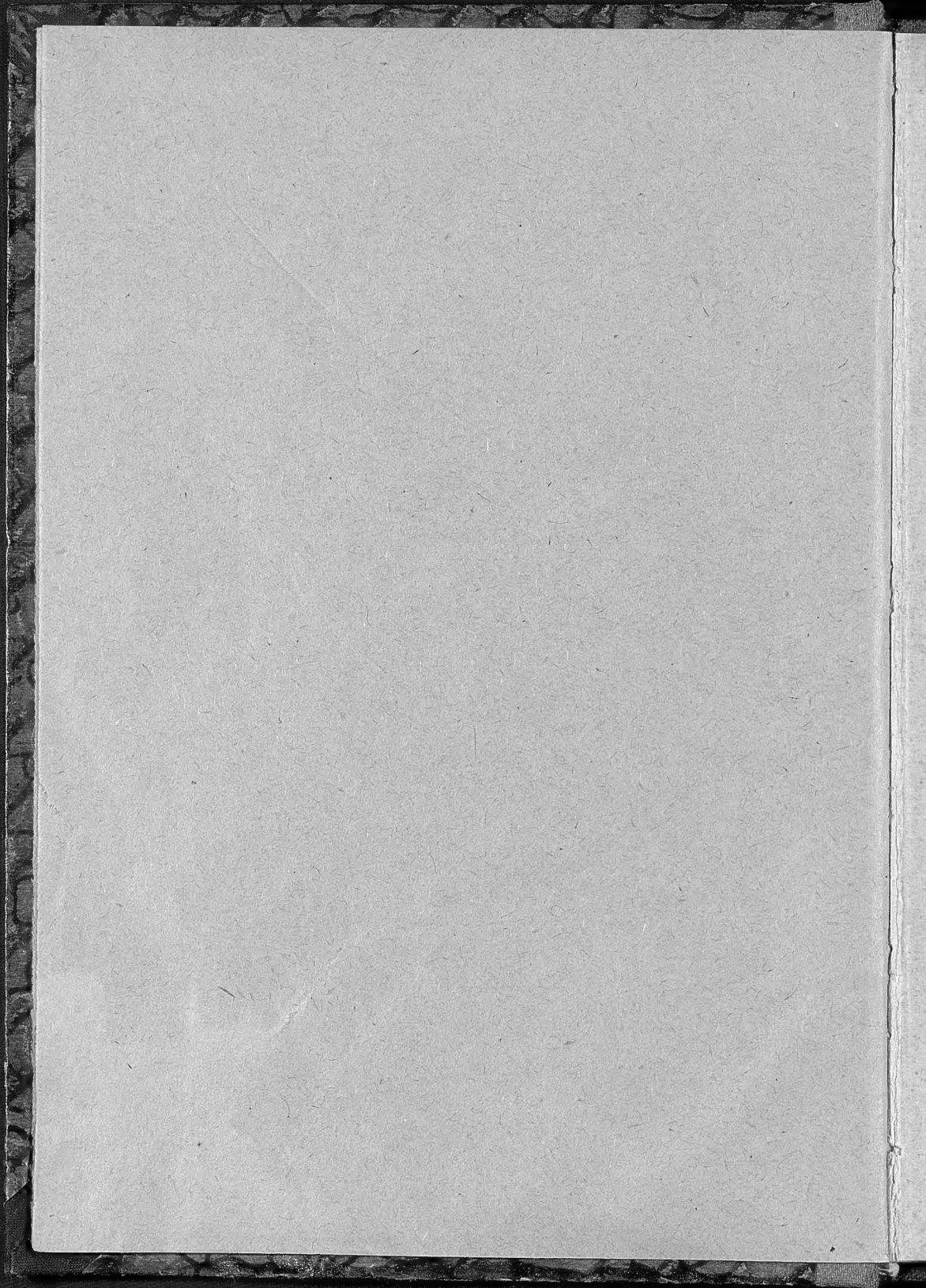
5-8

500

1000

1500

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

V—VI

1 9 2 3

П Р А Г А

Печатается в типографии «Легіографія», Praha II., Revoluční 6.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
1. С. В. ЗАВАДСКИЙ. Русский человек в русском словѣ	3—22
2. А. А. КИЗЕВЕТТЕР. Крестьянство в русской научно-историч. литературѣ	23—43
3. Н. С. ТИМАШЕВ. Центр и мѣста в послѣреволюц. Россіи	44—58
4. Др. Б. ЦИТОВИЧ. Вопросы здравоохраненія в будущей Россіи	59—72
5. К. Р. КОЧАРОВСКИЙ. Возврат интеллигенціи к крестьянству	73—85
6. П. А. СОРОКИН. Населеніе, класс, партія	86—99
7. С. С. МАСЛОВ. К вопросу об обществ. положеніи крестьянства	100—123

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

8. А. ОМЕЛЬЯНОВ. Болгарскій опыт	124—138
9. М. С. МОСКОВЛЕВИЧ. «Союз Земледѣльцев» в Юго-Славіи	139—149
10. W. Партія «Пяста» в Польшѣ	150—155
11. П. А. БОГДАНОВ. Эстонск. крестьянство на выборах в парламент	156—158

В РОССИИ.

12. В. КИЛЬДИНСКИЙ. К результатам аграрной революціи	159—169
13. Д. А. ЛУТОХИН. Интеллигенція под совѣтами	170—178
14. В. Ф. БУЛГАКОВ. О религіозной жизни	179—182
15. УЧИТЕЛЬНИЦА. Три года в деревнѣ	183—189
16. МАР-ИН. Крестьянство в повстанчествѣ Крыма	190—193
17. Ф. И. КОЛЕСОВ. Лѣса и лѣсной кооперація	194—198

ИЗ ПЕЧАТИ И ЖИЗНИ.

В ИТАЛІИ: 18. Проф. ФРАНЧЕСКО КОЗЕНТИНИ. Фашизм	199—208
В АНГЛІИ: 19. ДОНЕО. Англійская деревня	208—214
В С.-А. С. ШТАТАХ: 20. З. А. СПУДОВ. Народное хозяйство. 21. М. И. ВОЛКОВ. Горе от урожая. 22. М. И. ВОЛКОВ. Кооперация в хлѣбной торговлѣ. 23. К. М. ОБЕРУЧЕВ. Фермерскія бюро. 24. Письмо С. Гомперса	214—228
25. П. П. ГРОНСКИЙ. XI Междунар. земледѣл. с'ѣзд в Парижѣ	228—229

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

26. Б. Д. БРУЦКУС. Dr. Lehnich — Währung und Wirtschaft in Polen, Litauen, Lettland und Estland. 27. Н. В. А. А. Рыбников. Малая промышленность ея роль в возстановленіи русскаго народнаго хозяйства. 28. А. Н. ЧЕЛИНЦЕВ. Б. Д. Бруцкус — Экономика сельскаго хозяйства. 29. Н. П. МАЛИЦКИЙ. Alfr. Nast-Le régime juridique des coopératives Principes coopératifs et exposé synthétique de la législation. 30. В. ИЖЕМСКИЙ. Проф. П. Н. Першин—Участковое землепользованіе в Россіи; В. Келлер и И. Романенко — Первые итоги аграрной революціи; В. Качинскій — Очерки аграрной революціи на Украинѣ. 31. А. А. ЛЕОНТЬЕВ. Б. Д. Бруцкус — Аграрный вопрос и аграрная политика. 32. В. ИЖЕМСКИЙ. Экономическій Вѣстник — книга первая и вторая	230—248
СПИСОК КНИГ, поступивших в Редакцію	249—250
ОТ РЕДАКЦИИ «Крестьянской Россіи»	250

ЭР/646

1-й экз. с. фонда

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ВОПРОСАМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ
И ЭКОНОМИЧЕСКИМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: А. А. АРГУНОВА, А. Л. БЕМА,
С. С. МАСЛОВА и П. А. СОРОКИНА.

и

V—VI

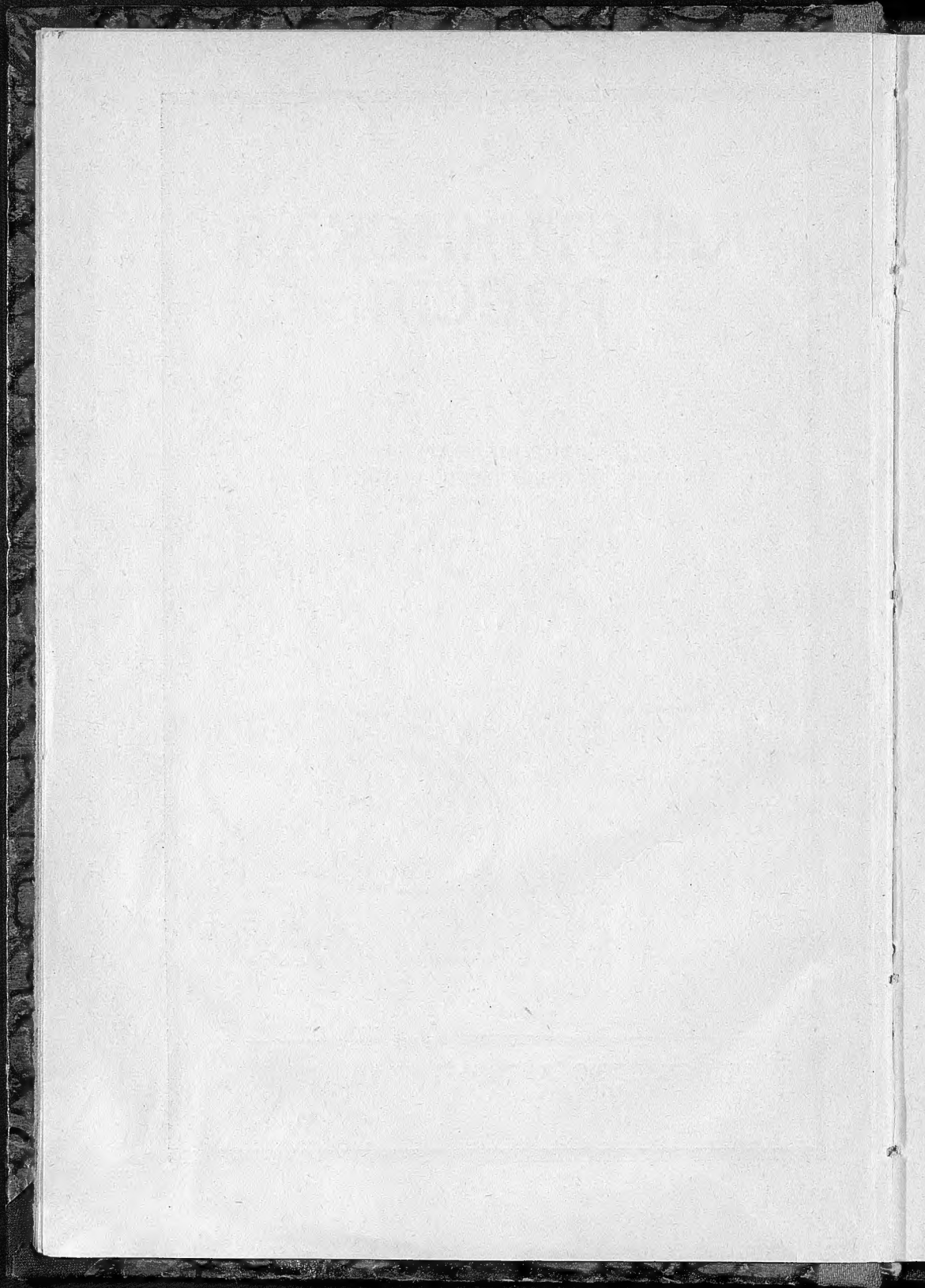

П Р А Г А

1 9 2 3

с. гр. 11554

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ“

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢК В РУССКОМ СЛОВѢ.

Оглянуться на самого себя — очень затруднительно. Обыкновенно видишь себя или тѣм, чѣм хочется быть, или тѣм, чѣм страшно стать. Самооцѣнка зависит чаще всего от внѣшних событий (напр., удачи или неудача), личных свойств (напр., степени увѣренности в себѣ), порою просто от настроенія. Познать свой народ, хотя бы приблизительно, почти все равно, что познать самого себя, — для тѣх, конечно, кто себя не отдѣляет от народа в его цѣлом, кто чувствует себя каплею в народном морѣ. Тут нѣтъ ничего легче, как впасть в переоцѣнку или недооцѣнку, в ошибку или Тютчева («Всю тебя, земля родная, в рабском видѣ Царь Небесный исходил благословляя») и даже Достоевскаго («Народ-Богоносец») или же Чаадаева (слова его об исторических судьбах русскаго народа, как грозном урокѣ остальному человечеству).

А разобратся в том, что такое мы, существенно важно, если у нас нѣтъ охоты жить изо дня в день по старому присловью: день да ночь, — сутки прочь. Как же быть и куда обратиться за надежными указаніями? Свидѣтельства со стороны, т. е. сужденія людей, — уж позволяете так выразиться, — чужого помола (иной крови, иного быта, иных стран), — вѣдь и эти сужденія часто не свободны от пристрастія, а если и безпристрастны, то почти всегда недостаточно проникновенны. Еще Лермонтов со спокойною насмѣшкою упоминалъ о путешественникѣ-французѣ, который принялъ качели в помѣщичьих усадьбах за висѣлицы для крѣпостных крестьян; и таких забавных, а вмѣстѣ с тѣм и досадных недоразумѣній сколько угодно до наших дней.

Выход остается один: воспользоваться свидѣтельскими показаніями русскаго происхожденія, только неумышленными. Поскольку свидѣтельства этого рода порождены русскою почвою, их нельзя заподозрѣть в том, что они мало пропитаны русскою сущностью, а поскольку в них отсутствует умышленность, не остается

мѣста и для подозрѣнія в пристрастіи. Подумайте, что каждому из нас случается много слышать от людей о них самих, и все-таки мы их плохо представляем себѣ; а вырвется у человѣка нѣсколько слов по случайному поводу, когда он и не предполагает вовсе говорить о своей особѣ, и мы разом чувствуем, что он встал перед нами как живой: оказался скупым или щедрым, сухим или отзывчивым, мстительным или незлопамятным и т. п.

Такія неумышленные (а потому безпристрастные) и свои, родныя (а потому запечатлѣнные полным пониманіем) свидѣтельства о свойствах русскаго народа разсыпаны щедрою рукою в сокровищницѣ русской словесности и русскаго языка. Русское слово, взятое и само по себѣ и как орудіе художественнаго изображенія, далекаго от цѣли характеризовать русскаго человѣка, выявляет с властною, на мой взгляд, убѣдительною, какова русская душа.

Давно слѣдовало бы черпать из этого родника полными пригоршнями, и очень жаль, что и теперь так еще мало сдѣлано. Предлагаемая вниманію читателей страницы не притязают на сколько-нибудь законченное изложеніе: по дѣйствительному лѣсу излюбленнаго мною матеріала мнѣ удалось найти всего нѣсколько проложенных и самому проложить еще нѣсколько небольших тропинок, — но и только. Лѣшу, впрочем, себя надеждою, что дѣло не станет и за прямоѣзжими дорогами, лишь бы нашлись охотники продолжать.

I.

Русскій народ создал одно из величайших государств на землѣ, почти непрестанно воюя. Рускою кровью политы утесы Финляндіи и подступы к Царьграду, нивы Ломбардіи и поля Манчжуріи; русская кровь обогрѣла воды в Цусимском проливѣ, у Ганга и у Наварина. Русское мужество, русское умѣнье смотрѣть смерти в глаза общеизвѣстны; и тѣм они примѣчательнѣе, что нерѣдко бывали отрѣшены от жажды славы: не задавались, конечно, мыслью обезсмертить свое имя ни тѣ два матроса, которые потонули вмѣстѣ со «Стерегушимъ», открыв его кингстоны, чтобы не отдать своего миноносца японцам, ни тѣ два солдата, которые вызвались лечь в промоину гдѣ-то в горном ущельѣ Кавказа, чтобы по ним были перевезены пушки.

Сам собою напрашивается вывод о русской воинственности. Его и случается слышать зачастую в разговорах. Но так ли это?

Возьмем прежде всего наши былины. Богатыри служат князю Владимиру Красное Солнышко; служба их, конечно, ратная, но воинскіе подвиги их не завоеваніе, а оборона родной земли от иноземных вторженій: стоит под Кіевом застава богатырская, и борются богатыри против натиска татарскаго, борются со змѣем Горыничем, змѣем Тутариным, Идолищем Поганым. Иными словами, — прославляется в былинах защита, а не нападеніе. Если и есть былина о том, как богатырь Вольга и его дружина хоробрая завоевали царство Индійское, то и в ней не слышно пафоса воительства: это не поэма, а сказка, по прихоти которой Вольга обращается в звѣря и в насѣкомое. Чтобы убѣдиться в исключительной миролюбивости русских былин, достаточно сравнить их с пѣснью о Нибелунгах или с Илиадою. И такое миролюбіе красною нитью проходит через всю русскую словесность в общем и главном. Итальянско-швейцарскій поход Суворова не нашел у нас своего Гомера, и даже Ермак не имѣлъ литературнаго успѣха. Начните с «Войны и мира», кончите «Юріем Милославским» Загоскина, или трагедію Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», или «Димитріем Донским» Озерова, или хрониками Островскаго из смутнаго времени, — всѣ эти произведенія, снискавшія себѣ или прочную славу, или временное одобреніе читателей и слушателей, рисовали картины отечественной обороны. Любопытно отмѣтить, что даже «Россіада», тягучая ложноклассическая поэма XVIII вѣка, посвященная несомнѣнно завоевательной войнѣ, а именно взятію Казани, никогда до того нам непринадлежавшей все-таки, хотя и с отступленіем от исторической правды, начинается стихами:

Пою от варваров Россію свободенну,
Попранну власть татар . . .

Вершина русской поэзіи, тот узел, в которой завязались всѣ нити предшествовавшей и от котораго идут всѣ нити послѣдующей русской словесности, достойной этого имени, Пушкин, живо чувствовавшій силу «упоенія в бою», восторженно изобразил лишь один бой, полтавскій, т. е. опять-таки оборону родины от врага. Напротив, описаніе взятія Бѣлогорской крѣпости (в «Капитанской дочкѣ») и той стычки русских с турками, которой поэт был очевидцем («Путешествіе в Арзрум»), запечатлѣны необычайною простотой и трезвой скупостью слова: увлеченію боем они чужды, и в них лежит зерно позднѣйших приѣмов воспроизведенія картин битв как в «Севастопольскихъ разсказахъ», так

и в «Войнѣ и мирѣ» Толстого. С легкой руки Спасовича принято упрекать Пушкина за его оду «Клеветникам Россіи», но нельзя забывать, что стихотвореніе это было написано под внушеніем естественнаго негодованія, вызваннаго недостойною травлею Россіи в западноевропейской печати того времени, и написано в самый разгар борьбы. Когда же возстаніе было подавлено, Пушкин поспѣшил заявить, что

В бorenъѣ павшій — невредим.

И то же самое повторилось с Тютчевым: при багровом заревѣ второго польскаго возстанія он не удержался от самонадѣяннаго восклицанія, что

В крови до пят мы бѣемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон;

но как только с возстаніем было покончено, нашел в своей душѣ инныя слова, отвѣчавшія иным чувствам, менѣе бурным и болѣе стойким, и обратился к польскому орду с такими стихами:

Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепел мы свято бережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, возродится в нем.

А «Спор» Лермонтова? Это несравненное по красочности стихотвореніе вызвано, — нечего возражать, — завоеваніем Кавказа, но исключительное обаяніе «Спора» легко объясняется тѣм, что жало воинственнаго задора из него вынуто и замѣнено рядом живых и в самой гиперболичности своей мѣтких образов, заставляющих забывать и поэта и читателей о насиліи и крови. Поскольку же Лермонтов был сам участником покоренія кавказских племен, у него из сердца просились горькія слова:

... Жалкій человѣкъ!
Чего он хочет? Небо ясно,
И на землѣ есть мѣсто всѣм.
Но непрестанно и напрасно
Один воует он. Зачѣм?

Я далек от мысли утверждать, будто в русской литературѣ не было и нѣтъ восхваленія воинскаго (или иного) насилія, но такое восхваленіе для нея несомнѣнно несущественно, — вот что важ-

но. Русскій глазъ ужъ такъ устроенъ, что прежде всего и отчетливѣе всего видитъ изнанку войны, и оттого русская душа войною не можетъ увлечься. Любопытно сравнить русское слово «война» съ нѣмецкимъ »Krieg« (erkrigen значитъ заграбить), — не говоря уже о румынскомъ «разбой» (такъ называется война по румынски), — тогда становится понятною большая безкорыстность русскаго подхода къ войнѣ по сравненію съ нѣмцами (и румынами). А если вы задумаетесь надъ тѣмъ, что нѣмецкое »Volk« и русское «полкъ» одно и то же слово, то поймете, что предки нѣмцевъ были неизмѣримо воинственнѣе нашихъ: наши отличали отъ вооруженныхъ людей (полкъ) невооруженныхъ, а у нѣмцевъ вооруженные люди были весь народъ (Volk).

Неудивительно поэтому, что Пушкинъ подошелъ къ «упоенію въ бою» не съ конца «упоенія побѣдою», торжества надъ врагомъ, а съ конца захватывающаго духъ ощущенія возможной и близкой гибели:

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь бурныхъ волнъ и грозной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.

И жуткую прелесть этого упоенія онъ осозналъ не какъ рискъ выигрыша и проигрыша, а какъ ставку на личное безсмертіе:

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,
Безсмертья, можетъ быть, залогъ...

Такъ воспринимаемое «упоеніе въ бою», разумѣется, ничего общаго не имѣетъ съ воинственнымъ пыломъ.

Да, если только я не сбился съ правильнаго пути, русскій народъ не можетъ быть почитаемъ воинственнымъ. Воевалъ онъ, видимо, не по склонности, а по нуждѣ. Судьба его была такова, и пока онъ зналъ, какъ ею пользоваться, успѣхъ былъ съ нимъ: *volentem fata ducunt, nolentem trahunt*. Но вкуса къ войнѣ у русскаго человѣка не было; иначе словесность не такъ бы откликнулась: отраженіе въ зеркалѣ не отъ зеркала зависитъ, и даже искажающія зеркала не отражаютъ того, чего передъ ними нѣтъ.

У каждаго народа есть особый идеал государственнаго бытія, который тѣм цѣннѣе, чѣм произвольнѣе, чѣм меньше надуман, и есть отмѣченное особыми же чертами отношеніе к своей національности и своему прошлому.

Русскій идеал государственнаго бытія можно вскрыть без труда. Сопоставьте привычныя эпитеты «Вѣчный Рим», «la belle France», «Old merry England» и «Святая Русь». Наименованіе Руси святою идет от сѣдой старины и ярко выявляет, что именно было предкам нашим дорого в родной странѣ: не государственная мощь, не прочность государства, не красоты природы и жизненнаго уклада, не уют домашняго очага, не веселый и бодрый дух, а праведность, святость. Трудно допустить, чтобы наши предки считали Русь святою в дѣйствительном осуществленіи; нѣтъ, «Святая Русь», это — идеал, Русь возможная, Русь, которую в будущем общают тѣ задатки, какіе уже есть и какіе могут в дльнѣйшем расцвѣсти пышным цвѣтом. Но задатки бывают у всякаго народа, как и у всякаго человѣка, самые разнообразныя, и вот старым русским людям полюбились больше других именно задатки святости. Так было и до-самаго послѣдняго времени: когда Русь давно уже превратилась в Россію, «окнами на шесть земных морей», в темной толщѣ населенія, не російскаго (признакъ государственный), а русскаго (признакъ племенной), среди людей даже неподозрѣвающих, как надлежит думать отвлеченно, жил по прежнему все тот же идеал государственности. По крайней мѣрѣ, художественное проникновеніе Гоголя заставило его вложить в уста свахи вышнюю, по ея мнѣнію, похвалу русскому языку: всѣ святые на нем говорили. Замѣтьте, — не господскій (барскій) язык, не язык великаго государства, а язык святых. Я не буду здѣсь поднимать вопроса, хорош ли такой идеал и насколько он оказался для нас достижим. Святость в ином пониманіи ведет к отрѣшенію от повседневнаго, житейскаго, да и во всѣх пониманіях она цѣль не из легких; но душевное устремленіе к святости, и притом не личной, а соборной, к святости всей земли и всею землею, во всяком случаѣ таково, что наличность его можно отмѣтить с чувством національнаго удовлетворенія.

Значительно хуже, думается мнѣ, обстоит дѣло с русским отношеніем к своей народности и к своему прошлому.

Патріоты мы плохіе, — теперь об этом уже почти не спорят. Обыкновенно только спрашивают, когда патріотизм наш вывѣтрился. Предполагается, что он был. И это предположеніе долго

меня мучило. По мнѣнію моему, можно, не обладая чувством патріотизма, быть или на этом или на том берегу его: можно не дойти до патріотизма, не поднявшись выше любви к своему уѣзду, к своей волости, даже к одному своему хозяйству, а можно и перерости патріотизм, возвысившись до дѣйствительной любви ко всему человѣчеству. Я говорю, конечно, не о космополитах и интернаціоналистах, которые, нарушая естественную перспективу чувства, во имя слов о любви ко всѣмъ людям без различія народности (хотя бы и в предѣлах одного лишь класса), освобождают себя от дѣл любви к своимъ единоплеменникам; нѣтъ, я разумѣю такую дѣйствительную любовь к людям за чертою даннаго государства или даннаго народа, которая не исключает любви к своему государству или своему народу, а, напротив, предполагает ее, покоится на ней, как на нижнемъ этажѣ, образуя с ней единое зданіе. О такомъ универсализмѣ в качествѣ явленія сколько-нибудь типическаго вести рѣчь пока не приходится: переплыть рѣку патріотизма на другой берегъ рѣдко кому удавалось, и, слѣдовательно, с огромною житейскою вѣроятностью можно утверждать, что тѣ, кто не в лонѣ патріотизма, находятся или еще на этом или уже опять на этом берегу, то есть на берегу мелкаго переулочничества, «патріотизма своей колокольни». Если народ в массѣ не дошел до патріотизма, то нельзя отчаиваться: он может дойти потом. А если началось попятное движеніе от патріотизма, то становится страшно: это или опасная болѣзнь, или прямое умираніе. Вот почему 1612 год такъ смущалъ меня, пока я не додумался, что тогда русскій народъ поднялся за православіе противъ латынниковъ в Кремлѣ и люторцевъ в Новгородѣ, а не за Русь противъ поляковъ и шведовъ. Вѣдь и патріархъ Гермогенъ, возбудившій народное движеніе, не былъ в силахъ согласиться на царя Владислава — католика, а не на царя Владислава — поляка. То, что русскій народъ неотчетливо сознавалъ свое племенное единство и рѣдко над нимъ задумывался, лучше всего доказывается словомъ «русскій». Оно появилось (каково бы ни было его происхожденіе) довольно поздно и несразу объединило всѣхъ русскихъ: латыши до сихъ поръ называютъ насъ «кривесъ»; то есть кривичами; очевидно, соприкасаясь с землею Смоленскою и Новгородскою, они имени «русскій» долго не слышали. Но этого мало. Геній русскаго языка для всего обиходнаго, ходоваго, часто встрѣчающагося, требуетъ не прилагательнаго, а существительнаго: человѣкъ, домъ, рѣка, плотникъ, каменщикъ, водовозъ и т. п. А вотъ ученые, мировые (судьи), земскіе (начальники) — этимъ достаточно и прилагательнаго: когда еще ихъ увидишь и когда еще къ нимъ обратишься. Встрѣ-

чаясь с другими народами, русскіе каждому изъ нихъ дали названіе въ формѣ существительнаго: нѣмецъ, полякъ, зырянинъ, даже цыганъ. И только себя называли прилагательнымъ: русскіе. Родились было существительныя: «русичъ» и «русинъ», да не удержались, — большой потребности, видно, въ нихъ и было. Если и уцѣлѣли «русинъ» и «руснакъ», такъ въ подъяремной Руси, гдѣ большѣе ощущалась своя національность подъ чужимъ игомъ. Мало и этого, — слушайте дальше. Русское слово «Русь» мы замѣнили греческимъ «Россія» безъ всякой надобности; до сихъ поръ есть углы даже въ Великороссіи, гдѣ крестьяне на вопросъ, кто они, отвѣчаютъ: православные, вологодскіе, тутошніе, только не русскіе; а малороссы въ интеллигентныхъ кругахъ усвоили себѣ ничего не говорящее имя украинцевъ, не пожалѣвъ исконнаго имени русскихъ. Право, мы стоимъ, какъ и всегда стояли, на этомъ берегу патріотизма, и потокъ народной стихіи окатывалъ насъ своими волнами или, по крайней мѣрѣ, кропилъ брызгами лишь изрѣдка, въ годы великихъ потрясеній.

Равнодушіе наше къ своему, родному и народному, обнаруживается и въ другомъ явленіи русскаго языка: въ засореніи его чужеземными словами. Безъ заимствованія чужихъ словъ не обходится ни искусственная письменность, ни живая рѣчь, но заимствованіе заимствованію рознь. Есть три прискорбныхъ вида заимствованій, показывающихъ, что заимствующіе пренебрегаютъ своимъ. Во-первыхъ, иностранное слово берутъ безъ нужды, хотя есть русское слово, не менѣе выразительное, а то и прямо лучшее. Такъ, напр., мы пишемъ «фигтивный» вмѣсто «вымысленный», «симулированная» (или «симулирующая») и «диссимулированная» сдѣлка, хотя можно писать «притворная» и «прикрытая»; разговоръ нашъ пестритъ варваризмами: «водометъ» мы замѣнили «фонтаномъ», то есть исковеркали французское слово, вовсе неозначающее водомета; словомъ «оригиналъ» вытѣснили слова «чужакъ» и «подлинникъ»; а словомъ «оригинальный» слова — «своеобразный» и «подлинный»; вмѣсто того, чтобы сказать «я передаю, какъ было», мы восклицаемъ: «я констатирую фактъ» и т. д. Большевики въ этомъ отношеніи показали особую ретивость, замѣнивъ «судъ» — «трибуналомъ» и «законъ» (или «указъ») «декретомъ». Во-вторыхъ, въ нашихъ устахъ русское слово обрастаетъ иноземными приставками и примѣтами: контрразвѣдка, анти-общественный, большевизмъ, большевистскій, бронировать, будировать (въ значеніи возбуждать); и я напередъ знаю, что большинство читателей признаютъ, быть можетъ, допустимость слова «противуобщественный» и развѣ еще (послѣ статьи кн. С. М. Волконскаго въ «Современныхъ Запискахъ») «большевицкій», а «противуразвѣдка», «броневать» покажется имъ дикостью: тако-

ва сила невниманія къ своему, къ русскому. Наконецъ, въ третьихъ, многія иностранныя слова для насъ звучатъ значительнѣе русскихъ: секретарь не чета писарю, президент — предсѣдателю, директор — управителю, инспектор — смотрителю или надзирателю и т. п. Всего этого не объяснить иначе, какъ недостаткомъ уваженія къ родному, домашнему, незаморскому. Лишь услышу что-нибудь въ такомъ родѣ, невольно и вспомнится вывѣска портного въ Кашинѣ: «прѣздомъ изъ Парижа въ Лондон».

Недостаточное уваженіе къ себѣ въ настоящемъ неотдѣлимо отъ невниманія къ своему прошлому. Русское прошлое мы знаемъ смутно, — это извѣстно изъ ежедневнаго опыта. Много ли новгородцевъ знакомы съ исторіей Новгорода? Кто изъ рядовыхъ москвичей отвѣтитъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ воздвигнутъ соборъ, называемый въ просторѣчи церковью Василя Блаженнаго, и какъ его дѣйствительное наименованіе, соответствующее престольному празднику? Вѣдома ли даже харьковцамъ судьба города Царева-Борисова, построеннаго Борисомъ Годуновымъ? И такихъ вопросовъ безъ надежды получить на нихъ удовлетворительные отвѣты можно ставить сколько угодно.

Чѣмъ долженъ быть для насъ извѣстенъ Василій Петровъ, профессоръ медико-хирургической академіи при Александрѣ I? Что мы помнимъ о Н. С. Мордвиновѣ, П. Д. Киселевѣ? Можемъ ли мы рассказать толково о государственныхъ замыслахъ Сперанскаго? Уже бѣженцемъ я принялъ участіе въ испытательной комиссіи, передъ которой наша молодежь отчитывалась въ своихъ знаніяхъ по курсу средней школы, и мнѣ съ горечью пришлось убѣдиться, что хуже всего испытуемые знаютъ русскую исторію и исторію русской словесности. Что же это, — случайное явленіе, кратковременная болѣзнь духа, или затяжной недугъ, требующій тщательнаго и долгаго лѣченія? Я отвѣчаю, что это застарѣлая немочь, и отвѣтъ свой основываю опять таки на русскомъ языкѣ, на явныхъ слѣдахъ нашего небрежнаго къ нему отношенія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Подъ Москвою крестьяне еще недавно говорили (а быть можетъ, говорятъ и до сей поры): «с'ѣздить въ городъ обыденкою» т. е. безъ ночевки, съ возвратомъ въ деревню къ ночи; въ Москвѣ есть церковь, по имени Ильи Обыденный, то есть построенная въ одинъ день; бабочки — обыденки свидѣтельствуютъ своимъ именемъ, что онѣ эфемериды, жизнь которыхъ не превышаетъ одного дня. Этимологія ясна: об+ (ед)ин+день. И тѣмъ не менѣе въ литературномъ языкѣ упрочилось слово «обыденный» (съ перенесеніемъ ударенія на «ы») въ значеніи «обычный», «обыкновенный», «повседневный». И виновникомъ этого, повидимому, былъ ни кто

иной, как сам Тургенев. Возьмем другое слово: глагол «довлѣть». В евангеліи сказано: довлѣет днѣви злоба его. Что это значит? И тут отвѣчает ясная этимологія: довольно каждому дню своей злобы, своих забот. И тѣм не менѣе у А. К. Толстого встрѣчается:

И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣют маестату.

Здѣсь уже в глагол «довлѣть» вкладывается совсѣм иной смысл: приличествовать, соответствовать. Но и на этом не остановилось небрежное искаженіе слова: «довлѣть» стали сближать с «давить», и «довлѣет» в смыслѣ «тяготит» употребляет в своих воспомина- ніях даже такой русскій человѣкъ, как Деникин, в общем хорошо владѣющій пером.

Не возражайте мнѣ, что значенія слов постоянно мѣняются. Я и не думаю это отрицать. Как ни коробит меня «обязательно» в смыслѣ «непремѣнно», но я отдаю себѣ отчет, что «обязательно», имѣвшее прежде активное значеніе («обязательный человѣкъ», «он обязательно вызвался мнѣ помочь») могло, без искаженія смысла своего корня, принять значеніе страдательное («я обязательно исполню вашу просьбу»). Вполнѣ приемлем и переход значенія по сходству: напр., «дьяк» стал «письмоводителем», «секретарем», без отношенія к церкви, потому что в «дьяконѣ» болѣе всего пора- жало наших предков умѣнье писать. Совсѣм иная судьба постигла слова «обыденный» и «довлѣть». Это уже из области «ма- раль пустить», «проминажъ сдѣлать» и т. п. Такое наивное сбли- женіе по звуку недостойно образованных людей, любовно отно- сящихся к своему, и недопустимость его мнѣ хочется показать на предположительном примѣрѣ: почему бы петлю не назвать подушкой? Вѣдь «подушку» так же легко произвести от «ду- шить», как «обыденный» от «обыкновеніе» и «довлѣет» от «давить».

Мы не ограничиваемся извращеніем смысла слов, — мы лома- ем слова в спряженіи и в склоненіи. И здѣсь я примиряюсь с тѣм, что по внѣшнему сходству глаголов сдать (с+дать) и (со)здать получилась форма «(со) здам», как бы в параллель с формой «сдам»; примиряюсь и с тѣм, что от «доля» родительный падеж множественнаго числа звучит не «доль», а «долей» по образцу «частей»: окончанія уподобляются друг другу, уменьшая свое разнообразіе. Но опять таки совсѣм другое образовывать глаголы «жаждать» и «зиждить», «зыбить» и «стелить». «Жажду» и «зижду» являются таким же настоящим временем, как «стра- жду»: стражду (современное: страдаю) от страдать, жажду от

жадать и зижду от здать (сравни отглагольное существительное «зданіе»). Производить неопродѣленную форму от настоящаго времени значит утерять чутье языка, значит отвернуться от языка своего народа. Также «зыблю» и «стелю»: их нужно сопоставить с «колеблю» и «сыплю»; как колеблю от колебать, сыплю от сыпать, так зыблю от зыбать и стелю от стлать.

Склоняем мы тоже «со взломомъ», как легко видѣть на примѣрѣ словъ «полтора» и «полутора». Постоянно слышишь и читаешь: «болѣе полутора верстъ», «полтора сутокъ». Что такое «полтора»? Пол+(в) тора = полвторого. Можно ли сказать: «болѣе полувторого верстъ»? Нѣтъ, мы бы сказали: «болѣе полуторы версты». Равнымъ образом, и перенос ударенія с «а» на «о» в сочетаніи словъ «полтора сутокъ» только скрадывает от слуха рѣзкую несогласованность «полтора» и «сутокъ», но не дѣлает самаго сочетанія этихъ словъ грамотнымъ: «сутки» — *plurale tantum*, и, как нельзя сказать: «одна ножницы», «половина второго сутокъ», так же точно недопустимо говорить «полтора сутокъ»; «пол(овина) вторыхъ сутокъ» могло бы дать сокращеніе «полторыхъ сутокъ», но такого сокращенія не образовалось, и остается ограничиваться сочетаніемъ: «сутки с половиною». И что же тутъ страннаго? Вѣдь говоримъ же мы: «два ведра с половиною» (вмѣсто «полтретя ведра»)?

Я бы могъ длить со своими примѣрами до безконечности: я коснулся большого мѣста в моей любви къ русскому языку. Но и приведеннаго довольно для подтвержденія мысли о невнимательности нашей къ тому, что завѣщало намъ наше вчера: ошибки, которыя мы дѣлаемъ в нашей рѣчи, слишкомъ грубы и вскрываютъ слишкомъ большую безпечность нашу в отношеніи къ наслѣдственнымъ сокровищамъ.

3.

Русскій народъ создалъ великую самодержавную монархію, и до самаго послѣдняго времени в Россіи оставалось дѣленіе граждан на сословія. Однако, русскихъ считают демократами и упрекаютъ в излишнемъ индивидуализмѣ, даже анархизмѣ. Такъ ли это?

Мнѣ кажется, что самый точный отвѣтъ дастъ на поставленный вопросъ русскій языкъ. Начать съ того, что русскій языкъ не выработалъ дворянской частицы (*de, von, of*); это гораздо важнѣе того, образовались ли в данномъ государствѣ сословія и долго ли они в немъ удержались: возникнуть и существовать сословія могли по множеству причинъ, лежащихъ внѣ народнаго характера, а отсутствіе звуковыхъ отличій дворянскаго имени отъ недворянскаго вскрыва-

ет самую сущность народных воззрѣній на сословныя перегородки. Къ тому, что у нас дѣло обошлось безъ дворянской частицы, нужно прибавить, что и титуловъ у нас не было: лѣстницы титулованнаго дворянства, какъ, напр., в Англіи (от герцога до найта) и во Франціи (от принца и герцога до видама и шевалье), мы так и не позаимствовали, удовольствовавшись двумя заемными титулами графа и барона всего с XVIII вѣка; да и русскій титулъ князя до петербургскаго періода значилъ только, что носящій его нисходитъ отъ властителей, но не расцѣнивался сколько-нибудь высоко, и чин боярина звучалъ, видимо, внушительнѣе. Самое названіе «дворянинъ» в сравненіи хотя бы с французскимъ «noble» показываетъ, что русскій народъ отличалъ «благородство» отъ «рожденія во дворянствѣ» и видѣлъ в дворянахъ лишь состоящихъ при дворѣ царя (великаго князя), какъ в дворовыхъ — состоящихъ при дворѣ помѣщика.

Что же касается индивидуализма, то тутъ языкъ указываетъ на два типа народовъ. В древнемъ мірѣ представителями этихъ типовъ были римляне и греки. У римлянъ главнымъ именемъ являлось родовое (Анатолій, Октавій, Клавдій), иногда два (Юлій Цезарь, Туллій Цицеронъ, Клавдій Неронъ), иногда даже три (Корнелій Сципіонъ Эмилианъ, Юлій Цезарь Октавіанъ), то есть прозвище наслѣдственное и потомственное, общій ярлыкъ для всѣхъ членовъ даннаго рода. Личныя же имена у римлянъ владѣли жалкое существованіе: ихъ было мало, они были слишкомъ просты (напр., Квинтъ, то есть пятый, Секстъ, то есть шестой, Маній, то есть родившійся утромъ), к нимъ прибѣгали рѣдко (такъ что личное имя Корнелія Непота неизвѣстно, а личное имя Плавта спорно). Напротивъ, у грековъ вовсе не было родовыхъ именъ, а личныя за то звучали величественно: Аристоклъ (Вячеславъ), Θεμιστοκλ (Судиславъ), Θεοπομπ (Божій посолъ) и т. п. Послѣдователями римлянъ явились народы запада Европы: фамилія у англичанъ, французовъ, нѣмцевъ — все; можно быть знакомымъ с французомъ нѣсколько лѣтъ и не знать его личнаго имени. За романо-германскими народами пошли и западные славяне, но неполнѣе, что также вскрываетъ языкъ: сравните, напр., французское *nom* (фамилію) и *prénom* = пред+имя (личное имя) с чешскимъ *jméno* (личное имя) и *příjmení* = при+имя (фамилія), и вы поймете, что основнымъ именемъ для француза оказывается родовое, а для чеха все-таки личное, хотя онъ, вслѣдъ за романо-германцами, и привыкъ в сношеніяхъ съ людьми выдвигать впередъ не личное имя, а фамилію. С греками наравнѣ довольствовались личными именами древніе евреи, арабы, финикійяне, довольствуются турки, довольствуемся и мы, русскіе. Правда, у насъ давно есть

фамиліи, но мы по прежнему зовем друг друга по личным именам, и бывает иногда так, что мы, зная имя и отчество человѣка, не увѣрены в точном знаніи его фамиліи.

Что же это значит? Если довольствоваться одним свидѣтельством языка, то вывод несомнѣнен: русскіе болѣе индивидуалисты, чѣм, напр., французы. Но как же такой вывод совмѣстить с самодержавіем и безправіем? Я полагаю, что язык не обманывает, а кажущееся противорѣчіе легко устранимо. Римляне потому и разработали частное право, что этим путем спасали себя от опасности быть поглощенными коллективом, к чему имѣли врожденную наклонность. Русскіе потому и оказались в самодержавном государствѣ (царском и потом совѣтском), что иначе индивидуализм их, близкій к анархизму, мог бы их распылить. Мнѣ часто кажется, что народы должны быть воспитываемы, как отдѣльные люди: если мой воспитанник склонен к скупости, я буду развивать в нем щедрость, а если он впадает в расточительность, я стану приучать его к бережливости. Так и народы: склонные к возвеличенію общаго за счет частнаго должны выучиться цѣнить частное, а готовые ставить на первый план частное, личное обязаны привить себѣ навыки общности. Иногда приемы такой прививки оказываются плохими, но діагноз не опирачивается неудачным лѣченіем.

4.

Каково положеніе русской женщины? Как относятся к ней русскій народ в его цѣлом или, говоря уже, мужская его часть? Впрочем, я предпочитаю говорить и тут обо всем народѣ, потому что положеніе женщин в народѣ зависит не только от мужчин, но и от самих женщин.

И здѣсь лучше всего отвѣчает язык.

Прежде всего, меня останавливали два явленія в русской грамматикѣ. В склоненіи имен существительных возобладали окончанія женскаго рода (напр., домами, окнами, как водами, руками), а уменьшаясь, слово женскаго рода часто переходит в слово мужскаго рода: шуба, полшубок; станція, полстанок; лодка, полулодок; свинья, подсвинок; (весенняя большая) вода, паводок. Мнѣ представляется, что высокоомѣрное отношеніе к женскому, если бы оно было, сдѣлало бы психически невозможными такіа грамматическіа явленія.

Но это присказка, а сказка еще впереди. Думали ли вы над тѣм, что муж и жена в Россіи носят, я бы сказал, равноправныя фамиліи? Веселовскій, Веселовская; Петров, Петрова; Григорович, Григорович; Кочубей, Кочубей; Пастернак, Пастернак. Иными словами, если муж именуется прилагательным, то и жена так же, только в женском родѣ, а если муж именуется существительным, то жена пользуется таким же именем без измѣненія. А на Западѣ Европы? Madame Paul Adam, Frau Docktor Schmidt, Nováková (а муж Новак), Witosowa (а муж Витос). За ними потянулись и украинцы: Шевченко, Шевченкова. Вы чувствуете разницу: Петрова, когда муж Петров и когда муж Петр, далеко не одно и то же; в первом случаѣ у супругов общая вывѣска, во втором — у жены вывѣска мужа, или, вѣрнѣе, на женѣ мужнее тавро, гласящее о ея принадлежности мужу.

Когда я развивал это противуположеніе в присутствіи западных европейцев, мнѣ приходилось не раз слышать возраженіе — не-возраженіе, а словесное обходное движеніе: указывали на отчество, как на доказательство преимущества, если не мужа перед женою, то отца перед матерью. Я принимал бой и на этом полѣ. Во-первых, я утверждал, что русскій язык не выработал термина «отцовская власть» (ср., французское *«la puissame paternelle»*), а пользуется термином «родительская власть», чего достаточно для вывода, что преимущества русскаго отца перед русскою матерью очень сомнительны, поскольку их ищут в нравах. Во-вторых, я настаивал на том, что отчество есть знак одинаковаго уваженія и к отцу и к матери: в самом дѣлѣ, что может быть почетнѣе для замужней женщины, чѣм увѣренность окружающих в том, что ея ребенок есть сын или дочь именно ея мужа?

Таково свидѣтельство о положеніи русской женщины, даваемое русским языком. Перехожу теперь к неумышленному свидѣтельству русской словесности. Из этого безбрежнаго моря я позволю себѣ взять одного лишь Пушкина. Остановите ваше вниманіе на том, что Татьяна умнѣ Евгенія Онѣгина и Марья Ивановна умнѣ Петра Гринева. Это вышло у Пушкина, конечно, ненамѣренно, и тѣм оно цѣннѣе. Возьмите для сравненія двух героинь западной литературы, к которым авторы относились с несомнѣнною любовью: герсина романа Мопассана *«Une vie»* и Маргарита Гете. Обѣ очень ограничены, можно сказать — глупы. Со всѣм уваженіем к гению Гете я рѣшаюсь замѣтить, что роман Фауста с Маргаритою не может не возбуждать в русской душѣ величайшаго недоумѣнія: как Фауст, этот исключительный по уму, дарованіям

и учености человекъ, мог пожелать, да еще цѣной своей души, стать снова молодымъ для того только, чтобы влюбиться в хорошенькую, но безсодержательную мѣщаночку? И как он мог потом устраивать счастье человечества, перешагнув через ея труп и труп своего ребенка от нея? И мнѣ с гордостью хочется подчеркнуть иное отношеніе къ женщинѣ нашего Пушкина. В своей «Сценѣ из Фауста» он не только устами Мефистофеля произнес над Фаустом первой части трагедіи суровый приговор:

Так безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзав нищаго в лѣсу,
Бранит ободранное тѣло.

Он еще и усумнился в самой возможности Фауста второй части, с безошибочно убѣдительностью показав, что человекъ, так относящійся къ женщинѣ, будет скорѣе, оставаясь послѣдовательным, не человечество спасать, а напр., топить по своей прихоти

Корабль испанскій трехмачтовый,
Пристать къ Голландіи готовый.

Пушкин, разумѣется, ошибался: не сломается же человекъ от того только, что погубит кролика в неудачно поставленном опытѣ; но есть ошибки, дѣлающія честь сердцу ошибившагося: русскій поэт не постиг возможности вивисекціи над человеком, хотя бы «только» над женщиною.

С величайшею увѣренностью я утверждаю, что въ русском языкѣ и въ русской словесности выявляется с непрекаемостью равноправность русской женщины въ наших нравах. Пусть грубость низов вызываетъ пѣсни Некрасова о бабьих столахъ и губит Катерину из «Грозы», — это наносное. А существенно то, что русская жена имущественно независима от мужа, что русская мать не нуждается въ опекунѣ над своими дѣтьми, что русская царевна, кинув теремъ и встав во главѣ правленія, не удивила тѣмъ нисколько населеніе Москвы, что никто не удивлялся женщинѣ — президенту академіи въ XVIII и кандидатурѣ женщины на постъ предсѣдателя учредительнаго собранія въ XIX вѣкѣ и что у крестьян вдова-домохозяйка является безспорно полноправным членом сельскаго схода, а жена сотскаго, надѣвъ бляху мужа, спокойно сопровождаетъ арестанта, и тот видитъ въ ней съ неменьшимъ спокойствіемъ должностное лицо, естественнаго замѣстителя мужа.

5.

Извѣстный эллинист, проф. О. Ф. Зелинскій, в одном из своих сочиненій как-то выхвалял древних римлян за слово «concordia». По его мысли, римляне смотрѣли в существо вещей: для них было важно не согласіе (единеніе голосов), а «сосердіе» (единеніе сердец). К тому времени, когда я натолкнулся на это сужденіе знаменитаго ученаго, я уже был готов признать за русским языком исключительную совѣстливость, боязнь всякаго рода преувеличеній. И думается мнѣ, что примѣръ проф. Зѣлинскаго — на мою мельницу вода. Кто может знать, есть ли единеніе сердец? Достаточно, что присутствующіе высказались единогласно. Если в рѣдких случаях и удастся установить единство помыслов, а не только слов, то на это есть особое выраженіе: «единодушіе»; а расхожимъ является все-таки «согласіе», скупое и совѣстливое в своей скупости.

Я взял один примѣръ. Кажется, что на нем можно и покончить. Прибавлю развѣ еще, что русскій язык мало приспособлен для игры слов и чужд опьянѣнію словами. Сравните его в этом отношеніи с французским. Многіе восхищаются тою легкостью, с какою рождаются во французском разговорѣ двоясмыслія, и тѣм изяществом, с каким по французски подаются рискованныя словесныя блюда. Но безспорная в этом неповоротливость русскаго языка только свидѣтельствует о честности мысли, о том, что русскіе люди настойчиво ищут разноречивых слов для разнствующих отгѣнков, предносящихся умственному взору говорящаго. Как тут играть словами, когда одно и то же слово принимает разныя ударенія и разныя окончанія с видоизмѣненіем своего смысла? Заговоръ против правительства, но заговор на кровь; сажень дров сложенная в углу двора, но эта женщина хорошо сложена; вся комната пропахла духами, но на послѣднем сеансѣ мы бесѣдовали с дѣхами; цвѣты и цвѣта; хлѣбы и хлѣба; корни и коренья; листы и листья; козлы и козлы. Что же касается, как я выразился, «опьянѣнія словами», то вспомните по этому поводу гоноризмы Кальдерона и Шекспира, напыщенность Расина и Корнеля, Виктора Гюго; вспомните, что тѣм же грѣшил и Шиллер. Великіе писатели во множествѣ впадали на западѣ в громкія слова, становились на словесныя ходули; а у нас из великих в этом повинен один Гоголь.

Всѣм, вѣроятно, со школьной скамьи памятен гипербат. Так называется оборот рѣчи, позволяющій выдвинуть главные слова на самое видное мѣсто, а именно — в началѣ и в концѣ фразы, вклинив между ними всѣ остальные, имѣющія второстепенное (сравнительно с ними) значеніе. Гипербату нас, проходивших еще строгую классическую школу, учили примѣнительно к древним языкам. Помню латинскій примѣръ: *Magna dis immortalibus habenda est gratia*. О чем здѣсь говорится? О *magna gratia*, т. е. о великой благодарности; эти два слова — главные во всем предложении. А что говорится по поводу великой благодарности? Говорится, что ее нужно воздать безсмертным богам: *dis immortalibus habenda est*. И вот эти дополнительные слова вставлены между двумя главными: главные их как бы обволакивают, служат им оболочкой, скорлупою, футляром. По французски совершенно недопустимо разставлять так слова. А по русски можно: великую безсмертным богам надлежит воздать благодарность.

Чего же свидѣтельством является гипербат? Он свидѣтельствует о широтѣ мышленія: мыслится вся фраза разом, а не слово за словом. Француз думает узко, корридорно: сначала поставит слово, означающее долженствованіе, потом глагол воздать, потом отвѣтит на вопрос «что?» и, наконец, на вопрос «кому?» Если даже он захочет, напр., выдѣлить слова: *aux dieux immortels* то он поставит их вперед с помощью добавочных слов: *c'est — que*, но поставит не разрывая, а опять вмѣстѣ, так что и в этом случаѣ мышленіе окажется узкою тропинкою. Напротив, русскій думает широкою полосою: слова ему являются не гуськом, а развернутым фронтом.

Твоей ознаменую дѣла мои печатью.

Этот старый, еще из XVIII вѣка, стих мог быть написан и без гипербата:

Ознаменуй дѣла мои твоей печатью.

А с половинным гипербатом он нисколько не потерял бы в своей легкости:

Мои ознаменуй дѣла твоей печатью.

И все-таки он написан с полным гипербатом: значит, была в том внутренняя, а не внѣшняя потребность.

И если в письменном языкѣ нашем гипербаты стали рѣдкостью,

то причина этому в желаніи соблюсти мнимую правильность при разстановкѣ слов. Разговорная же рѣчь и до сих пор пестрит у нас гипербатами. Вот бѣглые примѣры: «Сегодня куда ты так рано ѣхал?» «И плохую же вы себѣ купили матерію!» «Голова не от бессоницы, а от сна непробуднаго болит».

Но в таком случаѣ самым широким мышленіем обладают нѣмцы, а не русскіе. Вѣдь они могут в главном предложеніи втискивать длинныя придаточныя, чего по русски нельзя.

... Француз. убогій,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя...

Дальше таких очень коротких придаточных предложеній мы, в гипербатах, не идем: не приѣмлет душа. А вот нѣмцы длиннотою вставочных предложеній куда меньше нас стѣсняются.

Ну, так что же? Во-первых, отмѣчая особенности душевнаго уклада русских людей, я не питал намѣренія ставить их непременно впереди всѣх. А во-вторых, такая широта мышленія, которая заставляет слушателя томиться долгим ожиданіем, чѣм завершена будет произносимая фраза, как то незамѣтно сплетается с медлительностью воспріятія: только неторопливо воспринимаящій смысл слов собесѣдника в силах ждать, чѣм же кончится злоупотребленіе гипербатом. И недопустимость длинных гипербатов в русском языкѣ, я полагаю, доказывает не ограниченность широты мышленія, а лишь быстроту воспріятія слушателями слов говорящаго. Насколько быстрѣе мы в этом отношеніи, чѣм нѣмцы, легко видѣть и из того, что они отрицаніе приберегают к концу, тогда как мы ставим их в началѣ, да еще по нѣсколько раз.

7.

«Не откладывай на завтра того, что можешь сдѣлать сегодня», говорят прилежныя нѣмцы. «Не откладывай на завтра того, что можешь отложить на послѣзавтра», могли бы мы откликнуться русскою поговоркою на нѣмецкое нравоученіе. Способностями мы не обижены, а вот усидчивостью в работѣ не отличаемся. Это, по-видимому, общеизвѣстно, и язык сам об этом свидѣтельствует.

«Работу» мы произвели от «раба», а со словом «труд» сочетаем такія неожиданныя представленія, как тяжесть («Ты любишь горестно и трудно») и боль («натрудил ногу»).

Любимый герой народных сказок у нас — Иванушка Дурачек — вовсе не дурак: оченьмышленный, совсѣмъ себѣ на умѣ человекъ; но лѣнивъ онъ ужасно, во всякомъ случаѣ не меньше своихъ незадачливыхъ старшихъ братьевъ. За него все дѣлаютъ другіе: и люди, и звѣри, и птицы. А онъ милостиво присваиваетъ плоды ихъ работы и выдаетъ за свой трудъ и за свое искусство. Спитъ онъ, а за него Лягушка-Царевна дворецъ строитъ; в одну ночь выстроила, а награда — Ивану, который даже и не морщится, принимая ее.

В сочувствіи бездѣльникамъ, лишь бы они были находчивы и оборотисты, сказки наши идутъ поистинѣ далеко. Извѣстная сказка про Шемякинъ суд напрасно выставляется какъ сатира на неправедныхъ судей. То обстоятельство, что большевистская замѣна суда расправою прошла у насъ совершенно гладко и почти незамѣтно, лучше всякихъ доводовъ показываетъ полную безнадежность поисковъ за сказкою, в которой бы звучала тоска по правосудію. И дѣйствительно, — упомянутая мною сказка чрезвычайно довольна Шемякинымъ судомъ, хотя онъ и оказался кривымъ, какъ и всегда. А почему довольна? Потому что обѣленъ по существу человекъ, предпочитающій изворотливость работѣ. Припомните: бѣдный мужикъ оторвалъ хвостъ у лошади богатаго мужика, потому что пахалъ на ней с возмутительной небрежностью, привязавъ ее къ сохѣ за хвостъ, и убилъ ѣхавшаго подъ мостомъ крестьянина, потому что прыгнулъ с моста не глядя, смаху. Поступки — нельзя сказать, чтобы похвальные, да и поведеніе мужика передъ лицомъ судьи прямо-таки зазорное: смѣсъ обмана с угрозами. И все-таки сказка на сторонѣ этого безсовѣстнаго бездѣльника: трудъ не важенъ, была бы удача, хотя бы и низкопробная.

Говоря по правдѣ, мнѣ еще далеко до конца. Но я кончилъ: кончилъ, потому что сжалъ до послѣдняго то, что изложено выше, и потому что я умолчалъ обо многомъ, что просилось на языкъ и подъ перо. Шопенгауэръ училъ, что не слѣдуетъ отвѣчать на все сегодня, а нужно оставить что-нибудь и на завтра.

Я смотрю на свою статью, какъ на первоначальные наброски, какъ на часть каталога, лишь указывающаго, что есть в хранилищѣ, Сокровища в архивѣ русскаго языка и в русской словесности накопились несмѣтныя; разобраться в нихъ не под силу отдѣльному человѣку: нужны совокупныя усилія многихъ.

Тургеневъ, восторгаясь русскимъ языкомъ, какъ то обмолвился, что положительныхъ качествъ языка нѣтъ в создавшемъ его народѣ, и вы-

вел отсюда, что они будут лишь современем. Я смѣю думать, что Тургенев ошибся. Каждый народ заслуживает своего языка и, прибавлю, своей словесности. И если правда, что видимое лицо русскаго народа хуже русскаго языка и русской словесности, то отсюда только слѣдует, что видимое лицо народа не является его подлинным лицом: дѣйствительность — безпощадна, и часто не позволяет развернуться природным свойствам во всю, в настоящій их рост.

Как и Тургеневу, так и всѣм нам в часы печальных раздумій над судьбами русскаго народа маяком свѣтил русскій язык, но отсюда, из высокихъ качествъ языка, по моему, нужно заключить, что в народѣ уже теперь заложено все выступившее наружу в языкѣ, как выступают на чувствительной фотографической пластинкѣ незамѣтныя простому глазу пятна и морщины.

Я иду далѣе и, гордясь русскимъ языкомъ и русской словесностью, вижу в них все-таки указанія и на недостатки русскаго народа. Вижу и смѣло говорю о них. Если я ошибаюсь, то от этого вреда не будетъ никому, кромѣ развѣ меня; а если я прав, то первый шагъ къ освобожденію отъ недостатковъ — безтрепетное указаніе на них. Только неувѣренность в себѣ вызываетъ потребность в замалчиваніи своихъ минусовъ. А я вѣрю в будущее величіе русскаго народа, помня о его прошломъ величіи, и знаю, что достоинства русской души перевѣшиваютъ ея недочеты. Такъ зачѣмъ же молчать о недочетахъ?

Правды, только правды и всей правды, — в мѣру, конечно, своего разумѣнія и умѣнія, — надобно требовать отъ себя на каждомъ жизненномъ шагѣ.

Сергѣй Завадскій.

КРЕСТЬЯНСТВО В РУССКОЙ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

Научный интерес к историческим судьбам русскаго крестьянства возник у нас в 50-х годах XIX столѣтія, отчасти в связи с идейной борьбой славянофилов и западников, отчасти в связи с поставленной уже тогда на ближайшую очередь отмѣной крѣпостного права. Два вопроса, относящіеся до исторіи крестьян, сдѣлались тогда предметом оживленной научной полемики; то были — вопрос о происхожденіи крестьянской общины и вопрос о происхожденіи крѣпостного права.

Как зародилась в Россіи крестьянская земельная община — сверху или снизу, по приказу власти, в связи с фискальной политикой правительства или в результатѣ самопроизвольнаго народнаго творчества, как естественный плод народнаго духа. Западники рѣшительно выдвинули тогда теорію правительственнаго насажденія общиннаго землевладѣнія. Славянофилы видѣли в крестьянской общинѣ исконный факт народной жизни. И между представителями этих двух противоположных воззрѣній разгорѣлась горячая полемика.

Застрѣльщиком ученаго спора явился западник — Б. Н. Чичерин. В 1854 г. в «Русском Вѣстникѣ» появилась его статья: «Обзор историческаго развитія сельской общины в Россіи». Славянофилы тотчас же подняли перчатку. Славянофил — И. Д. Бѣляев отвѣтил Чичерину на страницах славянофильской «Русской Бесѣды». Чичерин немедленно напечатал антикритику в «Русском Вѣстникѣ», Бѣляев с своей стороны дважды отвѣчал Чичерину. Сторону Бѣляева приняли Никита Крылов и Юрій Самарин. С. М. Соловьев старался намѣтить примирительную линію. В этой интересной научной полемикѣ 50-х годов можно найти зародыши и всѣх дальнѣйших сужденій по исторіи крестьянской общины, высказанных в болѣе поздних работах, авторы которых и хронологически и по существу своих воззрѣній были уже совершенно неприкосновенны к былым спорам славянофилов и западников.

Чичерин не находил в древнѣйшей Руси слѣдов земельной общины. На зарѣ своей исторіи русскіе славяне — по его мнѣнію

— жили в формах патриархального родового быта, через который прошли все племена арийского корня. Одной из принадлежностей кровного родового союза была и общность родового имущества, которым распоряжался родовладыка вместе с советом старших родичей. Но эта архаическая родовая община была быстро разрушена с появлением на Руси варяжских князей с их дружинами. Завоеватели присвоили себе часть родовой общинной собственности; родовые союзы были разстроены и вместо них установились общины владельческие, представлявшие собою союз людей, объединенных исключительно совместным нахождением на землях одного и того же владельца. У этих владельческих общин не было тогда ни устойчивого личного состава, ни общинного землепользования. Земледельцы непрерывно переходили от одного землевладельца к другому и при этом каждый садился отдельно на свое жеребье, больших сел не возникало и не село, а волость становилась единицей общинного устройства. Но эта волостная община отнюдь не была поземельной. Каждый распоряжался своим земельным участком совершенно индивидуально и свободно отчуждал его в различных формах без всякого участия общины. Общинная организация исчерпывалась лишь тем, что выборные органы общины — старосты, сотские — раскладывали между жителями волости повинности, следованию землевладельцу и следили за правильным отбыванием этих повинностей. Отношение общинной организации к земле ограничивалось лишь тем, что община приглашала новых поселенцев на отсутствующие места, но еще не существовало ни общего владения землей, ни ограничения права наследования отдельных членов, ни земельных передѣлов, ни общинных хозяйственных учреждений.

Только в XVIII ст. устанавливается у государственных крестьян общинное пользование землей в прямой связи с введением подушной подати, когда для уравнительного распределения налоговой тягости пришлось и земельные участки распределять по числу душ. Активная направляющая роль принадлежала в этом деле правительственной власти и только межевая инструкция Елизаветы и Екатерины окончательно определили и закрепили общинный порядок поземельного владения.

Против этой-то схемы Чичерина и выступил Бѣляев. В противоположность Чичерину Бѣляев не придавал появлению варягов среди русских славян никакого значения в процессе формирования общественного порядка на Руси. Еще задолго до появления варягов русские славяне вышли из состояния архаического родового быта и кровные патриархальные союзы замѣнились у них территориальными, соседскими общинами, в которых весь жизненный распорядок подчинялся не патриархальной власти родовладыки, а власти мира, общинного схода. В таком виде община перешла и в историческую эпоху. Задолго до появления подушной подати, еще во времена русского средневековья, она уже жила полною жизнью на основе общинных начал, вытекавших из духа народа. Бѣляев не согласен с тем положением, что вся земля была захвачена князьями. «Черныя» земли — говорил он —

принадлежали общинам и функции общины вовсе не ограничивались тогда раздачей пустых участков и разверсткой податей и повинностей. В то время существовали уже и земельные передѣлы, в доказательство чего Бѣляев привел один документальный примѣръ, впрочем относящийся уже к XVI ст.*). Конечно, Бѣляев не мог обойти того факта, что в документах русскаго средне-вѣковья зарегистрированы многочисленнѣйшіе случаи свободнаго отчужденія отдѣльными крестьянами принадлежавших им земельных участков. Бѣляев выходил из этого затрудненія при помощи того предположенія, что помимо участія в общинных землях крестьяне имѣли еще свои отдѣльныя земли, к которым и надлежит относить вышеупомянутыя индивидуальныя сдѣлки. Итак, — введеніе подушной подати и связанныя с этой реформой послѣдующія правительственныя мѣропріятія XVIII столѣтія не создали впервые общиннаго владѣнія, а только видоизмѣнили его форму, введя распредѣленіе земли *по душам* вмѣсто прежняго гораздо болѣе раціональнаго распредѣленія *по силѣ*.

Теорію Бѣляева вполне воспринял Лешков, также принадлежавшій к славянофильскому направленію. В своей книгѣ «Русскій народ и государство» Лешков набросал широкую картину общественнаго строя древней Руси, в основѣ котораго, по его мнѣнію, лежала большая многолюдная территориальная община. Такую общину Лешков хотѣлъ видѣть в упоминаемой в «Русской Правдѣ» *верви*, члены которой — по мнѣнію Лешкова — получали от общины земельныя жеребья и за пользованіе таким на-дѣлом несли в пользу общины извѣстныя повинности.

Чичерину не трудно было отпарировать эти выступленія славянофильских историков. Построенія Бѣляева и Лешкова страдали тѣм существенным недостатком, что они опирались не столько на документальныя данныя, сколько на положенія, дедуктивно выводимыя из нѣкоторых отвлеченных предпосылок. В самом дѣлѣ, в доказательство распространенности в древней Руси общиннаго землевладѣнія Бѣляев мог привести всего один случай земельного передѣла и то уже от XVI ст. Соловьев и Калачев добавили еще два случая от конца XVII столѣтія. Всего три факта, и всѣ три сравнительно очень поздніе. Чичерин, отвѣчая оппонентам, имѣлъ полное основаніе замѣтить, что этого слишком недостаточно для подкрѣпленія теоріи о том, что общинное землевладѣніе было в древней Руси общераспространенным явленіем и служило основной стихіей всего общественнаго быта того времени. И этим трем фактам Чичерин противопоставлялъ многочисленные акты по индивидуальным сдѣлкам на земельныя участки, совершавшимися отдѣльными крестьянами без участія общины. Не находило себѣ подтвержденія в статьях «Русской Правды» и теорія верви Лешкова. «Русская Правда» знает вервь, лишь как союз административно-полицейскій, связанный круговою отвѣт-

*) В добавленіе к этому примѣру Соловьев в разборѣ той-же статьи Чичерина привел еще случай передѣла земли в Шуѣ в концѣ XVII ст., а Калачев отмѣтил один случай передѣла земли в дворцовом селѣ тоже в концѣ XVII в.

ственностью своих членов перед властью за совершаемые ими правонарушения и никакого указания на поземельный и вообще хозяйственный характер этого союза из «Русской Правды» выжать невозможно.

Но если славянофилам не удалось доказать общераспространенности общинного землепользования в древней Руси, то и Чичерину не удалось отстоять той мысли, что самая идея поземельной общины, была чужда народу в до-Петровскую эпоху и впервые зародилась на почве правительственных финансовых преобразований XVIII столетия. Как никак, проявление этой идеи отыскались и в до-Петровской эпохе. Отыскалось их весьма мало. Это подрывало широкія славянофильскія построения. Но и тезис, выставленный Чичериным, все же был поколеблен. Ибо вопрос шел не об арифметическом подсчете случаев земельного передѣла, предшествовавших введению подушной подати, а о том, что самая мысль о таких передѣлах не зародилась впервые в петербургских канцеляріях XVIII столетия.

Послѣдующая разработка вопроса отчасти дала болѣе подробное развитие схемам, намѣчавшимся в спорѣ 50-х годов, отчасти внесла в содержание спора новые и интересные моменты.

Теорія Лешкова была воспроизведена в дополненном видѣ в работах Кейслера и Соколовскаго. В своем сочиненіи «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland». Кейслер вполне отождествлял вервь с древнегерманской маркой. До появленія варяжских князей в веревных союзах, по его мнѣнію, сосредоточивалась вся общественная власть, суд и управление и в то же время вервь была союзом поземельным, распределяла землю между своими членами и устанавливала порядок землепользования. Появленіе варяжских князей не разрушило этой организаціи, а только ограничило сферу ея примѣненія по мѣрѣ того, как с развитіем частной земельной собственности часть земли вышла из общины и поступила в частное обладаніе. Соколовскій (см. его труды: «Очерк исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи» и «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія и колонизація юго-восточных степей перед крѣпостным правом») пошел еще дальше в том же направленіи. Отождествляя подобно Кейслеру вервь с маркой, он старается доказать, что преемницей верви в качествѣ крупной поземельной общины явилась у нас волость, которая только в XV-XVI в. в. превратилась из поземельной общины в административный округ, уступив свое прежнее значеніе поземельнаго союза болѣе мелким деревенским общинам.

Теорія крупной волостной земельной общины аргументирована у Соколовскаго весьма слабо. В сущности его аргументы исчерпываются указаніем на то, что: 1) волости раздавали желающим пустые участки и 2) в документах встрѣчаются упоминанія о «волостных лѣсах». Критикам Соколовскаго не трудно было показать сколь мало эти факты доказывают, что волость была поземельной общиной.

Новое своеобразное освѣщеніе вопроса было дано затѣм в работѣ Александры Ефименко. В распоряженіе этой талантливой

изслѣдовательницы попало большое количество сѣверных «веревных книг», которыя писались самими крестьянами для распредѣленія земельных участков в связи с распредѣленіем податей. Изученіе названных книг дало возможность Ефименко выступить с новой схемой эволюціи крестьянскаго землевладѣнія.

Ефименко не усматривает в Московской Руси признаков ни крупной волостной, ни мелкой деревенской поземельной общины. К этому отрицательному выводу приводит ее разбор трудов Соколовскаго. Соколовскій приложил всѣ старанія к тому, чтобы извлечь из источников малѣйшіе намеки на поземельную общину в Московской Руси. И все, что он мог извлечь, оказывается не имѣющим отношенія къ общинному землепользованію.

Но если поземельный строй тогдашней деревни не был общинным, то это еще не значит, что он был подворно-участковым. Из веревных книг Ефименко извлекает картину третьяго смѣшаннаго порядка землепользованія, который она называет *долевым* и в котором она находит своеобразное сочетаніе нѣкоторых элементов и общиннаго, и подворно-участковаго землепользованія. Долевое землепользованіе заключалось в слѣдующем. Деревня представляла собой поземельное цѣлое. Ея пашня была разбита на смѣны, смѣны — на поля или коны. Каждый двор деревни имѣлъ свой участок в каждом кону каждой смѣны, точно так же как и в каждой пожнѣ, в каждом переложкѣ, в каждой закраинѣ. Количество земли одного двора или было равно количеству земли другого двора, или стояло к нему в каком либо кратном отношеніи, повторявшемся для каждого куска.

Такой порядок, по мнѣнію Ефименко, установился в результатѣ раздѣла земли, нѣкогда принадлежавшей одной большой семьѣ — *задругѣ*, носившей на сѣверѣ Россіи названіе *печища*. Когда разлагающееся печище приступало к раздѣлу, каждый участник дѣлежа получал право на извѣстную идеальную долю из прежняго общаго земельного имущества. Ему отводилась часть в каждом сортѣ угодій. Если эта реальная часть оказывалась несоотвѣтствующей идеальной долѣ, на которую имѣлъ право данный участник, он мог требовать уравниенія в формѣ передѣла. Ясно, что перед нами — порядок, который никак не может быть признан подворно-участковым владѣніем. Однако, это и не общинное владѣніе, ибо каждый, получившій «по дѣлу» свой участок, мог его свободно продать, заложить, отдать в приданое и т. п. кому угодно. Благодаря таким сдѣлкам в состав былого печещнаго союза, нѣкогда связаннаго кровным родством, вводились сторонніе элементы, и союз родственников вытѣснялся союзом *скадников*.

Итак, долевое владѣніе не было ни общинным, ни подворно-участковым, но из него с теченіем времени, при тѣх или иных условіях, могло развиваться либо то, либо другое. Что же получилось в дѣйствительности? На черносошном сѣверѣ долевое владѣніе в XVI-XVII в. в. довольно быстро стало переходить в подворно-участковое, тогда как на владѣльческих землях других районов Россіи под вліяніем помѣщичьей власти, в связи с уста-

новленіем уравнительной разверстки господских повинностей, нарождалась община с передѣлами. В XVIII столѣтіи государственная власть вводит общинное землевладѣніе и на черносошном сѣверѣ ради фискальных соображеній, дѣйствуя в этом случаѣ рѣшительно и стремительно и не принимая во вниманіе протестов мѣстнаго населенія.

Таким образом, Ефименко приходит къ заключенію, что помещельная община не была исконным, изстаринным явленіем русской жизни. В этом отношеніи она как будто сближается с Чичериным. Однако, она не находит возможным согласиться с тѣм утвержденіем Чичерина, что общинное начало было внесено в русскую жизнь сверху и возникло исключительно из фискальных потребностей государства. Если на сѣверѣ община была насажена велѣніями государственной власти, то в других районах она могла народиться путем естественной эволюціи долевого владѣнія, в котором были уже на лицо всѣ элементы общиннаго землепользованія. При установленіи равных повинностей долевого деревня непременно сама перешла бы в общинную, так что воздѣйствіе помѣщицѣй и правительственной власти могло лишь ускорять темп этого процесса и закрѣплять его результаты.

II.

Тогда же, в 50-х годах, было положено начало научной полемики и по другому важному вопросу по исторіи крестьянства. Я разумѣю вопрос о происхожденіи крѣпостного права на крестьян. Долгое время господствовал тот взгляд, что крѣпостная зависимость крестьян была установлена правительственным указом 1592 года, изданным в царствованіе Федора Ивановича по инициативѣ Бориса Годунова. Никто нигдѣ не мог найти этого указа. Но убѣжденіе в его существованіи опиралось на толкованіе дошедшаго до нас указа 1597 года. Указ 1597 года касался вопроса о бѣглых крестьянах. Крестьяне, савившіеся на участки владѣльческой земли, снимавшіе эти участки на арендных началах, сохраняли право свободного ухода по минованіи срока аренды при условіи выполненія означенных в арендном договорѣ обязательств. Однако, громадное большинство этих крестьян-арендаторов брало у землевладѣльца ссуду на хозяйственное обзаведеніе с обязательством проценты по долгу погашать работой на кредитора. Эти долговые отношенія лишали крестьянина возможности воспользоваться правом перехода. На этой почвѣ к концу XVI вѣка и получили чрезвычайное развитіе тайные побѣги крестьян от землевладѣльцев. Указ 1597 года и был посвящен урегулированію порядка сыска бѣглых крестьян. В указѣ было сказано, что землевладѣльцы могут принудительно возвращать к себѣ отысканных бѣглецов только в том случаѣ, если крестьянин бѣжал не ранѣе, как за пять лѣтъ до 1597 года, т. е. не ранѣе 1592 года, тогда как крестьяне, бѣжавшіе ранѣе этого срока, возвращенію уже не подлежали. Такое законодательное распоряженіе и

внушило историкам мысль о том, что в 1592 году должен был состояться не дошедшій до нас указ с общим воспрещеніем крестьянам уходить от владѣльцев земель, на которых они сидѣли т. е. обращавшій крестьян в безвыходную крѣпостную зависимость от землевладѣльцев. Такое толкованіе указа 1597 года еще подкрѣплялось ссылкой на указ 1607 года, дошедшій до нас не в подлинникѣ, а в изложеніи Татищева. Этому указу, установлявшему пятнадцатилѣтнюю давность для сыска бѣглых, предшествует вводный доклад с обзорѣмъ всѣхъ прежнихъ законовъ о крестьянахъ и в этомъ докладѣ прямо сказано, что в 1592 году крестьяне были лишены права ухода от землевладѣльцев.

Изложенное мнѣніе твердо держалось в литературѣ до 1858 года, когда ему нанесенъ былъ первый удар в статьѣ Погодина: «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права». Погодин защищалъ тотъ тезисъ, что неотысканный указъ 1592 года о прикрѣпленіи крестьянъ только потому и не отысканъ, что онъ никогда не былъ изданъ. Прежде всего Погодин отмѣтилъ важное обстоятельство: мы не только не имѣемъ указа 1592 года, но ни в одномъ дошедшемъ до насъ законѣ тѣхъ временъ не находится ссылки на этотъ указъ или его воспроизведенія. Упоминаніе о немъ во введеніи къ указу 1607 года не можетъ имѣть значенія по той причинѣ, что это введеніе къ указу 1607 года не можетъ быть признано подлиннымъ, оно изложено в такихъ выраженіяхъ, с такими оборотами рѣчи, какими никогда не писались правительственные акты того времени. Погодин полагалъ поэтому, что введеніе къ указу 1607 года представляетъ собой позднѣйшую литературную поддѣлку. Позднѣе Ключевскій далъ болѣе вѣроятное объясненіе, указавъ, что введеніе къ указу 1607 года — не поддѣлка, а подлинный приказный докладъ, предшествовавшій указу 1607 года, но только переданный Татищевымъ не в подлинномъ текстѣ, а в пересказѣ его своими словами с присоединеніемъ своихъ домысловъ и комментариевъ. В Московской Руси каждому указу предшествовалъ докладъ, в которомъ воспроизводились всѣ предшествующія узаконенія по данному вопросу. Татищеву не захотѣлось переписывать этого длиннаго доклада и онъ изложилъ его в сокращенномъ видѣ, своими словами, причемъ вставилъ в это изложеніе и свое собственное добавленіе об указѣ 1592 года, основанное на предразсудкѣ, будто за пять лѣтъ до указа 1597 года, по внушенію Бориса Годунова, изданъ былъ законъ, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ.

Какъ бы то ни было, переданное Татищевымъ введеніе къ указу 1607 года не представляетъ собою подлиннаго текста XVII столѣтія, а между тѣмъ, за исключеніемъ этого введенія, ни в одномъ законодательномъ текстѣ XVI-XVII в. в. не находится ни ссылокъ на предполагаемый указъ 1592 года, ни выписокъ изъ него. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Указъ 1592 года конечно могъ исчезнуть: мало ли старинныхъ документовъ погибло отъ пожаровъ и другихъ случайностей. Но если бы указъ этотъ дѣйствительно былъ изданъ, его непременно должны были бы цитировать безчисленное число разъ при составленіи разныхъ другихъ узаконеній, ибо, какъ ужъ сказано выше, такова была обязательная в то время фор-

ма: всякому новому указу всегда предшествовало подробное перечисление всѣх предшествующих узаконеній. Дружное молчаніе всѣх правительственных актов и всѣх судебных производств XVI-XVII в. в. об указѣ 1592 года и является, таким образом, вѣским доказательством того, что этого указа вовсе и не существовало.

Но Погодин идет далѣе и настаивает на том, что и из указа 1597 года при внимательном чтеніи его нельзя вывести предположенія, что в 1592 году совершилось законодательное прикрѣпленіе крестьян. Погодин обратил вниманіе на то, что упускалось из виду предшествующими писателями: вѣдь указ 1597 года говорит не о всяких вообще крестьянах, а о крестьянах *бѣглых*, т. е. незаконно и тайно покинувших своих господ, не выполнив тѣх условій, на которых они к этим господам порядились в крестьяне. Каким же образом распоряженіе о возвращеніи *бѣглых* крестьян могло быть связано с участіем крестьян, уходивших от владѣльцев явно и законно, по выполненіи всѣх условій своего контракта с землевладѣльцем. Вѣдь побѣг и уход были явленіями двух совершенно различных порядков. Потому то и послѣ 1597 года можно наблюдать случаи свободного перехода крестьян, отнюдь не преслѣдуемого властью.

Из всего этого Погодин и дѣлал тот вывод, что указ 1597 года не имѣл никакого отношенія к праву крестьян на свободный переход от землевладѣльца к землевладѣльцу с соблюденіем законных условій, и находящееся в указѣ 1597 года ограниченіе для сыска *бѣглых* сроком побѣга не ранѣе, как за пять лѣтъ до указа 1597 года, отнюдь не может означать того, что в 1592 году всѣ крестьяне были прикрѣплены к землѣ. По объясненію Погодина указ 1597 года есть не болѣе, как указ об установленіи пятилѣтней давности для сыска *бѣглых* крестьян. Не умѣя формулировать установленіе пятилѣтней давности для сыска *бѣглых* крестьян в видѣ общей юридической нормы, составители указа, согласно обычным пріемам того времени, прибѣгнули к описательному выраженію, хотя при этом имѣлось в виду не только обратное установленіе пятилѣтней давности для иска о *бѣглых* крестьянах, обѣжавших не раньше 1592 года, но вообще установленіе для таких исков давность в пять лѣтъ также и на будущее время, так что ничего особеннаго именно в 1592 году нельзя предполагать в судьбѣ русскаго крестьянства на основаніи текста указа 1597 года. Итак, закона 1592 года о введеніи крѣпостного права не было издано. Придя к такому выводу, Погодин высказал при этом мысль о том, что крѣпостное право возникло у нас не по предписанію правительственной власти, не юридически, а ходом самой жизни, фактически, само собою.

Но в чем именно состоял этот процесс фактическаго самозарожденія крѣпостного права, какими жизненными условіями он был вызван и направлен, — этого вопроса Погодин уже не касался, оставляя его открытым.

Бѣляев согласился с Погодиным в том, что указ 1597 года говорит лишь о *бѣглых* крестьянах и что из текста этого указа нельзя

дѣлать вывода о законодательном прикрѣпленіи крестьян в 1592 году. Указав на один акт еще от 1590 года, в котором заключалось признаніе за крестьянами права перехода, Бѣляев, однако, допускалъ, что не ранѣе 1590 г. и может быть в самом этом 1590 г., состоялось правительственное распоряженіе, отмѣнявшее крестьянской выход.

Но с рѣшительной защитой традиціоннаго взгляда на возникновеніе крѣпостного права выступил Костомаров. В противоположность Погодину, Костомаров настаивал на законодательном прикрѣпленіи крестьян в 1592 году. Он обращал вниманіе на то, что именно в 90 г. г. XVI в. сразу прекращаются упоминанія о Юрьевом днѣ (по прежним законам крестьянин мог свободно покидать землевладѣльца за недѣлю до Юрьева дня, т. е. до 26 ноября) и появляется вереница указов о бѣглых крестьянах и о срокѣ давности для их возвращенія. Костомаров и полагал, что самое развитіе крестьянских побѣгов стояло в связи с послѣдовавшим в 1592 г. законодательным прикрѣпленіем крестьян. Отмѣченные Бѣляевым, Погодиным и Аксаковым случаи переходов в XVII столѣтіи, Костомаров относил также к бѣглым. Костомаров упускалъ из виду, что и у свободного, не прикрѣпленнаго к землѣ крестьянина, могли явиться серьезныя основанія к тайному побѣгу от землевладѣльца, ибо, сохраняя права на свободный переход, он мог лишиться возможности воспользоваться этим правом в силу невыполненія различных обязательств, принятых им на себя при заключеніи договора с землевладѣльцем.

На полемическомъ обмѣнѣ мнѣніями между Погодиным и Костомаровым вопрос о происхожденіи крѣпостного права и замер без малаго на тридцать лѣтъ. Он был поднят вновь в исторической литературѣ в 80-х годах минувшаго вѣка, и получил тогда гораздо болѣе углубленную разработку. — В 1884 году появилось сочиненіе Энгельмана: »Die Leibeigenschaft in Russland« (вполнѣдствіи оно было переведено на русскій языкъ под моей редакціей). Энгельман примкнулъ к тому мнѣнію, что закона 1592 г. не существовало. вмѣстѣ с тѣм он высказал неожиданную мысль, что крестьяне могли быть прикрѣплены к землѣ самим указом 1597 г. Московское правительство, по мнѣнію Энгельмана, в 1597 году рѣшило задним числом аннулировать всѣ договорныя сдѣлки, заключенныя с 1592 г. между землевладѣльцами и крестьянами-порядчиками, выговаривавшими себѣ право перехода, вслѣдствіи чего всѣ крестьяне-порядчики на будущее время и превращались в крѣпостных. Прямо эта мысль в законѣ 1597 г. выражена не была, но Энгельман находил возможным придать содержанію этого указа именно такое истолкованіе.

Конечно, толкованіе Энгельмана было уже слишком искусственнымъ и натянутым, слишком уже произвольно и независимо от прямыхъ выраженій указа 1597 г. приписывал он этому закону то, чего в нем не было сказано; — и потому Энгельман остался со своей гипотезой одиноким в исторической литературѣ. Но зато высказанное Энгельманомъ мнѣніе дало толчекъ к новому пересмотру всего вопроса. В 1885 г. в »Русской Мысли« появилось из-

слѣдованіе Ключевского: «Происхожденіе крѣпостного права», составившее эпоху в исторіи разработки этого вопроса. Ключевскій, подобно Погодину, рѣшительно отверг гипотезу о законодательном прикрѣпленіи крестьян каким бы то ни было указом XVI столѣтія. Но в противоположность Погодину, Ключевскій — не ограничился указаніем на то, как *не слѣдует* объяснять возникновеніе крѣпостного права, а вмѣстѣ с тѣм предложил и свою новую теорію вѣдуказнаго происхожденія крестьянской крѣпостной зависимости.

В своем построеніи Ключевскій — исходил из той мысли, что крестьянское закрѣпощеніе в Московском государствѣ состояло в прикрѣпленіи крестьян не к землѣ, как думало большинство изслѣдователей, а к лицу землевладѣльца и что прикрѣпленіе это явилось результатом распространенія на крестьян тѣх форм зависимости, которыя к концу XVI столѣтія выработались в сферѣ *холопскаго* права. Постановленіе указа 1597 г. о бѣглых крестьянах Ключевскій, подобно Погодину, признавал не имѣющим отношенія к вопросу о происхожденіи крестьянской крѣпостной зависимости. Ключевскій, правда, не раздѣлил мнѣнія Погодина о том, что указ 1597 г. устанавливал пятилѣтнюю давность для сыска бѣглых и на будущее время. В толкованіи указа 1597 г. Ключевскій примкнул к мнѣнію, которое было высказано М. М. Сперанским в одной из его записок, посвященной историческому обзору правительственных мѣропріятій о крестьянах. Согласно этому мнѣнію, указ 1597 г. устанавливал лишь *временную* и *обратную* пятилѣтнюю давность для сыска бѣглых крестьян, причем имѣлась в виду лишь одна цѣль: прекратить затрудненія и безпорядки, возникшіе в судопроизводствѣ вслѣдствіи множества и запоздалости исков о бѣглых крестьянах. Срок именно в пять лѣтъ был избран при этом в силу того, что именно за пять лѣтъ до 1597 г., в 1592—93 г. г., составлены были писцовыя книги, в которых записались поименные перечни крестьянских дворов, и на этих то перечнях и было всего удобнѣе основываться при судебных рѣшеніях дѣл о бѣглых крестьянах.

Итак, всѣ эти узаконенія относительно бѣглых крестьян не дают нам ничего для выясненія происхожденія крѣпостной крестьянской зависимости. Они интересны лишь в смыслѣ указанія на то, что крестьянскіе побѣги к концу XVI столѣтія стали явленіем столь распространенным, можно сказать, эпидемическим, что на них приходилось смотрѣть, как на самый острый и больной вопрос текущей жизни, чѣм и вызывалось усиленное к ним вниманіе со стороны законодательства. Указы о бѣглых одновременно вскрывают перед нами два факта: 1) из них видно, что в концѣ XVI вѣка у крестьян не было еще отнято законом право свободного перехода, но, 2) несмотря на то явилось множество крестьян, утративших возможность пользоваться этим правом и вынужденных прибѣгать вмѣсто этого к тайным побѣгам от землевладѣльцев. Сопоставленіе этих двух фактов — по выраженію Ключевского — и «ставит нас при самой колыбели крѣпостного права на крестьян».

Утрата фактической возможности пользоваться правом свободного перехода вытекала для крестьян из их неоплатной задолженности у землевладельцев. Громадное большинство крестьян снимало у помещиков, вотчинников и монастырей земельные участки в аренду и в качестве свободных арендаторов имѣло право, по истеченіи срока аренднаго договора и при условіи выполненія всѣх означенных в договорѣ обязательств, уйти от землевладельца. Но эти арендныя отношенія почти у всѣх крестьян были осложнены тѣм, что, садясь на снятый им участок, крестьянин-арендатор брал у землевладельца ссуду на хозяйственное обзаведеніе. Ссуда выдавалась деньгами, скотом, земледѣльческими орудіями, чаще всего хлѣбом *на сѣмена и ѣмена* (т. е. на прокорм до жатвы). Сверх того, крестьянину давалась льгота от податей и от господских платежей и повинностей на определенное число лѣтъ. Уходя от землевладельца, крестьянин должен был за все это вознаградить его; возвратитъ ссуду, заплатить «пожилое» за пользованіе двором по узаконенной таксѣ. Ссуда носила названіе «серебра» (все равно, выдавалась ли она деньгами или вещами), а крестьяне, получившіе ссуду, именовались «серебренниками». «Серебро» было двоякое: ростовое и издѣльное. Первое было обыкновенным займом с уплатою процентов. Второе составляло долг, с котораго рост оплачивался «издѣліем», т. е. работою крестьянина. Первоначально серебро издѣльное ничѣм юридически не отличалось от серебра ростоваго, было таким же имущественным обязательством, не простиравшимся на личную свободу должника, пока должник не объявлял себя несостоятельным. Но с теченіем времени характер этих отношеній стал существенно измѣняться под непосредственным воздействием тѣх явленій, которыя назрѣли за XVI столѣтіе в сферѣ холопьяго права. Юридическое положеніе крестьянина-серебренника стало воспринимать черты, заимствованныя из близкаго крестьянцусеребреннику, хотя и не тождественнаго с ним, положенія *кабальнаго холопа*.

Рабовладѣніе существовало на Руси с глубокой древности. Но древнѣйшая Русь знала только один вид холопства: холопство полное или *обтѣльное*, как оно называется в древнѣйшем юридическом сборникѣ — «Русской Правдѣ». Встрѣчаем в «Русской Правдѣ» еще и другой разряд зависимых людей — *закупов*, состоявших не в полной, а в условной зависимости от своих господ, но закупы и не признавались тогда холопами, а составляли особый разряд людей *полусвободных*. Но, начиная с XV вѣка, рядом с полным холопством возникают различныя виды смягченной холопской зависимости. В силу различных явленій, обозначавшихся к тому времени в состояніи народнаго хозяйства, накопилось значительное количество людей, которые не хотѣли продаваться в полное холопство, безповоротно и всецѣло лишаясь своей свободы, но не были в состояніи поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала. И вот они начали входить в долги с обязательством уплачивать рост с занятаго капитала личной обязательной работою на кредитора. Такая временная и условная

личная зависимость должника от кредитора получила наименование кабального холопства. В теченіи XVI вѣка кабальное холопство постепенно пережило разнообразныя модификаціи, за которыми мы здѣсь слѣдить уже не будем. Скажемъ только, что къ концу столѣтія кабальное холопство приняло такую форму, при которой кабальный холопъ уже не имѣлъ возможности вернуть себѣ свободу уплатой долга, если господин не давалъ на то своего согласія; кабальный холопъ оказывался теперь прикрѣпленнымъ къ своей неволѣ по смерти господина. Вотъ эта, выработавшаяся въ сферѣ кабального холопства, идея о томъ, что долгъ ставитъ должника въ личную зависимость отъ заимодавца, оказала затѣмъ рѣшительное вліяніе и на положеніе издѣльнаго крестьянина-серебреника. Въ издѣльный крестьянинъ былъ также должникомъ, отработавшимъ ростъ на занятый капиталъ работой кредитору.

Аналогичность этихъ двухъ состояній была такъ значительна, что перенесеніе понятій, возникшихъ на почвѣ одного изъ этихъ состояній на другое, становилась какъ нельзя болѣе естественнымъ. Ключевскій и утверждаетъ, что къ началу XVII ст. крестьянскія порядныя все болѣе проникаются началами тогдашняго кабальнаго права. Издѣльный крестьянинъ — по выраженію Ключевского — «повлекся въ сторону кабальнаго холопа». Развитие кабальнаго холопства породило среди землевладѣльцевъ мысль, что крестьянское издѣліе за подмогу создаетъ такую же личную крѣпостную зависимость крестьянина отъ владѣльца, въ какую ставитъ кабальнаго холопа служба за ростъ. И подъ вліяніемъ этой мысли, приблизительно со второй четверти XVII ст., въ крестьянскіе договоры стало вноситься условіе, по которому крестьянинъ, нанимая землю съ подмогой владѣльца, закрѣплялъ свои поземельныя и долговыя обязательства отказомъ отъ права прекратить основанную на этихъ обязательствахъ зависимость. Это новое условіе, которое съ тѣхъ поръ стало включаться въ крестьянскія порядныя, и сообщило крестьянскому земельному договору значеніе личной крѣпости. Такъ узелъ крестьянской крѣпостной зависимости былъ завязанъ не законодательными мѣропріятіями государственной власти, а практикою ссудныхъ договоровъ по мѣрѣ воздѣйствія кабальныхъ договоровъ на измѣненіе содержанія крестьянскихъ порядныхъ.

Это не значитъ, что государство осталось совершенно въ сторонѣ отъ процесса образованія крѣпостнаго права. Но участіе государства въ этомъ процессѣ состояло не въ созданіи основаній этого права, а въ установленіи для него извѣстныхъ границъ. Государство принимало свои мѣры къ тому, чтобы сближеніе крѣпостнаго крестьянства съ кабальнымъ холопомъ не дошло до полнаго слитія этихъ состояній. Интересъ государства состоялъ здѣсь въ томъ, чтобы крестьянинъ, становясь крѣпостнымъ, не переставалъ быть государственнымъ тягломъ. Въ этомъ смыслѣ и въ этихъ цѣляхъ государственное законодательство и ставило извѣстные предѣлы владѣльческимъ правамъ на крестьянина. Эти ограниченія выразились 1) въ томъ, что владѣлецъ получалъ право только на часть крестьянскаго труда и имущества и 2) въ томъ, что всѣ владѣльческія права на кре-

стьянина были обусловлены государственными обязанностями. В силу этих ограничений — крестьянская крѣпость, развившаяся из кабальной, все же не сдѣлалась холопшею.

Так — говорит Ключевскій — крѣпостное право в Россіи было создано не государством, а только с участіем государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы.

Такова теорія, предложенная Ключевским. Она произвела сильное впечатлѣніе на ученый мір, чему не мало способствовало то богатство актоваго матеріала, которое Ключевскій положил в основу своего построенія. Но, как в свое время Погодин в лицѣ Костомарова, так теперь Ключевскій в лицѣ Сергѣевича нашел рѣзкаго оппонента. В своем трудѣ: «Юридическія древности» (т. I.) Сергѣевич подвергнул критикѣ все построеніе Ключевского, обвиняя послѣдняго в произвольном смѣшеніи юридическихъ понятій. Сергѣевич отказывался признать за крестьянской задолженностью какую бы то ни было роль в процессѣ крестьянскаго закрѣпощенія. Ссуда, которую получали крестьяне от землевладѣльцев, представляла собою, по его мнѣнію, простой заем, не сопровождавшійся установленіем какой бы то ни было личной зависимости должника от кредитора. Задолженность не препятствовала уходу крестьянина со снятаго им участка. Пока не было издано закона о воспрещеніи переходов, всякій крестьянин мог свободно переходить, несмотря на полученную ссуду, ибо кредитор мог только искать убытки с ушедшаго от него без расплаты крестьянина, а вовсе не мог насильственно возвращать къ себѣ ушедшаго должника. Развитіе кабальнаго холопства не могло оказать никакого вліянія на содержаніе договоров между крестьянами и землевладѣльцами, ибо закон всегда различал кабальныхъ холопов от крестьян и ни в чем не допускалъ смѣшеній между этими двумя состояніями. И потому установленіе крѣпостного права нельзя понять без допущенія мысли о том, что Московским правительством был издан спеціальнѣйшій закон о воспрещеніи переходов. И Сергѣевич возвращается къ старому предположенію об изданіи такого закона в 1592 г. И послѣ того, как этот закон был издан — говорит Сергѣевич, — уже всякій ушедшій от господина крестьянин был *бѣглым* независимо от того — выполнил ли он или не выполнил своих обязательств перед землевладѣльцем. Всю свою критику Сергѣевич строил на обвиненіи Ключевского в произвольном отступленіи от строгаго разграниченія юридическихъ понятій, намекая на то, что историк — не юрист не должен браться за исторію юридическихъ институтовъ древности.

Но вскорѣ на защиту соображеній Ключевского и с указаніями на несостоятельность критики Сергѣевича выступилъ никто иной, как ближайшій ученикъ самого Сергѣевича, историк-юрист М. А. Дьяконов.

В своей докторской диссертациі и в рядѣ послѣдующихъ статей и брошюръ Дьяконовъ существенно продвинулъ впередъ разработку вопроса о крестьянскомъ закрѣпощеніи, впервые освѣтивъ важные моменты в процессѣ этого закрѣпощенія. Он пошелъ по той же дорогѣ, что и Ключевскій. Не довольствуясь формальнымъ юриди-

ческим анализом правительственных указов, он окунулся в море архивного актового материала, стремясь схватить существо изучаемого процесса в подлинных чертах исторической действительности. Вопреки Сергѣевичу, он вслѣд за Ключевским придавал важнейшее значеніе в процессѣ формировація крѣпостного права крестьянским порядным и постепенной трансформациі тѣх условій, которыя в эти порядныя включились. Постепенное взаимовліяніе различных видов несвободных состояній — которое Сергѣевич отвергал, как какую то юридическую ересь, — принималось и Дьяконовым за один из важнейших факторов зарожденія крестьянской неволи.

Но при этом Дьяконов — что и составляло его самостоятельный вклад в разработку вопроса — с одной стороны, отодвигал зарожденіе отдѣльных элементов слагавшейся крестьянской неволи к болѣе ранним моментам, нежели это дѣлал Ключевскій — а именно с начала XVII ст. отодвигал их в XVI ст., а с другой стороны, он указал на неотмѣченные раньше источники и формы прикрѣпленія, примѣнявшіеся к нѣкоторым отдѣльным группам крестьянства.

Наряду с задолженностью крестьян Дьяконов сильно подчеркнул и выдвинул, как самостоятельный фактор прикрѣпленія, *крестьянскую старину*, т. е. застарѣлость сидѣнія крестьянина на данном участкѣ, за данным землевладѣльцем. Дьяконов особенно рельефно указал на различіе в составѣ крестьянской массы XV—XVI в. в. двух групп: крестьян новоприходцев или новопорядчиков и крестьян-старожильцев. Старожилец, — это тот, кто или сам сидит уже нѣсколько лѣтъ на одном и том же участкѣ, за одним и тѣм же землевладѣльцем, или чей отец уже сидѣлъ там же, гдѣ сидит он сам. И Дьяконов доказывает, что уже к концу XVI в. *старожильцы* по закону лишаются права перехода. В одной из своих послѣдних статей, выпедших незадолго до его кончины, Дьяконов обратил вниманіе еще на то, что общему прикрѣпленію крестьян предшествовали не раз правительственные распоряженія, в видѣ частной и временной мѣры устанавливавшія прекращеніе крестьянскаго перехода для извѣстных районов и на извѣстное число лѣтъ.

Таким образом в литературѣ вопроса о происхожденіи крѣпостного права конкурировали два теченія: 1) теорія, видѣвшая в крѣпостном правѣ созданіе государственной власти и 2) теорія, усматривавшая в нем результат постепенной эволюціи социальных отношеній. Первоначально долгое время царил первый взгляд в чистом безпримѣсном видѣ. Затѣм Погодин и Ключевскій выдвинули другой взгляд. Сергѣевич с его попыткой реставрировать первоначальную теорію остался одиноким. И, наконец, Дьяконов, осторожно провѣряя высказанныя воззрѣнія на обильном документальном матеріалѣ и стремясь отвѣсти свое мѣсто каждой мельчайшей детали вопроса, установил тот факт, что роль государственной власти в установленіи крѣпостного права была безмѣрно скромнѣе, нежели полагали сторонники первоначальной теоріи.

чальной теоріи, но все же нѣсколько шире, чѣм допускалъ Ключевскій с точки зрѣнія своей гипотезы.

Если вопрос о возникновеніи крѣпостного права вызвал в научной литературѣ столь обильные контрверзы, то этого нельзя сказать про изученіе той эволюціи, через которую прошло крѣпостное право в теченіи XVIII ст. по мѣрѣ успѣхов дворянскаго раскрѣпощенія, по мѣрѣ превращенія закрѣпощенно-полицейской монархіи Петра Великаго в сословно-дворянскую монархію его преемницъ.

Здѣсь изслѣдователи не столько спорили, сколько продолжали и дополняли друг друга. В статьях Ключевскаго: «Подушная подать и отмѣна холопства в Россіи» с замѣчательной ясностью был показан тот процесс взаимнаго сближенія двух видов душевладѣнія — холопства и крѣпостного крестьянства, — который прошел через все XVII столѣтіе и который имѣлъ не мало аналогій с параллельно развивавшимся за то же время сближеніем двух типов служилаго землевладѣнія — помѣстнаго и вотчиннаго. Оба эти процесса завершаются при Петрѣ Великом. Указ 1714 г. о единонаслѣдіи создает смѣшанный тип землевладѣнія, в котором сочетались нѣкоторые элементы помѣстнаго права с нѣкоторыми элементами вотчиннаго права. Указы о первой ревизіи создали смѣшанный тип душевладѣнія. Холопство, как особое состояніе, было уничтожено, но крѣпостная крестьянская неволя восприняла нѣкоторыя черты рабской зависимости. В теченіе послѣдующих десятилѣтій XVIII вѣка, по мѣрѣ превращенія дворянина из служилаго челоуѣка в необязаннаго службой привилегированнаго земле- и душевладѣльца, крѣпостной крестьянин все болѣе приближается къ положенію раба, хотя все-же юридическая грань между крѣпостной неволей и рабством никогда не была стерта совершенно за все время существованія крѣпостного права. Послѣдовательные моменты этой эволюціи хорошо прослѣжены в книгѣ Побѣдоносцева — «Историческія изслѣдованія и статьи» и в упомянутой уже выше книгѣ Энгельмана «Крѣпостное право в Россіи», в которой наибольшую цѣнность имѣют именно главы, посвященныя XVIII вѣку.

III.

До сих пор мы еще не имѣем монографіи съ подробным изображеніем быта крѣпостной вотчины в XVII вѣкѣ. Не мало данных по этому предмету разсѣяно в различных изслѣдованіях по исторіи народнаго хозяйства в Московском государствѣ, основанных на изученіи писцовых и переписных книг. В работах Миклашевскаго, Багалѣя, Готье, Гнѣвушева, Яницкаго, Грекова и др. использовано то, что может быть извлечено из писцовых книг для характеристики хозяйственнаго положенія крѣпостнаго населенія. Надо, однако, сказать, что по свойству самаго источника хозяйственный бытъ деревни затрагивается в этих сочиненіях только попутно, а на первый план выступают вопросы по финансо-

вой исторіи Московскаго государства. А поскольку изслѣдователи писцовых книг вступаютъ в область исторіи народнаго хозяйства, постольку их выводы нуждаются въ существенныхъ ограниченіяхъ по той причинѣ, что писцовая книга, согласно своему назначенію, даетъ намъ не столько картину фактической хозяйственной дѣйствительности того времени, сколько картину финансовыхъ предположеній органовъ фиска.

Это обстоятельство становится особенно яснымъ при сопоставленіи названныхъ трудовъ с имѣющимися въ литературѣ немногими работами, основанными на документахъ частныхъ хозяйственныхъ архивовъ. Таковы работы по хозяйственной исторіи нѣкоторыхъ монастырей — напр., обширный трудъ Никольскаго по исторіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, — такова извѣстная работа Забѣлина — «Большой бояринъ въ своемъ хозяйствѣ»: очерки хозяйственной исторіи вотчины боярина Морозова.

Гораздо подробнѣе изучено за послѣднее время положеніе свободнаго, черносошнаго крестьянства русскаго сѣвера въ XVII ст. Обширные документальныя изслѣдованія г-жи Островской и М. М. Богословскаго широко раздвинули наши свѣдѣнія по этому предмету.

Для первой половины XVIII ст. мы пока совсѣмъ еще не имѣемъ монографическихъ изслѣдованій по исторіи внутренняго быта деревни. Зато для второй половины XVIII в. имѣется монументальный, можно сказать, классическій трудъ В. И. Семевского — «Крестьяне при Екатеринѣ II». С наивозможной полнотой здѣсь использованы и законодательный матеріалъ, и мемуарная литература, и многообразныя архивныя данныя и на основаніи всѣхъ этихъ источниковъ нарисована детальная картина всего жизненнаго обихода крѣпостной вотчины въ эпоху наибольшаго разцвѣта крѣпостнаго права. Семевскій начинаетъ со статистики крѣпостнаго населенія въ Екатерининскую эпоху, устанавливая тотъ фактъ, что крѣпостная масса въ наибольшей мѣрѣ скупивалась въ центральномъ районѣ Европейской Россіи и затѣмъ послѣдовательными полосами рѣдѣла по направленію отъ центра къ периферіи. Затѣмъ Семевскій удѣляетъ много вниманія территоріальному распредѣленію двухъ системъ крѣпостнаго хозяйства — оброчнаго и барщиннаго — и устанавливаетъ, что уже во второй половинѣ XVIII в. оброчная система преимущественно укоренялась въ полосѣ центрального суглинка, а барщинная система преимущественно въ полосѣ чернозема. Переходя къ разсмотрѣнію крѣпостныхъ повинностей, Семевскій показываетъ, что крѣпостной оброкъ уже тогда не былъ платой за пользованіе надѣломъ, а представлялъ собою доходъ помѣщика, вытекавшій изъ его правъ на личность крестьянина, въ томъ числѣ и такихъ, которые не имѣли ничего общаго съ пользованіемъ надѣломъ. Барщинныя повинности въ XVIII ст. были еще сравнительно необременительны, не считая, конечно, отдѣльныхъ исключеній. Помѣщики еще не вступали въ роль поставщиковъ на рынокъ хлѣбнаго товара и довольствовались требованіемъ съ крестьянъ лишь такой барщины, которая была необходима для удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ господской усадьбы. Наи-

болѣе распространенной была барщина трехдневная и самая земля в большинствѣ имѣній дѣлилась между помѣщиками и крестьянами пополам. Но эта сравнительная легкость тогдашних барщинных повинностей вовсе не означала того, что барщинным крестьянам жилось легко и спокойно. Гнет помѣщичьей власти над личностью крестьянина достигал чрезвычайных размѣров, и в книгѣ Семевского собран богатый матеріал, выразительно рисующій эту сторону крѣпостного быта. Сопоставленные Семевским факты чудовищных злоупотребленій помѣщичьей властью производят потрясающее впечатлѣніе даже на полугоравѣковым разстояніи от той эпохи. Эти факты приводят к двум обобщающим заключеніям. Помѣщики нерѣдко доводили господскій произвол до таких предѣлов, что он существенно вредил их же собственным хозяйственным интересам. И во-вторых, практика душевладѣнія вырабатывала из помѣщика не столько хозяина, сколько носителя власти. Помѣщик привыкал к роли царька, перед которым пресмыкались его подданные. И его энергія уходила не столько на хозяйственную дѣятельность, сколько на усердное копированіе правительственного бюрократическаго аппарата. Обиліе «контор», безконечная бумажная переписка между ними заслоняли от помѣщика подвластную ему деревню с ея реальными потребностями и жизненными условіями.

Во втором томѣ своего труда Семевскій с такой же полнотой и подробностью изучает положеніе различных разрядов незакрѣпощеннаго крестьянства во вторую половину XVIII ст. Тут перед нами проходят крестьяне черносошные, дворцовые, ямщики, сокольи помытчики, крестьяне экономическіе. Положеніе каждаго из этих разрядов очерчено с исчерпывающей полнотой. И через весь этот лабиринт многочисленных фактов проходит та общая идея, что крѣпостной уклад эпохи накладывал свою печать на положеніе и всѣх разрядов свободнаго крестьянства. Их свобода была весьма относительна. Крѣпостныя начала в той или иной мѣрѣ пронизывали также и их существованіе.

В частности, по отношенію к черносошным крестьянам Семевскій дает подробный очерк принудительнаго введенія среди них общиннаго землепользованія по предписаніям центральной власти, значительно пополняя новыми архивными данными очерк Ефименко. В главѣ о крестьянах экономических дан очерк осуществленной в XVIII ст. секуляризаціи. Исторіи секуляризаціи посвящен в нашей литературѣ ряд монографій (см. работы Завьялова, Верховскаго, большой труд Попова об Арсеніи Мацѣевичѣ). Одни историки склонны разсматривать секуляризацію, произведенную при Екатеринѣ II, как своего рода освободительный акт, вызванный тяжелым положеніем монастырских крестьян. Другіе настаивают на том, что секуляризація была произведена по чисто фискальным соображеніям. Семевскій не раздѣляет воззрѣній писателей, оптимистически смотрѣвших на положеніе монастырских крестьян, которые не даром, вѣдь, то и дѣло поднимали бунты против монастырских управителей. Но это нисколько не мѣшает ему признать, что в основѣ секуляризаціонных

мѣропріятій правительства XVIII ст. лежали именно фискальныя соображенія.

В обоих томах своего труда Семевскій отводит много мѣста разсмотрѣнію крестьянских бунтов и волненій. Обобщающей монографіи по исторіи крестьянских волненій за все XVIII ст. мы еще пока не имѣем. Кульминаціонному пункту в развитіи этих волненій — пугачевщинѣ — историки не раз посвящали спеціальное вниманіе. Самым крупным обобщающим трудом по исторіи Пугачевщины надлежит признать трехтомное изслѣдованіе Дубровина: «Пугачев и его сообщники», основанное на обильном архивном матеріалѣ. Большая заслуга Дубровина состоит в отчетливом указаніи соціальной сложности тѣх движеній, совокупность которых получил наименованіе «пугачевщины». Имѣется специальная монографія Трефилева о крестьянских волненіях в царствованіе Павла. Автор пользовался документами Государственнаго Архива. Это очень слабая работа. Она была подвергнута подробному разбору Павловым-Сильванским, и этот разбор имѣет гораздо большее научное значеніе, нежели книга самого Трефилева.

Только в 90-х годах минувшаго столѣтія начали появляться изслѣдованія, посвященныя положенію крѣпостного крестьянства в первой половинѣ XIX вѣка в связи с вопросом о причинах паденія крѣпостного права. До этого в научной литературѣ имѣлась лишь одна серьезная работа, бросавшая нѣкоторый свѣтъ на состояніе крѣпостного крестьянства перед освобожденіем. Я разумѣю изслѣдованіе Тройницкаго о крѣпостном населеніи Россіи по данным X-ой ревизіи. Это изслѣдованіе устанавливало точную картину топографіи крѣпостного населенія по различным районам Россіи и распредѣленія крѣпостных душ по различным категоріям душевладѣнія. Но затѣм предстояло облечь этот статистическій скелет в плоть и кровь, предстояло возстановить картину реальных условій жизни крѣпостной вотчины предреформеннаго періода. Первый шаг на этом пути составила работа кн. Волконскаго, появившаяся в трудах Рязанской ученой архивной комиссіи. По документам своего фамиліаго вотчиннаго архива автор нарисовал довольно отчетливую картину эволюціи крѣпостного хозяйства за первую половину XIX ст. На фактах и цифрах здѣсь был обрисован процесс превращенія крѣпостной вотчины черноземнаго района в рабовладѣльческую плантацію вмѣстѣ с обезземеленіем барщиннаго крестьянства и переводом значительнаго процента барщинных крестьян на положеніе безземельных батраков при господском хозяйствѣ. Для оброчных крѣпостных хозяйств был констатирован для того же періода усиленный рост оброчных повинностей. Оба эти процесса были поставлены в связь с развитіем в странѣ мѣнового, денежнаго хозяйства в теченіи второй четверти XIX ст. Рост крѣпостных повинностей, усиленіе хозяйственной эксплуатаціи крѣпостных крестьян их владѣльцами, стремившимися поднять производительность своих хозяйств, вызывали в крѣпостной массѣ все болѣе острое недовольство своим положеніем, так, что к концу

второй четверти XIX ст., в воздухѣ уже носились зловѣщіе признаки приближенія социальной грозы.

Работа Волконскаго дала толчек к болѣе подробным изученіям крѣпостного хозяйства в первой половинѣ XIX ст. Подробный итог всему сдѣланному в этом направленіи был подведен в содержательной книгѣ Игнатович: «Крестьяне перед освобожденіем» и в изслѣдованіи Лященко — «Очерки аграрной эволюціи». В связи с изученіем крѣпостного хозяйства, в первой половинѣ XIX ст. в литературѣ был поставлен вопрос и о причинах паденія крѣпостного права. Разсмотрѣніе этого вопроса привело к научному контроверзу. Н. А. Рожков в рядѣ статей проводил тот взгляд, что паденіе крѣпостного права явилось неизбѣжным слѣдствіем эволюціи крѣпостного хозяйства. Крѣпостная вотчина в серединѣ XIX ст. представляла собою уже экономическій пережиток, не согласованный с развивавшимися успѣхами мѣнового хозяйства в странѣ. Напротив того П. Б. Струве в своем изслѣдованіи о крѣпостном хозяйствѣ в Россіи выдвинул то положеніе, что крѣпостная вотчина в 50-х годах XIX вѣка, как хозяйственный организм, обнаруживала признаки дальнѣйшаго жизнеспособнаго развитія и паденіе крѣпостного права было вызвано тогда не экономической несостоятельностью крѣпостной вотчины, как таковой, а потребностями хозяйства государственнаго и политической конъюнктурой.

IV.

Литература по исторіи освобожденія крестьян также получила существенное обогащеніе к концу XIX и в началѣ XX в. в. Ранѣе наиболѣе крупными трудами в этой области были слѣдующіе. Исторія *подготовки* отмѣны крѣпостного права — законодательныя мѣропріятія правительства; проекты освобожденія, исходившіе из правительственных кругов и от частных лиц; движеніе общественной мысли, выразившейся в литературѣ — были разсмотрѣны с исчерпывающей полнотой в двухтомном трудѣ В. И. Семевского: «Крестьянскій вопрос в Россіи в XVIII и XIX ст. Исторія самой реформы освѣщалась печатными трудами Редакціонных Комиссій и существенно дополнявшим их трудом Скребицкаго: «Крестьянское дѣло при Александрѣ II»; в сущности труд Скребицкаго содержит в себѣ систематически расположенное изложеніе докладов Редакціонных Комиссій. Эти самые матеріалы и легли в основаніе книги Иванюкова: «Паденіе крѣпостного права в Россіи». В зависимости от этих матеріалов Иванюков сосредоточил все свое изложеніе на работах губернских комитетов и Редакціонных Комиссій. Начальный и конечный моменты в ходѣ реформы (работы Секретнаго Комитета и Государственнаго Совѣта) остались внѣ рамок изложенія Иванюкова, а дѣятельность губернских комитетов и Редакціонных Комиссій излагалась в книгѣ Иванюкова лишь постольку, поскольку она была освѣщена в докладах Редакціонных Комиссій. Таким образом,

исторія реформы долгое время была представлена в литературѣ очень неполно, отрывочно, односторонне. Сравнительно немного новаго было прибавлено к извѣстным ранѣе данным трудом Семенова-Тяньшанскаго: «Освобожденіе крестьян при Александрѣ II», в котором были напечатаны протоколы общаго собранія Редакціонныхъ Комиссій. Но с конца XIX вѣка и потом в XX ст. — в связи с сорокалѣтіем и, особенно, с пятидесятилѣтіем реформы — изученіе исторіи реформы было существенно расширено в различныхъ направленіях. Во-первыхъ, за это время была изучена исторія цѣлаго ряда отдѣльныхъ губернскихъ комитетов по крестьянскому дѣлу. Калужскій комитет был изучен Корниловымъ, Тульскій — кн. Трубецкой, Ярославскій — Ширяевымъ, Нижегородскій — Снѣжинскимъ, Оренбургскій и Уфимскій — Кречетовичемъ и т. д.

Наряду с расширеніемъ матеріалов по исторіи губернскихъ комитетов по крестьянскому дѣлу, изученіе дѣятельности этихъ комитетов было переведено на новую почву. Здѣсь большая заслуга должна быть признана за А. А. Корниловымъ. В своей специальной работѣ о губернскихъ комитетахъ Корниловъ значительно углубилъ вопросъ сравнительно с его постановкой в книгѣ Иванюкова. Борьбу противоположныхъ теченій в губернскихъ комитетахъ Иванюковъ представлялъ себѣ довольно просто: в каждомъ комитетѣ было большинство и меньшинство, большинство было крѣпостническое, меньшинство отстаивало дѣло реформы на возможно болѣе широкихъ основаніяхъ. Корниловъ показалъ, что на самомъ дѣлѣ группировка борющихся элементовъ была в комитетахъ гораздо болѣе сложной и дробной. Члены комитетовъ дробились на группы не по одному только признаку: за реформу или противъ реформы. Сами сторонники реформы раздѣлялись на враждебные лагеря по различному пониманію существа реформы. И Корниловъ отчетливо и убѣдительно показалъ зависимость этой группировки отъ различія хозяйственныхъ условій различныхъ полосъ Россіи. Помѣщики нечерноземной полосы стояли за принудительный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, за увеличеніе размѣра полевыхъ надѣловъ и за вздутіе выкупныхъ цѣнъ. Помѣщики черноземной полосы стояли за возможное уменьшеніе размѣра надѣловъ и противились принудительному выкупу. Помѣщики степной полосы стояли за увеличеніе надѣловъ, но противились принудительному выкупу. Если в одномъ и томъ же губернскомъ комитетѣ оказывались приверженцы различныхъ плановъ освобожденія, вступавшіе во взаимную борьбу, то всего чаще это объяснялось именно тѣмъ, что отдѣльные уѣзды данной губерніи принадлежали къ различнымъ экономическимъ полосамъ. Если, такимъ образомъ, мы обязаны Корнилову болѣе правильнымъ освѣщеніемъ работъ губернскихъ комитетовъ при подготовкѣ крестьянской реформы, то благодаря трудамъ Попельницкаго мы получили документальную исторію секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу и прохожденія проекта реформы черезъ государственный совѣтъ. До работы Попельницкаго о томъ и о другомъ писалось лишь на основаніи показаній нѣкоторыхъ мемуаровъ.

Мнѣ остается отмѣтить наиболѣе цѣнные работы по исторіи примѣненія положенія 19 февраля 1861 года. Прекрасный юридическій анализ этихъ Положеній находимъ въ статьѣ Вормса въ послѣднемъ изданіи «Великая реформа» (изд. Сытина подъ ред. Мельгунова *).

Анализъ экономическихъ результатовъ реформы данъ въ трудѣ Ходскаго «Земля и земледѣлецъ». Исторія выкупной операціи обстоятельно разсмотрѣна въ интересномъ этюдѣ кн. Шаховскаго въ упомянутомъ изданіи «Великая реформа» и затѣмъ въ спеціальномъ изслѣдованіи Кованько «Выкупная операція». Пореформенное законодательство о крестьянахъ прослѣжено въ книгѣ Тернера.

Я не касаюсь здѣсь многочисленной литературы, посвященной хозяйственному положенію пореформенной деревни. Думаю, что характеристику этой литературы правильнѣе будетъ представить писателямъ-экономистамъ.

Заканчивая настоящую статью, считаю нужнымъ замѣтить, что библиографическая полнота не входила въ мою задачу. Я поставилъ себѣ цѣлью лишь перечислить тѣ основныя, фундаментальныя историческія работы, на которыхъ отразились послѣдовательные этапы въ движеніи русской исторической мысли, примѣнительно къ изученію историческихъ судебъ русскаго крестьянства.

Ал. Кизеветтер.

*) Это юбилейное изданіе, выпущенное въ Москвѣ къ 50-лѣтію «Крестьянской реформы», представляетъ собою какъ бы сводный компендіумъ вообще по исторіи русскаго крестьянства съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшаго времени. Въ изданіи приняли участіе многіе спеціалисты и среди помѣщенныхъ тамъ статей есть весьма цѣнные очерки. Помимо этого коллективнаго труда, мы можемъ назвать лишь двѣ работы, содержащія общій очеркъ исторіи крестьянства на пространствѣ всей русской исторіи: это старая работа Бѣляева: «Крестьяне на Руси» и очеркъ Лаппо-Данилевскаго — въ сборникѣ «Крестьянскій строй».

ЦЕНТР И МѢСТА В ПОСЛѢРЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССИИ.

(К проблемѣ федеративнаго устройства Россіи).

I.

В государственной жизни дореволюционной Россіи отношеніе между центром и мѣстами носило явные слѣды болѣзненности. Огромность территоріи, усугублявшаяся периферическим положеніем столицы; быстрый рост населенія, сопровождавшійся фактическим привлеченіем к государственной и общественной жизни все новых и новых, недавно безлюдных пространств; неудержимо шедшее вперед осложненіе жизни в связи с поступательным прогрессом в экономической и культурной сферах — все это дѣлало исторически сложившуюся систему централизаціи не отвѣчающей болѣе объективным условіям, но старая власть, в силу самой своей структуры, от централизма отказаться не могла. Развивать мѣстное самоуправленіе, в особенности допустить созданіе крупных областных единиц, потребность в которых несомнѣнно чувствовалась — это означало передать часть власти врагам, ибо трагедія старой власти к концу ея бытія заключалось в том, что врагом ей было все то, что стояло внѣ ея. Но не могла рѣшиться эта власть и на суррогатное рѣшеніе — на далеко идущую административную децентрализацію: не умѣла она больше воспитывать в своих нѣдрах достаточнаго кадра людей, способных к самостоятельности рѣшеній и боялась она, повидимому, что дѣйствующіе на мѣстах администраторы, освобожденные от неусыпнаго руководства из центра, подпадут вліянію враждебной общественной стихіи. Как бы то ни было, но всплывавшіе от времени до времени в этом направленіи проєкты хронически ни к чему не приводили.

Итак, по вопросу, по которому жизнь властно требовала движенія вперед, на самом дѣлѣ имѣл мѣсто застой. Это положеніе вещей с неизбежностью приводило к извѣстному напряженію, которое, конечно, выступало лишь в качествѣ частнаго звена в основном напряженіи русской дореволюционной жизни — разлада между властью и всѣм тѣм, что внѣ власти стояло. Как частное, это напряженіе ясно сознавалось лишь немногими. Но это частное неудовольствіе, про-

винціи против центра, существовало несомнѣнно. Люди, совершенно далекіе от политики, желавшіе заниматься «дѣлом» в самом специфическом смыслѣ слова, наталкивались на неодолимое препятствіе, которым был всеобъемлющій и потому все задерживающій государственный центр, и, натолкнувшись, начинали роптать и требовать перемѣн.

К этому неудовольствію чисто дѣлового характера присоединялось другое, которое несомнѣнно носило гораздо болѣе серьезный характер.

19-й вѣкъ есть эпоха повсемѣстнаго національнаго пробужденія. Народности, котрыя вѣками жили в тѣни и иногда как будто склонны были к утратѣ національнаго лика, одна за другой оказывались охваченными движеніем, направленным на его выявленіе и утвержденіе. Старая власть не отдавала себѣ отчета в стихійности движеній, и в фактической невозможности их подавленія. (Общій подѣм культурнаго уровня исключил примѣнимость методов ассимиляціи, с успѣхом использованных на болѣе ранних стадіях развитія). Власть принялась за борьбу с ними адекватными себѣ (но не движенію!) пріемами: запретом книгопечатанья на соотвѣствующих языках и преподаванія на них, упорным непризнаніем их в присутственных мѣстах, отдаленіем всякаго «иностранца» от участія во властном аппаратѣ, и т. д. Власть не понимала; что она этими пріемами только загоняет движеніе вглубь и усиливает его внутреннюю напряженность. В результатѣ к концу стараго порядка назрѣвал цѣлый ряд національных вопросов, что с новой силой ставило на очередь проблему взаимоотношеній между центром и мѣстами.

Революціонныя событія, со свойственной им тенденціей заострять всѣ наболѣвшіе вопросы, весьма рѣзко поставили и вопрос національнаго самоопредѣленія. Настроенія в пользу переустройства государства на федеративных началах, дальше которых в общем не шли національныя движенія, вдруг заострились в сепаратистическія стремленія, котрыя, на фонѣ борьбы с большевистской диктатурой, в рядѣ случаев сумѣли претвориться в дѣйствительность. Не слѣдует преувеличивать значенія этих фактов. Не случайностью было, конечно, политическое объединеніе народов, проживающих на великой восточно-европейской равнинѣ и в тяготѣющих к ней частях Азіи. Тѣ факторы, которые привели к этому объединенію, остаются в силѣ и несомнѣнно облегчат процесс возстановленія единства Россіи (за исключением таких, географически и культурно мало связанных с Россіей земель, как Польша и Финляндія). Но тот фактъ, что это возстановленіе политическаго единства будет имѣть мѣсто на стадіи буржуазно-демократическаго уклада как для возстановленія областей, так и для группирующаго их центра, заставляет предполагать, что оно произойдет не в прежней формѣ простого подчиненія, формѣ, которая противорѣчит сущности демократіи и которая таит в себѣ, именно в условіях демократіи, великія опасности, а в такой формѣ, которая гарантировала бы органическое развитіе как цѣлому, так и частям. Политическая практика новаго времени знает формы, котрыя такія гарантіи дают в полной мѣрѣ. Это суть формы, объединяе-

мыя понятієм сложнаго государства. Можно, слѣдовательно, ожидать, что таковым окажется послѣреволюціонная Россія.

К такому же выводу ведет еще слѣдующее соображеніе. Совѣтская Конституція, как извѣстно, провозглашает Россію федеративной республикой. Нѣтъ надобности доказывать, что политическій строй, сводящійся к диктатурѣ своеобразнаго социальнаго образованія, именуемаго коммунистической партіей, весьма далек от осуществленія федеративнаго начала. Но показательно самое его провозглашеніе: большевики являются чуткими «политиками» (в специфическом смыслѣ слова) и стараются словесными уступками и представленіями прикрыть, гдѣ возможно, рѣзко расходящуюся с потребностями и пожеланіями населенія дѣйствительность. Нѣтъ сомнѣній, что постоянное подчеркиваніе федеративнаго начала соотвѣтствует какому-то происходящему на мѣстах процессу, который оно умѣряет и направляет по желательному центральной власти руслу. К этому нужно прибавить, что если «независимыя» и «автономныя» республики въ дѣйствительности лишены даже тѣни самостоятельности, будучи управляемы не людьми, опирающимися на мѣстныя силы, а ставленниками из центра, то нѣкоторыя, наиболѣе элементарныя требованія національностей въ извѣстной степени оказываются удовлетворенными: не ставится препятствій к преподаванію на мѣстных языках; на этих языках печатаются книги и газеты; люди с національной тенденціей привлекаются к работѣ въ государственном аппаратѣ, конечно, поскольку они удовлетворяют «политической благонадежности».

Вывод ясен: къ тому времени, когда освободится Россія от большевистскаго ига, на ея территоріи окажется проживающим цѣлый ряд національностей, располагающих извѣстным минимумом культурной самобытности и опредѣленным стремленіем къ его расширенію въ силу раздраживанья многократно повторенными, но не исполненными обѣщаніями. Представить себѣ, что будущая демократическая Россія пройдет мимо этого факта, рѣшительно невозможно. Итак всѣ соображенія приводят къ одному и тому же выводу: въ противоположность строго централизованной «единой» Россіи стараго порядка, *Россія послѣреволюціонная* въ силу объективных потребностей, вытекающих из факта усложненной жизнедѣятельности населенія на огромной территоріи и въ силу національных стремленій отдѣльных, входящих въ ее состав народностей, *будет построена по типу сложнаго государства.*

II.

До сих пор изложенное являлось попыткой построенія прогноза. Позволительно на этом не остановиться и, считаясь съ необычностью (хотя и далеко не новизной) представленій о будущей Россіи, как сложном государствѣ, перейти къ анализу нѣкоторых частныхъ, анализу уже не въ плоскости прогноза, а въ плоскости выставленія нѣкоторых пожеланій и оцѣнок.

Сложное государство может выступать въ формѣ унитарнаго государства съ автономными провинціями (каковой тип осуществленъ в

британской Имперіи и явно намѣчался составителями первоначальнаго проекта нынѣ дѣйствующей веймарской конституціи), в формѣ союзнаго государства (наиболѣе яркимъ образцомъ коего являются современные С. Штаты, Швейцарія с 1848 г. и Германія с 1866 по 1918 г.), и в формѣ союза государств (каковыми были С. Штаты до 1789 г., Швейцарія до 1848 г. и германскій союз с 1815 - 1848 г.). Союзъ государств имѣетъ противъ себя опытъ исторіи: всѣ образованія этого типа или распались или перешли в унитарное государство, или превратились в союзное государство. Что касается остальныхъ двухъ типовъ, то поскольку автономныя провинціи покрываютъ всю (или почти всю) территорію сложнаго цѣлаго, теоретическое разграниченіе между ними весьма трудно проводимо, такъ что нѣкоторые ученые (у насъ проф. Тарановскій) отрицаютъ самую его возможность. С этимъ крайнимъ воззрѣніемъ можно не соглашаться и придерживаться хотя бы классическаго ученія Г. Еллинека, выдвигающаго в качествѣ критерія между не сувереннымъ государствомъ и автономной провинціей властвованіе по собственному праву, какъ необходимый признакъ перваго; наличность или отсутствіе этого признака устанавливается *мысленнымъ* устраненіемъ центральнаго правопорядка; в однихъ случаяхъ передъ нами не только фактически, но и *юридически*, останутся организованныя единицы; в другихъ случаяхъ мы окажемся стоящими передъ анархіей (ибо мѣстная организація юридически покоилась на центральной). Различію между осложненнымъ унитарнымъ государствомъ и государственнымъ союзомъ принадлежитъ и нѣкоторое практическое значеніе: если не к *essentielle*, то к *naturele* союзнаго государства принадлежитъ участіе государствъ - членовъ, какъ таковыхъ (а не только ихъ населенія) в формированіи нѣкоторыхъ центральныхъ органовъ, тогда какъ в осложненномъ унитарномъ государствѣ нерѣдко имѣетъ мѣсто обратное положеніе вещей; пересмотръ общегосударственной конституціи, в особенности взаимоотношенія между центромъ и мѣстами, в союзномъ государствѣ становится обыкновенно в нѣкоторую зависимость отъ (простого или квалифицированнаго) большинства государствъ - членовъ, какъ таковыхъ, тогда какъ в осложненномъ унитарномъ государствѣ юридическая роль провинцій в этомъ отношеніи можетъ приближаться къ нулю. Но по тому вопросу, который является основнымъ предметомъ дальнѣйшаго изложенія, по вопросу о разграниченіи компетенцій между центромъ и мѣстами, противоположеніе это оказывается фактически несущественнымъ: автономныя колоніи Великобританіи располагаютъ гораздо болѣею степенью самостоятельности, нежели почтаемые государствами Кантоны современной Швейцаріи или «земли» дореволюціонной или в особенности послѣреволюціонной Германіи. Вопросъ об унитарномъ государствѣ с автономными провинціями или союзомъ государствъ на нашей почвѣ рѣшится, вѣроятно, в связи со способомъ возсозданія новой Россіи: если оно пойдетъ отъ центра къ периферіи, то болѣе шансовъ за осложненное унитарное государство, а если отъ периферіи къ центру — то вѣроятнѣе возникновеніе союзнаго государства. Обстановка, в которой будетъ складываться новая Россія заставляетъ, однако, предполагать, что и при первомъ рѣшеніи особенности унитарнаго государства не будутъ проведены слишкомъ прямолинейно; такъ наприм. нужно думать, что

нельзя будет обойтись без такого отклонения от чистого типа, которое заключалось бы в образовании некоторых центральных органов по принципу представительства провинций, как таковых.

Итак, вопрос не имеет особого практического значения. Возможность мирного существования и органического развития будущей России зависит не столько от подробностей юридических форм, в которых выльется взаимоотношение между центром и местами (предполагая, конечно, осуществление принципа сложного государства), сколько от распределения компетенций между общегосударственной и местными властями. Рассмотрение этой проблемы предполагает предварительное разрешение двух вопросов.

1. Первый вопрос гласит: что будет выступать в качестве составных частей сложного цѣлага—будем называть их в дальнейшем областями, подразумевая под ними, в зависимости от обстоятельств, автономные провинции или частные государства. В связи с националистическими основами нашего будущего федерализма многим представляется, что эти области должны быть территории, совпадающие с районами расселения отдельных национальностей. Необходимо, однако, отдать себе отчет в том, что такое решение вопроса оказалось бы по многим соображениям неудовлетворительным. Я не говорю уже о том, что многие национальности живут как бы этнографическими пятнами, что устраняет возможность выделения их территории. Решающее значение принадлежит, однако, тому обстоятельству, что при построении России в качестве сочетания национально-территориальных единиц отдельные члены цѣлага оказались бы величинами между собой несоизмеримыми: нельзя представить себе соподчиненными Велико-россию, простирающуюся от Петрограда до Владивостока и от Мурмана до Владикавказа, и область калмыков или чувашей. Эта невозможность соподчинения выступает в двух главных направлениях: 1) при формировании некоторых общегосударственных органов, в которых в таком случае должно наступить или подавление одним членом всех остальных (при конструировании их по принципу пропорциональности) или несоответствующее реальному соотношению личных и материальных сил распределение власти (при конструировании их по принципу паритета); во вторых, при распределении компетенций между центром и местами: то, что может быть с полным основанием передано областям, охватывающим обширные территории с десятками миллионов жителей, не может быть предоставлено мелким единицам, влачащим существование на масштабах уѣзда. Эта своеобразная трудность соподчинения слишком разнородных единиц хорошо известна государственному строю Германии, в особенности Германии современной, освободившейся от имевшей место в императорскую эпоху гегемонии Пруссии. Пруско-германская проблема является там предметом внимательного изучения, не приводящего, правда, к практическим результатам в виду определившейся политической невозможности прибѣгнуть к единственному решающему вопросу раздроблению Пруссии.

С точки зрения размежевания функций между центром и местами трудность как будто возможно обойти: для этого слѣдует, повиди-

тому, прибѣгнуть к системѣ неравномѣрнаго распредѣленія компетенцій, иными словами, к предоставленію нѣкоторымъ областямъ большей самостоятельности, нежели остальнымъ. Пріемъ этотъ, однако, не только не рѣшаетъ вопроса, но приводитъ, в свою очередь, к новымъ трудностямъ. Он не рѣшаетъ вопроса потому, что, по соображеніямъ политической цѣлесообразности, пришлось бы предоставить наибольшую долю самостоятельности тѣмъ областямъ, которыя образуются изъ возсоединившихся лимитрофовъ. Единицы эти, однако, окажутся сравнительно мелкими, так что надѣленіе ихъ сверхнормальными функциями окажется нарушеніемъ отмѣченнаго выше техническаго принципа ихъ распредѣленія. — Пріемъ этотъ приводитъ к новымъ затрудненіямъ потому, что онъ связанъ съ нѣкоторыми ненормальностями въ функционированіи общегосударственныхъ органовъ. Если представители привилегированныхъ мѣстностей будутъ участвовать въ голосованіяхъ по вопросамъ, отнесеннымъ къ спеціальной компетенціи пославшихъ ихъ земель, то они будутъ принимать участіе въ формированіи рѣшеній по дѣламъ ихъ не касающимся. Если эти представители будутъ по соотвѣствующимъ вопросамъ выдѣляться изъ состава коллегій, в этихъ послѣднихъ по различнымъ вопросамъ окажутся разнo составленныя большинства, что поставитъ въ опасность правильное соотношеніе между законодательной и исполнительной властью.

Какъ уже было отмѣчено, къ неравенству компетенцій, по чисто оппортунистическимъ соображеніямъ, быть можетъ, все же придется прибѣгнуть. Но в силу изложеннаго, допускать этотъ пріемъ слѣдуетъ лишь въ случаяхъ крайней необходимости и въ возможно узкихъ предѣлахъ. Не в немъ, такимъ образомъ, лежитъ рѣшеніе поставленной проблемы. Рѣшеніе заключается въ признаніи этнографическаго принципа лишь за основное, но не единственное основаніе дѣленія страны на области. Наиболѣе сильная національность должна сформировать не одну, а нѣсколько областей, ограниченныхъ преимущественно на основаніи исторически сложившихся особенностей, и экономическихъ тяготѣній къ крупнымъ центрамъ. Наиболѣе мелкія національности должны быть соединяемы по нѣскольку в одну область, или присоединяемы къ сосѣдней области иной національности, съ принятіемъ в обоихъ случаяхъ многоплеменнаго состава области во вниманіе при построеніи ихъ конституцій. В послѣднихъ можно было бы использовать навѣваемую структурой британской имперіи идею двухстепеннаго федерализма; этой идеѣ будетъ отвѣчать построеніе соотвѣтствующихъ областей, т. е. частей федераціи (хотя бы не в точномъ смыслѣ слова, если они будутъ только автономными провинціями) на федеративномъ же принципѣ; при этомъ тѣ функции, которыя предполагаютъ осуществленіе крупными единицами (наприм. содержаніе высшихъ школъ) или единство территоріи (наприм.; полиція безопасности или сооруженіе и эксплуатація болѣе важныхъ путей сообщенія), должны были бы остаться за областными центрами, а остальныя функции (въ томъ числѣ большая часть функций культурнаго характера) перенестись на ихъ подраздѣленія.

При принятіи выдвигаемаго принципа области окажутся соизмѣримыми величинами, что автоматически устраняетъ всѣ трудности по вопросамъ о разграниченіи компетенцій и о построеніи общегосудар-

ственных органов. Думается, что в силу этого, намѣчаемое рѣшеніе, выполнѣ охраняющее интересы національностей, дающее исход областническим стремленіем Сибири и крупных казачьих войск и открывающее возможность совмѣстнаго существованія такихъ центров, какъ Москва и Петроград, или Кіевъ и Харьковъ, будетъ отвѣчать реальнымъ потребностямъ. Нельзя не отмѣтить, что тамъ, гдѣ союзныя образованія многонаціональны, схема, тождественная с оспариваемой, рѣшительно отсутствуетъ : четырехязычная Швейцарія распадается на 22 кантона, из которыхъ многіе в свою очередь двухязычны ; в Канадѣ французской провинціи Квебекъ противостоитъ не одна, а цѣлый рядъ провинцій с англійскимъ населеніемъ ; британская Южная Африка состоитъ из сочетанія двухъ англійскихъ и двухъ голландскихъ (бурскихъ) земель.

Само собою разумѣется, что рекомендація равномерности областей отнюдь не должна быть понимаема в качествѣ жесткаго правила. О полномъ равенствѣ размѣровъ областей не можетъ быть и рѣчи ; должны быть только избѣгнуты такія крайности, какъ соподчиненіе центру областей, являющихся по величинѣ великими державами с присущими таковымъ возможностями, и областей, равноцѣнныхъ уѣздамъ с ихъ неотвратимой духовной и матеріальной бѣдностью. При отступленіи отъ правила слѣдуетъ, между прочимъ, принимать во вниманіе достигнутый мѣстностью культурный уровень : чѣмъ онъ выше, тѣмъ размѣръ области можетъ быть меньшимъ, ибо культурная область сумѣетъ легче справиться с падающими на нее задачами.

2. Второй вопросъ стоитъ такъ : что именно придется распредѣлить между центромъ и мѣстами ? Вопросъ этотъ нужно понимать в самомъ общемъ смыслѣ слова. Надо представить себѣ, будетъ ли грядущая Россія государствомъ склоннымъ к глубоко идущей регламентаціи жизни или же государствомъ, по возможности ограничивающимъ свои функции. Цѣлый рядъ соображеній заставляетъ высказаться во второмъ смыслѣ : в пользу такого рѣшенія говоритъ и неизбежность развитія контрастныхъ представленій послѣ пережитой страной эпохи безмѣрнаго напряженія властнаго начала, и неизбежность сокращенія государственнаго аппарата в видахъ экономіи, которую десятилѣтіями придется соблюдать, пока не удастся возстановить производительныя силы страны и избавиться отъ тягостныхъ, но неизбежныхъ платежей, связанныхъ с причиненными революціей убытками иностранному капиталу, и, наконецъ, общій строй русскаго національнаго духа, который в этомъ направленіи несомнѣнно ближе к англо - американскому, нежели к континентально - европейскому, которому мы черезъ чуръ подражали. Итак, основнымъ принципомъ государственной жизни послѣ революціонной Россіи по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ принципъ дезэтизации, отказа отъ огосударствленія. В силу этого дальнѣйшее изложеніе сможетъ сосредоточиться на изученіи распредѣленія между центромъ и мѣстами основныхъ государственныхъ функцій, тѣхъ функцій, безъ которыхъ в наше время немыслимо организованное политическое бытіе, а не тѣхъ безчисленныхъ разростаній, которыя характеризуютъ западно - европейское право конца 19 и начала 20 вѣка.

III.

Правильное и спокойное функционированіе государств сложнаго типа мыслимо лишь при условіи весьма точнаго распредѣленія компетенцій между центром и мѣстами. *Чтобы быть точной, законодательная формула распредѣленія должна быть односторонней, т. е. устанавливающей положительными признаками компетенцію только одной стороны и предоставляющей другой общим образом все то, что не предоставлено первой.* Это законодательно-техническое правило, отвѣчающее логическому принципу чистаго дѣленія, является особенно необходимым в виду неопредѣленности и подвижности функций государства вообще. Единственная извѣстная практикѣ попытка двойнаго перечня, заключающаяся в Канадской конституціи, привела к сильному осложненію государственнаго быта страны, не имѣющаго роковых послѣдствій только в виду общеизвѣстной политической выдержки англо - саксов.

Чья же компетенція должна быть опредѣлена положительными признаками? Вопрос этот имѣет преимущественно техническое значеніе. Только содержаніе формулы опредѣляет, остается ли большинство государственных функций за центром или передается на мѣста, и это независимо от того чья компетенція ею положительно обрисована. Вопрос несомнѣнно рѣшается *в пользу положительнаго установленія компетенціи общегосударственных органов.* Дѣло в том, что к этой компетенціи по существу вещей отходят наиболѣе важныя и наименѣе измѣнчивыя государственныйя функции. Ясно, что их гораздо легче предусмотрѣть и формулировать, нежели чрезвычайно разнообразныя и сильно измѣнчивыя по времени и по мѣсту функции, естественным образом передаваемыя в мѣстную компетенцію. Положеніе это вполнѣ подтверждается практикой сложных государств: практика эта не знает случая оставленія без опредѣленія компетенціи центральной власти *).

IV.

При намѣчаніи круга функций, которыя в будущей Россіи желательно отнести к вѣдѣнію общегосударственнаго центра, нужно, прежде всего, представить себѣ тѣ основныя интересы, ради которых слѣгается сложное государство, замѣняющее исторически данную или логически мыслимую совокупность независимыхъ политически образований. Такихъ основныя интересовъ можетъ быть указано три. Это, во - первыхъ, *предоставленіе каждой составной части преимуществъ великодержавнаго положенія,* которыхъ онѣ в отдѣльности были бы лишены и которыя, какъ показываетъ опытъ минувшаго десятилѣтія с его вопіющими нарушеніями правъ мелкихъ единицъ, не могутъ быть, достаточно оцѣнены. Это, во - вторыхъ, *предоставленіе каждой составной части благъ относительной умиротворенности,* достигаемое

*) При этомъ, конечно, не имѣется въ виду практика унитарныхъ государствъ съ едиными автономными провинціями.

устранением тѣх вооруженных столкновений, которыя без объединенія между ними от времени до времени неминуемо должны возникать (рах гоман!). Это, в-третьих, предоставление каждой составной части благ, связанных с обширностью территоріальной основы хозяйственнаго процесса — одна и та же мѣстность имѣет перед собой совершенно различныя экономическія перспективы в зависимости от того, окружена ли она тѣсными политическими границами, или входит в состав почти самодовлѣющаго цѣлаго, каким было, наприм., дореволюціонная Россія. Выводы из этих положений таковы.

1. Предоставление каждой из составных частей будущей Россіи преимуществ великодержавнаго положенія предполагает, прежде всего, что во внѣшних сношеніях послѣреволюціонная Россія будет выступать в качествѣ такого же единства, каким была Россія дореволюціонная. Всѣ международно-правовыя функціи страны: аккредитованіе дипломатических и консульских представительств за границей и принятіе таковых внутри страны, веденіе дипломатических и иных переговоров, и, как их слѣдствіе, заключеніе международных договоров, объявленіе войны и заключеніе мира — должны быть в полном обѣмѣ и без всяких оговорок отнесены к компетенціи центральной власти. Право заключенія пограничных соглашеній, совершенія отдѣльных актов общенія с органами иностранных государств может быть предоставлено органам областей исключительно в тѣх предѣлах, в каких это имѣет мѣсто и в государствах унитарнаго типа. Сложная внутри будущая Россія во внѣшних своих сношеніях должна быть едина.

Великодержавное положеніе, однако, дается обширной странѣ не только единством ея международно-правовых выступленій. За этими выступленіями должна чувствоваться опредѣленная сила, приблизительно равноцѣнная силѣ других великих держав. Это положеніе заставляет требовать централизаціи всей внѣшней оборонительной функціи государства и сосредоточенія в руках центральной власти всей вооруженной силы объединенной страны. И это объединеніе должно быть полным, а не ограниченным какими либо распорядительными или инспектирующими функціями. В странѣ должна быть единая армія и единый флот — армія и флот Россійскаго государства, а не союзныя арміи или союзныя контингенты. Центральной государственной власти без всякой конкуренціи со стороны властей мѣстных, должно принадлежать военное законодательство, военное командованіе и военное управленіе, в частности военное снабженіе. — Эта до конца проведенная централизація военнаго дѣла лежит в концѣ концов в интересах самих областей: реальная мощь, которой придется располагать будущей Россіи, есть величина, которая будет опредѣлена предстоящей международной конъюнктурой; а так как мощь до конца централизованной вооруженной силы значительно превосходит мощь равновеликой арміи союзнаго характера, то эта централизація создаст возможность весьма значительной экономіи в личных и матеріальных силах.

2. Предоставленіе областям преимуществ относительной умиротворенности стоит в связи с замѣной международноправовых отношеній между частями сложнаго государства, государственно-правовыми.

Такая замѣна, представляющаяся для областей, как всякій переход от неорганизованнаго состоянія к организованному, значительным улучшеніем, предполагает со стороны общегосударственнаго центра опредѣленную дѣятельность. Дѣятельность эта должна, во-первых, заключаться в нормированіи многочисленных отношеній между областями, могущих, по указаніям опыта, явиться источниками столкновеній. Таковы, напримѣр, вопросы о правах гражданъ одной области в предѣлахъ другой ; о призрѣніи уроженцевъ одной области, впадшихъ в нужду, по переселеніи в другую ; о способахъ избѣжанія двойнаго обложенія однихъ и тѣхъ же объектовъ ; о силѣ актовъ органовъ одной области на территоріи другихъ, и т. д. — Этимъ умиротворяющая функція центра, конечно, не можетъ ограничиваться. Несмотря на отмѣченное нормированіе, недоразуменія и столкновенія между областями остаются возможными. Государственный центр долженъ дать своимъ частямъ возможность разрѣшенія такихъ споровъ в организованномъ порядкѣ, причемъ таковымъ можетъ быть только осуществляемый тѣмъ или инымъ центральнымъ органомъ арбитражъ. Исполненіе соответствующихъ рѣшеній, а равно предупрежденіе попытокъ самоуправнаго разрѣшенія междубластныхъ споровъ должно быть гарантировано всей принадлежащею центру военной мощью.

3. Экономическое единство общегосударственной территоріи предполагаетъ, прежде всего, единство таможенное. Это означаетъ, во-первыхъ, единство внѣшней таможенной границы и таможеннаго тарифа ; учрежденія, примѣняющія послѣдній, могли бы, по примѣру до-революціонной Германіи, состоять в вѣденіи мѣстной власти ; из существа вещей это, однако, не вытекаетъ и, в виду отмѣченной нежелательности немотивированныхъ осложненій в распредѣленіи компетенцій, должно быть отвергнуто. Таможенное единство означаетъ, во-вторыхъ, отсутствіе какихъ либо внутреннихъ таможенныхъ границъ : товары должны передвигаться внутри сложнаго государства также, какъ это имѣетъ мѣсто в современномъ унитарномъ государствѣ ; само собою разумѣется, что, при этихъ условіяхъ, законодательство о внутренней торговлѣ должно принадлежать к числу функцій центра (с допущеніемъ, правда, дополнительнаго нормированія мѣстами). По связи с товарнымъ оборотомъ слѣдуетъ отнести к вѣденію центральной власти и всю область косвеннаго обложенія или замѣняющихъ его фискальныхъ монополій ; и здѣсь слѣдуетъ высказаться за отнесеніе к компетенціи центра не только законодательства, но и исполненія.

Экономическое единство территоріи предполагаетъ, далѣе, единство денежной системы. К исключительной компетенціи центральной власти должна потому принадлежать чеканка монеты, выпускъ бумажныхъ денегъ и регулированіе дѣятельности эмиссіонныхъ банковъ. Наряду с деньгами конституціи всѣхъ сложныхъ государствъ относятъ к вѣденію центра законодательство о мѣрахъ и вѣсахъ. Тѣ неудобства, которыя давно уже чувствовались в нашей внѣшней торговлѣ в связи с бытіемъ у насъ національной системы таковыхъ, являются достаточнымъ предостереженіемъ противъ мысли о распыленіи этого дѣла между нѣсколькими десятками областей.

Экономическое единство территоріи предполагаетъ, в третьихъ, единство, обслуживающаго территорію аппарата сообщеній и сно-

шений. Единство это допускает разные формы. По отношению к почтѣ, телеграфу и телефону (за исключеніем, можетъ быть, мѣстнаго) опытъ выяснилъ желательность единства, доведеннаго до конца, т. е. не только единство нормированія, но и единство управленія. То же самое слѣдуетъ принципиально сказать о желѣзныхъ дорогахъ. Но такъ какъ в силу принципа дезэтатизаціи (см. гл. II), сомнительно бытіе в будущей Россіи казенной сѣти, то единство выльется здѣсь, вѣроятно, в единство законодательнаго нормированія, устраняющее послѣдовательное прохожденіе грузомъ нѣсколькихъ отличныхъ другъ от друга комбинацій коммерческихъ и техническихъ условий. Единство нормированія необходимо и по отношенію к воднымъ и грунтовымъ путямъ, морскому мореплаванію и воздухоплаванію; центральное нормированіе должно, однако, пониматься здѣсь не въ качествѣ исключительнаго, а въ качествѣ допускающаго восполненіе въ связи съ мѣстными особенностями. Поскольку сооруженіе и поддержка водныхъ и грунтовыхъ путей и торговыхъ портовъ останется государственной функціей (опытъ показываетъ трудность привлеченія въ эти сферы частной инициативы), центр, быть можетъ, сохранитъ въ своихъ рукахъ имѣющія наибольшее общее значеніе единицы.

Экономическое единство территоріи предполагаетъ, наконецъ, единство регулирующаго гражданскій оборотъ права. Опытъ Германіи и Швейцаріи показываетъ, что партикуляризмъ въ этомъ отношеніи обреченъ на умираніе. Сѣверо-американскій партикуляризмъ не является достаточнымъ противопоставленіемъ въ виду близости отдѣльныхъ правопорядковъ, покоющихся на единой основѣ англійскаго common law. Единство гражданскаго права слѣдуетъ, какъ принципъ, признать желательнымъ и для будущей Россіи. Изъ принципа, вѣроятно, придется допустить изъятіе по отношенію къ правамъ на внѣгородскія недвижimyя имущества; разнообразіе земельнаго строя въ различныхъ частяхъ Россіи настолько велико, что не такъ скоро сгладится и въ условіяхъ буржуазно-демократическаго уклада. Но распоряженіе свободнымъ земельнымъ фондомъ, въ предупрежденіе опасностей, вытекающихъ изъ прямолинейнаго проявленія мѣстныхъ эгоизмовъ, должно оставаться въ рукахъ центральной власти; отмѣтимъ, что такъ же стоитъ дѣло въ С. Штатахъ.

V.

Таковы главные черты компетенціи общегосударственнаго центра в будущей Россіи; поскольку они вытекаютъ изъ основныхъ интересовъ, осуществленію коихъ призвано служить объединеніе областей въ высшее единство. Этимъ центральная компетенція врядъ ли ограничится. Изъ самаго бытія центра естественно вытекаетъ восполненіе компетенціи въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ, чтобы существовать и функционировать, центръ нуждается въ органахъ и матеріальныхъ средствахъ. Онъ можетъ, конечно, получать то и другое отъ областей, но можетъ озаботиться и созданіемъ себѣ самостоятельнаго базиса. Во-вторыхъ, личность объединяющаго области центра создаетъ возможность осуществить по многимъ вопросамъ значительную экономію усилій; есть

предметы, которыя принципиально не требуют непременно центрального урегулирования, но которыя сравнительно мало связаны с мѣстными особенностями и потому, при разрѣшеніи их на мѣстах, все же отливаются в весьма близкія друг другу формы. Такое положеніе вещей служит мотивом к перенесенію соотвѣствующих функций на центр, это приводит к замѣнѣ многочисленных параллельно производимых работ единой работой.

1. Разсмотрѣніе только что охарактеризованной производной компетенціи общегосударственного центра можно начать с вопроса, тѣсно примыкающаго к пункту, на котором закончился просмотр компетенціи основной: рядом с гражданским правом в нашем представленіи стоит право уголовное. По существу вещей нельзя доказать, что уголовное законодательство должно быть непременно отнесено к компетенціи центральной власти. Можно было бы поэтому пойти по слѣдам Соединенных Штатов и предоставить это дѣло областям. Но нѣтъ никаких сомнѣній в том, что параллельная разработка вопросов уголовного права в нѣскольких десятках областных центров представилась бы совершенно безцѣльным расточеніем сил. Поскольку дѣло идет о бунтѣ или измѣнѣ, об убійствѣ или тѣлесном поврежденіи, о воровствѣ или мошенничествѣ, о поддѣлкѣ монеты или подлогѣ документов—законодательство культурных стран к настоящему времени в высокой степени друг к другу приблизились; расхожденія замѣчаются скорѣе по техническим вопросам, нежели по существу дѣла; то же самое имѣет мѣсто по ряду вопросов, т. наз. общей части уголовного кадекса—устанавливающей общія условія преступности и наказуемости дѣяній. Это опредѣленно говорит за перенесеніе работы на центр, который, располагая большими техническими силами, технически лучше сможет ее выполнить. Само собой разумѣется, что компетенція центра не может быть исключительной: поскольку жизненные отношенія будут регулированы мѣстным правом, к областной компетенціи должны быть отнесены и санкционирующія послѣднее карательныя нормы.

Принцип экономіи сил, который заставляет высказываться за централизацию уголовного законодательства, приводит к такому же выводу по отношенію к праву процессуальному. Но как стоит дѣло с организацией суда? Тут возможна цѣлая серія систем. Можно отнести, как судоустройственное законодательство, так и судебное управленіе к компетенціи центра. Можно пойти по примѣру С. Штатов и учредить двѣ серіи судов—мѣстных и федеральных, рассматривающих дѣла в зависимости от характера подлежащаго примѣненію права и от участвующих в процессѣ лиц. Можно ограничить компетенцію центра законодательством и перенести все судебное управленіе на области. Из названных рѣшеній сѣверо-американское отпадает, т. к. оно покоится на отвергнутом партикуляристическом построеніи гражданского и уголовного права. Остаются первое и третье. При сравнительной оцѣнкѣ их нужно имѣть в виду, что первое имѣет смысл только в том случаѣ, когда удастся свести всѣ суды в систему, возглавляемую единым кассационным судом, призванным блюсти единство в судебном толкованіи права.

Это единство кассации, в виду размѣров россійскаго государства

и количества возникаемых в нем дѣл, фактически неосуществимо. Уже в дореволюціонной Россіи видимость его поддерживалась исключительно существованіем цѣлыхъ категорій судов, рѣшенія которых не могли доходить до Сената (волостные суды, земскіе начальники). Проведеніе по всей территоріи страны закона о пробразованіи мѣстнаго суда от 15. VI. 1912 г., упразднившего юрисдикцію земскихъ начальников и послѣдовавшее затѣм отпаденіе системъ волостныхъ судовъ в эпоху временнаго правительства несомнѣнно заставило бы отказаться даже от видимости. — Итак, построить организационно-единую судебную систему будетъ невозможно. Ясно, что в этомъ обстоятельстве заключается вѣское показаніе в пользу перенесенія судебного управленія в компетенцію областей, конечно, с сохраненіем за государственнымъ центромъ права контроля в смыслѣ исполненія нормъ общегосударственнаго закона. Для поддержки единства в судебной практикѣ можно было бы, по примѣру Франціи, установить институтъ кассации в интересахъ закона. Для разсмотрѣнія соответствующихъ дѣл, а равно для разрѣшенія пререканій о подсудности между судами различныхъ областей, слѣдовало бы, учредить центральный судъ.

Уже дважды использованный принципъ экономіи силъ можетъ быть выдвинутъ в пользу отнесенія къ центральной компетенціи вопросовъ, связанныхъ с т. н. субъективными публичными правами. Законодательства о печати, о собраніяхъ, о союзахъ и т. д., по существу вещей не могутъ слишкомъ отличаться в предѣлахъ территоріи, живущей единой государственной жизнью. Итак, установленіе принциповъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ центральной власти. Если же предоставить развитіе этихъ принциповъ областному законодательству, то соответствующія постановленія окажутся похожими другъ на друга какъ двѣ капли воды. Ясно, что это предоставленіе является совершенно излишнимъ.

2. Вторая вѣть производной компетенціи государственнаго центра — это вопросъ организаціи послѣднимъ своихъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ. Свои жизненные органы онъ, конечно, будетъ строить самъ. В разныхъ частяхъ изложенія мы установили необходимость, по ряду вопросовъ, непосредственно исполнительній дѣятельности общегосударственной власти. Ясно, что центральнымъ законодательствомъ будетъ регулироваться и структура подлежащихъ органовъ.

Что касается общегосударственныхъ финансовъ, то тутъ мыслимы три основныя системы: система единаго общегосударственнаго обложенія с дотацией областей из центра (таковы практически системы Р. С. Ф. С. Р. и современной Германіи); система исключительно мѣстнаго обложенія с покрытіемъ общегосударственныхъ расходовъ матрикулярными взносами (такая система преобладаетъ в т. н. союзахъ государствъ) и, наконецъ, система параллельнаго обложенія — центрального и мѣстнаго. Предпочтительной представляется третья система при условіи установленія порядка исправленія могущаго получиться несоответствія между потребностями и поступленіемъ (дотация областей при излишкахъ в центральной кассѣ и матрикулярные взносы при недостаткѣ в ней). Почтово-телеграфный доходъ и косвенное

обложение со включеніем таможенных пошлин и, по мѣрѣ надобности, фискальных монополій — вот основа на которой должен покоиться будущій центральный бюджет. Такой же основой для мѣстных бюджетов явится прямое обложение.

VI.

Нельзя достаточно подчеркнуть, что изложенная в предыдущих главах схема распределенія функций между центром и мѣстами носит характер не прогноза, а проекта программы, по необходимости бѣглой и по многим пунктам несомнѣнно не безспорной. Эту программу могут оспаривать как централисты, которые признают в ней попытку недопустимаго распыленія государственнаго единства, так и крайніе федералисты, которые, пожалуй, скажут, что программа переносит в вѣденіе центра все существенное, что на долю областей она оставляет лишь второстепенныя дѣла, «мѣстное хозяйство» в широком смыслѣ слова, и, в особенности, что предлагая созданіе самостоятельнаго, развѣтвленнаго по всей странѣ центральнаго аппарата (в особенности в сферах военной, финансовой, и почтово - телеграфной), она приводит к недопустимому перевѣсу центра над мѣстами. Такой взгляд был бы глубоко ошибочен. Отношеніе государства къ церкви (правда, в развитіе центральнаго нормированія свободы совѣсти), народное образованіе, народное здравіе, внутренніе водные пути и грунтовыя дороги (за единичнымъ исключеніем), земельный строй, поощреніе земледѣлія, промышленности и торговли, урегулированіе отношеній между капиталом и трудом, банки (за исключеніемъ эмиссіонныхъ) и страховое дѣло, мѣстное самоуправленіе, полиція, судебное управленіе, мѣстные финансы — вот далеко не исчерпывающій перечень задач, остающихся, согласно схемѣ, в вѣденіи областей. Что касается развитія мѣстнаго аппарата центральной власти, то во избѣжаніе техническихъ несовершенствъ стараго аппарата и во имя установленія весьма желательной связи его с обслуживаемыми мѣстностями, необходимо требовать построенія его на началах административной децентрализаціи со включеніемъ в мѣстные коллегіальныя органы достаточнаго количества представителей от областей.

Возраженія со стороны централистовъ могутъ быть направлены, прежде всего, на недостаточное использованіе принципа экономіи силъ. Они укажутъ, наприм., на дѣло народнаго образованія, которое во всѣхъ русскихъ областяхъ, очевидно, будетъ поставленно приблизительно одинаково. Это вѣрно. Но обратное рѣшеніе вопроса пошло бы в разрѣзъ с минимальными требованіями національностей, что было бы связано с превращеніемъ совмѣстнаго бытія ихъ в единомъ политическомъ образованіи из добровольнаго в принудительное и лишило бы смысла все намѣченное переустройство страны по схемѣ сложнаго государства. Во избѣжаніе параллельной работы областей по указанному или любому иному вопросу можно намѣтить образованіе между-областныхъ цѣлевыхъ союзовъ, т. е. такихъ договорныхъ объединеній, которымъ группы областей передавали бы осуществленіе нѣкоторыхъ изъ возложенныхъ на нихъ функций. Нѣкоторые союзы, быть можетъ, по-

степенно разрастутся до предѣлов, почти совпадающих с территоріей государственнаго цѣлаго. Это будет означать, что назрѣло перенесеніе соотвѣствующих функцій с мѣст на центр. В других случаях эволюція остановится на болѣе ранних стадіях; тут цѣлевые союзы окажутся наиболѣе практичным выходом из трудной проблемы неравномѣрнаго распредѣленія компетенцій. (см. выше глава III. I.). Но принципиально централисты найдут особенно неприемлимой мысль о перенесеніи на области полицейскаго дѣла, мысль лишающую на их взгляд, центральный аппарат всякой мощи. На это можно возразить, что иногда даже страны унитарнаго типа (наприм. Великобританія в тѣсном смыслѣ слова) не знают общегосударственной организаціи полиціи и передают это дѣло мѣстам, и что в руках центра остается достаточно средств для того, что бы сдѣлать сопоставленіе *отдѣльной* области немыслимым.

Нужно отмѣтить, что опасенія вообще возникают лишь при недостаточном проникновеніи схемой сложнаго государства. В будущей Россіи — если она найдет свой путь — не будет не только угнетенных провинцій, но и провинцій, почитающих себя угнетенными. Всѣ ея составныя части будут таковыми не по принужденію, а потому, что в союзном цѣлом они легче всего осуществят свой собственный интерес. Такая Россія не будет больше колоссом на глиняных ногах. Ея сила будет силой подлинной.

Проф. Н. С. Тимашев.

ВОПРОСЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БУДУЩЕЙ РОССИИ.

На страницах эмигрантской прессы оживленно трактуется вопрос о «возрождении» России. Цѣлый поток соображеній и проектов о «кредитѣ, экономической политикѣ, интервенціи иностраннаго капитала и формѣ правленія» — вплоть до порядка перемѣны шпал на желѣзных дорогах, — предоставляется вниманію читателей. И лишь один только раз в доступной мнѣ литературѣ я встрѣтилъ указаніе, что «люди, люди самое главное». Как врачу, мнѣ представляется несомнѣнным, что первым условіем «возрожденія» по любому рецепту должно быть возрожденіе способности к труду. При этом количество труда, его продуктивность, напряженность должны настолько превышать потребности самих трудящихся, чтобы результатами этого труда могла прожить и остающаяся — нетрудоспособная — часть населенія: дѣти, престарѣлые, инвалиды, больные.

Изученіе, биологических особенностей и соотношеній, как между отдѣльными видами, так и внутри одного и того же вида, указывает нам на два типа процессов, направленных к сохраненію вида. Измѣненія внѣшней среды, борьба за добываніе необходимаго количества «жизненных благ» открываетъ дорогу индивидуумамъ болѣе сильным, обладающимъ всѣми свойствами, характерными для даннаго вида, в полном развитіи, — «взрослым» особям. Однако, эти же постоянно мѣняющіяся внѣшнія условія побуждаютъ вид к пріобрѣтенію новых свойств, к выработкѣ иных, чѣмъ раньше, защитныхъ приспособленій. Зачатки такихъ «новыхъ» свойствъ могутъ пріобрѣтаться в зрѣломъ состояніи взрослыми особями, во время «борьбы за жизнь»; но дѣйствительное закрѣпленіе их, развитіе во всей полнотѣ совершается лишь в рядѣ нисходящихъ поколѣній. Первые изъ этихъ «молодыхъ» поколѣній с вновь пріобрѣтенными усовершенствованіями для борьбы за сохраненіе вида не становятся сразу болѣе стойкими, нежели взрослые особи того же вида, не имѣющіе этихъ приспособленій. Процесс пріобрѣтенія новыхъ свойствъ требуетъ большихъ усилій и временно быть можетъ создать «пониженную сопротивляемость «молодыхъ особей» по отношенію (в особенности) к тѣмъ вреднымъ факторамъ, которыхъ не касаются вновь пріобрѣтенныя приспособленія.

Такимъ образомъ, сохраненіе вида возможно лишь при условіяхъ, обезпечивающихъ существованіе не только наиболѣе крѣпкихъ — взрослыхъ — особей, но и молодыхъ формъ с «пониженной жизнестойкостью».

Если этих условий нѣтъ, гибнут сначала молодые, находящіеся в періодѣ «приспособляванія» особи; ; поступательное движеніе вида, его совершенствованіе прекращается и наступает болѣе или менѣе скорое вымирание. Нѣтъ сомнѣній в том, что интенсивность выполненія той или иной функціи, присущей данному виду, будет выше при выполненіи ея лишь «взрослыми» особями, либо при выполненіи ея всей массой «силы» даннаго вида, чѣм в том случаѣ, когда часть этой силы затрачивается на сохраненіе, поддержку жизни нетрудоспособных особей, — молодых, незрѣлых форм и т. д. Но длительность этой интенсивности невелика и затрата сил на поддержаніе отклоняющихся от средней — типичной для вида — линіи особей (часто получающих названіе «вырождающихся») с цѣлью использованія их варіаціонных способностей оправдывается длительностью и стойкостью существованія вида. Примѣром могут служить эпидеміи холеры и гриппа. Холера распространяется с колоссальной быстротой, охватывает сразу большіе территоріи, дает молниеносные случаи заболѣваній и смерти и, пронесшись грозой, исчезает на болѣе или менѣе долгій період (я не говорю, конечно, про исходные пункты, в которых возбудитель имѣется всегда; к числу таких «очагов» приходится причислить в настоящее время и Россію). Грипп, послѣ первых, с значительной, но все же уступающей холерѣ смертностью, эпидемій затихает, но не уходит. То здѣсь то там, то с большей то с меньшей силой эпидеміи повторяются и тянутся годами; возбудитель его как бы измѣняется, входит в симбіоз с другими бактеріями и живет, приспособляясь к новым условіям, именно благодаря большей гибкости основных качеств вида, благодаря надлежащему использованію варіаціонных способностей молодых поколѣній.

В Россіи за послѣдніе годы мы видим примѣненіе принципов совершенно противоположных принципам сохраненія вида. Право на существованіе признается лишь за одной — весьма малочисленной частью, сгруппированной по случайному признаку (политич. воззрѣніям). Все остальное населеніе должно служить лишь субстратом для существованія первой — привилегированной — части.

Неизбѣжность приспособленія к этим ненормальным и насильственным условіям настолько увеличивает борьбу за существованіе, что сознаніе необходимости забот о слабых, больных, малолѣтних отпадает и они предоставляются самим себѣ, и в результатѣ эта борьба, не освѣщаемая никакой идеей высшей, чѣм комфорт личнаго существованія, приводит к культивированію эгоизма в его наиболѣе грубых и низменных формах; к удовлетворенію потребностей лишь сегодняшняго дня. Инстинкт сохраненія вида безсознательно заставляет наиболѣе здоровых — т. е. именно сохранивших этот инстинкт — не отказывать в помощи нетрудоспособной части населенія, в первую очередь своей семьѣ. Вслѣдствіе этого им приходится пользоваться самим лишь частью своего труда, и лишаться при этом необходимаго минимума «жизненных благ». Тогда как индивидуумы с дефектом психики в этом отношеніи пользуются всей суммой добываемаго ими и естественно болѣе обезпечены в борьбѣ. Каждый старается перегнать сосѣда в этой скачкѣ к наиболѣе экстравагантным формам озвѣренія; и измѣненія психики значительных слоев населенія на-

ступает, как мы видим, поразительно быстро. Примером такого быстрого движения в сторону одичания, регресса и утраты понятия ценности коллектива, как формы общежития, может служить изменение психики инвалидов и калёк. Если такого калёку, в особенности работавшего ранее в качестве квалифицированного работника в какой либо технической области; удастся с помощью протезов вернуть к его привычной работе, его настроение, его самочувствие часто не оставляет желать лучшего; больше того — сознание своего несчастья дѣлает его иногда больше чутким, больше осторожным по отношению к окружающим, больше спокойным в личной жизни. С другой стороны спокойный, уравновешенный человек, чистоплотный во всех отношениях психики, лишенный возможности работать, вынужденный жить подавляем, натякающийся, как это обычно теперь случается, на равнодушно враждебное отношение окружающих, чрезвычайно быстро перерождается в индивидуума стоящего по ту сторону какой бы то ни было морали, теряет всякие культурные навыки — не только внешние, но в волевой и психической областях — и становится вредным сочленом для любого общества. И надо признать — из опыта последних лѣт — что понятие «инвалидности» — не только физической, но именно психической и волевой, ведущее к указанным изменениям приходится расширить в весьма значительных пределах. (Смѣновѣховство всех видов).

Причины же, вызвавшая увеличение количества лиц нетрудоспособных, нуждающихся в заботах и помощи, продолжают дѣйствовать и в настоящее время. Войны за период 1914-1921 по подсчетам советской прессы дали около 2.000.000 инвалидов, заразными болезнями, по подсчетам Проф. Тарасевича, приводимым ниже, болѣло около трети всего населения; число страдающих от голода превосходит и эту колоссальную цифру, ибо кромѣ «официальных» голодающих округов, вся сов. Россія — это знает большинство из нас по личному опыту — недоѣдает в той или иной степени. И если даже в лучшем случаѣ отдѣльные категории временно могут говорить о «сытости», то это обстоятельство указывает только на достаточное количество пищи, но отнюдь не на наличность в ней всех необходимых элементов. Опыт Германіи, проводившей за время блокады распределение продуктов по калорийной их ценности, не считаясь с выработанными самой жизнью пищевыми смѣсями, дал не только пониженную общую трудоспособность и сопротивляемость внешним вредным факторам, но вызвал появление новых болѣзней исключительно на почвѣ «качественного» недоѣдания (напр., неправильностей минерального обмена, отсутствія витаминов, отсутствія вкусовых раздражителей). Этот массовый опыт подтвердил еще раз, что потеря некоторых, минимальных по количеству, но необходимых веществ влечет за собой понижение жизненного тонуса организма, потерю требуемого напряжения — тургора составляющих его клеток и тканей, вянущих и вялых, как колос во время засухи, — потерю активности, воли к жизни, стойкости в борьбѣ с окружающими бѣдствиями.

При царящей в сов. Россіи всеобщей разрухѣ трудно получить достоверныя данныя о движении в ней населения. Приходится руководствоваться не только цифрами, но и «впечатлѣніями», создающимися

у лиц, соприкасающихся с сов. дѣйствительностью. Из этих впечатлѣній, естественно, приходится выбирать лишь немногія, дающія наибольшую гарантію об'ективности, как напр. доклад лигѣ націй Проф. Тарасевича. Данныя эти рисуют весьма печальную дѣйствительность и нерадостное будущее.

Послѣдніе 50 лѣтъ были для стран, причастных к современной западно-европейской культурѣ временем быстрого движенія по пути здравоохраненія. Открытіе причины заразных болѣзней в видѣ микробов и простѣйших, изученіе их образа жизни и распространенія в корнѣ измѣнило большинство отдѣлов медицины, открыло широкую дорогу в области хирургіи, создало цѣлый ряд новых принципов в борьбѣ с «прилипчивыми» заразными болѣзнями (дезинфекція, вакцинація, серотерапія) создало почти заново гигиену, расширив, распространив примѣненіе ея принципов на всѣ стороны человѣческаго бытія. Заболѣваемость и смертность во многих случаях понизились. Так, смертность в Англіи на 1.000.000 (ст. Питта, Корол. Вѣст. Соц. Мед.) :

	в 1880	1920
Общая смертность	19.400	12.100
Оспа	25.	0
Сыпной тиф.	21.	0
Брюшной тиф.	261.	14.
Скарлатина.	675.	38.
Коклюшъ.	530.	117.
Туберкулез,	1.875.	872.

Эти цифры показательны уже сами по себѣ ; но еще болѣе онѣ заслуживают вниманія, если вспомнить, что только по отношенію к двум из болѣзней (оспѣ и брюшному тифу) мы имѣем средства для предупрежденія развитія эпидемій в видѣ массовых предохранительных прививок. По отношенію же к прочим улучшеніе приходится отнести на счет общаго измѣненія гигиенических условій жизни, внѣдренія в массы основных гигиенических навыков, воспрепятствовавших распространенію заразных заболѣваній несмотря на развитіе именно в Англіи промышленных и городских центров, способствовавших, благодаря скученности, передачѣ инфекции.

Россія и в прежніе годы занимала одно из первых мѣст по количеству заразных заболѣваній ; в частности по сыпному тифу (данныя Новосельскаго. Журнал «Научная Медицина» № 1. 1919 г.) она занимала в період 1909 - 1913 г. 2-ое мѣсто в мірѣ : на 1.000.000 населенія Европейской Россіи приходилось 90,5 умерших от сыпного тифа ; первое мѣсто занимал Египет со смертностью в 126,9 ; третье мѣсто — Испанія — 14,8 — т. е., в 6 разъ меньше Россіи, а Франція, Германія, Италія и др. меньше 1,0.

Свѣдѣнія о Россіи очень неполны, так как статистика заболѣваемости, приводимая медицинским персоналом, осуществлялась лишь частично, в тѣх мѣстах, гдѣ достаточно было такого персонала, а статистика смертности, основанная на метрических записях, часто была недостаточно обоснована правильным діагнозом. Статистика послѣдних лѣтъ еще болѣе недостаточ-

на; даже в городах, благодаря рѣзкому измѣненію количества их обитателей, цифры ниже нормы; в сельских мѣстностях — в большинствѣ случаев, вообще за період 1918 - 1922 не было никакой статистики; вслѣдствіе этого к полученной на основаніи официальной статистики картинѣ приходится добавлять соотвѣтствующіе коэффиціенты, получающіеся при сравненіи этой статистики с статистикой воинских частей и двух центров — Петрограда и Москвы, гдѣ положеніе зачительно ближе к дѣйствительности. Но и без коэффиціентов общія цифры сыпно - тифозных ужасны.

Заболѣваемость на 10.000 дает слѣдующія цифры:

1915	6,5	1918	12,3
1916	8,3	1919	196,7
1917	7,1	1920	264,9

Цифры, полученныя с помощью множителей, дают слѣдующіе результаты: Число заболѣвших по годам:

1918	700.000	1921	1.200.000
1919	6.600.000	Сибирь	1.750.000
1920	6.500.000	Украина	3.200.000

Мѣстности, не вошедшія в указан. статистику 5.000.000

Итого 24.950.000

Для того, чтобы сравнить эти цифры с цифрами до военными, приходится взять среднюю за всѣ 5 лѣтъ, так как 1918 и 1919 год болѣе неправдоподобны по статистическим данным, чѣм 1921 и 22. В 1922 году за первые 5 мѣсяцев было уже болѣе 1.000.000 заболѣвших; в 1920 году за тот же період — около 2.000.000 (по официальным данным), слѣдовательно, фактически по всей вѣроятности за весь 1922 г. (цифры этой в докладѣ Проф. Тарасевича нѣтъ), было около 3.000.000; таким образом за 6 лѣтъ (1918-1922) всего было 28 — 30.000.000 больных сыпным тифом, в среднем в год около 5 — 6.000.000, что составляет (принимая для Сов. Россіи наибольшую цифру населенія — 150.000.000) около 40.000 на 1.000.000 жителей. Цифры эти не требуют каких либо комментариев; они превосходят всѣ когда либо зарегистрированныя. Смертность от сыпного тифа была в общем невелика — около 10—12%; по мнѣнію Д-ра Сысина зав. статистикой Наркомздрава, общее число смертных случаев — около 2 — 3.000.000. Наблюдались однако мѣстности с значительно большей смертностью; для нѣкоторых категорій населенія (заключенныя в тюрьмах), она доходила до 60 — 80% заболѣвших. По Мурчинсону (Сыпной Тиф, Венсан и Мюратэ, 1917, изданіе Массон) смертность от сыпного тифа составляет для дѣтскаго возраста 3 — 5% и нарастает в дальнѣйшем так, что для лиц

в возрастѣ выше	35 лѣтъ	смертность	35%
»	»	40	» 45%
»	»	50	» 53%
»	»	60	» 67%

при средней смертности в 15 — 20%. Таким образом приходится сдѣлать заключеніе, что погибшіе от сыпного тифа в значительной

части относятся к наиболее производительным слоям населения. Это подтверждается отчасти и цифрой смертности врачей — доходившей до 31% ; отчасти эта цифра объясняется болѣе близким соприкосновением врачей с инфекцией, хотя в обычных условиях больничные врачи заразных отдѣлений заражались рѣдко ; отчасти же повышение коэффиціента объясняется возрастным составом группы врачей.

Второй по размѣрам распространения инфекцій был возвратный тиф. За XX столѣтіе максимум заболѣваній до войны приходился на 1908 год, когда по всей Россіи было зарегистрировано 128.494 случая, минимум на 1900 г. — 10.544. Война способствовала увеличенію болѣзни : так в арміи было зарегистрировано :

с августа по декабрь	1914	35 случаев
» » » »	1915	4.333 »
» » » »	1916	27.958 »
» » » »	непол. 1917	43.193 »

Но дальнѣйшія цифры оставили далеко за собой эти данныя :

Так в Европ. Россіи с 1 окт. 1918 по 1 ноября 1920 было	1.609.233
в Украинѣ с 1 янв. 1920 по 1 окт. 1920 было	163.866
В Сибири (весьма неполная статистика) было	230.047
Туркестан	1.063

2.004.209

При расчетѣ на 10.000 населенія заболѣваемость возвратным тифом для 1920 года—97,9, тогда как средняя для перваго десятилѣтія XX столѣтія не превышает 4,0. И эти ужасающія данныя все же ниже дѣйствительности, если сравнить их с данными по отдѣльным городам с болѣе правильной статистикой: так, в Харьковѣ (по данн. др. Игумнова) за період 1897 - 1917 максимум заболѣваній возвратным тифом был 2.479, а минимум — 67 случаев, тогда как в 1920 году их было 54.371. По отношенію к смертности при возвратном тифѣ (инфекціонной болѣзни, относящейся к тѣм болѣзням, в отношеніи которых медицина обладает в настоящее время значительным оружіем в лицѣ мышьяковистых препаратов) — мы имѣем чрезвычайно рѣзкое увеличеніе. Так, если принять за 100 цифру смертности от этой болѣзни в Россіи в період 1911 - 1913, смертность в 1919 году выразится цифрой 50.000. Обзор Тарасевича касается лишь первых мѣсяцев 1922 года, но на основаніи этих цифр приходится думать, что эпидемія возвратнаго тифа (равно как и тифа сыпного) не идет замѣтно на убыль. Так, період январь — май дает слѣдующія цифры :

1920	1921	1922
616.521	394.679	859.098

Холера была постоянной гостьей Россіи во время великих нашествій ея в Европу за прошлое столѣтіе. В Россіи в этом столѣтіи заболѣло 5.000.000 и умерло 2.200.000. С начала XX столѣтія холера не прекращается в Россіи, давая, то здѣсь, то там, вспышки эпидемій. Общее увеличеніе заразных заболѣваній сказывается и на ней — так число случаев в 1920 году для Евр. Россіи было : 113.913, тогда

как максимальная цифра по этой инфекции на всю Россию в XX столѣтіи была 109.560 (в 1910 году), а по большей части не превышала 10 — 15.000. Однако, районы захваченные эпидеміей были широки, она повторялась нѣсколько лѣтъ подряд в одних и тѣх же мѣстностях (по Волгѣ, по Дону) и давала по временам весьма значительную смертность. Так, по данным 1919 года, смертность у больных с установленным бактериологически диагнозом холеры была 93,2% ; для больных с отрицательным результатом бактериологич. изслѣдованія 54,7. По данным Др. Минервина, смертность среди привитых предохранительной вакциной составляла 20,6 при общей смертности в 43,5, тогда как напр., в греческой арміи за послѣднюю балканскую войну (т. е. среди условий далеких от современных гигиенических требованій) среди привитых было всего 6,7 заболѣваній при 82,5 заболѣваніях не привитых (Венсан и Мюретъ. Холера. Изданіе Массон 1917). Наконец число распространителей вибрионов, т. е. число лиц, содержащих вибрионы в своем кишечникѣ послѣ заболѣванія либо без заболѣванія значительно увеличилось — мѣстами свыше 15% ; тогда как в 1910 году число их по данным др. Поттевина не превышало 6,6% для взрослых. Все это говорит, как указывает Проф. Тарасевич и другіе эпидемиологи Россіи, за измѣненіе свойств холерного вибриона, за приспособленіе его к условіям длительного существованія в Россіи и общает нам в дальнѣйшем опасность холерных эпидемій на многіе годы, несмотря на то, что истекшіе пять лѣтъ дали по сравненію с иными инфекціями цифры для холеры пропорціонально немного меньше, чѣм это можно было ожидать при существующих общих гигиенических условіях Россіи.

В отношеніи брюшного тифа и дезинтеріи также указывается пр. Тарасевичем увеличеніе коэффиціентов заболѣваній за послѣдніе годы .

Так заболѣваемость за період 1900 - 1910 в среднем 20,0 на 10.000, а в 1919 — 32,1; в 1920 — 34,3 для тифа. Для дезинтеріи : средній коэффиціент за період 1910 - 1900 около 19, в 1920 — 34,1. Эти цифры не производят впечатлѣнія послѣ колоссальных цифр сыпного тифа , хотя они отбрасывают нас по сравненію с заболѣваемостью во Франціи, Германіи и других странах назад болѣе чѣм на столѣтіе. На 10.000 человек населенія зарегистрированы слѣдующія цифры (1896 - 1900гг.):

Италія	4,97	Англія	1,75
Венгрія	3,44	Данія	1,11
Франція	2,76	Германія	1,03
Бельгія	2,58	Швеція	1,5
Австрія	2,46	Швейцарія	0,84
Ирландія	2,07	Норвегія	0,75

К 1910 году цифры еще болѣе понизились — максимум приходился на Италію, имѣвшую 2,2. Даже для стран, пограничных с Россіей, составлявших ея окраины и потому находившихся в сходных гигиенических условіях (за исключеніем конечно полѣдных лѣтъ) и соприкасающихся с нею, как напр. Эстонія, цифры указанные в докладѣ Тарасевича непомѣрно высоки. В 1919 году в Эстоніи было

около 600 случаев брюшного тифа, в 1920 — 1.000, что в видѣ коэффициента на 10.000 дает: для 1919 г. — 3,0, для 1920 — 5,0. Для оцѣнки эпидемическаго неблагополучія имѣют в данном случаѣ значеніе не только абсолютныя цифры заболѣваній, но еще и указанія на ослабленіе защитных приспособленій организма, в видѣ появленія клинически выраженных заболѣваній, схожих с холерой, дезинтеріей, тифом, возбудителями которых являются новые микробы, не имѣвшіе до того времени вреднаго патологическаго значенія.

Благодаря общему воздѣйствію вызывающих такое ослабленіе причин, большинство заболѣваній — болѣзни сердца, почек, язвы слизистых оболочек и кожи — принимают так сказать «эпидемическое» распространеніе. Такое же «массовое» распространеніе имѣют и дегенеративные процессы в психической сферѣ. Наблюдается по данным Проф. Тарасевича значительное увеличеніе психических заболѣваній и частота самоубійств.

Наконец, необходимо отмѣтить, еще одну область заболѣваній, цифр по которым Проф. Тарасевич не приводит, но которая, по мнѣнію большинства врачей, получили поистинѣ «планетарное» развитіе — это область венерических заболѣваній. Врачи «оптимисты» считают, как говорит Проф. Тарасевич, что 10 — 15% всѣх обращающихся к ним больных заражены этими болѣзнями; врачи «пессимисты» настаивают на цифрѣ в 50%. Нѣтъ нужды входить в обсужденіе правильности того или другаго мнѣнія: нѣтъ сомнѣній в том, что заболѣваніе этими инфекціями превзошло всякія обычныя цифры и нормы. Возможность столь разнорѣчной оцѣнки говорит лишь за отсутствіе достаточных средств діагноза и лѣченія, иначе и в этих случаях имѣлись бы болѣе твердыя цифры. По отношенію к этой части инфекцій печальные выводы, являющіяся в результатѣ знакомства с данными доклада, приходится дополнить еще одним. Заболѣваемость инфекціонной болѣзнью влечет за собой нѣкоторую потерю трудоспособности, но все же это не сказывается на дальнѣйших поколѣніях с такой силой, как это имѣет мѣсто при венерических болѣзнях.

В заключеніе приведем нѣсколько данных относительно движенія населенія за описываемые годы.

По переписи 28 авг. 1920 года в 58 губ. было перед войной 102.793.000 жителей (по данным Центрального Статист. Комитета 106.222.000), а к моменту переписи их оказалось 90.708.969 — т. е. населеніе уменьшилось на 12 — 16 миллионѣв, иначе говоря на 12%. По данным д-ра Михайловскаго это объясняется паденіем рождаемости и увеличеніем смертности. Цифры для 1920 года: рождаемость 2,5% и смертность 3,8%. Считаясь с неправильностью обшей по Россіи статистики Проф. Тарасевич приводит в качествѣ примѣра отдѣльные города.

В Петроградѣ населеніе пало с 2.319.000 (в 1913) до 706.000 (в 1920); паденіе это объясняется эмиграціей городских жителей в деревню. Рождаемость пала с 25 на 1.000 до 15 (данныя 1913 и 1920 г.).

Смертность	равнялась :	1909 - 1913 — 23,2	1917 — 28,0
		1914 — 21,5	1918 — 43,0
		1915 — 22,8	1919 — 80,0
		1916 — 23,2	1920 — 90,0

Таким образом уменьшение населения превалированием смертности по данным Новосельского для 1919 года достигло 6,62%. Смертность от различных болѣзней по сравненію с данными 1911 - 1913, принятыми за 100, дает таблицу :

Оспа	3.066	Брюшной тиф	51
Грипп	1.173	Дизентерія	3.476
Сыпной тиф	27.300	Туберкулез	136
Возврат.	50.000	Гастроэнтериты	220

Тѣ же процессы отмѣчаются и в других городах и губерніях. Так, д-р Игумнов указывает : население Харьковской губер. увеличилось за 20 лѣт, предшествовавших войнѣ, на 18% ежегодно. В 1920 уменьшение население было 5,8, мѣстами доходя до 9%, в самом Харьковѣ оно достигло 22%. В Омскѣ Др. Гречищев указывает, что увеличение заболѣваемости по Сибири, глав. обр. по ея городам, дало цифры в 1914 — 0,27% — в 1920 — 7,99%. Резюмируя полученные им данныя, указывая, что в существующих условіях не всегда есть возможность базироваться только на статистических данных, в виду их неполноты, Проф. Тарасевич приходит к выводу, что Россіи придется потерять не меньше 20 — 25% населения. Число же лиц, сохранивших жизнь, но потерявших силы, здоровье в современном «смутном времени», не поддается учету, ибо нѣтъ ни одного русскаго, не испытывающаго на себѣ печальных особенностей послѣдняго пятилѣтія.

Подводя итоги современному положенію здравоохраненія в Россіи, приходится указать, во первых, на колоссальное вымирание населенія вслѣдствіе эпидемій; во вторых, на значительное ослабленіе физическаго и психическаго здоровья остающихся в живых, вслѣдствіе бѣдствій послѣдняго десятилѣтія. Слѣдствіем этих измѣненій явилась утрата инстинкта сохраненія вида, общая пассивность и крайній эгоизм, как массовое явленіе. Перед русскими врачами лежит поэтому задача не только оздоровленія общей обстановки, созданія нормальных условій существованія, не только возстановленія физическаго здоровья населенія, но и широкой планомѣрной борьбы с дефектами психики, оздоровленія духа — гигиены народнаго быта во всѣх его частях.

Русская медицина всегда отличалась от западно-европейской тѣм, что в круг вопросов, подлежащих ея вѣдѣнію, включала не только чисто лечебныя функціи, но заботы о социальном строительствѣ в самом широком смыслѣ. Русскіе врачи и в эти страшные годы не оставили своей работы и гибли как от профессиональных причин, так и причин, общих всей интеллигеніи. Тѣм не менѣе до сих пор не прекратились в их средѣ попытки к объединенію, к коллективной выработкѣ путей и выходов из создавающагося положенія; не прекратились научныя изслѣдованія, изысканія новых средств и методов борьбы с болѣзнями, продолжается организаціонная работа. Тѣм болѣе

на нас; заброшенных в эмиграцию и находящихся в условиях весьма печальных материально, но болѣе-покойных, болѣе располагающих к критической оцѣнкѣ прошлаго и менѣе экстренной разработкѣ вопросов организациі будущаго, лежит обязанность разобраться в поднимающихся вопросах. Необходимо намѣтить основы будущей работы, хтя бы в предѣлах своего личнаго участія и мѣста в ея схемѣ, принявъ во вниманіе и опыты чуждой нам ранѣе западно-европейской медицины, в которой за послѣднее время всплыли также вопросы общественной санитаріи, санитарнаго строительства и законодательства.

* * *

Если попытаться изобразить графически медицинскія организациі прежняго времени, то их наиболѣе правильно отразила бы система параллельно поставленных углов, центры которых находились в различных министерствах (врачеб. отдѣленія мин. путей сообщенія, военнаго, нар. просвѣщенія и т. д.), а периферія состояла из разбросанных по Россіи учреждений и отдѣльных врачей. На мѣстах врачи отдѣльных вѣдомств не были ничѣм связаны и подчинялись в сущности только веленіям центров, часто дававших діаметрально противоположныя указанія.

В противоположность «вѣдомственной» медицинѣ «земская» медицина строилась с периферіи, шла вперед путем коллективной выработки организационных задач и планов, но подняться на долгое время выше по-губернскаго б'единенія ей не удавалось, вслѣдствіе запретительных мѣр государственной власти.

Наличность цѣлаго ряда параллельных организаций, кромѣ недочетов на периферіи, и межвѣдомственных треній, требовала и излишних расходов на содержаніе многочисленных «центральных управлений» и лазаретов, больниц и пунктов, заповненіе и работа которых при невозможности переходить границы вѣдомств была во многих случаях неправильной и неполной. Основным требованіем для грядущей организациі медицинскаго дѣла должна быть естественно экономія в средствах и силах и с этой точки зрѣнія приходится намѣчать основы будущих схем и построеній.

В практикѣ земской работы создалось три основных стороны медико-санитарной организациі :

1. Лечебная, требующая кадра специалистов по отдѣльным вѣтвям медицинских знаній, работающих в больницах, амбулаторіях и т. д.;
2. Административно санитарная с исполнительными — выборными — органами на периферіи и в центрах ;
3. Организационно-санитарная, занимавшаяся на с'ѣздах выработкой общих организационных принципов, разработкой вопросов текущаго санитарнаго строительства и законодательства.

Начало всякой организационной дѣятельности лежит естественно в медицинском участкѣ и поэтому насущной задачей перваго времени будет возстановленіе сѣти участков, почти повсемѣстно разрушенной в большей или меньшей степени и обезпеченіе их квалифицированным персоналом. Но здѣсь — в отношеніи мелких центров — встрѣчаются значительныя затрудненія. Вопрос о врачах специали-

стах в земствах — вопрос давнишний и сложный. Тяготѣние к специализации — естественный результат развитія медицинских знаній и медицинской техники; одному человѣку охватить всѣ области медицины не только в отношеніи общих принципов, какъ это обычно бывает, но и в деталяхъ невозможно. А между тѣмъ вопросы охраны здоровья представляются настолько важными, что каждый больной требует отъ врача самаго лучшаго, самаго дѣйствительнаго, самаго «послѣдняго» способа леченія. Эта погоня за послѣднимъ словомъ создаетъ увлеченіе «модными» средствами и необходимость разбираться во всей массѣ рекламируемыхъ препаратовъ и методовъ еще больше замыкаетъ врача в предѣлы постоянно суживающіеся.

Можно оспаривать необходимость мелкихъ дробленій; можно сожалѣть о потерѣ врачомъ специалистомъ извѣстной широты кругозора, невозможности комбинировать свои заключенія в зависимости отъ свойствъ индивидуума в цѣломъ, а не в отношеніи отдѣльных органовъ или ихъ системъ; можно сочувствовать больному, который переходитъ отъ одного специалиста къ другому, причемъ каждый находитъ у него нелады в своей области, примѣняетъ свое леченіе, а осмыслить всѣ измѣненія, координировать заключенія некому, ибо специальности «синтезистовъ», если можно такъ выразится, не существуетъ и мнѣнія отдѣльных врачей часто такъ и остаются не приведенными в порядокъ, взаимно противорѣчащими. Тѣмъ не менѣе тягу къ специализации не остановить. При настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній всякій врачъ, работающій во всѣхъ областяхъ одновременно, впадаетъ неминуемо в фельдшеризмъ, понижаетъ качество и глубину своихъ познаній. С другой стороны, если ранѣе прохожденіе стажа земской работы считалось обязательнымъ для большинства врачей уже в силу идеологическихъ побужденій, если масса студенчества, за исключеніемъ немногихъ, послѣдніе годы студенчества и первые годы своей врачебной работы проводила в земствахъ (это было отзвукомъ общеинтеллигентской тяги в народъ), то нынче идеологія молодыхъ врачей другая и рассчитывать на бывшее самопожертвованіе трудно. Если, далѣе, раньше земство привлекало плодотворностью работы в сравнительно хорошихъ условіяхъ и было настоящей школой практическихъ знаній, из которыхъ вышли многія выдающіеся русскіе хирурги, эпидемиологи и пр., то теперь лишь в немногихъ оазисахъ сохранились больницы, а участки погибли почти повсемѣстно. Если раньше, наконецъ, универсальность медицинскаго образованія, рѣзко отличившая характеръ работы в русскихъ университетахъ отъ заграницы, гдѣ специализація начиналась с 3—4 курса, давала возможность молодымъ врачамъ ориентироваться в ихъ работѣ, и приспособиться къ ея универсальности, то ускоренные выпуски изъ современныхъ русскихъ (работающихъ в весьма печальныхъ условіяхъ) университетовъ не стоятъ на былой высотѣ и в этомъ отношеніи.

Между тѣмъ именно в мелкихъ центрахъ (крупныхъ селахъ, уѣздныхъ городахъ) необходимо сосредоточить работу квалифицированныхъ врачей, ибо основа Россіи — ея крестьянство — требуетъ специальныхъ заботъ и познаній. Дѣйствительная работа в деревнѣ возможна лишь при довѣріи ея обитателей къ врачу, довѣріи не сразу и не легко приобретаемому и основанному не только на врачебныхъ познаніяхъ, но и

на всем поведеніи врача. Это довѣріе дает в руки врача могучее оружіе борьбы за оздоровленіе деревни, но одновременно налагает обязанность быть вооруженным всѣми средствами борьбы с я болѣзнями и горестями.

Естественной представляется мысль, что первой и насущной задачей возстановленія здравоохраненія будет возстановленіе разрушенной сѣти участков. Для привлеченія врачей в них придется по всей вѣроятности измѣнить бывшія условія оплаты труда врачей; несоотвѣтствіе между платой врача в видѣ жалованія (хотя бы и весьма повышеннаго по сравненію с прежними земскими нормами) и заработком частной практики будет причиной отказа от принципа полной безплатности медицинской помощи; весьма возможен будет корректив в видѣ повизитной платы, уплачиваемой паціентом, но возмѣщаемой ему соотвѣтствующими органами самоуправленія или организаціями типа больничных касс или страховых обществ, как это мы видим напр. в городских центрах на западѣ. Вторым условіем будет удовлетвореніе наклонности к спеціализаціи ввидѣ длительных командировок в крупные центры. Третьим — обязательность земскаго стажа для студентов старших курсов, в видѣ лѣтних семестров с прикомандированіем в земскіе больницы. Наконец — обязательная служба в участках для лиц, получавших в теченіи студенческой жизни пособія и стипендіи, которыя несомнѣнно придется учредить органам самоуправленія и государству.

Естественным слѣдствіем примѣненія принципа децентрализаціи будет учрежденіе на мѣстах спеціальныхъ институтов (фізіо - терапевтических, біологических и пр.), дѣйствующих в губернской, приблизительно, масштабѣ, диспансеров и здравниц, как способа дальнѣйшаго продвиженія по пути обезпеченія населенія спеціальными видами помощи. Разрѣшеніе этихъ вопросов не может носить однообразнаго характера, так как зависит от весьма различныхъ мѣстныхъ условій.

Общая схема может быть намѣчена в слѣдующемъ видѣ. Организація медицинскаго дѣла должна строиться внѣ вѣдомственныхъ рамок и не в видѣ параллельныхъ организацій. Она должна идти от периферіи к центру ввидѣ организацій однотипных, но охватывающих все большіе районы дѣйствія. Ея основой явится коллективъ всѣхъ врачей, находящихся в опредѣленной административно - территоріальной единицѣ (уѣзд, волость, город). Исполнительнымъ органомъ явится санитарное бюро — выборный орган. Принципъ выборности сохраняется и в дальнѣйшемъ — губернское санитарное бюро, избираемое и утверждаемое погубернскими сѣздами, общегосударственное — конгрессами, аналогичными Пироговским, намѣчающими текущіе задачи общественнаго здравоохраненія и дающими директивы исполнительнымъ органам. Выполненіе отдѣльных санитарно - административныхъ функцій в наиболѣе мелкихъ центрахъ возлагается непосредственно на санитарнаго врача, в болѣе крупныхъ отдѣльныхъ спеціальностяхъ могутъ быть переданы членамъ коллектива, обладающимъ спеціальными познаніями в данной области (врачи школьные, фабричные, желѣзнодорожные, полицейскіе и т. д.). Эти занятія не препятствуютъ, однако,

им выполнению чисто лечебных функций опять таки в предѣлах определенной специальности.

Создается, таким образом, слѣдующее положеніе : в каждом центръ, начиная с уѣздного города, имѣется ряд должностей (указанных выше); замѣщеніе этих должностей совершается путем избранія свободно конкурирующих кандидатов коллективом всѣх врачей района. В условія для занятія должностей вводится не только познанія по должности, которая должна быть замѣщена, но и наличность специальных познаній в той области лечебной медицины, представителей которой в районѣ в данный момент не хватает. Существованіе такого совмѣстительства, как показывает, напр., опыт Эстоніи, не отражается на качествѣ работы, но дает значительную экономію в средствах и силах и возможность распредѣленія специалистов по мелким центрам. Об'единеніе дѣятельности представителей отдѣльных вѣтвей санитаріи совершается посредством санитарнаго бюро (путем періодических совѣщаній), а общее руководство и контроль лежит, с одной стороны, на общем собраніи врачей, с другой — на соответствующих органах слѣдующей, болѣе крупной инстанціи (напр. губерн. бюро). Нѣкоторые должности не подлежат совмѣстительству с частной работой, таковы : завѣдующіе сан. бюро, старшіе врачи больниц и т. д. В болѣе крупных центрах число специальных санитарных врачей, не совмѣщающих должностей, возрастает. На их обязанности лежит об'единеніе санитарно - административных функций по отдѣльным областям, общее руководство дѣлом в коллективѣ бюро. Тот же принцип выборности, отвѣтственности перед коллективом и дальнѣйшей специализаціи, сохраняется в послѣдующих болѣе крупных об'единеніях — вплоть до министерства здравоохраненія.

Осуществленіе этих принципов, встрѣчает наибольшее препятствіе в одиночных сельских пунктах, в особенности при значительных радіусах участков. Однако, опыт московской губерніи показал, что при 6 - верстном радіусѣ возможно распредѣленіе сосѣдних участков между отдѣльными специальностями ; для нѣкоторых специальностей возможна раз'ѣздная система, т. е. 2 — 3 мѣсяца пребыванія специалиста во всѣх участках даннаго района в добавленіе к его обычному персоналу (напр., психіатры, глазники - операторы и т. д.). Возможен, наконец, и вызов врачей с сосѣдних участков на индивидуальные случаи, как это практиковалось и ранѣе. Единство организациі, устраненіе вѣдомственности будет способствовать развитію специальных видов помощи и повышенію ея квалификаціи.

При современном положени Россіи, неизбежности колоссальной работы по накопленію утраченных культурных цѣнностей и навыков, мы должны признать за врачами роль не только специалистов отдѣльных отраслей техники, но роль носителей определенной идеологии, сознательнаго анализа окружающей дѣйствительности и строительства жизни на основѣ біологических особенностей народа. Неизбѣжность экономіи при необ'ятной территоріи Россіи и массѣ ея населенія не позволит нам роскоши — созданія по примѣру Америки — специалистов по «евгеникѣ», ибо недостаточно будет наличности даже самых продуманных систем, созданных специалистами, нужен будет личный примѣр. Поэтому каждый врач, должен пройти зем-

скій стаж, обезпечивающій дѣйствительное знакомство съ основою Россіи — съ жизнью ея деревни, каждый врачъ долженъ взять себѣ на дальнѣйшую дорогу воспоминаніе о ея болѣзняхъ, нуждахъ, стремленіяхъ, и, проводя въ жизнь тѣ или инныя идеи, намѣчая новыя методы и пути, долженъ руководствоваться мыслью о возможности примѣненія ихъ во всей массѣ населенія. Тогда врачи не окажутся чуждыми этой массѣ, тогда создастся необходимая связь между ними и та вѣра въ пользу и дѣйствительность медицины, при которой, какъ мы знаемъ изъ практики «крестьянскихъ» земствъ, не будетъ недостатка ни въ средствахъ, ни въ силахъ для того, чтобы забыть о кошмарныхъ годахъ теперешняго лихолѣтя и наладить не только участки, больницы, здравницы, но и достигъ тѣхъ условій жизни, которыхъ достойно населеніе Россіи.

Кошпель (Эстонія).

Др. В. Цитовичъ.

ВОЗВРАТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К КРЕСТЬЯНСТВУ.

В рядѣ схематических очерков, являющимися выводами из моих предыдущих изслѣдованій, я пытался в послѣдніе годы намѣтить в общих линіях смысл переживаемаго историческаго момента, основы представшей перед человѣчеством великой социальной реформации и, в частности, пути в ней Россіи и ту роль, которую должны сыграть столь сильные и своеобразные два ея класса — крестьянство и интеллигенція *). Отсылая читателя к этим очеркам и изслѣдованіям, здѣсь я хочу продолжить их болѣе конкретной и практической схемой: срезюмировавъ кратчайше смысл и причины отрыва русской интеллигенціи от крестьянства, намѣтить существо и формы возврата к нему.

I. РАЗРЫВ.

Россія татарским нашествіем была на пять вѣков оторвана от Европы. И не просто на пять вѣков, а на пять вѣков возрожденія и расцвѣта; и не только расцвѣта наук, искусств и техники, но и глубоких социальных и религіозных революцій, но и коренного интегральнаго, духовнаго обновленія — в гуманизмѣ. Въ эти огромныя исканія и достиженія, все это сложеніе современной цивилизаціи прошло мимо Россіи, невѣдомо для нея. Она в это время жила только *своей собственной особой жизнью*: от-

*) В напечатанной по итальянски лѣтом 1919 года брошюрѣ «Пути открыты» (Le vie sono aperte, Roma, 1919), я намѣтил общій смысл связаннаго с міровой войной историческаго поворота и, в частности, пути Россіи и Италіи, указав, что эпоха «урбанизма» смѣняется эпохой «руризма» — сельской культуры, — и что Россія тѣм самым выдвигается на первый план. В статьѣ «Крестьянство и интеллигенція» («Современныя записки», июнь 1921 года) я представил параллель развитія в Россіи этих двух классов. Программный очеркъ «Трудовая демократія» в сборникѣ «Современныя проблемы» 1922 г. резюмирует мою историко-соціологическую схему, намѣчает общія основы предстоящей социальной реформации и дает характеристику трех трудовых классов и их творчества. В очеркѣ «Подходы к мужику» («Дни», 22 марта, 1923 г.) срезюмированы три смѣнявшіяся в этой проблемѣ позиціи: этическая, экономическая и культурная (в широком смыслѣ). Читатель, желающій серьезно ознакомиться с итогами моих изслѣдованій крестьянства, должен прочитать «Народное Право» (1906 г.), а для точнаго пониманія моей историко-соціологической схемы необходимо обратиться к моему очерку «Народничество, как соціологическое направленіе» («Завѣты», 1913 г., кн. 3, 4, 5 и 6).

бывалась со всѣхъ сторон от иноземцев, разрасталось ея крестьянство, слагалась ея «бытовая» сельская культура в нѣкоторой внутренней автономіи под все выше вздымавшимся огромным куполом царской автократіи. И вот, когда из этого купола — не из народа — было прорублено окно в Европу, то пред Россіей встала гигантская задача: догнать Европу, *наверстать эти пять вѣков...*

При разрѣшеніи этой задачи тотчас сказалось глубокое своеобразие ея социальнаго строя. В то время как на Западѣ социальная трансформация складывалась из социальнаго отбора, борьбы и скрещенія цѣлаго ряда социальных сил — 1) автократіи, 2) аристократіи, 3) теократіи, 4) плутократіи и 5) демократіи, — из коих каждая обладала мощным творчеством, — в Россіи три среднія силы — дворянство, церковь и буржуазія — были сдавлены и полураздавлены между царской автократіей и сельской демократіей и были, — как впрочем и послѣднія, — крайне бѣдны собственной культурной техникой. Поэтому ни одна из этих пяти сил — и ни всѣ вмѣстѣ взятыя — не оказались способными стать непосредственно воспріимниками и лабораторіями новой западной культуры, вобрать прямо в себя огромныя ея достиженія и зажить новой жизнью (и дать новую жизнь Россіи) в такт с Европой. Крестьянство оставалось под спудом, лишь медленно впитывая новыя вліянія, а дворянство, церковь и буржуазія, — а затѣм и самодержавіе — именно от этих вліяній не крѣпли, не расцвѣтали, а хирѣли, обезличивались, теряли свою собственную завоевательную активностъ, как бы от медленнаго, но вѣрнаго самоотравленія.

Глубоко оригинальный социальный отбор выдѣлил из пор всѣхъ этих сил — сначала из дворянства, потом из «разночинцев» и т. д. — особую своеобразную культурную силу, в таком чистом видѣ неизвѣстную Западу: интеллигенцію, т. е. группу людей образованных, людей умственнаго труда. Именно в них сосредоточился цвѣтъ людей мысли, идеи, идеала. Именно только эта своеобразная группа смогла увидѣть во всю величину огромную проблему обновленія Россіи. Именно она, русская интеллигенція, взялась за разрѣшеніе великаго вопроса о путях Россіи.

Ясно, что вопрос этот неизбежно сводился к проблемѣ: *Россія и Запад*. Ясно, какія двѣ огромныя опасности тут представлялись: ея разрѣшеніе могло быть *абсолютным, элементарным*, т. е. могло состоять в выборѣ одного из этих элементов — *либо Россіи, либо Запада* — и в объявленіи именно его *абсолютно, самоцѣлью*. И дѣйствительно, оба эти элементарно-абсолютныя рѣшенія и явились в Россіи. Явилось славянофильство, которое отрицало «гнилой» Запад и поставило задачей утвержденіе той Россіи, того своеобразнаго сплетенія царской автократіи с сельской демократіей, которое сложилось в пять вѣков отрыва от Европы. Явилось западничество, поставившее, наоборот, крест над этим періодом, как над над каким то пустым, мертвым провалом и призывавшее Россію начать жить сначала, поступив в ученичество к Западу.

К великому счастью Россіи, основная соціальная мысль интеллигенціи не пошла за этими элементарными абсолютными теченіями. Соціальная мысль русской интеллигенціи рождалась в період, когда на Западѣ послѣ Великой Французской Революціи явились широкія интегральныя и тѣм самым релятивистическія соціальныя ученія. С другой стороны и сама русская психика, сложившаяся в скрещеніяхъ культур, во взаимодействіяхъ Востока и Запада, является в самыхъ глубокихъ корняхъ своихъ сложной, синтетичной и потому релятивистичной: ищет не элементов-абсолютныхъ, а цѣльныхъ соотношеній.

Такое интегральное и релятивистическое рѣшеніе проблемы Россіи и Запада явилось в ученіи и дѣйствіи народничества от Герцена и до Михайловскаго. Народничество пріяло Западъ радостно и полно, но поэтому самому цѣльно и зорко: не застряло ученически на нѣмецкихъ соціальныхъ элементахъ-абсолютахъ, но усвоило и синтетизмъ французовъ, англичанъ и другихъ, а потому обрѣло свой собственннй синтезъ элементовъ Запада, т. е. стало не под его начало, а рядомъ с ним. Народничество пріяло и Россію, но не слѣпо, не абсолютно, а-условно, релятивно, не догматически, а критически, а именно — не поверхность ея пяти-вѣкового творческаго «прозябанія», а глубины его: не снѣжный покровъ самодержавія; в свое время защитившій Россію отъ чужеземныхъ вихрей, а сельскую крестьянскую демократію, какъ великій «озимый посѣвъ» исторіи, зрѣвшій подъ этимъ покровомъ, чтобы, когда солнце свободы растопитъ снѣга, дать могучій прекрасный расцвѣтъ.

Такимъ образомъ, народническая интеллигенція органически выросла из исторіи Россіи, чтобы органически срослась с исторіей Запада. Русская интеллигенція именно в народничествѣ нашла мостъ черезъ пять вѣковъ — пять великихъ вѣковъ — отдѣлившихъ Россію отъ Запада.

Походъ русской интеллигенціи в народъ — в крестьянство — имѣлъ именно этотъ величайшій историческій смыслъ: тутъ смыкались два соціальныя тока — высшія завоеванія Запада с лучшими достиженіями Россіи за пять вѣковъ. Интеллигенція, погружаясь в стихію крестьянства, прививалась органически къ коренному стволу русской исторіи, приобщалась къ первоисточникамъ національной культуры Россіи, прикрѣплялась къ кормилу русскаго демократическаго государства. А сама вносила в эту стихію ферменты великаго творческаго соціальнаго броженія и обновленія: послѣдніе плоды современнаго знанія и критико-активной мысли, идеи автономизма — религіозной, политической и соціальной свободы — и гуманизма — творческой личности. Токи эти были родственны и готовы были сомкнуться.

Но царской автократіи удалось не допустить смертельнаго для нее соединенія этихъ двухъ токовъ революціи и реформаціи. Народническая интеллигенція была разбита, придавлена, надорвана. Интеллигентскій токъ былъ ослабленъ, суженъ, искаженъ: на смѣну народничеству и явился марксизмъ — идея, ученически взятая с Запада, абсолютно-элементарная догма западничества. Исторія

Россіи объявлена была пустой и бездарной, основная ея социальная сила — крестьянство — силой реакціонной, сама интеллигенція — безсильной, противорѣчивой в своем существѣ. Всѣ надежды на прогресс и на революцію в Россіи были возложены на приход революціонно-прогрессивных сил Запада — на механическую европеизацію Россіи через капитализм и пролетаріат. И вот, когда в развалѣ мировой войны «озимые всходы» крестьянской демократіи проломили лед самодержавія и потянулись к солнцу свободы, то эта искаженная, выродившаяся часть русской интеллигенціи, развратив солдатско-рабочія толпы, захватила власть — и разрушила до тла Россію.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Страшный опыт разрыва с крестьянством велит интеллигенціи возврат к нему. Он же неумолимо указывает единственный возможный путь для этого возврата: *как разрыв состоял в срывѣ идеологии интеллигенціи, так и возврат совершится лишь через идеологическое обновленіе. Интеллигенція найдет пути к крестьянству когда найдет пути Россіи, а их найдет только в общих путяхъ человечества.* Только через разрѣшеніе великих теоретических задач разрѣшатся затѣм и задачи практическія.

Интеллигенція стоит теперь перед крестьянством — перед основной социальной стихіей Россіи, — как стояла шестьдесят лѣтъ назад, когда распалась первая цѣпь рабства. Если уже тогда она искала путей к крестьянству в свѣтѣ всей исторіи человечества и Россіи, то тѣм болѣе необходимо и неизбежно это общее идеологическое освѣщеніе теперь, когда распалась вторая и послѣдняя цѣпь рабства и когда именно отсутствіе позитивной созидательной идеологіи разбило и опустошило и социальную жизнь, и социальную мысль Россіи.

Гдѣ же искать необходимые синтезы?

Несомнѣнно много внутренней правоты в стремленіи молодежи к совѣм «новому слову». Ибо вчерашнее «слово» оказалось дѣйствительно либо ложно, либо безсильно. «Отцы» этих «дѣтей» — говорю это с глубокой болью, ибо сам принадлежу к этому без вины виноватому, павшему жертвой безвременья поколѣнію, — дѣйствительно в массѣ своей отжили. Но совѣм новаго на свѣтѣ нѣтъ: «ново то, что хорошо забыто». И вот нельзя лучше забыть, чѣм забыла русская интеллигенція, свою основную національную мысль, уже давшую плодотворный синтез Запада и Россіи и вмѣстѣ с тѣм синтез — интеллигенціи и крестьянства: народничество. Дѣйствительный, творческій пересмотр должен вернуться не к верхушкам, а к первоистокам своей національной (как и общечеловѣческой) мысли. Нынѣшнее поколѣніе, минув отцов, должно обратиться к дѣдам своим — к подлинному, цѣльному народничеству.

Сокращенно и упрощенно говоря, теоретическая задача, теоретическая программа возвращенія интеллигенціи к крестьянству сводится в существѣ своем к пересмотру и обновленію народни-

чества в свѣтъ переживаній и достиженій послѣдняго полувѣка.

Чтобы выразить мой *личный* идеологическій подход к крестьянству, кратко и в упрощенном видѣ резюмирую здѣсь в нѣскольких тезисах итоги моего пересмотра народничества.

1) Общее философское умоностроение народничества можно выразить в терминѣ *критико-активизм*. Но оно не доразвилось, впадо отчасти в агностицизм, а в пресловутом «субъективном методѣ» впадо в прямую ошибку. Оно, с одной стороны, переоцѣнило «объективизм» естествознанія, которое тоже вѣдь только ищет, но не достигает полнаго «релятивизма», а, с другой стороны, недооцѣнило тот «объективизм», тот «релятивизм», который отчасти достигается и в обществовѣденіи. А именно, оно приняло за общественную «науку» тот фазис обществовѣдѣнія, когда, с одной стороны, шло еще только эмпирическое накопленіе фактов и первоначальное, описательно-классификаціонное изученіе социальных явленій, а с другой — воздвигались абстрактныя, апріорныя, дѣйствительно «субъективныя», метафизическія социальныя схемы (как марксизм). Между тѣм обществовѣдѣніе вступает в научный фазис только теперь лишь со сравнительно-историческим и статистическим методом, т. е. схватывая социальныя явленія в их движеніи, чередованіи, причинной связи, в их размѣрах, пропорціях, соотношеніях: только в статистикѣ обществовѣдѣніе находит свой «точный метод», свой микроскоп и телескоп, свой количественный анализ, словом свой «релятивизм». И как раз русская, рожденная народничеством, статистика явилась первой в мірѣ по богатству и точности.

Если русская интеллигенція дѣйствительно теперь хочет «отрезвить» и в трезвом видѣ подойти к крестьянству, то она должна прежде всего отбросить грубѣйшіе старые фетишизмы — типичнѣйшій из них — марксизм — называющіе себя общественной наукой и понять простую истину: нѣтъ науки без точнаго изученія, нѣтъ точнаго изученія без измѣренія явленій и их соотношеній, а статистика именно и есть это измѣреніе. И значит первой задачей интеллигенціи сейчас является — преодолѣть свое чудовищное, невѣроятное невѣжество по отношенію к реальным социальным явленіям и изучить точно, — т. е. «объективно», «релятивно», т. е. статистически свою собственную родину — Россію и свой собственный народ — крестьянство. Только так она избавится от худших субъективных фетишей, утопій, а также и от агностицизмов и отрицаній, которые ничем не лучше утопизма. Только в точном — статистическом — изученіи может быть первый подход интеллигенціи к крестьянству и к строенію Россіи.

2) Исходным принципом социальной философіи народничества является несомнѣнно *интегрализм*. Народничество рѣшительно отвергает ученіе так называемаго «*монизма*», который правильнѣе назвать *элементизмом*; ученія, выводящія цѣлое общество и объясняющія всю исторію из одного какого либо социального *элемента-абсолюта* и потому не дающія и не могущія дать никакой *общей* формулы историческаго процесса (так напр., марксизм, выво-

да историю общества из развития производительных сил, даже не пытается указать общую формулу этой истории и потому даже и не задается вопросом, почему же самые производительные силы развиваются). Народничество принимает и изучает социальный мир в его *цѣлом*, во *взаимоотношении и взаимодействии его элементов* и пытается найти *общую закономерность*, охватывающую весь исторический процесс и, в разных своих вариациях, объясняющую все отдельные его элементы. Самая формула *интегрализма* с наибольшей ясностью дана Михайловским и Лавровым — в творческих *цѣлестремленіях* личностей намѣчена *общая движущая сила истории*. Михайловским — в идеалѣ интегральной личности — дана практическая *цѣль* борьбы за прогресс. Наконец, всей мыслью и всем дѣйствіем народничества выработана интегральная классовая формула *трудового народа*.

Это — очень много, но этим еще далеко не закончена система интегрализма.

Пред нами — пред критико-активной интеллигенціей, желающей строить Россію, т. е. участвовать, рядом с народом-крестьянством, во всенародном, *цѣлостном* ее строении, — встают слѣдующія главные проблемы. Во-первых, Лавровым указаны в критико-активных (по его терминологии «критически мыслящих») личностях — лишь как бы главные искры, зажигающія творческое горѣніе истории, но предстоит установить закономерности *массовых людских цѣлестремленій*, их *исторического отбора*, их «молекулярнаго» творчества. Во-вторых, народничество далеко не дало законченной системы дѣйствія и взаимодействия всех главных коллективов, — а разработало преимущественно лишь два из них, — общину и класс, — и потому теперь русской интеллигенціи предстоит осмыслить и согласовать остальные *цѣлестремленія*, причем в строении Россіи особенно важно гармонически связать с классовыми *цѣлестремленіями* государственныя, національныя и религіозныя, а *подходя к крестьянству принять его интегрально*, т. е. *видѣть в нем не только трудовой класс, но и первоисточник національной жизни, и основной механизм государственнаго дѣйствія, и главный очаг религіознаго творчества*. В третьих, наконец, представляется сейчас же интеллигенціи — именно в самом подходѣ к крестьянству — специальная частная задача: интегрировать классовый коллектив трудового народа включеніем в него, наряду с крестьянством и пролетаріатом, и себя — трудовой интеллигенціи.

3) Теорія прогресса, конечный идеал и социальное-политическая программа народничества или должна быть опредѣлена как социализм особого рода, или, скорѣе, требуют особого опредѣленія, которое я лично нахожу в терминѣ *автономизм*. Для народничества и двигателем прогресса, и конечною *цѣлью* является *человѣческая личность*, ея *самоопредѣленіе*, ея творчество. С другой стороны его практическая программа строилась на *самодѣятельности* народа-крестьянства, преимущественно в общинѣ и кооперации, т. е. собственно на *самоопредѣленіи трудового класса*. Отсюда можно вывести, что если не прямая формула, то основная тенден-

ція народничества заключается в полном самоопредѣленіи *человѣческихъ личностей* через самоопредѣленіе их коллективов, — а это именно и выражается всего ближе в словѣ *автономизм*.

Сейчас русской интеллигенціи и предстоит развить зародившійся в народничествѣ автономизм в законченную теорію и практику.

Задача эта сводится главным образом к слѣдующим пунктам.

Выступая против историческаго фатализма, подавляющаго роль личности, народничество (подобно нѣкоторым нѣмецким «финалистамъ») впадо в обратную крайность — в нѣкоторый агностицизм, провозглашающій лишь свободную инициативу личности и не видящій твердыхъ закономерностей в исторіи, а потому как бы предоставляющій ее случаю и произволу. Предстоит (слѣдуя за одним из самых глубоких и трезвыхъ «финалистовъ» Іерингомъ) выйти раз навсегда изъ обѣихъ метафизическихъ крайностей: увидѣть и осмыслить в историческомъ процессѣ не фатумъ внѣ *человѣческихъ цѣлестремленій* и не непостижимую игру их, а закономерности в самой этой борьбѣ *цѣлестремленій* — *личныхъ и групповыхъ*, — *нѣкоторыя тенденции в развитіи и сложеніи цѣлей-силъ, вырастающихъ — какъ съмена в организмъ, — в социальныя организаціи, нѣкоторый социальный цѣлевой отбор, словомъ нѣкоторую опредѣленную социальную трансформацію*. И предстоит внести дух этой творческой *цѣлевой* закономерности и в строеніе Россіи, и в дѣйствіе среди крестьянства.

Затѣмъ (это может показаться страннымъ, но это об'ясняется интеллигентско-идеалистическимъ происхожденіемъ ученія), народническая теорія даетъ скорѣе индивидуалистическую и аристократическую, чѣмъ демократическо-коллективистическую формулу автономизма: она выдвигаетъ *творческій автономизмъ инициативнаго меньшинства, а не автономное творчество народныхъ массъ*, — это в сущности скорѣе «интеллигентчество», чѣмъ «народничество». Отсюда передъ нами ясная и плодотворная задача: *раздвинуть понятіе автономизма с личности на коллектив, построить систему самоопредѣленія личностей в разныхъ ихъ цѣлестремленіяхъ чрезъ самоопредѣленіе соответственныхъ коллективов — націй, классов, государствъ, религій и культур*. Мы должны увидѣть рядомъ с автономнымъ творчествомъ интеллигенціи — еще *органическое, молекулярное массовое автономное творчество народа* — в языкѣ, поэзіи, в хозяйствѣ, бытѣ, правѣ и т. д. Мы должны не только признать этотъ органическій автономизмъ в самодѣятельности русскаго крестьянства, какъ историческій фактъ, — что дѣлало и старое народничество, — но возвести его в теорію и в основной принципъ всей народнической практики.

Наконецъ, народничество страдаетъ неясностью и незаконченностью и в самомъ основномъ понятіи, в самой терминологіи: самое слово «народничество» слишкомъ эмпирично и неопредѣленно и далеко не выражаетъ всего глубокаго содержанія «автономизма», къ которому лишь стремится. Поэтому мнѣ кажется необходимымъ, чтобы было принято самое слово «автономизмъ». «Народничество» обозначаетъ лишь какъ бы высшую степень демократизма, но поня-

тіе «автономизма» гораздо опредѣленнѣе, и шире, и глубжѣ, и духовнѣе, чѣмъ понятіе демократіи: оно даетъ не конкретную, упрощенную, даже грубую, даже отчасти насильственную формулу «народовластія» (остается подъ вопросомъ: в чемъ и почему «власть» и что такое «народ»), а заключаетъ в себѣ точное высшее обобщеніе: *всеобщее самоопредѣленіе личностей через коллективы*. Такимъ образомъ, понятіе автономизма включаетъ в себя и либерализмъ, ибо является высшимъ выраженіемъ свободы и индивидуализма, и социализмъ, если подъ социализмомъ понимать не деспотію одного коллектива над другими и над личностями, а цѣльную, гармоническую систему коллективовъ, самоопредѣляющихся и служащихъ для самоопредѣленія всѣхъ личностей.

Каждый историческій моментъ, — если онъ творческій — выдвигаетъ, вычеканиваетъ выражающія его понятія. Я не рѣшусь сказать, что вычеканенныя предыдущими эпохами понятія демократіи, социализма, народничества совсѣмъ изжиты и отмираютъ, но несомнѣнно, что они значительно истратились, стерлись, выдохлись, утратили свой первый «пафосъ» и могутъ вновь ожить, если в нихъ волеется «живая вода» обновляющей идеологіи, новаго ихъ осмысленія, — болѣе глубокаго и тонкаго, болѣе, сказалъ бы я, внутренняго и интимнаго, болѣе удовлетворяющаго, радующаго и освящающаго самого живого человѣка, самую личность его.

Такимъ и представляется мнѣ понятіе автономизма.

И это понятіе не только выведено мною логически: оно уже всюду теперь «носится в воздухѣ». Здоровое устроеніе націй уже такъ и называется «*національнымъ самоопредѣленіемъ*». И что такое представляетъ все огромное движеніе синдикализма и коопераціи, какъ не *экономическое самоопредѣленіе*, какъ не стремленіе *экономическаго автономизма* трудового класса? И именно в крестьянской Руси, — с ея почти сплошь «самовольнымъ» и «самодѣльнымъ» хозяйствомъ, бытомъ, правомъ, пѣсней, религіозными исканіями, — уже являются передъ нами могучіе всходы автономизма... В переживаемомъ нами великомъ историческомъ переломѣ из всѣхъ раскрывшихся социальныхъ трещинъ, из всѣхъ ростковъ социальной новой жизни пробивается *всеобщее устремленіе къ самоопредѣленію, какъ синтезу личности и общества*. Мнѣ кажется, что слово автономизмъ и выражаетъ ближе всего этотъ голосъ эпохи.

3. ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Если идеологія русской интеллигенціи обновится в духѣ «автономизма», то этимъ самымъ ясно установится и планъ ея практическаго дѣйствія. Это дѣйствіе будетъ состоять *в реальномъ интегральномъ самоопредѣленіи*. В *реальномъ самоопредѣленіи*, — т. е. не в порханіи, подобно бабочкѣ, с цвѣтка на цвѣтокъ «последнихъ словъ» Западной культуры, а в укорененіи и разростаніи в своей собственной исторической, органической средѣ, в прививкѣ к своей странѣ, к своему народу, т. е. главнымъ образомъ в возвратѣ къ крестьянству. В *интегральномъ самоопредѣленіи*, — т. е. не в замыканіи в отдѣльномъ социальномъ элементѣ-абсолютѣ, не в служеніи

догмѣ и фетишу какого нибудь новаго «монизма», а в дѣйствительномъ выявленіи всѣхъ своихъ сторонъ, всѣхъ своихъ качествъ и силъ, в цѣльной и стройной отчеканкѣ всей своей многогранности.

Это интегральное проявленіе русской интеллигенціи в исторической реальности можно выразить в слѣдующей схемѣ самоопредѣленія ея в *классъ*, в *націю*, в *государствѣ*, в *культурѣ*.

А) *Классовое самоопредѣленіе*. С великимъ историческимъ переломомъ міровой войны совпало окончательное самоопредѣленіе русской интеллигенціи, какъ трудового класса. Первоначально она была не классовой, а культурной и идеологической группой, образовавшейся в дворянствѣ, потомъ расширилась и спустилась в переходный пестрый слой «разночинцевъ», затѣмъ уже к первой революціи (какъ я указалъ тогда же) она сложились в многочисленную экономическую группу — в классъ трудовой интеллигенціи, — наконецъ, большевицкая катастрофа, разоривъ дворянско-буржуазные верхи интеллигенціи, окончательно обратила ее в одинъ изъ рядовъ трудового класса.

Эта новая позиція должна быть прежде всего ясно осознана, и на ней должна основаться вся программа практическаго дѣйствія интеллигенціи. Она сводится к слѣдующему.

Соотвѣтственно с духомъ больной эпохи перелома и кризиса, у насъ все еще возникаютъ рѣшенія в духѣ изжитаго періода конца 19 вѣка, в духѣ элементовъ-абсолютовъ, в духѣ новаго самоопредѣленія интеллигенціи *только какъ класса*. Одни его понимаютъ узко и приниженно, отводя впредь русской интеллигенціи лишь роль культурно-техническаго обслуживанія страны и, значитъ, крестьянства, другіе, наоборотъ, проникаются голой классовой борьбой и злобой, собираются своихъ предполагаемыхъ противниковъ «в случаѣ нужды даже за горло схватить и ударить о землю», мечтаютъ о классовой диктатурѣ интеллигенціи. Такой классовый абсолютизмъ обѣдняетъ, обезличиваетъ и развращаетъ русскую трудовую интеллигенцію и если бы возобладалъ, былъ бы гибеленъ не только для культуры, для Россіи, для крестьянства, но и для нея же самой, ибо если дѣло дойдетъ до свалки, то не она другихъ, а другіе ее «схватятъ за горло и ударятъ объ землю».

Цѣлесообразное рѣшеніе можетъ быть только *релятивистическимъ и интегральнымъ*.

Во-первыхъ, необходимы релятивизмъ и интегральность в самомъ классовомъ самоопредѣленіи. Оно состоитъ не в выдѣленіи и противоположеніи себя другимъ, какъ абсолюта, какъ фетиша особаго новаго класса, а в нахожденіи себѣ мѣста скорѣе какъ *под-класса в общемъ классѣ трудящихся*, какъ *одного изъ равноправныхъ членовъ тройственнаго трудового союза — крестьянства-интеллигенціи-пролетариата**). И задача стоитъ не столько *негативно* — не столько заключается в *борьбѣ* за свои спеціальные интересы противъ дру-

*) Наша позиція здѣсь иная. Читателю она извѣстна: в единый «классъ трудящихся» крестьянство и пролетариатъ не вмѣщаются. Общественное положеніе и общественное поведеніе различны. Они — *разноклассовы*.

гих классов и под-классов, — сколько *позитивно*: состоит в классическом творчестве, идущем на благо всего общества и в классическом сотрудничестве для блага народа и государства, как с другими братьями по труду, так равно и с лучшими конструктивными элементами буржуазии. Чем богаче одарит интеллигенция целое — Россию, — тем больше выиграет сама, как часть ее.

Во-вторых, трудовая интеллигенция не может и не должна стать только классом. Она включает в себя огромное культурное и идеологическое содержание, она может и должна его сохранить и приумножить. Было бы вредной утопией ей пытаться перескочить с чисто культурно-идеологической на чисто классовую позицию. Она самоопределяется необходимо и неизбежно, как *сложная, интегральная классово-культурно-идеологическая группа*.

Такое самоопределение русской интеллигенции и составит прочный окончательный возврат ее к крестьянству. Она придет к нему теперь не сверху вниз, а как равный к равному. Придет не для того, чтобы «водительствовать», воображая себя, как ученика Запада, учителем, а мужика своим «меньшим братом», но помня, что по историческому опыту, по хозяйственности и строительству, именно мужик является старшим братом интеллигента; придет, чтобы в братском сотрудничестве с ним строить Россию и работать для человечества. Из этого сотрудничества и вырастет обновленный социальный строй трудовой демократии.

В) *Национальное самоопределение*. Ясно, что вся судьба России зависит от ее национального самоопределения и что в нем интеллигенция сыграет первенствующую роль. Таким образом, начинающееся ныне национальное самоопределение интеллигенции имеет огромное значение.

Однако, и оно не абсолютно, а относительно. Правда, из остальных социальных сил пролетариат и буржуазия представляются слабыми величинами в этом случае: их отрицательная сторона та, что они национально обезличены индустриально-городским бытом, положительная же их сторона состоит в тенденции к интернациональным связям, а не к национальному самоутверждению. Но крестьянство представляет собою *первоисточник национальной жизни*. Поэтому *национальное самоопределение России* сложится только как *синтез двух сил: крестьянства, несущего в себя органически данные историей национальные переживания России и интеллигенции, как силы спиритуальной, привносящей национальные и интернациональные переживания других стран и обобщающей их воедино со всеми элементами национального самосознания России*.

В последние десятилетия русская интеллигенция, утратив критико-активное отношение к Западу и оторвавшись от национальной народной стихии, почти потеряла свою национальную функцию. Только с возвратом к крестьянству она снова обретет ее. Задачи ее будут следующие.

Во-первых, *внутреннее самопознание*. Углубившись в историю и в современную жизнь народа, изучив и осмыслив «самодельное» хозяйство и «самовольное» право крестьянства, его быт и мысль,

знания и религію, этику и эстетику, интеллигенція впервые глубоко постигнет и оцѣнит національную стихію Россіи. Только такое «этнографическое» — в широком смыслѣ — познание Россіи, блестяще начатое народничеством, но потом заброшенное, выявит существо с одной стороны, собственно русской — в лицѣ всѣх трех русских вѣтвей—культуры, а с другой — всего сложнаго комплекса иных входящих в нее народностей и, наконец, всего, так сказать, російскаго интернаціонала в цѣлом и только оно приведет к единенію національных автономій в сложно-національной Россіи.

Во-вторых, *внѣшнее самоутвержденіе*. Познав и осмыслив особенности, силы, дух и цѣли Россіи, интеллигенція в единеніи с крестьянством впервые найдет то, чего еще никогда не имѣла Россія: независимое духовное самоутвержденіе народа пред лицом других стран, твердую и независимую народную интернаціональную политику на основах мира и автономизма.

С) *Государственное самоопредѣленіе*. Новое собраніе земли русской и строеніе государства російскаго начнется и совершится — точнѣе уже начинается — не сверху, не с крыш, не с тѣх или иных «водителей», а снизу, с фундамента и со стѣн, с народа. Для кого это не общее мѣсто и не демагогическая фраза, для тѣх, у кого открыты глаза на дѣйствительность, это может означать одно: *русское государство построится крестьянством и будет крестьянским государством*, интеллигенція же займет в нем второе мѣсто.

Это предопредѣляется слѣдующими историческими фактами. С одной стороны, буржуазія, «водительствующая» в западных демократіях, является слабой, отсталой и неспособной к этому в Россіи. Не может замѣнить ее в Россіи и трудовая интеллигенція, которая не главенствует политически нигдѣ и которая только что, — как в безсиліи и безпрограммности ея демократических теченій, так и в большевистской деспотіи, — потерпѣла полный крах в Россіи. С другой стороны, ни в какой культурной странѣ нѣтъ такого подавляющаго большинства у крестьянства, — составляющаго до $\frac{9}{10}$ населенія Россіи, — нигдѣ крестьянство не является таким однородным и сплоченным и нигдѣ оно настолько фактически не воспитано для демократіи, как в автономной самодѣятельности сельских міров и коопераций Россіи.

Поэтому, если русская интеллигенція не стремится к утопическим самодавлѣющим захватам политической власти, если она искренно признает демократію для Россіи, то ея политическое самоопредѣленіе может состоять лишь в одном: *в сліяніи с крестьянским демократическим государством*.

Соотношеніе и сотрудничество интеллигенціи и крестьянства в государственном строительствѣ исторически предопредѣлено слѣдующим образом. Крестьянство, которое исторически воспитано, как положительный хозяин и строитель в своей работѣ и в своей вѣчевой самодѣятельности, станет *устоем государственной самодѣятельности* Россіи и *воспитает* в этом конкретно-созидательном государственном духѣ оторвавшуюся от реальности интеллиген-

цію. Интеллигенція же внесет *знанія и обобщенія* в это строитель-ство.

Д) *Культурное самоопредѣленіе*. Основой соціального самоопредѣленія русской интеллигенціи является культурное самоопредѣленіе. Когда то она устремилась к крестьянству по этическим мотивам, как чисто идеологическая сила. Затѣм, захваченная чисто политической борьбой, она оторвалась от крестьянства. Нынѣ ей предстоит обратиться к самому своему существу — к культурной функціи — и тѣм самым возвратиться к народу, к крестьянству.

До сих пор русская интеллигенція — сознательно или бессознательно — пыталась *сама дѣлать исторію Россіи*. Лучшія свои силы, лучшее вдохновеніе она отдавала соціально-политической борьбѣ. Надрываясь в этих порывах, в этих героических подѣмах, она падала, впадала в ремесленный спеціализм, забывалась, как в винѣ, в болѣзненном эстетизмѣ. Для прямой же основной ея миссіи — культурных дрожжей в народном тѣстѣ — удѣлялся минимум ея силы.

Теперь настало время интеллигенціи *творить исторію Россіи вмѣстѣ с народом, больше того — через народ, т. е. главным образом через крестьянство*. Когда то в 80-е годы призывы Толстого к «недѣланію» и Абрамова к «малым дѣлам», — т. е. собственно к культурной работѣ в народѣ вмѣсто политической борьбы, — казались, да отчасти и были, — реакціонными, ибо политическое препятствіе самодержавія сводило ее к слишком малой величинѣ. Но вот самодержавіе было ранено «Народной Волей», надломлено в 1905 году и уничтожено в 1917 году — интеллигенціей вмѣстѣ с народом. Правда, возникло новое политическое препятствіе в видѣ большевистской деспотіи, но его преодоленіе уже совсѣм не по силам надорвавшейся интеллигенціи; главную роль сыграет тут крестьянство. Интеллигенція же может приложить к этому свои усилія лишь рядом, лишь через крестьянство и не столько для самаго разрушенія, сколько для подготовки послѣдующаго великаго государственно-общественнаго строенія. Основная же ея роль теперь — *огромное культурное творчество внутри крестьянства: созданіе в равноправном сотрудничествѣ с ним новой великой сельской культуры Россіи*.

Конечно, эта «культурная работа» будет не только собственно культурным, но и политическим, и экономическим, и идеологическим творчеством. Она будет состоять не только в технических культурных службах, не только во внѣшнем культурном обслуживаніи крестьянства, а в высшем культурном служеніи Россіи в лицѣ ея народа, в созданіи особаго, согласнаго с условіями и силами Россіи цѣльнаго соціального типа, в котором культура прольется из узких чаш городов на деревню, на всю великую страну и даст великій самопроизвольный разцвѣтъ, великій порыв творчества и прогресса.

В сущности уже таков был общій смысл той «культурной работы», как она уже ранѣе понималась, как она по мѣрѣ возможности уже велась в Россіи (и почти только в Россіи). Когда интеллигент шел в деревню на культурную работу, то агроном превра-

жался в «общественнаго агронома», как и педагог, врач, инженер, юрист, экономист, театральный работник, дѣятель земства, особенно в лицѣ «третьяго элемента» и т. д. обращались въ соотвѣтственных «общественныхъ культурныхъ дѣятелей». Это означало, что они не только выполняютъ механически за плату свои культурныя функціи, но идейно, автономно, творчески претворяютъ ихъ въ социальное творчество народной среды. Особенно ярко и сильно это проявилось въ народнической культурной работѣ.

Эти то здоровые и живучіе ростки, уже давшіе Россіи рядъ крупныхъ культурно-общественныхъ цѣнностей, почти невѣдомыхъ въ другихъ странахъ, мощно разрастутся и расцвѣтутъ въ новую «сельскую культуру», когда интеллигенція возвратится къ крестьянству.

Основной смыслъ этого возврата интеллигенціи къ крестьянству состоитъ въ перенесеніи социально-культурнаго творчества съ узкихъ верховъ социальной пирамиды въ самые глубокіе народные ея низы. Тамъ, въ низахъ, съ помощью науки и техники, возродится и могуче на несокрушимыхъ базахъ разрастется народное хозяйство. Туда — на сельскія вѣща — перенесутся основы государственнаго строительства. Тамъ, въ тысячахъ и тысячахъ школъ и народныхъ домовъ, расцвѣтетъ не только всеобщее и быстро повышающееся народное образованіе, но и собственное творчество въ наукѣ и искусствѣ. Тамъ, на мѣстѣ отжившихъ «дворянскихъ гнѣздъ», явятся изъ слиянія интеллигенціи и крестьянства «культурныя гнѣзда» новаго социального міра: великой сельской культуры Россіи, великаго откровенія молодой Россіи старому Западу. Тамъ изъ обновленія старыхъ религій и изъ новыхъ откровеній духа человѣческаго, сложится новый свободный социальный культъ, который объединитъ людей въ дружества и воспитаетъ, поведетъ личность къ вершинамъ человѣческаго, божественнаго.

До сихъ поръ русская интеллигенція не страдала недостаткомъ смѣлости. Грудью прокладывала она новые пути. Неужели же покажется ей чрезмѣрнымъ дерзновеніемъ — ни отъ чего не отказываясь, во всеоруженіи своихъ завоеваній, въ ясномъ сознаніи своихъ силъ и цѣлей, пуститься въ безбрежную народную стихію — къ природѣ и народу, къ здоровью и жизнерадостности, къ свободѣ и любви?

Cavi di Lavagna.
(Италія).

К. Кочаровскій.

НАСЕЛЕНИЕ, КЛАСС, ПАРТІЯ.

В связи с грядущими судьбами Россіи, в частности, в связи с организацией новых политических партій и консолидаціей социальных классов, вопросы о природѣ социального класса, его мѣстѣ в ряду других общественных групп, его взаимоотношеніях с политической партіей — должны были выплыть на поверхность русской общественной мысли, как «вопросы дня», поставленные на очередь. Так и случилось. Повод к обсужденію их был дан появленіем «Крестьянской Россіи». Заданія послѣдней: всемѣрное содѣйствіе поднятію экономическаго и духовнаго уровня крестьянства Россіи, возрожденіе послѣдней — через возрожденіе этого класса, через его экономическую, культурную и политическую организацию — вызвали ряд откликов в русской печати. Часть этих откликов, напр., статьи А. К. и А. В. Пѣшихонова в «Днях» свои возраженія против позиціи «Крестьянской Россіи» поставили именно в плоскость обсужденія проблемы класса, политической партіи и их взаимоотношеній.

В виду этих общих и частных причин не бесполезно, хотя бы сжато, коснуться этих проблем и рассмотреть их объективно. Эту задачу и преслѣдуют дальнѣйшія строки данной статьи.

Населеніе любого государства не представляет чего то однороднаго, а распадается на множество различных социальных групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Примѣрами таких групп могут служить: группы языковыя, состоящія из лиц, говорящих на одном и том же языкѣ (великороссы, украинцы, татары, башкиры, грузины и т. д.), группы профессиональныя (земледѣльцы, плотники, рабочіе-металлисты, печатники, инженеры, врачи и т. д.), группы имущественныя (богатые и бѣдные), группы объемно-правовыя («привилегированные» и «обдѣленные»), группы религіозныя (православные, католики, магометане, будисты и т. д.) и т. д. Таких групп очень много в современном обществѣ. Иными словами, линія социальной дифференціаціи послѣдняго чрезвычайно сложна и запутана.

Обратной стороной этого явленія служит фактъ принадлежности каждаго индивида не к одной, а к множеству групп, друг с другом не совпадающих. Каждый из нас — вольно или невольно — является как бы «абонентом» множества разнородных — по объе-

му и характеру — объединений. По подданству — я принадлежу к Русскому государству, по религии — к православной церкви (новая группа, отличная от государственной, ибо не все русские граждане — православные и не все православные — русские подданные), по профессии — к новой группе, отличной от церкви и государства, по языку — к новой и т. д.

Этот факт сложной социальной дифференциации имеет огромное значение в деле солидарности членов общества друг с другом и в деле обусловления их поведения и взаимоотношений.

При равенстве прочих условий члены одной и той же группы больше солидарны друг с другом, чем с членами иных резко отличных групп. Сходство лиц по верѣ или профессии, имущественному положению или языку влечет сходство их интересов в целом ряде отношений, скрепляет их в одно целое, накладывает определенную печать на их воззрения и убеждения, верования и вкусы, желанія и стремления, короче — на все их поведение. Отсюда — их солидарность и ряд сходств в психике и поведении.

В ряду многочисленных групп, на которые распадается население государства, находятся и те группы, которые называются: *социальным классом* и *политической партией*. Если социальное значение второй из этих групп не так велико, то социальный класс представлял и представляет исключительно важную, пожалуй, наиболее влиятельную социальную группу.

2.

Что такое социальный класс? Определений его существует великое множество *). Я не буду здесь приводить их. Наиболее правильным представляется мне следующее определение: *социальным классом будет совокупность лиц, сходных между собой по профессии, имущественному положению, и по объему прав, следовательно, имеющих тождественные или близкие профессиональные + имущественные + социально-правовые интересы.*

К этим признакам класса следует прибавить дальнейшие, а именно: 1) класс-группа в известной мере открытая, вход и выход из него не воспрещен юридически, 2) к этим трем сходствам: по профессии, имущественному положению и объему прав присоединяется и на них нарастает целый ряд сходств в области поведения, нравов, психики и идеологии, еще темнее скрепляющих членов одного и того же класса.

В итоге этих сходств члены последнего становятся в массе отношений солидарными друг с другом, в массе отношений сходными один с другим, наконец, в массе жизненных взаимоотношений имеющими одни и те же желанія, стремления и интересы, одних и тех же классовых противников, одну и ту же идеологию. Почему? Потому, что *профессия, имущественное положение и объем прав лица представляют условия, колоссальным образом опреде-*

*) См. мой II т. «Системы», 283—306 стр.

ляющія поведѣніе и интересы человѣка, его убѣжденія и взгляды, вѣрованія и вкусы. Каждое из этихъ условій накладываетъ опредѣленную печать на физическую и духовную природу человѣка, на все его поведѣніе, и міроощущеніе.

Профессія «штампует» человѣка по «своему образу и подобию». В своемъ изслѣдованіи «Вліяніе профессіи на поведѣніе людей» *) я на основаніи чужихъ и своихъ изслѣдованій показалъ, что профессія деформируетъ физическое или соматическое строеніе организма, наши акты, нашъ внѣшній видъ, наши поступки, наши интересы, нашу психику: процессы воспріятія, память, представленія, характеръ ассоціацій, наши убѣжденія, идеологию, наши вкусы и оцѣнки, — словомъ — все наше поведѣніе.

Отъ этого рикошетнаго вліянія профессіи, представляющаго частный случай Ламарковскаго положенія: «функція создаетъ органъ», не свободенъ никто. Перефразируя Марковское положеніе можно сказать: «профессіональное бытіе опредѣляетъ наше сознаніе».

В силу этого вполне понятнымъ становится фактъ сходства — в рядѣ физическихъ и психическихъ чертъ — лицъ одной и той же профессіи и фактъ различія лицъ разныхъ и далекихъ другъ от друга профессій. В силу того же сходства профессіи интересы однопрофессіональныхъ лицъ неизбѣжно будутъ сходными во многихъ отношеніяхъ. Сходными будутъ ихъ желанія и стремленія. Иначе говоря, в той или иной мѣрѣ, они неизбѣжно будутъ солидарными. И обратно, лица разныхъ и рѣзко различныхъ профессій во многомъ будутъ другъ для друга жителями «разныхъ планетъ», говорящими на разныхъ языкахъ.

Сказанное о вліяніи профессіи можетъ быть сказано и объ имущественномъ положеніи лица. Оно также сильнѣйшимъ образомъ детерминируетъ поведѣніе человѣка, деформируетъ его духовную и физическую природу, прививаетъ ему интересы, взгляды и образъ жизни соотвѣтственно степени бѣдности и богатства. Изслѣдованія Шмоллера, Вагнера, Descamps, D'Aeth'a и др.**) объ образѣ жизни, манерахъ, вкусахъ, обстановкѣ, одеждѣ, привычкахъ, умственномъ уровнѣ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же имущественному слою, показали поразительное сходство ихъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Это сходство неизбѣжно порождаетъ сходство интересовъ и солидарность в рядѣ отношеній лицъ одинаково богатыхъ или одинаково бѣдныхъ. И обратно, неизбѣжно выплываютъ антогонизмы между рѣзко различными имущественными слоями. Не сказано ли: «сытый голоднаго (богатый бѣднаго) не разумѣетъ». И обратно.

Наконецъ, то же, в извѣстной мѣрѣ, можетъ быть сказано и объ объемно-правовомъ положеніи индивида. Возьмите самую разншерстную группу лицъ, надѣлите ее какими нибудь привилегіями или обдѣлите ее в какихъ нибудь правахъ, и... вы сдѣлаете ихъ солидарными в размѣрѣ этихъ правъ или правовыхъ лишеній. Вы свя-

*) Вопросы изученія и воспитанія личности. № 3. СПб. 1922.

**) См. II т. «Системы социологін», 161 и сл.

жете их этой об'емно-правовой связью в одно цѣлое. Привилегированные будут цѣпляться за свои привилегіи, обдѣленные бороться за свое равноправіе *). Отсюда — солидарность лиц одного соціального ранга и вѣчная борьба, вѣчный антогонизм «привилегированных» и «обдѣленных», «аристократіи» и «демоса», «патриціев» и «плебеев», «господ» и «рабов», «властвующих» и «подвластных».

Если каждое из этих порознь взятых условий оказывает столь сильное вліяніе на душу и тѣло, на поведеніе, интересы и солидарность человека, то легко понять всю огромность вліянія всѣх этих трех условий — профессіи, имущественнаго уровня и объема прав — вмѣстѣ взятых.

Индивиды, поставленные под сходное «давленіе этих трех атмосфер», неизбежно «сплавляются в единую гомогенную массу», внутренне солидарную, внутренне-сходную в массѣ психических и физических отношеній. Имя этой массы — класс. Не агитація, не пропаганда сплавляют членов одного класса в подобіе единого коллективнаго тѣла, а прежде всего эти три условія. Агитація и пропаганда лишь поясняют и отшлифовывают то, что носит названіе «классового сознанія», существующаго до них и без них, хотя и в болѣе смутной формѣ.

Сказанное уясняет всю прочность классовых связей, их органический характер, их нерасторжимость внѣ и без измѣненія этих трех условий.

Нравится ли это или не нравится, но факт таков и его приходится констатировать. Связи множества других групп — не классовых, — гораздо легче разрываются, чѣм связи класса.

Учитывая это, плюс тот факт, что соціальныя классы обычно представляют не маленькія группы, в 100 или в 1000 человек, а группы многочисленныя, насчитывающія миллионы членов, легко понять огромный удѣльный вѣс классовой группировки в ряду других — не классовых — социальных группировках.

Когда эти «соціальныя глыбы» начинают ворочаться и приходят в движеніе, поистинѣ начинается настоящій ледоход всей соціальной жизни. Ряд других социальных групп (но не всѣ), взятых по одиночкѣ, при столкновеніи с классовой группой разлетаются вдребезги, другіе — дают трещины, третьи — получают поврежденія.

Отсюда понятно почему в соціальной жизни класс часто выступает как нѣкое единство даже тогда, когда нѣтъ нарочитой организованности. Тождество условий и положенія ведет за собой сходство реакцій членов одного класса на сходныя явленія. Этим объясняется стихійно-эпидемическій характер классовых движеній, проявляющійся в стихійных стачках и других выступлениях, совершающихся сплошь и рядом без специальных агитаторов или организаторов.

*) См. факты во II т. «Системы», стр. 173 и сл.

Если бы не было других групп, помимо классов, участниками которых члены класса являются (религиозные, государственные, языковые и др. группы), то эта солидарность и сходство членов одного и того же класса были бы еще большими.

Это основное единство класса ничуть не исключает, конечно, дальнейших его подразделений и в связи с этим ряда внутри-классовых антагонизмов. Дело в том, что сходство, — и по профессии, и по экономическому положению, и по объему прав — в пределах одного класса имѣет градаціи. Есть слои лучше обеспеченные, чѣм другіе слои того же класса, наборщики по профессии поэтому гораздо ближе друг к другу, чѣм к рабочим — ткачам. Объем прав рабочих одной отрасли может быть большим, чѣм рабочих других отраслей промышленности. Эти относительныя различія по тѣм же трем признакам дѣлают понятным дальнейшее дробленіе класса на подклассы, на виды и болѣе детальныя группы, с одной стороны, с другой, объясняют существованіе внутри-классовых антагонизмов. Но, в общем и цѣлом, наличіе этих явленій не уничтожает существованіе класса, как социальнаго единства, ибо контраст по линіям профессии, имущества и объема прав между огромным большинством членов даннаго класса и другими классами является несравненно большим, чѣм между отдѣльными слоями одного и того же класса.

Иллюстрируем сказанное. Возьмем для примѣра социальную группу, называемую *пролетаріатом*, в ея реальных, а не фиктивных проявленіях. Какими признаками она характеризуется? Во-первых, это группа лиц, близких или сходных по профессии. Ядро ея составляется из лиц, занятых главным образом физическим трудом на фабриках и заводах, продающих свою мускульную энергію и живущих заработной платой. С боку с этим ядром соприкасается слой «интеллигентнаго пролетаріата», подобно первому продающаго свой труд и частично с ним сходнаго в этом отношеніи.

Второй признак пролетаріата — это сравнительная *экономическая бѣдность*. Заработок его относительно не великъ. Значительной собственности и капиталов нѣтъ. Лица, хотя и сходныя с ним по профессии, но получающіе несравненно болѣйшій доход (напр., инженер, директор предпріятія и т. п.), по своему поведенію и интересам уже отличны от настоящаго пролетаріата, они чаще солидаризируются с «буржуазіей», а не с послѣдним.

Третій признак пролетаріата — *юридическая или фактическая обдѣленность в правах* (кромѣ стран с «диктатурой пролетаріата», ведущей неизбѣжно к исчезновенію и деклассированію его) *по сравненію с рядом привилегированных классов*.

Правда, на бумагѣ как будто уже давно признано равенство всѣх перед законом. Но и то не вездѣ. Имущественные цензы в скрытой и явной формѣ, необходимыя для занятія ряда должностей, ряд фактических изыятій в правах пролетарія, невозможность фактическаго пользованія многими формальными правами и благами в силу бѣдности и т. д. — все это дѣлает этот класс об-

дѣленным по сравненію с другими — богатыми и аристократическими группами.

Лица, удовлетворяющія этим трем признакам, и составляют класс настоящаго пролетаріата. Отнимите от отдѣльнаго пролетарія один из основных признаков этого класса (напр., сдѣлайте его из бѣднаго богатым, или из обдѣленного — диктатором, из рабочаго — министром), и данный человекъ автоматически перестанет быть пролетаріемъ.

Сообразно со сказаннымъ выше о разныхъ слояхъ в предѣлахъ одного и того же класса, и класс пролетаріата распадется на рядъ внутриклассовыхъ групп и дѣлений с неизбежными внутриклассовыми антагонизмами, не уничтожающими, однако, антагонизмовъ даннаго класса с другими классами, с одной стороны, и с внѣклассовыми группами, напр., государством, церковью и т. д., с другой.

Сказанное о пролетаріатѣ с соответственными измѣненіями примѣнимо и къ классу крестьян. Онъ состоит из совокупности лицъ, *по профессіи* принадлежащихъ къ земледѣльцамъ, добывающимъ средства къ жизни путемъ личной обработки своей земли, *по имущественному положенію* — къ слоямъ, относительно бѣднымъ (по сравненію с классами крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ), по объему правъ — подобно пролетаріату, обдѣленныхъ в рядѣ отношеній юридически и фактически.

Профессиональный признак рѣзко отдѣляетъ крестьянство от пролетаріата, имущественное положеніе и объемъ правъ — от класса представителей финансоваго, промышленнаго и торговаго капитала, с одной стороны, с другой — от класса крупныхъ землевладѣльцевъ бывлой Россіи.

Какъ и любой классъ, крестьянство по градаціи этихъ трехъ признаковъ распадалось на рядъ подклассовъ и внутриклассовыхъ группъ. (Напр., многоземельные и малоземельные, «кулаки», «середняки» и «деревенская бѣднота»), с соответственными внутриклассовыми антагонизмами. Революція в первые годы уменьшила дифференціацію крестьянства во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Но с 1921 года послѣдняя стала снова расти и нѣтъ сомнѣнія, что в послѣреволюціонной Россіи мы встрѣтимся с классомъ земледѣльцевъ-крестьян, с значительной внутриклассовой дифференціаціей и с значительными внутриклассовыми антагонизмами.

Перейдемъ теперь къ политической партіи.

Подъ послѣдней слѣдуетъ разумѣть совокупность лицъ, объединенныхъ в одну группу, главнымъ образомъ, идеологической связью — сходствомъ воззрѣній и задачъ в области основныхъ проблемъ социальной и государственной жизни. Конечно, какъ увидимъ, чаще подъ этой идеологической связью скрываются другіе, болѣе осязательные связи и интересы, но не у всѣхъ партій и не всегда*).

Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, что классъ и партія — группы существенно различныя.

Каково же ихъ взаимоотношеніе?

*) См. подробно в II т. моей «Системы социологін». 205—225, 435—437.

3.

В соотвѣтственной литературѣ мы встрѣчаем три основных рѣшенія этой проблемы.

Первое пытаются, если не формально, то по существу, провести знак равенства между классом и партіей, считая, что партія есть орган защиты интересов соотвѣтствующаго класса. «Трем большим классам общества, читаем мы, напр., у Каутскаго, соотвѣтствуют и три большія политическія партіи, выступающія в политикѣ современных государств: либералы, консерваторы и социалисты *).

Второе течение пытается отрицать связь классоваго и партійнаго дѣленія. Согласно ему партійное и классовое дѣленіе ни в малой мѣрѣ не соотвѣтствуют друг другу. «Я поистинѣ изумлен, говорит напр., Лягарделль, как могут люди, сохранившіе чутье къ экономическим реальностям, сблизать с классами конгломераты людей, принадлежащих къ самым различным классам, сошедшихся со всѣх пунктов социальнаго горизонта и объединенных единственно лишь идеологической связью, каковыми являются политическія партіи» **).

Третье течение занимает промежуточную позицію между этими крайними рѣшеніями. В отличіе от перваго оно отрицает прямое и адекватное соотвѣтствіе партій социальным классам, в отличіе от втораго оно не отрицает начисто извѣстнаго соотвѣтствія первых вторым.

Спрашивается, которое из этих рѣшеній является правильным?

Несомнѣнно третье. Доказать это очень не трудно. Достаточно привести небольшое число фактов, чтобы картина реальных взаимоотношеній класса и партіи была ясной. Против перваго рѣшенія говорят слѣдующіе факты. Во-первых, в составъ одной и той же партіи имѣются члены различных классов, и обратно, члены одного и того же класса входят в состав различных политических партій.

Неоднократно изслѣдованный классовый состав членов ряда политических партій, вплоть до наиболѣе однородных, в разных странах ясно говорит об этом. Что в Англіи в состав либералов и консерваторов, а в болѣе новое время, и в состав Labour Party входили и входят лица разных классов — это не подлежит сомнѣнію. То же имѣло и имѣет мѣсто в партіях демократов и республиканцев в С. А. С. Штатах ***).

Даже в наиболѣе однородной социал-демократической партіи Германіи, как раньше, так и в недавнее время, членами состояли и состоятъ лица разных классов. В 1903 году в состав

*) Каутскій: Очередныя проблемы международнаго социализма. Рус. пер., 15.

**) Лягарделль: «La Cnfederation du Travail et le parti socialiste».

***) См. об этом Ostrogorski: «La démocratie et les partis politiques, 1912.

ея членов и лиц, голосовавших за нее, входило не менее 500.000 человек, не принадлежащих к рабочему классу. И обратно, не менее $\frac{1}{2}$ пролетариата входило в состав буржуазных партий *). То же было и в 1913—1914 г. Из 5.391 тысяч рабочих, объединенных в союзы (не говоря уже о 10 миллионах не входивших в них), только 2.573 тысячи входили в партию социал-демократов, из остальных — 626 тыс. — в партию центра, 355 тыс. — в партию консерваторов и национал-либералов, 107 тыс. — в партию прогрессистов, 7 тыс. — в объединение анархо-синдикалистов, остальные в разные мелкие партии **).

То же и в других странах. По подсчетам Р. Михельса только одиннадцатая часть мирового пролетариата входит в социалистические и синдикальные объединения ***). И обратно, тот же Михельс показывал, что в состав социалистических партий входит не мало богачей, капиталистов и лиц, не принадлежащих к рабочему классу †). Больше того, основателями, теоретиками и лидерами «рабочих» партий (С. Симон, Фурье, Оуэн, Л. Блан, Маркс, Энгельс, Лассаль, Жорес и др., в России — Бакунин, Герцен, Крпоткин, Михайловский, Лавров, Плеханов, в наше время лидеры: Мартов, Дан, Ленин, Троцкий, Красин, Чернов, Керенский, Гоц, Зензинов и др.) были и останутся лица, никогда на фабриках не работавшие, за сохой — не ходившие, вышедшие из других — сплошь и рядом «буржуазно-аристократических» классов и групп.

Даже в Р. К. П. по ее официальной статистике только 81.5% членов были в прошлом рабочими и крестьянами.

То же в еще большей степени может быть сказано о других партиях и классах. Далее, как правильно указывал еще М. И. Туган-Барановский, *тот же факт свидетельствуется и быстротой партийных перегруппировок*. Обычно в один-два-три года победы партий резко мѣняются. Сегодня победили «либералы», через год, смотришь, они оказались разбитыми. Сегодня граждане валом валят в такую то партию, сотнями тысяч голосуют за нее, записываются в ее члены; завтра с такой же стихийностью выходят из нее и переходят к другой партии. Иногда такія явления происходят в несколько мѣсяцев. Необычайный рост партии соц.-революционеров весной 1917 года, ее победы на выборах в органы самоуправления летом 1917 г. и огромная потеря голосов и членов к концу 1917 года; успех лѣвых социалистов и коммунистов в Италии 1920-21 г.г. и внезапная потеря голосов и членов, отбитых фашистами в 1922 г., — примѣры сказаннаго.

Очевидно, классовое строение общества не может так быстро мѣняться. Этот факт снова говорит об отсутствіи прямой и тѣсной связи между классами и партией.

*) См. Blank: Die Sociale Zusammensetzung и т. д. b. Arch. f. Sozialwissenschaft 1905 кн. III.

**) См. Лурье: Остав пролетариата. СПб. 1918. 10.

***) См. R. Michels. Le partie politiques, 186—88 и др.

†) Его-же. La crisi psicologia del socialismo. Rivista ital. disociologia, 1910.

Наконец, о том же говорит и различие профессионально-классового движения и профессионально-классовых организаций от организаций партийных. Первые строились и в значительной мѣрѣ шли под флагом безпартийным. Это относится и к англійским тредюнионам, и к нѣмецким и к американским профессиональным объединеніям, и к Всеобщей Конфедерации Труда во Франціи.

Все сказанное дѣлает совершенно безспорным невѣрность критикуемаго перваго рѣшенія. Прямого и непосредственнаго соотвѣтствія между классом и партией нѣтъ.

Значит ли это, что вѣрно второе рѣшеніе, отрицающее всякое соотвѣтствіе класса и партии и признающее внѣклассовый и всѣклассовый состав партій.

Нѣтъ, не вѣрно, по крайней мѣрѣ, в примѣненіи к основным, а не чисто эфемерным партиям. Почему? Потому что, несмотря на разноклассный состав партій, в каждой из них основной пласт членов вербуются из того класса, интересы котораго всего сильнѣй защищаются данной партией. Несмотря на всѣ партийныя махинаціи, партіи рабовладѣльцев трудно набирать в состав своих членов большое количество рабов. И обратно, партіи, ставящей своей задачей уничтоженіе привилегій капиталистов или землевладѣльцев, трудно вовлечь в свои ряды огромное число представителей этих классов. Это мы видим и на приведенных выше примѣрах. Хотя не вся масса организованных рабочих в Германіи входит в состав социал-демократической партіи, все же сюда входит основной пласт их. Хотя сюда же примыкают многіе члены буржуазных классов, но не большинство, а меньшинство. Большинство их принадлежит к другим — «буржуазным» — партиям, гдѣ они и образуют основной пласт их членов. То же может быть сказано и о других партиях, вплоть до крестьянских. Крестьяне отдают и могут отдавать свои голоса в пользу различных партій, но раз образовалась партія или партіи, наилучше защищающія интересы крестьянства и защищающія их объективно — умѣло, а не фиктивно и не на словах только, то, конечно, крестьянство отдавало и отдает большинство своих голосов этой или этим, а не другим партиям. Это мы видим в наше время в рядѣ стран.

Вот почему второе рѣшеніе, столь энергично заявленное Лабарделлем, не вѣрно.

Истина, как указано выше, лежит по срединѣ между этими крайними отвѣтами.

Отсюда же вытекает и ложность взглядов, пытающихся доказать возможность существованія единой или общенародной или всѣклассовой партіи. Такая партія была бы возможна, если бы... не было классовой (да и не только классовой) дифференціаціи общества. Если же послѣдняя существует, если все выше сказанное о громадном деформирующем вліяніи класса на душу и тѣло, на поведеніе и интересы членов класса, на взаимную солидарность лиц одного класса, на антагонизм — невольный и неизбежный — членов разных классов — увѣ! — неопровержимый и несомнѣнный фактъ, то отсюда понятна вся невозможность реальнаго существованія таких «общенародных» или «всѣклассовых» партій. Со-

зданіе и существованіе их столь же возможно, как возможна «квадратура круга». Партіи, так себя именующія, или представляют штаб без арміи, или взаимно-парализующих друг друга индивидов, ничем не объединенных, кромѣ вывѣски, и фактически идущих «кто в лѣс, кто по дрова, кто из лѣсу», или — что чаще бывает — классовую партію, сознательно или безсознательно маскирующую свою классовость «общенародной» вывѣской. Только в рѣдкіе историческіе моменты, когда грозит ряду классов общій враг, или огромная опасность (напр., во время войны) возможно объединеніе разных классов на общей задачѣ, но оно не представляет созданія «общенародной» партіи, а простое временное ограниченіе интересов ея участников, вызванное исключительными условіями. Проходят эти условія — классовые антагонизмы вновь вспыхивают еще с большой силой и временное самообузданіе классов исчезнет. Это печально, но это — факт.

4.

Сказанным, однако, вопрос еще не разрѣшается. Раз нѣкоторое соотвѣтствіе между классом и партіей есть, то спрашивается: от каких условій зависит большая или меньшая степень этого соотвѣтствія? Почему нельзя было бы думать о созданіи абсолютно-адекватной данному классу партіи? Что мѣшает этому? И, наконец, слѣдует ли расцѣпывать созданіе такой партіи (если оно возможно), как социальный плюс или как социальный минус?

Причины, опредѣляющія степень соотвѣтствія партіи классу, многочисленны, и лежат, помимо характера партіи, как в природѣ самого даннаго класса, так и в природѣ всей социально-морфологической структуры населенія. *Чѣм сильнѣе дифференціация на разные слои внутри даннаго класса и внутрикласовый антагонизм разных групп послѣдняго, тѣм труднѣе созданіе единой, адекватной данному классу, партіи.* Удовлетворяя одни слои (напр., «кулаков» или рабочую аристократію), она не будет адекватной интересам других слоев того же класса. Результатом этого явится или созданіе, на ряду с первой, новых партій того же класса, призванных защищать интересы неудовлетворенных слоев, или ... отрыв послѣдних от единой существующей партіи, переход и передача голосов партіям других классов, наилучше обезпечивающих интересы этих слоев. Это объясняет почему нерѣдко для защиты интересов одного и того же класса существуют не одна, а двѣ или три разных партіи, вербующія основную массу своих членов из одного и того же класса. Это мы видим, как в отношеніи «рабочих» партій, так и «буржуазных», как в отношеніи «рабочаго класса», так и «буржуазнаго». Возьмите современную коллекцію основных партій Франціи, начиная с коммунистов и кончая роялистами, партіи Германіи, Италіи, Чехословакіи и др. стран — вездѣ мы видим не одну, а двѣ или три «рабочих», двѣ или три «капиталистических», двѣ или три «землевладѣльческих» партій, выступающих под разными именами. Такое дроб-

ление партій одного и того же класса неизбежно, раз дифференціація внутри послѣдняго сильна и значительна.

То же условіе объясняет в извѣстной степени почему члены даннаго класса нерѣдко оказываются членами партій иного класса: «буржуй» — социал-демократом, «рабочій» — членом католической партіи, многоземельный крестьянин — членом «партіи октябристов».

Такая аномалія означает прежде всего, что интересы таких «перебѣжчиков» не адекватны политикѣ и программѣ соответствующей партіи их класса. Вот почему при наличіи класса с значительной внутриклассовой дифференціаціей созданіе *единой* адекватной классовой партіи, которая собирала бы *всю или почти весь голоса даннаго класса*, невозможно.

Вторым основным условіем, опредѣляющим степень адекватности класса и партіи, является *сложность и глубина общей* (а не только классовой) *соціальной дифференціаціи*.

Чѣм больше число разнородныхъ группъ, на которыя распадается данное населеніе (религіозныхъ, языковыхъ, профессиональных, имущественныхъ, объемно-правовыхъ, территориальныхъ, идеологическихъ и т. д.) и чѣм грань между ними легче проходима, иначе — чѣм легче совершается и интенсивнѣе происходит циркуляція индивидовъ из группы в группу, из слоя в слой, тѣм труднѣе созданіе *единой, адекватной классовой партіи*.

Мы видѣли, что обратной стороной соціальной дифференціаціи служит фактъ принадлежности индивида к ряду различныхъ, друг друга не покрывающихъ и друг с другом не совпадающихъ группъ. Чѣм сложнѣе дифференціація, тѣм к большему числу разнородныхъ группъ оказывается принадлежащимъ индивидъ. Каждая изъ них берет «частичку его души» и его интересовъ и тѣм самым мѣшаетъ одной партійной группѣ цѣликомъ забрать его «душу» и «тѣло», сдѣлать его полной своей добычей. С другой стороны, подвижность и проницаемость соціальныхъ барьеровъ, иными словами интенсивное перемѣщеніе индивида из группы в группу, из слоя в слой, мѣшаетъ каждой изъ группъ «штамповать» его исключительно по своему образцу и подобию, накладывать на него печать «одноруповой идіосинкразіи», своихъ узко-групповыхъ, эгоистическихъ интересовъ. Если бы индивид оказался на всю жизнь прикованнымъ к данной группѣ, это неизбежно случилось бы, какъ это имѣетъ мѣсто в кастѣ. Когда же индивидъ сегодня рабочій-печатникъ, завтра — рудокопъ, послѣзавтра — коммерсантъ, а позже — писатель или предприниматель, когда онъ сегодня живетъ в Колумбіи, завтра перѣхалъ в Сан-Франциско, а послѣзавтра поселился в Техасѣ, когда и профессія, и экономическое положеніе, и объемъ правъ, и мѣсто жительства, и религія, и вкусы его часто мѣняются — тогда онъ неизбежно становится «многограннымъ», свободнымъ от печати «единой, узко-групповой идіосинкразіи», тѣм самым перемѣнчивымъ в своихъ политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, а потому не «по гробъ жизни» преданнымъ той или иной партіи.

Сказанное объясняетъ, почему, в такихъ странахъ, какъ, напр., С. А. С. Штаты, мы находимъ гораздо менѣе выраженными классо-

вый характер основных политических партий, чѣм в странах отсталых. Вопреки распространенному мнѣнію, особенно с легкой руки марксистской догмы, в таких странах гораздо меньше шансов на классовый характер партий, чѣм в странах отсталых, с менѣе сложной соціальной дифференціацией и с менѣе интенсивностью соціальной циркуляціи. В Россіи или в Болгаріи адекватныя классовыя партіи легче могут имѣть мѣсто, чѣм в странах, подобных Соединенным Штатам Америки.

Но и в первых странах, помимо указанных выше причин, есть ряд других обстоятельств, мѣшающих прочному созданію единой адекватной классовой партіи. Во первых, и здѣсь соціальная дифференціация ушла настолько далеко, что ни одна партія не может взять на себя обслуживаніе *всѣх* потребностей даннаго класса, начиная с эстетических, религіозных, языковых и кончая экономическими. Созданіе такой «партіи-касты» или «партіи-средневѣковаго цеха» сейчас невозможно. Ряд «частичек души и тѣла» членов класса захвачены другими внѣпартійными группами, разными для разных членов даннаго класса, ибо их религія, язык, вкусы, уровень развитія — неодинаковы; послѣдніе оказывают свое давленіе на партійныя тяготѣнія индивидов и, в силу своего различія, вызывают большее или меньшее распыленіе их по партіям. Примѣром такого партійнаго распыленія членов одного и того же класса под вліяніем различія внѣпартійных, в частности, религіозных групп, может служить партійное и даже профессиональное распыленіе рабочаго класса Германіи или Бельгіи. Мы видим, как католики-рабочіе отдають голоса не социал-демократіи, а партіи центра, и образуют особые конфессиональные рабочіе союзы. Такую роль может сыграть момент языковой (національный) или расовой. Достаточно четко это мы видѣли в Австріи, видим сейчас в Чехіи и в других странах; роль расовых групп великолѣпно рисуется положеніем дѣл в С. А. С. Штатах (негры—рабочіе часто болѣе солидарны с неграми предпринимателями, чѣм с бѣлыми рабочими. То же может быть сказано и о послѣдних, не допускающих негров-рабочих в свои тред-юніоны и т. д.).

Во-вторых, когда такая относительно монополюльно-классовая партія создается — она неизбѣжно «зарывается». Увлекаясь преслѣдованіем исключительно классовых интересов, она, в случаѣ побѣды, начинает давить не только другіе классы, но и массу внѣклассовых и внѣпартійных групп; не только аннулирует их привиллегіи, но и жизненные интересы, необходимыя не только для существованія этих групп, но и всего населенія, вплоть до самаго властвующаго класса. Итогом является рост разстройства всей соціальной жизни, рост общественнаго недовольства в широких массах населенія, вплоть до слоев самаго «властвующаго класса», паденіе кредита монополюльной партіи и соціальный кризис, разрѣшающійся мирным или кровавым низверженіем такой «зарвавшейся» партіи.

Из сказаннаго вытекает вся утопичность и в то же время вся ретроградность не только таких «монополюльно-классовых» партій, но

и многих модных теперь планов реконструкции общества, выдаваемых за «последнее слово» quasi-демократической и революционной мысли. Под ними я разумею ряд проектов довольно разнородных по формѣ и пропагандируемых лицами и группами, часто принадлежащими к самым популярным социальным кругам, но, несмотря на это разнообразіе проектов, тождественных в своей сущности. «Гильдейскій социализм» — одно названіе этих проектов, «назад к средне-вѣковым цехам и гильдіям» — другое, «универсальный синдикализм» — третье. Теоретики гильдейскаго социализма, ряд демократов и социалистов, революціонные синдикалисты типа Сореля и Лягарделля, Гриффюэльса и Лабріолы, «реакціонеры» Бердяев и Франк, юрист Л. Дюги, російскіе апологеты крѣпостничества — такова пестрая смѣсь лиц и групп, казалось бы самых противоположных и враждебных, и, вмѣстѣ с тѣм, в данном отношеніи весьма сходных по существу. Отбрасывая шумиху слов и всякія несущественныя детали в их репертуарѣ, мы получаем у всѣх у них один и тот же рецепт лѣченія общественных зол и реконструкціи общества: *нужно замѣнить современное пестрое и сложное социальное раздѣленіе общества одним основным: профессионально-классовой дифференціаціей и объединеніями.*

Мѣсто современной многолинейной дифференціаціи человечества по государствам, религіям, національностям, расѣ, партіям и т. д. — должно быть занято одним основным дѣленіем населенія на профессионально-классовыя гильдіи или цехи, синдикаты или объединенія. Пусть каждый такой синдикат или гильдія, напр., желѣзнодорожников, будет для его членов «универсальным государством», которое удовлетворяло бы всѣ потребности послѣдних, дѣлало бы ненужными всѣ другія группы, владѣло бы своими членами от рожденія до смерти, монопольно и безраздѣльно *). Тогда, увѣряют нас наиболѣе пылкіе апологеты этих планов, на землѣ будет «тишь, да гладь; да Божья благодать».

Такова в схематизированном и логизированном видѣ сущность этих спасительных планов**). Как видно отсюда — эта сущность недалеко от разсмотрѣнных «монопольно-классовых партій».

Поистинѣ надо довольно серьезное «смятеніе умов», чтобы такіе рецепты могли получить серьезную популярность и кадры многочисленных адептов. «Отче мой! прости им, не вѣдают бо, что творят!» хочется сказать при видѣ многих демократов и социалистов, распинаящихся за такіе проекты.

Реализація их означала бы не возврат даже к средним вѣкам, а ни больше не меньше, как... возстановленіе *настоящаго касто-ваго строя.*

К кастѣ индивид прикован навсегда, к грядущему синдикату или гильдіи — тоже.

*) «Синдикат должен стать цѣлостным и синтетическим органом, охватывающим всю личность рабочаго, как гражданина, как экономическаго чело-вѣка, как индивидуума, имѣющаго собственную личность», вот в формули-ровкѣ Лабріолы, чѣм должен быть синдикат.

**) См. ряд теорій в книгѣ П. И. Новгородцева: «Об общественном идеалѣ», см мой Т. II «Системы»: 149-161, 189-193, 393-406.

Каста цѣликом поглощает личность и становится ее монопольным обладателем. Тѣм же должен быть и синдикат.

Каста регулирует почти все его поведеніе. Тоже будет дѣлать и универсальная гильдія.

Каждый из синдикатов, подобно кастѣ, будет штамповать индивида по своему образу и подобию, фабриковать «узколобых» и однобоких синдикальных манекенов. «Синдикальная идіосинкразія» и «узко-групповой эгоистическій моноидеизм» достигнут небывалых размѣров. Члены разных синдикатов будут жителями разных планет. В итогѣ, вмѣсто «равенства, братства и свободы» получится такой «рай», такое неравенство, такой разгул гильдейско-синдикальнаго эгоизма и между-синдикальной борьбы, что современная общественная организація будет поистинѣ недостижимым идеалом по сравненію с этим кастово-синдикальным казематом.

На мѣстѣ крѣпостника я бы первый подписался и стал пропагандировать такіе проекты. Но на мѣстѣ многих «освободителей» я бы благоразумно воздержался от славословія таких планов.

Они настолько «радикальны», что в случаѣ их реализаціи, они сразу отбросили бы человѣчество на много, много вѣков назад.

Но, «страшен сон, да милостив Бог». К нашему счастью, в такой радикальной формѣ всѣ эти проекты абсолютно утопичны. Они еще болѣе нереализуемы, чѣм «монополизмъ классовыхъ партій». И в силу тѣх же основаній, что и послѣднія.

Частичная же реализація нѣкоторых черт синдикализма, как и реализація относительно-классовых партій, явленіе совсѣм иного рода. С точки зрѣнія их осуществимости — и относительный или релятивистическій синдикализм, и относительно классовая партія — вполне возможны. Абсолютный же синдикализм или абсолютно-классовая партія — чистая утопія.

С точки зрѣнія желательности, реализація первых, при достаточной осторожности, моральности и умѣлости в рядѣ стран может быть не только не вредной, но, напротив, может быть хорошим коррективом многих явленій современнаго строя и сослужит социально-полезную службу не только данному классу, но и всему населенію.

Питирим Сорокин.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА.

Тремя основными руслами шла русская общественная мысль и три различных рѣшенія давала она вопросу об общественном положеніи крестьянства.

Мысль *либеральная* в своем рѣшеніи отправлялась от міровоззрѣнія, по которому современное сложно - расчлененное общество представлялось внутренне столь же связанным и единым, как организм высших животных с его многочисленными и разнообразными органами. По этому воззрѣнію, в обществѣ, как в высшем организмѣ, нѣтъ ни непримиримых интересов, ни враждебных частей, ибо жизнь и работа каждой части обусловлена жизнью и дѣятельностью всѣх остальных. Общество покоится, как на своей глубинной и твердой основѣ, на гармоніи общих интересов. Фактическія столкновенія различных соціальных групп представлялись с этой точки зрѣнія или поверхностной соціальной рябью, под которой спокойно катились глубокія тихія воды, или глубоким извращеніем нормальных общественных отношеній, вызванным ложными взглядами.

Крестьянство представлялось этому направленію мысли невыдѣлимою частью общественнаго цѣлаго. Глубокое своеобразіе крестьянства в его расселеніи, занятіях, бытѣ и т. д. отрицать было, конечно, нельзя и оно не отрицалось, но мало ли подобных своеобразій существует в современном расчлененном обществѣ! Они не дают еще основаній выдѣлять стойкія общественныя группы, четко отмежованныя от других в их «политикѣ и экономикѣ», в их интересах и дѣйствіях

Народническая мысль послѣдних десятилѣтій давала иное рѣшеніе. Современное общество представлялось ей расчлененным на классы с непримиримо враждебными интересами и с неустранимой взаимной борьбой. Современное общество все «рѣзче распадается на класс эксплуатируемых труженников, получающих все меньшую долю создаваемых их трудом благ, и класс эксплуататоров, сосредотачивающих в своих руках владѣніе естественными силами природы, средствами производства и обмѣна *).

Большинство крестьянства, которое называлось трудовым, относилось вмѣстѣ с наемными рабочими к классу «эксплуатируемых

*) Программа партіи с.-р., стр. 356-357.

тружеников». Вмѣстѣ с пролетаріатом оно составляло «единый рабочий класс» — единый вначалѣ только по своему объективному положенію, а потом, по мѣрѣ того как идеи «международнаго революціоннаго социализма» все болѣе проникают в массы, этот класс становится единым и по субъективному сознанию рабочих и трудовых крестьян... Приведенныя строки взяты мною из программы партіи с. р. Другая, далекая от идей социализма революціоннаго и международнаго, вѣтвь русской народнической мысли, давшая идейную почву для появленія партіи народных социалистов, также утверждала и общую для рабочих и крестьян далекую цѣль — социализм, и общую дорогу к нему. Свой путь к «желаной странѣ», писал отвѣтственный представитель этого теченія мысли, «крестьяне и рабочіе совершат, конечно, вмѣстѣ» *).

Если либеральной мысли крестьянство представлялось невыдѣлимьм слоем всего общества, то для народнической мысли оно в своей большей части являлось таким же невыдѣлимым слагаемым «трудового народа» («рабочаго класса», «класса эксплуатируемых тружеников» и т. п.).

Третье направленіе нашей общественной мысли — марксистское — сходилосъ с народниками и в признаніи классового строенія современнаго общества, и в отрицаніи за крестьянством своего особаго мѣста между существующими классами. Было, однако, и существенное расхожденіе: марксисты рѣшительно возражали против зачисленія крестьян, хотя бы и трудовых, в один класс с наемными рабочими. По их мнѣнію, крестьяне относились к буржуазіи — «пусть мелкой, пусть мельчайшей, но все же к буржуазіи».

Есть важная роднящая черта во всѣх трех приведенныхъ взглядахъ. Она в том, что крестьянство всѣми ими представляется социальным слоем, сливающимся с другими — или со всѣм народомъ, или с наемными рабочими, или с владѣльцами капитала — с буржуазіей. Крестьянство по этимъ взглядамъ не имѣет в своем общественномъ положеніи признаков и особенностей настолько значительныхъ, чтобы они дѣлали его самостоятельной общественной группой, четко обособленной от другихъ... Как общественный фактор, крестьянство по всѣмъ тремъ взглядамъ, могло и должно быть проявить себя или в составѣ всего народа, или вмѣстѣ с социально-политическимъ Мессіей — пролетаріатомъ, или плечо-к-плечу с первоисточникомъ современныхъ общественныхъ бѣдствій — с буржуазіей. Ни своего мѣста в современномъ обществѣ, ни собственныхъ дорогъ у крестьянства нѣтъ. Нѣтъ и собственныхъ цѣлей. — вмѣстѣ со всѣмъ народомъ или только с буржуазіей оно поддерживаетъ современный строй народно-хозяйственныхъ отношеній или вмѣстѣ с наемными рабочими стремится къ «великой задачѣ социально-революціоннаго переворота», программой котораго «является обобществленіе труда, собственности, хозяйства» **).

Каждый из трехъ взглядовъ долгое время мог опираться на факты жизни, ибо в своем общественномъ поведеніи крестьянство не имѣло

*) А. В. Пѣшехонов — «Крестьяне и рабочіе в ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», стр. 64.

**) Мѣста в кавычкахъ взяты из программы партіи с.-р.

собственной «линии». В разных странах и в различные периоды оно шло за буржуазией, помѣщиками, рабочими. При политических выборах оно подавало голоса за так называемыя «общенародныя партіи»; за которыми крылись интересы, то крупнаго землевладѣнія, то конфессіональных групп, то буржуазіи; в меньшинствѣ голосовало оно и за социалистическія партіи рабочих, порой вмѣстѣ с рабочими оно образовывало и общія социалистическія группировки.

Картина политическаго поведенія крестьянства пестрой и сложной остается и теперь. В ея сложной пестротѣ недавно появилась, однако, крупная по размѣрам и важная по значенію *новость*, отсутствовавшая прежде — это самостоятельныя политическія группировки крестьянства. Онѣ не единичное явленіе, по отношенію к которому легко отдѣлаться указаніем на случайность, ибо образовались онѣ не менѣ чѣм в семнадцати странах *), а первые их зародыши появились уже два десятилѣтія назад. Не маловажны онѣ и по своему современному удѣльному вѣсу: в пяти государствах **) онѣ выдвигали глав правительств, причем в трех из них уже не по одному разу. Политическія организаціи крестьянства стали распространенным фактом и вліятельным фактором современной общественной жизни.

Эта новость — пробный камень для истинности приведенныхъ взглядов. Миллионныя массы, да еще такія разобщенныя, в такомъ количествѣ государствъ, так дружно и в каждомъ государствѣ самостоятельно, не сдвигаются на новые пути, если для этого нѣтъ какихъ то общих, весьма побудительныхъ и глубокихъ причинъ. А послѣднія, очевидно, могутъ лежать только в общихъ для крестьянства и для него важныхъ особенностяхъ его общественнаго положенія.

Широкое и вліятельное политическое движеніе крестьянства снова ставит на очередь старый вопросъ о мѣстѣ крестьянства в современномъ, сложно-расчлененномъ обществѣ и о его отношеніи к другимъ социальнымъ группамъ, лежащимъ в одной плоскости с нимъ.

Не трудно замѣтить, что новое явленіе не укладывается ни в одинъ изъ приведенныхъ взглядовъ. Если крестьянство такъ близко, даже однородно с другими социальными группами, почему же оно отдѣляется отъ нихъ и организуетъ свои собственныя, новыя политическія партіи, выходя изъ прежнихъ и считая ихъ, очевидно, себѣ чуждыми? Почему оно такое разобщенное, общественно мало подвижное, с низкой духовной культурой и слабой самодѣятельностью — на самыхъ различныхъ пунктахъ земного шара миллионами стекается подъ новыя знамена и покидаетъ знамена, к которымъ десятилѣтіями привыкало и, несомнѣнно, привыкло?

Приведенныя старыя теоріи отвѣтить на эти вопросы не могутъ. Необходимо искать новыя точки зрѣнія, способныя одновременно удовлетворить двумъ потребностямъ: дать пониманіе и, слѣдовательно, объясненіе совершившимся и идущимъ сдвигамъ крестьянства — это

*) Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Румынія, Венгрія, Болгарія, Югославія, Чехословакія, Баварія, Россія, С. А. Соед. Штаты, Швеція, Финляндія, Австралія, Канада, Ирландія.

**) Болгарія, Чехословакія, Польша, Эстонія, Латвія.

во первых, дать ориентировку для общественнаго дѣйствія среди русскаго крестьянства, во вторых.

Из двух соотвѣтственных частей, логически раздѣльных, должна сложиться и эта статья: одна должна дать попытку опредѣлить социальное положеніе крестьянства в общественной обстановкѣ современности, другая, исходя из общих очертаній русской общественной дѣйствительности и социальнаго положенія крестьянства, должна намѣтить основныя задачи, столбовыя дороги и важнѣйшихъ попутчиковъ, а также и наиболѣе угрожающаго врага для крестьянства Россіи.

I.

Опредѣлим объект, о котором идетъ рѣчь. Назовемъ основныя признаки, совокупность которыхъ отмежевываетъ крестьянство отъ остальныхъ социальныхъ группъ. Признаки можно искать в одной из двухъ областей общественной жизни — в правовой или экономической. В первомъ случаѣ крестьянство будетъ сословною группою, во второмъ социально-экономическою. Какъ сословная группа, крестьянство характеризуется особымъ объемомъ и своеобразнымъ содержаніемъ прав и обязанностей, признанныхъ за нимъ формальнымъ закономъ или обычнымъ правомъ. Какъ социально-экономическая группа, крестьянство опредѣлится своимъ особымъ мѣстомъ во всей народно-хозяйственной жизни и своимъ особымъ участіемъ в процессахъ производства, обмена и распредѣленія. В настоящей статьѣ крестьянство понимается во второмъ смыслѣ. Онъ важнѣе перваго: какъ сословная группа крестьянство исчезаетъ и в правовыхъ государствахъ современности давно исчезло; какъ юридическая-своеобразная группа оно умерло (и уже не воскреснет) и в Россіи. В качествѣ социально-экономической группы крестьянство сохранилось вездѣ, а в Россіи оно играетъ и будетъ играть совершенно исключительную по своей важности роль.

Признаковъ характерныхъ для крестьянства три. Первый опредѣляетъ область народнаго хозяйства, в которой протекаетъ хозяйственная дѣятельность крестьянина. Ею является хозяйство сельское во всѣхъ его видахъ. Вторымъ и третьимъ признакамъ устанавливаютъ характеръ участія крестьянства в сельскомъ хозяйствѣ, а черезъ него и во всей народно-хозяйственной жизни. В противоположность умственному и физическому пролетариату, работающему в чужихъ хозяйствахъ, крестьянство участвуетъ в народно-экономической жизни при посредствѣ собственныхъ предпріятій. Оно является хозяйствующею группою в современном обществѣ. Его экономическая дѣятельность направляется не чужимъ разумомъ и волей, а своими собственными. Крестьянство самостоятельно и независимо, какъ в организаціи своего хозяйства, такъ и в повседневномъ руководствѣ имъ. Общие законы, управляющіе народно-хозяйственной жизнью, и общее состояніе послѣдней кладутъ, конечно, границы этой свободѣ, но и пониманіе этихъ границъ, и способъ поведенія внутри ихъ принадлежитъ только крестьянину. Чужая и обязательная указка надъ его хозяйственными дѣйствіями не тяготѣетъ.

Этот второй признак сближает крестьянство с другими хозяйствующими классами современного общества и отделяет его от нехозяйствующаго пролетариата всѣх видов. Третій признак дѣйствует наоборот: он приближает крестьянство к классу наемных рабочих и служащих и удаляет от остальных хозяйствующих групп, исключая ремесленников. Эта третья особенность заключается в том, что в своем хозяйствѣ крестьянин выступает не только в качествѣ его владѣльца, но и в роли исполнительно-рабочей силы. Труд, затрачиваемый непосредственно на производство новых матеріальных благ, на их переработку и их перемѣщеніе (внутри хозяйства и при отчужденіи на сторону), в крестьянском хозяйствѣ, полностью или в большей части, поступает не со стороны, как в капиталистических предприятиях, а от самого владѣльца и его ближайших родственников. Крестьянин, по опредѣленію поэта, одновременно — «слуга и хозяин».

Итак, крестьянство социально-экономическая группа, работающая исключительно или преимущественно в сельском хозяйствѣ, обладающая собственными хозяйствами и ведущая их исключительно или преимущественно при посредствѣ исполнительнаго труда владѣльцев и членов их семей. Можно дать и другое, болѣе точное опредѣленіе, положив в его основаніе источник основного дохода: крестьянство — это социально-экономическая группа, доход которой — весь или в большей части — получается в результатѣ веденія собственных трудовых земледѣльческих хозяйств.

Приведенныя опредѣленія раздѣляют судьбу огромнаго большинства опредѣленій: они не дают возможности вполне четко отдѣлить их объект в его пограничных проявленіях от других, с ним смежных. Так же нельзя, на примѣр, установить рѣзкую границу, раздѣляющую царства животных и растений. Она отчетлива, когда сравниваются высшіе организмы, и она дѣлается расплывчатой и затѣм теряется вовсе, когда спускаются в среду низших организмов. Вездѣ существуют переходныя группы. Онѣ становятся все многочисленнѣй и неуловимѣй по мѣрѣ того, как мы движемся из міра мертвых тѣл в мір тѣл органических и затѣм над-органических или социальных.

Человѣкъ, занимаясь сельским хозяйством, одновременно может принимать участіе в других областях народнаго хозяйства — он может торговать, работать на заводѣ или в шахтѣ, быть ремесленником, служить на желѣзной дорогѣ и т. д. Здѣсь создаются переходныя группы между крестьянином с одной стороны и рабочим, ремесленником, торговцем и т. п. — с другой.

Так, в Германіи при переписи 1907 года, земледѣліе, в качествѣ второстепеннаго занятія, показало слѣдующее количество лиц, занятых как главным дѣлом: в промышленности 1.735.152 человѣка, в торговлѣ 335.327 ч., в гостинничном дѣлѣ 83.090 ч., всего 2.153.569 человѣк. В Россіи по данным обследованія крестьянских бюджетов выяснилось, что доход от внѣземледѣльческих промыслов у разных групп крестьянства и в различных районах колеблется от 6% до 92,9%, равняясь даже при $2\frac{1}{2}$ десятинах посѣва на двор до 45—50%. Группа сельскаго населенія с доходом свыше 50% от занятій внѣ сельскаго хозяйства к крестьянству относится уже не будет, но

сколько здѣсь неуловимо-тонких границ, отдѣляющих крестьян от не-крестьян!

Стоитъ внѣ крестьянства или создает переходную группу между ним и с.-х. пролетаріатом и та часть сельскаго населенія, которая, занимаясь исключительно в сельском хозяйствѣ и обладая собственными хозяйствами, работает в то же время по найму в чужих хозяйствах и в видѣ заработной платы получает основную часть своего годовичнаго дохода. По расчетам С. Короленко («С.-х. отхожіе промыслы», 1896 г.) в 21 губерніи Европейской Россіи было около 5 миллионов человекъ излишняго сельско-хозяйственнаго населенія, причемъ 2½ миллиона могли найти себѣ занятіе лишь в качествѣ отхожихъ с.-х. рабочихъ. До великой войны из губерній Центральной Россіи только в восемь многоземельных губерній юга и востока ежегодно передвигалось на с.-х. работы свыше миллиона крестьян. Гораздо большее количество их работало в качествѣ сѣзовыхъ, поденныхъ и сдѣльных рабочихъ на мѣстах в крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ, добывая такимъ образомъ, основную или второстепенную часть своего годовичнаго дохода.

Незамѣтные переходныя группы образуются и в связи с третьимъ признакомъ. Работая исключительно в собственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, человекъ можетъ вести его при помощи не одного только собственнаго и членовъ своей семьи исполнительнаго труда, но и при помощи наемнаго труда со стороны. Создается мостъ между крестьяниномъ и помѣщикомъ. По даннымъ, собраннымъ Секретариатомъ Крестьянскаго Союза в Швейцаріи, собственный трудъ владѣльцевъ и членовъ ихъ семей в швейцарскихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ покрываетъ такую часть потребности в трудѣ:

При площади земли	3—5 г.	5—10 г.	10—15 г.	15—30 г.	30—70 г.
	90%	80%	71%	54%	39%

Каждый изъ трехъ признаковъ, характеризующихъ крестьянина и крестьянство, создаетъ, такимъ образомъ, свои отклоненія отъ «чистаго» типа. Каждый изъ нихъ расплывается и дѣлается неуловимымъ в переходныхъ группахъ. Крестьянство, какъ и всякая другая общественная группа, остается поэтому обведеннымъ своего рода нейтральнымъ поясомъ, социальная принадлежность обитателей котораго остается спорной.

Нейтральная зона включаетъ в себя, однако, только сравнительно небольшую часть крестьянства. Огромное большинство его вполне охватывается и ограничивается от другихъ группъ совокупностью приведенныхъ признаковъ.

При обычномъ словоупотребленіи, крестьянство является болѣе широкой группой, чѣмъ это вытекаетъ изъ опредѣленій, данныхъ выше. Она охватываетъ всѣхъ, кто работаетъ в сельскомъ хозяйствѣ, имѣетъ в немъ собственное хозяйство и самолично выполняетъ работы в немъ. Относительный размѣръ дохода, который создается в связи съ каждымъ изъ этихъ трехъ признаковъ, при обычномъ употребленіи слова «крестьянинъ» не учитывается. С этой точки зрѣнія крестьяниномъ будетъ и тотъ, кто в результатѣ веденія собственнаго земледѣльческаго хозяйства

получит лишь 10 — 20% своего годовичнаго дохода, и тот, кто получит из этого источника всё 100% дохода. При обычном словоупотребленіи, крестьянином является, как удовлетворяющій собственным трудом только 10 — 20% потребности своего хозяйства в человеческой работѣ, так и заполняющій эту потребность полностью. При таких условиях крестьянство утрачивает всякую четкость в своих социальных границах. Оно незаконно расширяется в направленіи каждаго из трех признаков и перестает быть группой однородной. Фабричный рабочий и конторскій служащій, вскапывающіе в свободные от основной работы часы, нѣсколько десятков квадратных метров под домашній огородик, типичный помѣщик, самолично работающій на паровом плугѣ или другой сложной машинѣ, с. - х. батрак, работающій огромную часть года по найму в чужих хозяйствах и лишь нѣсколько дней в году отдающій своему клочку земли и своей коровѣ — всё они должно быть отнесены к крестьянству...

При неучетѣ количественной стороны в каждом из трех признаков можно впасть в такія же ошибки, как при отнесеніи утки - нырка на том основаніи, что она может сравнительно долго пробыть под водой, к подводной фаунѣ, а летающих рыб — к фаунѣ надводной.

К крестьянству в нашем опредѣленіи относится только часть той социальной группы, которая называется этим именем при обычном словоупотребленіи. Она совпадает с «трудовым крестьянством» русской народнической литературы, когда это понятие употреблялось правильно и в него не втискивали и ту часть сельскаго населенія, которая относится к с. - х. пролетариату.

*

Приведенные выше признаки, совокупностью которых крестьянство отграничивается от других социальных групп, одновременно являются и особенностями в общественном положеніи крестьянства. Они не только отмежевывают крестьянство, но и характеризуют его. Названные признаки — хозяйственные, ибо мы условились трактовать крестьянство так, как оно существует в дѣйствительности, т. е. в качествѣ группы социально - экономической. Не слѣдует, конечно, думать, что приведенные признаки покрывают всё особенности в общественном положеніи крестьянства. Они являются важнѣйшими и исходными, но не исчерпывающими: приходя во взаимодействіе с окружающей общественной средой, основные признаки порождают длинный ряд новых и добавочных особенностей в общественном положеніи крестьянства. Только назвав и охарактеризовавъ всё производные признаки, можно было бы полно опредѣлить общественное положеніе крестьянства. Эта задача явно превышает предѣлы журнальной статьи. В послѣдней возможно прослѣдить только за важнѣйшими сочетаніями, составляющимися из основных признаков и окружающей среды. Их я постараюсь назвать.

II.

Первый признак, характеризующий крестьянство, относится к области народного хозяйства, в которой оно экономически действует. Эта область — сельское хозяйство.

Цѣли чело́вѣка, работающаго в сельском хозяйствѣ, достигаются в конечном счетѣ при посредствѣ освоения болѣе или менѣе значительной земельной площади. Послѣдняя является тут не только мѣстом, на котором организуется производство, как в промышленности, но и дѣятельным участником самых процессов производства. Всякое расширение с. - х. производства при неизмѣнности прочих условий требуетъ соотвѣтственнаго увеличенія обрабатываемой площади земли. Сельско - хозяйственный труд отличается поэтому сильным территориальным разсѣянием. Отраженіем этой особенности являются и ограниченный размѣръ земледѣльческих хозяйств, и распыленность людей, хозяйствующих на землѣ, при их расселении. Остановимся на втором явленіи.

Для с. - х. населенія невозможно расселение такими огромными группами, какими живет городское населеніе, работающее в промышленности, торговлѣ, кредитных учрежденіях, при паровом транспортѣ и т. д. Села с сотнями тысяч жителей, не говоря уже о миллионах, невозможны и они не существуют. Безсмысленными являются и села с десятками тысяч жителей и потому они не многочисленны *). Сохраняя земледѣльчскій характер и не дѣлаясь промышленными и торговыми, они всегда проявляют напряженное стремленіе к расселенію. Работающіе на землѣ селятся обычно небольшими поселками в десятки, рѣдко в сотни дворов, часто они живут в поселеніях с нѣсколькими дворами и даже одинокими хуторами, теряющимися в просторах полей или степи. Перепись 1897 года показала в Европейской Россіи такое количество мелких поселеній:

	Абсолютн. число:	В ‰ ко всѣм поселеніям:	
с населеніем до десяти душ обоого пола	186.933	32%	} 99,8% %
„ от 10 до 100 „	251.901	42%	
„ от 100 до 500 „	117.455	20%	
„ от 500 до 5000 „	34.050	6%	

Поселенія с числом жителей выше 5.000 совершенно терялись среди поселеній болѣе мелких — первые составляли около 0,18% или 1/540 часть вторых.

Такова разсѣянность сельскаго населенія даже в Россіи с ея общинной, создававшей сильные добавочные стимулы к жизни в разросшихся поселеніях, с ея исторіей, дѣлавшей в степных просторах обязатель-

*) Не надо преувеличивать роли огромных сел с десятками тысяч населенія, имѣющихся в нѣкоторых районах Россіи. Они поражают воображеніе, но число их не велико. По переписи 1897 года среди 592.406 населенных пунктов Европейской Россіи, крупных поселеній (включая сюда и города) всего-на-всего было:

с 5.000—20.000 душ обоого пола — 975.
с населеніем болѣе 20.000 — 122.

ным разселеніе крупными группами по мотивам безопасности, с ея экстенсивным хозяйством, допускающим гораздо большее дальнеземелье, чѣм интенсивное хозяйство западно-европейскаго крестьянина. Интенсификація хозяйства и индивидуализація земледѣлія неминуемо приведут сельское населеніе Россіи и къ дальнѣйшей пульверизаціи. В замѣтных размѣрах она началась уже послѣ первой революціи 1905 - 07 гг. и шла до великой войны. Идет она в современной Россіи, несмотря на всѣ исключительныя трудности ея осуществленія.

Разсѣянность сельскаго населенія ведет къ его общественной обдѣленности, от которой выигрываетъ город и городское населеніе. Города, как узлы общественной жизни, как своего рода силовые центры административно-политическаго и народно-хозяйственнаго значенія, стягивая въ себя матеріальныя средства страны, ея духовныя силы, огромныя массы населенія и заключая въ своихъ границахъ верховную государственную власть и ея высшіе подчиненныя органы, — обезкровливаютъ деревню матеріально, обездушиваютъ духовно и ставятъ ее въ низшее положеніе въ смыслѣ ея реальныхъ правъ. Сельское населеніе и въ особенности его большинство — крестьянство — далеко не равноправно съ горожанами, как въ пользованіи благами духовной и матеріальной культуры современности, так въ осуществленіи правъ и отправленіи обязанностей, которыя у него формально одинаковы съ городскимъ населеніемъ.

Духовная и матеріальная культура прежнихъ временъ, вплоть до самыхъ древнихъ, является преимущественно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти исключительно, культурой городов — въ городахъ она появляется, растетъ и въ нихъ осѣдаетъ, распространяясь въ остальной странѣ лишь рѣдкими тонкими нитями. По преувеличенной характеристикѣ ирландскаго поэта и публициста Ресселя, извѣстная намъ культура всегда ограничивалась нѣсколькими квадратными милями извести и камня.

В городахъ сосредоточены высшія и среднія учебныя заведенія, учебныя учрежденія, театры, картинныя галереи, публичныя книгохранилища, музеи, въ нихъ создаются произведенія печати и кинематографическія ленты, тамъ живетъ и такъ работаетъ умственный цѣнтъ населенія, творящій новыя духовныя цѣнности. Доступность всѣхъ этихъ благъ духовной культуры неизмѣримо различна для жителя города и жителя села, деревни или хутора. У перваго все подъ рукою, от втораго все отдѣленно десятками и сотнями верст. Для одареннаго горожанина, если онъ принадлежитъ даже къ бѣднѣйшимъ слоямъ, возможно выбиться «въ люди» и стать писателемъ, ученымъ, художникомъ, артистомъ и т. д., а для такого же одареннаго жителя села, пусть онъ принадлежитъ даже къ среднимъ по достатку кругамъ, на такомъ же пути стоятъ неодолимыя трудности.

Даже низшая школа, дающая умѣніе чтенія, письма и счета и тѣмъ закладывающая «техническое основаніе» современной духовной культуры, даже она въ деревнѣ многихъ странъ меньше распространена и гораздо хуже поставлена — въ странахъ земледѣльческихъ и полужемледѣльческихъ это обычное явленіе. Исключеніемъ тутъ не являются даже С. А. С. Штаты при всемъ вниманіи въ нихъ къ дѣлу образованія.

Культура современности недоступна деревнѣ не только в силу ея территориальной удаленности, но часто и по причинѣ ея содержания. Родящаяся и растущая в городѣ, имѣющая своими творцами и ремесленниками горожан, она обычно проникнута интересами и психологіей города. Зачастую только послѣднему она близка по мотивам и доступна по выполнению. Сравните — сколько написано статей, книг, театральных пьес, снято кинематографических фильм, сколько вышчено произведений скульптуры, сколько разработано проектов зданій и сдѣлано технических открытій и изобрѣтеній, исходящих из потребностей и интересов города, и сколько потрачено таких же усилий в расчетѣ на интересы и нужды деревни! Количества получатся несравнимыя. В такой странѣ сравнительно богатой духовной культуры, как Россія, странѣ со сто миллионами крестьянства и «народнической интеллигенціи», не было ни одного пособия для вышкольной работы среди взрослого сельскаго населенія. Жалко-ограниченными были и круг пьес, которыя можно было рекомендовать крестьянскому театральному кружку, и круг книг, пригодных для сельской библіотеки, рассчитанной на взрослого читателя — крестьянина.

Когда перед войной в русской деревнѣ началось движеніе в сторону созданія народных домов, в русской литературѣ не оказалось ни одной книги о них, хотя народные дома десятилѣтія существовали среди сельскаго населенія других государств. В 1915 году в рядѣ мѣст Россіи родились проекты созданія высших крестьянских школ, такъ же десятилѣтія существующих в Даніи и Швеціи. Были найдены деньги, намѣчены усадьбы, выдѣлены работники и опять оказалось, что в богатой русской литературѣ нѣтъ ни одной статьи или книги, которыя давали бы возможность воспользоваться указаніями чужого богатаго опыта *).

А какое вниманіе проявлял городъ к огромным явленіям деревенской жизни, весьма небезразличным для него самого! Так, напримѣр, появленіе в русской деревнѣ послѣ революціи 1905 - 07 годов замѣтнаго слоя новых «мірских людей», дѣятельной крестьянской интеллигенціи прошло совершенно незамѣченным. А сельское кооперативное движеніе... В высших учебных заведеніях Россіи зубрили термины и опредѣленія римскаго права, знали греческую мифологію, требовалось знаніе тонкостей философских систем, создавали кружки, просемінаріи и даже семинаріи для изученія отдѣльных писателей, а для познанія движенія, безконечно важнаго для десятков миллионов людей и плодотворнаго для всего народнаго хозяйства страны не находили и — что важнѣе! — не считали нужным искать нѣскольких десятков часов.

Если от духовной культуры перейти к культурѣ матеріальной, картина та же. Желѣзо-бетонные дома — небоскребы в городах и неизмѣненный в теченіи столѣтій примитивный тип построек в деревнях, послѣднее слово техники — в городских промышленных предприятиях, «сохи» и рала, дѣпы и овины — в селах, радіотелеграф на

*) Перевод брошюры Хольмана о высших крестьянских школах появился позднѣе.

одной сторонѣ и отсутствіе почталіона на другой; автомобили в городах и телеги на деревянном ходу — в деревнѣ, рентгеновскіе кабинеты в первых и отсутствіе всякой медицинской помощи во вторых, развитая чековая система и отсутствіе простой ссудо-сберегательной кассы, клиники для комнатных животных — у горожан и отсутствіе ветеринарной помощи для животных, на которых держится хозяйство — у крестьян, городскіе артезіанскіе колодцы, вода которых непрерывно анализируется, и деревенская питьевая вода из стоячих прудов и т. д. и т. д.

Россія с ея многочисленными дворцами в столицах и курными избами в подстоличной Тульской губерніи, с ея міровой художественной литературой, міровым балетом и образованнѣйшею интеллигенціей с одной стороны и безграмотным мужиком с другой, с увлеченіем ея городов-самыми послѣдними «измами», шедшими с Запада, и отсутствіем исполнимаго проекта улучшенія ея примитивнаго овина, в котором добрая треть Россіи сушила и портила свой хлѣб и через которые выгорали деревни — Россія наиболѣе яркій образец этой неравноправности деревни и города в отношеніи к духовной и матеріальной культурѣ современности.

Яркій образец, но не исключеніе. Вот один примѣръ из газет послѣдних дней. Онъ относится к Франціи. На пятом земледѣльческом конгрессѣ *) здѣсь бывший министр земледѣлія Рикар сообщал такіа цифры об *обслуженности* французской деревни почтовыми сношеніями: 16 тысяч современных общин не имѣет не только почтовых отдѣленій, но даже почталіонов, приносящих и уносящих корреспонденцію, 23.692 общины не могли получать у себя на мѣстѣ почтовых посылок. А между тѣм, добавил Рикар, *каждый* земледѣлец вынужден нести свою долю налогов на покрытіе дефицита почты и желѣзных дорог.

«Таким образом, в нѣдрах западно-европейскихъ обществ, накопивших такіа сокровища науки, искусства и матеріальныхъ богатств, растет слой, устранный от пользованія всѣмъ этимъ. Для него издаются газеты и книжки, писанныя тѣмъ языкомъ, которым мы вбиваем премудрость в голову дѣтям; печатаются лубочныя произведенія, являющіяся насмѣшкой над искусством . . . Правда, и там возникают новыя теченія жизни, вносящія движеніе и прогресс, но они укрѣпляются не с такой силой и быстротой, с какой скопляются в обществѣ элементы дальнѣйшаго прогресса. Пропасть между передовыми постами общественнаго развитія и мелкимъ крестьянствомъ растет» **)

В основѣ этого неравенства лежит другое — неравенство в матеріальномъ положеніи, разниа в количествѣ средств, сосредотачивающихся в городах и деревнях. Города, как гигантская губка, впитывали искони и впитывают до сих пор достатки деревни. Процесс идет двумя способами — в порядкѣ частно-хозяйственнаго оборота и в результатѣ дѣятельности государства.

Какой бы источник образованія первоначальныхъ крупныхъ средств у частныхъ лицъ мы не приняли — торговую ли прибыль, земельную

*) Происходил в маѣ текущаго года.

**) Л. Крживицкій «Аграрный вопрос», СПб., 1906 г., стр. 302.

ли ренту, — все равно — источником была в концѣ концов деревня и крестьянство. Других родников не было. Первые крупныя средства появлялись или прямо у горожан, или они скоплялись первоначально у сельских жителей, но послѣдніе рано или поздно со своими цѣнностями переселялись в тот же город. Этот отток деревенских средств, начавшійся с появленія городов, как народно-хозяйственных центров, идет и теперь. Значительная часть чистых прибылей, получающихся при торговлѣ с деревней, при ея кредитованіи, при веденіи крупных помѣщичьих хозяйств и предпріятій с. - х. промышленности, расположенных в сельских мѣстностях и ведущихся наемным трудом крестьян, наконец выручка за проданную или арендованную землю, за лѣс на сруб и т. д. — всѣ эти доходы частных лиц в своей большей части уходят из деревни, идут в города и там поступают в городской оборот. Владѣльцы на них отстраиваются, мостят улицы, учатся, покупают картины и книги, ходят в театр, лѣчатся и т. д. — словом используют всѣ тѣ блага, которыя дает матеріальная и духовная культура. Тѣм послѣдняя питается и поддерживается. При помощи тѣх же средств, получаемых в порядкѣ обложенія и пожертвованій, города в цѣлом организуют свои муниципальныя предпріятія, создают и усиливают благоустройство, учреждают и содержат больницы, школы, музеи, театры и т. д. Жизнь города покоится, таким образом, не только на прямом трудѣ его жителей, но и на трудѣ деревни, притекающей в овеществленном видѣ прибылей и доходов горожан при их хозяйственных операціях с сельским населеніем.

В том же направленіи, как частно-хозяйственный оборот, дѣйствует и государство. Оно сосредотачивает в своих руках все растущія денежныя средства и развивает все ширящуюся дѣятельность. Вмѣстѣ с ростом средств и работы, растут и кадры государственных служащих всякаго рода. Служащих, живущих в городах, пропорціонально всегда гораздо больше, чѣм это вытекало бы из соотношенія в количествах сельскаго и городского населенія в странѣ. К тому же государственные служащіе — горожане включают в себя всѣ ряды высшаго и лучше оплачиваемаго чиновничества. Средства государства поэтому в гораздо большей степени выбираются из деревни, чѣм тратятся на нее и в ней. Разница остается в городах и она, как и частные доходы купцов, промышленников, банкиров и помѣщиков, идет на поддержаніе и усиленіе городской культуры современности.

В рядѣ стран — особенно земледѣльческих и полужемледѣльческих — культура городов поддерживается и усиливается прямыми ассигнованіями со стороны государства. Так было, напр., в Россіи. По подсчетам Н. Ф. Анненскаго, поддержанным потом Н. П. Огановским, расход государственных средств на культурно-образовательныя цѣли производился здѣсь в прямую невыгоду деревнѣ. По сравненію со своими доходами, получаемыми с деревни и города, государство гораздо больше тратило на свои культурныя мѣропріятія и учрежденія в городах, чѣм в деревнях. Нищая и темная деревня Россіи вынуждена была, таким образом, питать своими скудными средствами культуру относительно богатых и сравнительно с деревней образованных городов.

Повторяю мысль, уже сказанную выше по другому поводу и в иной

формѣ : неравенство города и деревни, в смыслѣ количества накопленнаго и овеществленнаго труда населенія, в Россіи отличалось особенной рѣзкостью, но неравенство остается вседѣ. Оно не может не быть, так как значительная часть прибылей и доходов, получающихся от хозяйственных сношеній с деревней, не может не осѣдать в городѣ, как в центрах народно-хозяйственной дѣятельности. Не может там же не тратиться значительная часть государственных доходов, собираемых с деревень. Роль узлов, которую города играют в экономической и административно-политической жизни народов и стран, прочно предопредѣляет их привилегированное положеніе.

Накопив при помощи средств, извлекаемых из деревень, большія богатства, создав шумную и яркую, благоустроенную и богатую содержанием жизнь, захватив в свои руки всѣ достиженія матеріальной и духовной культуры и став даже источником послѣдней, города вступили в новую борьбу с деревней — в борьбу за наиболѣе инициативную и дѣятельную часть ея населенія. Для жителей сѣл с их однообразною и сѣрую жизнью, с их матеріальным недостатком и ничтожными благами духовной культуры, которые доступны в деревнѣ, города сдѣлались магнитом, который властно притягивал к себѣ из деревень все наиболѣе смѣлое и смѣтливое, ищущее и дѣльное. Лучшие в смыслѣ одаренности люди покидали деревню и духовный уровень послѣдней становился ниже — явленіе мало замѣтное в аграрных странах и четко выраженное в странах промышленно развитых.

Таков разнообразный и богатый содержанием смысл, который мы имѣем право вложить в извѣстныя поэтическія опредѣленія Верхарна, говорившаго о «городах — спрутах» и «обезумѣвших деревнях». «Громадные города, порожденіе капитализма, с неудержимой силой притягивают к себѣ и деньги, и продукты, и людей из деревни» (Вандервельде). За счет сѣльского населенія они создают блестящую духовную и матеріальную культуру, лишь крохи которой проникают в деревню.

В очерченном положеніи города и деревни много неизбѣжнаго. В общественной жизни современности должны существовать и силовые центры административно-политическаго характера, и узлы, в которых сходятся нити народно-хозяйственной дѣятельности, и крупные очаги духовной культуры, в которых творятся новыя духовныя цѣнности, идет работа по завоеванію человеком сил природы и вырабатываются новыя приемы распространенія накопленных человечеством благ. Города с этою тройною ролью и неизбѣжны, и полезны.

Неизбѣжными являются и многостороннія общественныя преимущества населенія, сконцентрированнаго в городах, по сравненію с разсѣянныим населеніем деревень. Далеко, однако, не неизбѣжность та степень и тѣ формы обдѣленности сѣльско-хозяйственнаго населенія, которыя мы видим существующими теперь. Есть много средств и приемов уменьшить современную неравноправность. Эти мѣры и способы, не могут, конечно, ставить своей задачей разрушеніе городов с их тройною важною функціей, они могут лишь стремиться сдѣ-

вать деревню болѣе дѣятельным и равноправным участником в благах и преимуществах, которыми город обладает нынѣ.

Обдѣленность деревни не ограничивается указанными формами. Она существует и в иных проявленіях. Неравно положеніе деревни и города в смыслѣ своевременнаго изданія законов, требующихся жизнью, и «болѣзнь законодательнаго долготерпѣнія», как в свое время выразился в примѣненіе к русскому законодательству М. М. Ковалевскій, гораздо чаще и в болѣе серьезных формах проявляется по отношенію к деревнѣ, чѣм к городу. Государства с самыми демократическими законодательными органами исключеніем тут не являются. Неравен город с деревней в отношеніи обезпеченности личных, имущественных и публичных прав населенія — в деревнѣ границы, в которых может проявляться «административный восторг», связанный с нарушеніем административными органами прав населенія, всегда гораздо шире и вмѣщает в себя больше, чѣм в городѣ. Демократическія республики современности исключенія тут также не составляют.

Есть общія и важныя причины, лежащія в основѣ этих обоих явленій. Они в том, во первых, что важнѣйшіе органы, через которые проявляется общественное мнѣніе в современных государствах, находятся в городѣ. Печать — первый и могущественнѣйшій среди них, а она, обслуживающая город и создаваемая в нем, не может не быть болѣе близкой городу, чѣм деревнѣ. Второй причиной является то, что инстанціи, на которых воздѣйствует общественное мнѣніе, находятся также в городѣ и поэтому городское общественное мнѣніе имѣет и гораздо больше и болѣе дѣйствительных способов для вліянія на них. Сравните общественный эффект, который производит незаконное избіеніе толпы полиціей в деревнѣ и городѣ. В первом случаѣ появится (если еще появится) и безслѣдно забудется короткая замѣтка в какой нибудь газетѣ, во втором случаѣ результат может выразиться даже в правительственном кризисѣ.

Есть и еще одна причина несходной реакціи на нужды и неудовольствія города и деревни. Ее отмѣтил уже упоминавшійся Россель: городскія массы находятся в зловѣщей близости к органам государственной власти и к ея вершинам. Дразнить их и забывать о них нельзя. По отношенію к деревнѣ это безопасно — скорых послѣдствій тут, во всяком случаѣ, не будет.

Роль этой «зловѣщей близости» с особою силой сказывается в критическіе періоды жизни государств, когда разражаются революціи и тянутся смуты. Городскому населенію в них и во время их принадлежит рѣшающая роль. Это они, руководясь своими интересами и взглядами, опрокидывают существующую власть и ставят новую. Распыленная и безсильная в своей неорганизованности деревня вынуждена мириться с этими переворотами в центрах и нести всѣ послѣдствія их. Безправная и безсильная в их совершеніи, она оказывалась отвѣтственной за их результаты.

Неравноправіе и неполноправіе деревни в общественно-политической жизни дѣлает близким к истинѣ утвержденіе А. С. Изгоева в рецензіи на наши сборники — «государство современнаго типа на девять десятых дѣло рук города». До сих пор, по крайней мѣрѣ, оно было таким.

Таковы важнѣйшія послѣдствія в общественном положеніи крестьянства, проистекающія из характера его занятій — в сельском хозяйствѣ и из территоріальной разсѣянности его труда и его разселенія. В своей совокупности они образуют замѣтный фактор, который способен сильно давить на политическую волю и поступки крестьянства, направляя их *против* очерченных особенностей в его общественном положеніи.

III.

Русская народническая мысль послѣдних десятилѣтій важнѣйшим признаком, роднящим крестьян и рабочих, признала их трудовое участіе в народно-хозяйственной жизни и трудовой характер их дохода.

Сходство безспорно и важно. Оно сближает и роднит общественное положеніе обоих слоев. Но существует ли *только* сходство? Наряду с ним не стоят ли огромныя различія, которыя если и не уничтожают родства, то дѣлают его дальним, а не близким? На послѣдній вопрос отвѣтить можно лишь утвердительно.

Широкую и четкую границу, раздѣляющую общественное положеніе обоих слоев, кладет второй признак крестьянства: оно участвует в народно-экономической жизни через посредство своих собственных хозяйств и, в противоположность пролетариату, является *хозяйствующей* группой. Из этого несходства вытекает ряд важных слѣдствій. Первым среди них слѣдует назвать иное содержаніе хозяйственного труда у крестьянина, чѣм у рабочаго.

В дѣятельности «экономическаго человѣка» необходимо отчетливо различать три составныя части: труд инициативный, организующій и исполнительный. Творец новых идей, открытій и изобрѣтеній в экономической области, равно как и авторы мысли о примѣненіи их в новой отрасли хозяйства или предпріятіи — типическіе носители перваго вида труда. Дѣятельность проводника этих «новшеств» в реальную жизнь, в частности труд по их внѣдренію в отдѣльныя хозяйства, когда «изобрѣтеніе» надо и вѣрно оцѣнить, и умѣло сочетать с прежними элементами и приѣмами в хозяйствѣ — тут образцы труда организационнаго... Труд рабочаго, подбрасывающаго уголь в топку парового котла, киркой добывающаго горную породу или ходящаго за плугом — вот примѣры исполнительн. работы... Эдиссон и Бурбенк — яркіе примѣры перваго вида труда, Карнеги и Форд — извѣстные представители второго, безымянный рабочій, периодически включающій и выключающій однообразным движеніем руки электрическій ток, — типичный представитель третьяго.

Существуют безчисленные и незамѣтные переходы между тремя видами труда. Они не уничтожают, однако, коренного несходства между типическими группами явленій. *Творчество* характеризует два первых вида труда, *механичность* — третій. Сложна и измѣнчива работа мысли и мускулов в двух первых случаях, она проста и однообразна в третьем.

Глубокія различія в психології, общественном положеніи и народно-хозяйственном значеніи сопутствуют этим трем видам труда. Когда послѣдніе расчленены между отдѣльными социальными группами, обслуживающими крупное производство, несходства выступают рѣзко.

Расширенный кругозор и дальновидный расчет сопутствует творческому труду — инициативному и организующему. Тут складывается отвѣтственная психологія *хозяина*, заинтересованного в существованіи *всей* суммы разнообразных условий, необходимых для нормального хода хозяйств и предприятий... Исполнительная работа родит узкую мысль и короткій взгляд. Она создает психологію безотвѣтственного работника, заинтересованного лишь в своей заработной платѣ и коротком рабочем днѣ. Заботы о *производствѣ* занимают много мѣста в психології представителей первых двух видов труда, они представлены слабо или — что чаще — отсутствуют вовсе в психології людей исполнительной работы... К командующему и хорошо оплачиваемому слою с высоким уровнем матеріальной жизни принадлежат обычно представители творческаго труда, слоем подчиненным, с мелким доходом и низким уровнем жизни являются представители механической работы... Творцами технических, организаціонных и экономических новшеств в народном хозяйствѣ, «капитанами» предприятий и руководителями процессов производства и обмѣна в них выступают перед наблюдателем двѣ первых категоріи дѣятелей и чисто-служебною, механически-составною частью входит в эти предприятия третья группа. От одаренности, знаний и энергіи первых двух групп зависят судьбы народнаго хозяйства, от свойств третьей в этих судьбах зависит очень многое.

Пусть не указывают, что отмѣченные несходства зависят от института частной собственности и от его капиталистическаго облика. Обобществленіе средств производства и обмѣна не устранимъ глубоких различій в психології, общественном положеніи и народно-хозяйственном значеніи характеризуемых групп. Различіе, может быть, станет иным, но оно останется. Командующіе и подчиненные, лучше и хуже оплачиваемые, творцы и исполнители будут существовать и тогда. В гениально-провидящем романсѣ Ан. Франса «На бѣломъ камнѣ», рисуящую общественную жизнь в условіях социалистическаго строя, мы видим ту же, хорошо знакомую нам из современной жизни, вражду и борьбу руководителей с исполнителями... Пусть не ссылаются на существованіе современной буржуазіи, сдѣлавшей средства производства и обмѣна капиталом*), как на причину приведенных несходств. Буржуазія возникла, существовала, живет до сих пор и, можно думать, проживет еще долго, не только и даже не столько потому, что она владѣла капиталами, сколько потому, что она обладала и обладает способностью инициативы и организаторства. Индивидуальныя исключенія из этого положенія имѣются. Временами и мѣстами они дѣлаются многочисленными. Существуют собственники капиталов, которые ничего не дают народно-хозяйственной жизни и очень много берут от нея. Если бы,

*) Т. е. «цѣнность, приносящей прибавочную цѣнность».

однако, эти исключения были фактом преобладающим и типическим, буржуазія давно бы исчезла. Для ея существованія не было бы оправданія и скоро не нашлось бы и поддерживающих сил. Теперь это оправданіе и эти силы имѣются. Поддерживающія силы существуют и в социалистических рядах, причем их там становится тѣм больше, чѣм в высшій возраст вступает социалистическое движеніе.

Крестьянство является носителем всѣх трех видов труда. В своих хозяйствах ему принадлежит почин нововведеній всякаго рода, оно воплощает их в жизнь и изо дня в день несет организующій труд по руководству производством и обмѣном в хозяйствѣ; оно выполняет и требующуюся хозяйством исполнительную работу в нем. Содержаніе труда крестьянина и рабочаго, таким образом, весьма различно. Послѣдствія этого несходства тут, однако, меньше и незамѣтнѣй, чѣм в промышленности. Почему? Потому, во первых, что всѣ виды труда тут слиты в одних и тѣх же лицах, а это связано с *мелкими* размѣрами крестьянских хозяйств и ничтожным масштабом дѣятельности; потому, во вторых, что исполнительная работа у крестьянина количественно преобладает — и не может не преобладать — над творческим трудом. Послѣдствія, однако, остаются и они велики.

Соотношеніе между двумя сторонами труда в хозяйственной дѣятельности крестьянина не остается одинаковым. Оно мѣняется. Эволюція идет в сторону усиленія творческаго труда — инициативнаго и организующаго. Ближайшим двигателем тут являются перемѣны в степени рыночности (или денежности) крестьянскаго хозяйства.

Денежность крестьянскаго хозяйства увеличивается. Ея рост повсемѣстен и неизбежен. Денежность начинается с величины, близкой к нулю при натуральном строѣ и доходит до пяти шестых валового дохода при мѣновом хозяйствѣ. В Вельском уѣздѣ Вологодской губерніи денежность крестьянскаго хозяйства в 1907 году в среднем равнялась только 9,8%, в Швейцаріи она колебалась между 67 и 84 процентами, а в Чехіи между 55,6 и 82,9 процентами. Рост рыночности не останавливается и на этом высоком уровнѣ. Из всей стоимости годовичнаго производства в хозяйствѣ швейцарскаго крестьянина в среднем

	1901-03 гг.	1904-06 гг.	1907-09 гг.	1910-16 гг.
потреблялось внутри хозяйства	28%	27%	24%	21%
продавалось на сторону	72%	73%	76%	79%

Процесс втягиванія крестьянскаго хозяйства в рыночныя отношенія означает рост инициативнаго и организующаго труда крестьянина. *Хозяин* в нем все сильнѣе выбивается из под гнета *работника*. Под вліяніем воздѣйствій рынка в крестьянинѣ — *исполнителѣ* растет руководитель хозяйства. Увеличивающаяся рыночность создает об'ективную и суб'ективную возможности для этого роста и усиливает нужду в нем.

Об'ективная возможность увеличивается потому, что хозяйство становится подвижнѣе и гибче. При натуральном строѣ оно должно было само обслуживать почти всѣ нужды — свои собственныя (производственныя) и нужды хозяина (потребительскія). Производство не

могло не быть разносторонним и сходным во всѣх районах, при всѣх климатах и почвах. Становясь мѣновым, получая возможность приобрести все необходимое со стороны, хозяйство может специализироваться на тѣх продуктах, производство которых является особенно выгодным — в силу ли почвенных или климатических условий, в силу ли особенностей рынка, навыков и умѣний хозяйствующей семьи и т. д. Простор для инициативно-организующаго труда становится шире.

Одновременно увеличивается потребность в творческом трудѣ. Она растет под давленіем усиливающейся конкуренции, которая сопутствует росту рыночности. Крестьянское хозяйство, в течение вѣков почти самодовлѣющее, приходит затѣм в зависимую связь с ограниченным мѣстным рынком, далѣе с широким народным рынком внутри собственной страны и, наконец, с огромным мировым рынком. Растет число ведущих хозяйственное состязаніе и увеличивается пестрота обстановки, в которой живет хозяйство состязающихся. Состязаніе дѣлается все напряженнѣй, все богаче неожиданностями и все грознѣе послѣдствіями. Крестьянин, владѣлец денежно рыночного хозяйства, должен бодрствовать. Руководитель в нем не может стать бездѣйственным. Его инициативно-организующія способности должны быть в напряженіи и работѣ. Иначе смерть грозит хозяйству и разореніе — хозяйину. Вспомните с. - х. кризис в Европѣ, начавшійся в 70 - х годах под влияніем дешеваго зерна из за океана, и трепавшій крестьянское хозяйство в теченіи трех десятков лѣтъ *), вспомните уничтоженіе льноводства в Западной Европѣ под давленіем конкуренции русскаго льна, ликвидацію культуры красильных растений послѣ откритія химическаго способа изготовления красок и т. д.

Рост денежности крестьянскаго хозяйства, увеличивая объективную возможность для инициативно-организующаго труда крестьянина и усиливая потребность в нем, усиливает в то же время и субъективные предпосылки, необходимыя для его обнаруженія **).

Так неизбежный и всюду однообразный в своей сущности ход перемѣн в крестьянском хозяйствѣ вызывает усиленіе в трудѣ крестья-

*) Если принять среднія цѣны англійскаго рынка за пятилѣтіе 1871—75 гг. за сто, то в дальнѣйшем онѣ равнялись:

	1880—85 гг.	1890—95 гг.	1901—05 гг.
Пшеница	73	51	50
Ячмень	79	64	61
Овес	81	69	68

За 30-лѣтіе цѣны на важнѣйшіе зерновые продукты понизились, таким образом, от одной трети до половины. Европейское сельское хозяйство было вынуждено начать глубокую перестройку в своей организаціи и техникѣ, усиливая молочное и интенсивное мясное скотоводство, вводя широкое примѣненіе новаго земледѣльческаго инвентаря и минеральных удобреній, передѣлывая сѣвообороты и т. д. Со втораго пятилѣтія XX вѣка цѣны на зерновые продукты снова полѣзли вверх и до 1920 года сельское хозяйство міра жило при благоприятных рыночных конъюнктурах. С 1920 года появились признаки новаго кризиса, выраженные в отдѣльных странах весьма рѣзко.

**) См. мою статью «Восходящая сила» в № 1 «Крестьянской Россіи», стр. 19.

нина инициативно - организующих элементов *). В зависимости связи с этими переменными в содержании хозяйственной деятельности крестьянина рѣзче очерчиваются особенности в его психологии, общественном поведении и народно - хозяйственном значении.

По своей психологии крестьянин - хозяин всегда производственник, ибо от течения производственных процессов в его хозяйствѣ зависит его судьба. Принудительно суровая «власть земли», непререкаемо требующая из поколѣнія в поколѣние выполнение работ в строго - определенное время и в определенном порядкѣ, сообщает этой психологии необычайную четкость, устойчивость и — порою — суровость. Никакія событія не могут отвлечь крестьянина от вспашки и посѣва, от уборки поля или луга, если для них приспѣло время. На смертном одрѣ могут лежать близкіе, может бушевать революція, в исходѣ которой крестьянин кровно заинтересован, над полем могут летать ядра и пули, как это много раз бывало в минувшую мировую войну, но если пришла пора пахать или сѣять, косить или копать, крестьянин не измѣнит велѣніям своей производственной души. Необходимыя работы он выйдет выполнять. Переломным и бурным был 1905 год в жизни Россіи, широко в его событія было втянуто и крестьянство, однако, на посѣвной площади в Европейской Россіи это не отразилось: она равнялась 74,7 мил. десятин в 1904 г. и 75,5 мил. — в 1905 г. Во всѣх странах из всѣх сил выбивалось крестьянство и в великую войну, стремясь, несмотря на огромный отлив рабочих рук, удержать на прежнем уровнѣ свою запашку и свой скотный двор.

Эта психологія сохраняется и при мѣновом хозяйствѣ, но ея охват становится шире. Широта создается не только тѣм обстоятельством, что производство дѣлается менѣе шаблонным и болѣе измѣнчивым и сложным, но также и потому, что производство теряет свою прежнюю независимость от окружающей общественной среды. Ход производственных процессов начинает зависеть от новаго фактора, неизвѣстнаго натуральному хозяйству — от обмѣна. Производственные процессы сохраняют для крестьянина свою прежнюю важность; хотя их результаты реализуются только в процессах обмѣна, но послѣдних не может быть без предварительнаго производства. Если, однако, останавливается или затрудняется обмѣн, то невозможным дѣлается и нормальный ход производства. Создается огромная и все растущая в своем напряженіи заинтересованность крестьянина в ходѣ процессов обмѣна. Между тѣм этот ход зависит от такого количества факторов, лежащих внѣ крестьянскаго хозяйства, общественныя отношенія и организаціи оказывают на него такое могущественное вліяніе, что крестьянину - владѣльцу и руководителю мѣноваго хозяйства — оказывается невозможным обойтись без воздѣйствія на них. Он вынужден выйти за узкіе предѣлы своего хозяйства и из своей

*) Труд рабочаго эволюціонирует в обратном направленіи. Он все болѣе механизмуется. Растущее примѣненіе машин уменьшает потребность в обученных рабочих. Относительное число послѣдних падает. Так, в Германіи в 1895 году на 100 обученных рабочих приходилось 55 необученных, а в 1907 году — уже 73.

общественной пассивности, характерной для него при натуральном строе его хозяйства. Вмѣшаться в общественную жизнь для крестьянина становится необходимостью. И он вмѣшивается. Кооперативная и политическая дѣятельность являются формами этого вмѣшательства... Так рост денежности крестьянскаго хозяйства, увеличивая зависимость его от окружающей общественной среды, ведет к усилению общественной активности крестьянства. Ставка на общественную активность крестьянства не может не сопровождаться поэтому ставкой и на мѣновое крестьянское хозяйство. Внѣ послѣдняго не может быть и первой.

Несходно содержаніе хозяйственнаго труда у рабочаго и крестьянина. Еще болѣе различно их экономическое «лицо», которым они обращены к народно-хозяйственной жизни в цѣлом, форма их участія в послѣдней: крестьянин появляется на народно-хозяйственной сценѣ со своим хозяйством и продуктами, рабочій — с трудом. Первый заинтересован в большой суммѣ условій, необходимых для существованія именно его хозяйства и для нормальнаго теченія процессов производства и обмѣна в нем; второй — только в возможности и в условіях продажи своего труда. Забота о ходѣ производства и обмѣна на рабочем не лежит, она — на тѣх, кому он продает свой труд. А кому он продает, как идет хозяйство, лишь бы оно шло, ему безразлично. Это огромное отличие — огромное по своему вліянію на общественно-психологическій уклад, как он образуется у рабочаго и крестьянина в процессѣ их хозяйственной дѣятельности.

В каких же условіях объективно нуждается крестьянин-хозяин? Они многочисленны и разнообразны.

Необходима прежде всего свобода — свобода хозяина в веденіи своего хозяйства и свобода гражданина в его передвиженіях, выборѣ мѣстожительства, в установленіи взаимоотношеній с покупателем, кредитором, продавцем, и т. д. Эта потребность мѣняется: свобода необходима тѣм большая, чѣм денежно развитѣе хозяйство и чѣм сильнѣе в крестьянинѣ представлен руководитель хозяйства. Один примѣръ: русская передѣльная община, создающая зависимость поведенія каждаго хозяина на его землѣ от поведенія всей общины, не мѣшает владѣльцу натурального и потому шаблонно-примитивнаго хозяйства, она тѣснит хозяина при полунатуральном укладѣ, она становится оковами при развитом денежно-рыночном хозяйствѣ.

Необходима устойчивость законодательных норм и общественных отношеній — «порядок», — ибо только они дают возможность твердаго хозяйственнаго разсчета. Хозяйствующія группы неизбѣжно поэтому консервативнѣе, чѣм нехозяйствующія. Боязнь рѣзких переломов в общественной жизни у первых всегда сильнѣе, чѣм у вторых.

Крестьянскому хозяйству необходима опредѣленная с.-х. политика государства. Она состоит из многих слагаемых: аграрная политика в тѣсном смыслѣ слова, таможенная, налоговая, политика в ж.-д. строительствѣ и в ж.-д. тарифах, агрикультур — техническая, финансовая, школьная и т. д.

Возможность вліять на политику органов власти в интересах хозяйства создает объективную заинтересованность крестьянства в об-

ладаніи публичными правами и в своем вліятельном участіи в управленіи государством.

Далеко не всѣ связи судеб крестьянскаго хозяйства с названными явлениями доходят до сознанія крестьянина - хозяина. Мѣра этого сознанія, различная при разном состояніи хозяйства и разной культурности хозяев, опредѣляет активность, формы и направленіе политических дѣйствій крестьянства.

Земельныя отношенія, таможенная и налоговая политика власти, покупныя и продажныя цѣны являются наиболѣе обычными факторами, выводящими крестьянство на дорогу общественной дѣятельности и борьбы — политической или кооперативной. Но не они одни: пересмотрите, напримѣр, пункты программы, выдвинутой союзом фермеров в С. А. С. Штатах, и вы увидите в ней наряду с требованіями государственных элеваторов, мельниц, боен, холодильников, каменноугольных копей и кирпичных заводов, также требованія государственнаго страхованія посѣвов и организациі государством с. - х. кредита. Читайте, помѣщенную в этом сборникѣ статью депутата Юго-Славянской Скупщины М. С. Московлевича и вы найдете, что до крестьянскаго сознанія в этой странѣ, пусть при помощи интеллигенціи, дошел и ряд других зависимостей судеб крестьянскаго хозяйства от поведенія власти и вообще от окружающей среды. Дошло в частности — и это является характерным для всего современнаго политическаго движенія крестьянства — сознаніе великой важности для деревни повышеннаго общаго и профессиональнаго образованія и вообще культуры.

Перечисленныя выше условія, в которых нуждается крестьянское хозяйство, можно разбить на двѣ группы: одни — общезначимы, в них заинтересованы почти всѣ социальныя группы современнаго общества, другія — специфичны только для владѣльцев сельских хозяйств. Первыя, обычно, осуществляются еще до того времени, когда крестьянское хозяйство становится денежно - развитым, а крестьянство — общественно - активным. Цѣнность большинства условій из второй группы усиливается и крестьянским сознаніем уясняется в період уже сильнаго проникновенія мѣновых элементов в его хозяйство. Отношеніе к ним почти всѣх остальных социальных групп — безразличное или прямо враждебное.

Безразличное отношеніе различных социальных групп к важнѣйшим потребностям крестьянина с его хозяйством имѣет давнюю исторію. Оно ярко обнаруживается уже в равнодушно - спокойном отношеніи свободнаго города к крѣпостному праву, тяготѣвшему над деревней. Оно продолжается в період революцій конца 18 и первой половины 19 вѣка: «о землѣ не поминала ни одна из революцій, домогавшаяся воли, по крайней мѣрѣ, послѣ крестьянских войн. Ни с горных высот конвента, ни с высот іюньских баррикад мы не слышали слова земля» (Герцен). Больше того: даже вопрос о сеньюральных правах, душивших французскаго крестьянина с его хозяйством перед и во время великой революціи, был поставлен на очередь в Національном Собраніи только под вліяніем крестьянских возстаній. В ночь 4 августа 1789 г. Собраніе декларировало отмѣну сеньюральных прав. Волна крестьянских возстаній упала и снова потребовалось три

года, чтобы декларация превратилась в нормы закона (декрет 28 августа 1792 г.) и цѣлыхъ четыре года, чтобы с сеньюральными правами было покончено радикально и навсегда (декрет Конвента 17 июля 1793 г.)... Безразличіе многихъ партій и в рядѣ странъ в аграрномъ вопросѣ потомъ исчезло, но зато оно проявилось в новой формѣ: в безучастномъ отношеніи к другимъ слагаемымъ с. - х. политики государства. А между тѣмъ с превращеніемъ крестьянскаго хзяйства в мѣновое значеніе этихъ другихъ слагаемыхъ сильно увеличивается.

Существует, однако, не только безразличіе к нужной для деревни с. - х. политикѣ. К части ея элементовъ обнаруживается прямая вражда почти всѣхъ социальныхъ группъ. Особенно важными здѣсь являются таможенная политика, налоговая и финансовая. Интересы всѣхъ социальныхъ группъ города здѣсь прямо противоположны интересамъ крестьянства. Этотъ антагонизмъ чувствуется особенно отчетливо, ибо онъ относится к самой важной борьбѣ современности — к борьбѣ за размѣры дохода. Прибавимъ, что современное знаніе и факты жизни вытравили из нашего сознанія послѣдніе остатки всякихъ «железныхъ» законовъ в этой области распредѣленія народнаго дохода. Предустановленнаго здѣсь нѣтъ ничего. Участіе в народномъ доходѣ каждой социальной группы *сильно* (но, конечно, *не исключительно*) зависитъ от ея организованности, энергіи, борьбы и т. д. — вообще от ея вліятельности в общественной жизни. Слабые и распыленные в ней будутъ терять, а сильные и организованные — всегда выигрывать. Крестьянство в этой борьбѣ до сихъ пор, какъ правило, проигрывало. Проигрышъ былъ или абсолютнымъ, или относительнымъ. Крестьянскій доходъ или уменьшался, или оставался безъ измѣненій, в то же время доходъ другихъ группъ росъ, или увеличивался, но медленнѣе, чѣмъ у другихъ группъ, хотя крестьянскій трудъ почти не уменьшался ни в своей напряженности, ни в своей величинѣ, а трудъ другихъ группъ замѣтно дѣлался короче.

Безразличіе или вражда и борьба — вот *основное* отношеніе различныхъ социальныхъ группъ к крестьянину - хозяину, какъ оно складывалось фактически в различныхъ странахъ и почти во всѣ эпохи. Главнымъ исключеніемъ является аграрный вопросъ, в которомъ в послѣднія десятилѣтія крестьянскія домогательства находили поддержку в другихъ социальныхъ слояхъ и это сближало крестьянство с ними на время борьбы за землю.

Только отправляясь от этой общественной изолированности крестьянина - хозяина и этой борьбы с нимъ можно понять и объяснить распространенный и поразительный, не только на русскій глазъ, фактъ политическаго руководства крестьянъ помѣщиками. Классъ, бывшій жестокимъ врагомъ крестьянства в историческомъ прошломъ, его социальный антиподъ и в настоящемъ, добровольно принимался крестьянствомъ в свои вожди и руководители. На посту крестьянскаго вождя мы видимъ самого помѣщика или его подставную фигуру — ксендза и пастора — почти во всѣхъ промышленно - развитыхъ странахъ Европы, если в нихъ сохранилось и распространено помѣщичье землевладѣніе — в Германіи, Франціи, Бельгіи, Чехіи и Моравіи, когда они входили в составъ Австро - Венгерской имперіи, отчасти в Италіи. Этотъ протвѣ естественный и неравный, но распространенный и довольно проч-

ный помѣщикъ - крестьянскій союз можно объяснить единственно тѣм, что крестьянин состоит не только из работника, но и хозяина, заинтересованнаго в существованіи ряда условий, необходимых для его хозяйства. При определенном состояніи послѣдняго и отсутствіи чисто крестьянскихъ политическихъ организаций, помѣщикъ группа, тоже хозяйствующая и дѣйствующая в той же отрасли народнаго хозяйства, в которой экономически дѣйствует и крестьянство, оказывается единственной близкой послѣднему. Довольно длинный ряд условий оказывается одинаково необходимым для обоих типовъ сельскихъ хозяйств — для мелкаго крестьянскаго и крупнаго помѣщичьяго. Совпаденіе интересов происходило не только в области таможенной и отчасти фискальной политики государства, но также в политикѣ агрикультур - технической, желѣзнодорожно - тарифной, желѣзнодорожно - строительной, отчасти финансовой и т. д.

Помѣха для незаконнаго и неравнаго союза, при которомъ гораздо полнѣе достигались интересы помѣщика, чѣмъ крестьянина, и от котораго много проигрывало все общество в цѣломъ, могла создаться и создавалась на почвѣ земельныхъ отношеній, но земля в крестьянскомъ мѣновомъ хозяйствѣ этихъ стран не находилась в *minimum* среди элементовъ и условий производства. Аграрнаго перенаселенія тутъ не было, такъ какъ промышленность, торговля, паровой транспортъ и т. д. полностью поглощали приростъ сельскаго населенія. Земельная тѣснота, конечно, существовала, но, во первыхъ, она была далеко не у всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ, во вторыхъ, она не усиливалась, а к существующей крестьянство со своимъ гибкимъ мѣновымъ хозяйствомъ не только успѣвало приспособиться, но интенсификаціей производства даже ослабляло ее. Если тѣснота чувствовалась огромнымъ числомъ хозяйствъ, если она даже усиливалась, то все равно — разъ заключенный союзъ крестьянъ с помѣщиками мѣшалъ крестьянству поставить радикально вопросъ о землѣ.

Иначе создавались отношенія крестьянъ и помѣщиковъ в странахъ аграрныхъ и полуаграрныхъ с натуральнымъ или полунатуральнымъ хозяйствомъ. Тамъ земля, какъ факторъ с. - х. производства, имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ в странахъ с развитымъ мѣновымъ хозяйствомъ. А она убывала, такъ какъ естественный приростъ сельскаго населенія, не поглощаемый городами, вызывалъ сокращеніе земельной площади на душу населенія и хозяйство. Рано или поздно возникала борьба за землю, при которой крестьяне и помѣщики оказывались, конечно, во враждебныхъ лагеряхъ. Крестьяне обычно шли здѣсь за группами, включившими в свою программу аграрную реформу или, если находились руководители, создавали свои собственные политическія группировки.

Характерно, что современныя политическія группировки крестьян создавались почти исключительно в странахъ, гдѣ помѣщики по тѣмъ или инымъ причинамъ (обычно вслѣдствіе борьбы за землю или вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь значительной помѣщичьей группы) не стали (или, сдѣлавшись, быть перестали) политическими руководителями крестьянства. Другихъ группъ и партій, близкихъ к нуждамъ и запросамъ крестьянина - хозяина, значит, не оказалось. Фактъ знаменательный!

Напряженность в крестьянинѣ начал и свойств *хозяина*, которая обуславливали возможность его союза с помѣщичьим классом, станет еще очевиднѣй, если учесть, что крестьянин, как *работник*, не только не имѣл ничего общаго с помѣщиком, но даже находился с ним в состояніи объективнаго антагонизма.

* * *

Мы рассмотрѣли — по необходимости бѣгло и не полно - общественное положеніе крестьянства, связанное с его двумя первыми опредѣляющими признаками : с областью народнаго хозяйства, в которой оно экономически живѣт и дѣйствует, и с его принадлежностью к *хозяйствующим* группам современнаго общества. Но крестьянин не только — земледѣлец и хозяин, он еще и работник, ибо свое хозяйство он ведет не наемным трудом, как помѣщики, а своим собственным. С этим признаком, связан ряд новых общественных послѣдствій. Рассмотрѣніе их я вынужден отложить до слѣдующаго сборника.

К слѣдующей же статьѣ отходят и тѣ основные, дѣйствительнаго значенія, выводы, которые на основѣ анализа социальнаго положенія крестьянства необходимо сдѣлать для общественнаго дѣятеля.

Сергѣй Маслов.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

БОЛГАРСКИЙ ОПЫТ.

1. КРЕСТЬЯНСКАЯ БОЛГАРИЯ.

Появление именно в Болгарии сильной крестьянской партии понятно, если вспомнить, что перед нами типичная земледельческая страна.

По данным болгарской статистики 82,6% населения живет земледельческим трудом. Только $\frac{1}{5}$ всех жителей населяет города, но и эти города носят преимущественно сельский характер. Городское население живет в 80 городах, $\frac{2}{3}$ которых насчитывают от 2 до 10 тысяч, и только 8 городов насчитывают более 20.000 жителей. Почти $\frac{1}{5}$ (18,4%) городского населения по данным 1905 г. занимается земледелием. Сельское население относительно увеличивается; так в 1892 г. оно составляло 74,3%, а в 1905 г. — 77,1% всего числа жителей. Болгария по преимуществу является страной мелких земельных собственников. Распределение землевладения по данным 1908 г. видно из следующей таблицы:

Размѣр	Число хозяйств		Количество земли	
	Абсолют. число	%	Число гектаров	%
Меньше 2 гектаров	424,898	45,5	321,568	6,9
От 2 до 10 „	386,728	41,4	1,954,854	42,3
От 10 до 30 „	111,632	12,0	1,689,371	36,5
От 30 до 100 „	9,173	1,0	405,652	8,8
Свыше 100 „	936	0,1	254,342	5,5
Всего	933,367	100	4,625,787	100

Из общего количества эксплуатируемой земли хозяйства крестьянского типа (до 100 гек.) обладали, таким образом, 94,5% всей земельной площади. Наибольшее число хозяйств владѣло не болѣе, чѣм 5 гектарами, только треть хозяйств владѣло большим количеством земли. При этом естественный процесс передвижения земли шел в сторону роста мелкаго и средняго землевладѣнія.

Необходимо еще отмѣтить, что по данным до-военной статистики замѣтен был непрерывный рост крестьянскаго земледѣлія. Шло усовершенствованіе обработки земли, возрастал живой инвентарь, росла обрабатываемая площадь (в 1904 г. — 3.347.183; в 1908 — 3.693.308; в 1912 г. — 4.077.269), увеличивалось количество обрабатываемой земли на душу населенія*).

*) См. Max Lazard. Le Service obligatoire de travail de Bulgarie. Genève 1922. Н. Малицкий. Кооперация среди земледѣльцев в Болгаріи. Прага. 1922. Основной источник статистических данных по Болгаріи: Kiril G. Popoff. La Bulgarie l'économique 1879 — 1911.

Все эти данные рисуют Болгарию, как страну мелкого земельного собственника по преимуществу. Болгарский крестьянин, раньше или позже, должен был выйти на политическую арену и попытаться заявить свое право на участие в политической жизни страны.

2. ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО СОЮЗА.

В 1899 году появилось воззвание от имени *Янка Ст. Забунова*, редактора Плевенской «Земледельческой Защиты» и *Цанко Бакалова*, народного поэта, с призывом образовать самостоятельный земледельческий союз, в противовес буржуазным и социалистическим партиям. В Плевне был созван учредительный земледельческий съезд, на котором была заложена новая крестьянская организация «Болгарский Земледельческий Народный Союз». Нам не зачем подробно останавливаться на политическом росте земледельческого Союза; история его изложена на страницах нашего сборника б. министром кабинета А. Стамболийского, Спасом Дупариновым*) Нам лишь лишь некоторые вехи. Уже на выборах 1901 г. Земледельческий Союз имел в парламент 23 места. С переменным успехом Союз принимает непрерывное участие в парламентской жизни страны. Роль А. Стамболийского, впервые вошедшего в парламент в 1908 г., в жизни партии непрерывно усиливалась, и к 1911 году он занял в ней руководящее значение. Он возглавлял левое крыло Союза и постепенно отбрасывал Д. Драгиева, лидера его умеренного крыла. Его популярность в заседании росла в связи с выступлениями против царя Фердинанда. В 1911 году А. Стамболийский от имени земледельческой группы, которая насчитывала в 5-ом Великом Народном Собрании 51 депутата, выступил с резким заявлением против нарушения конституции, выразившейся в изменении ст. 17-ой, предоставившей (в новой редакции) королю право заключать тайные договоры. Упорную борьбу вел Земледельческий Союз против вовлечения Болгарии в войну 1912 г. Но особенно бурно проявилась деятельность А. Стамболийского во время Великой войны... Он был решительным противником вмешательства Болгарии в войну великих народов и во главе своей партии боролся с царем Фердинандом, который предпринял участие Болгарии на стороне Центральных держав. Особую известность получил эпизод во время аудиенции у царя Фердинанда, 4/17 сент. 1915 г. представителей парламентских фракций. Выступление А. Стамболийского было чрезвычайно резко по форме и закончилось небывалым в истории Болгарии диалогом между царем и депутатом. А. Стамболийский, вступив в пререкания с царем, сказал ему, между прочим, что вовлечение Болгарии в войну будет ему стоить головы. Царь Фердинанд на это резко ответил: «Не беспокойтесь о моей голове, я уже стар; лучше подумайте о своей, вы ведь еще молоды». 9 сент. 1915 года был подписан указ о мобилизации. Начались преследования руководителей Земледельческого Союза. А. Стамболийский был арестован и осужден на вечное заключение. В связи с крушением фронта, 25 сент. 1918 г., А. Стамболийский был освобожден.

Будучи послан с делегацией через фронт для заключения перемирия, он становится во главе разложившейся армии и поворачивает ее против Софии. 27 сент. 1918 г. в Радомир провозглашается республика, и в особой прокламации, подписанной Председателем Временного Правительства А. Стамболийским и Главнокомандующим Райко Даскаловым, доводится об этом до свѣ-

*) *Дупаринов*. Болгарский Народный Земледельческий Союз. Кр. Россія, № 4, стр. 115—120.

дѣнія болгарскаго народа. Наскоро составленная революціонная армія была разбита при помощи частей Макензена под Софіей. Стамболійскій и Даскалов скрылись. Все же царь Фердинанд уже не мог удержать престола, и 3 окт. 1918 г. бѣжал в Германію, отказавшись от престола в пользу своего сына, Бориса III. Только спустя три мѣсяца участникам сентябрьской революціи была дана амнистія. А. Стамболійскій входит в коалиціонный кабинет Тодорова, гдѣ представляет лѣвое крыло Союза, а Драгев — правое. В августѣ 1919 г. на всеобщих выборах Земледѣльскій Союз получает 83 мѣста из 229. В сентябрѣ т. г. Т. Тодоров принимает условія мира, и, боясь революціонной вспышки, особенно в связи со стихійным ростом коммунистическаго движенія, рѣшается предложить царю доверить составленіе кабинета вождю Земледѣльческаго Союза*).

В Земледѣльческом Союзѣ Тодоров видит единственную организованную силу, способную удержать власть и провести в жизнь условія мира. А. Стамболійскій становится предѣдателем совѣта министров, скрѣпляет мирный договор в Нейи и объявляет новые выборы на март 1920 г. На этих выборах Земледѣльскій Союз получает абсолютное большинство в Народном Собраніи (109 против 107) и становится фактически властью, берущей на себя полную отвѣтственность за судьбы Болгаріи. 20 мая 1920 г. Стамболійскій создает первый чисто земледѣльскій кабинет.

На плечи земледѣльческаго Правительства легло тяжелое наслѣдіе войны. Истощенные финансы, изношенный транспорт, разрушенный земледѣльскій инвентарь, развал торговли и промышленности, убыль скота и т. д., все это особенно сказалось в Болгаріи, уже и без того разоренной предыдущей войной. Мир в Нейи к тому же наложил на Болгарію тяжелыя репараціи**).

Только сильная власть, опирающаяся на довѣріе большинства населенія, могла вывести Болгарію из ея катастрофическаго состоянія. Такой властью в крестьянской Болгаріи могла быть только крестьянская партія. Как ни относиться к внутренней политикѣ А. Стамболійскаго, нельзя отрицать, что ему Болгарія в значительной мѣрѣ обязана выходом из послѣвоенной катастрофы. Во внѣшней политикѣ правительство Стамболійскаго пошло рѣшительно по пути добросовѣстнаго выполненія взятых на себя по мирному договору обязательств. Этим оно сумѣло внушить к себѣ довѣріе держав побѣдителей. Ему удалось добиться значительнаго сокращенія репарацій***) и установить добрососѣдскія отношенія с Югославіей, своим наиболее настороженным сосѣдом †).

*) О вліяніи коммунистической партіи дают представленіе слѣд. цифры: На выборах в 1919 г. партія коммунистов («тѣсняков») имѣла второе мѣсто — 49 мѣст. В декабрѣ 1919 г. на выборах в обществ. самоуправленія коммунисты собрали 140.000 гол. и имѣли большинство почти во всѣх муниципалитетах.

**) § 127 Неинскаго договора обязал Болгарію поставить сосѣдним государствам в возмѣщеніе животных, захваченных ею во время войны: 125 быков, 13.500 молочных коров, 12.500 лошадей, 2.500 мулов, 9.200 волов, 33.000 овец. По этой статьѣ Болгарія, реквизиравшая животных, израсходовала 169 мил. лев. По п. 128 договора Болгарія обязалась доставить Сербіи 50.000 тонн угля в год в продолженіи пяти лѣт. К 31 янв. 1922 г. было доставлено 96.501 тон. По оцѣнкѣ болгарскаго правительства, считая 1600 лев за тонну, это составило 154 мил. лев (См. Lazard, стр. 17).

***) Репараціонныя обязательства Болгаріи были понижены в концѣ концов с 2250 мил. зол франков до 550 мил.

†) Исторію Народнаго Земледѣльческаго Союза см.: Тодор Ив. Гешков «Земледѣльскія Сѣюза противъ войнитѣ» Софія. 1921 г. Георги Дамьянов

3. ИДЕОЛОГИЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО СОЮЗА.

С какой же идеологией пришел Земледельческий Союз к власти и как эта идеология изменилась с его переходом от оппозиции к политическому господству?

Прежде всего Земледельческий Союз провозгласил себя организацией *демократической*, стоящей на почве конституционных методов борьбы. И во внутреннем своем устройстве в основу был положен принцип демократизма. Особенностью Союза является его чисто земледельческий характер. В этом вопросе сразу же намечается необычная резкость формулировки. В члены Союза не могут войти представители других групп, особенно определенно это требование сформулировано в отношении к интеллигенции. В ряды Союза может вступить только интеллигенция, корнями связанная с крестьянством; исключения допускаются только по постановлению Конгресса Союза. Таким образом уже в самом начале в идеологии Союза намечалось отрицательное отношение ко внесловной интеллигенции, в частности особенно отрицательно оценивалась роль адвокатов. Союз противопоставляется политической партии; он является борющимся за интересы крестьянства «политико-экономической общественной организацией». Участие в политической борьбе является лишь средством достижения своих групповых целей. Классовый характер организации вырисовывается очень четко и проводится с той же последовательностью, как и у рабочих партий. Каждый класс стремится приобрести наибольшую выгоду при наименьшей затрате сил; и из столкновения интересов отдельных классов создается равнодействующая человеческого общежития. Теория «общенародных интересов», по мнению земледельцев, является для буржуазных партий только прикрытием узко-классовых капиталистических интересов.

Перенеся принцип частной собственности в основные положения своей идеологии, Земледельческий Союз тем самым отмежевывался от социалистических партий. Все же в области социального переустройства программа земледельцев идет весьма далеко. Он враждебен капиталистическому строю, хотя и не доходит до принципиального отрицания его основ *). Один из идеологов земледельцев, Сп. Дупаринов, формулирует социальную программу Союза следующим положением: «капитал можно отдать на службу обществу через кооперацию и через узаконение положения, при котором земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает**»). Отсюда большое значение с точки зрения идеологии Союза кооперирования, в котором она видит способ перехода к высшим формам общественного строя. Но и в вопросе кооперации идеалистический момент отодвигается на второй план по сравнению с классовым. В первую голо-

«Истината на септемврийската революция в България» Соф. 1921., М: Lazard op. cit. стр. 19—22

*) Вот один из отрывков А. Стамболийского о капитализме. При освящении новой желѣзно-дорожной линии в Гасково в срединѣ мая 1923 г. А. Стамболийский произнес рѣчь, в которой сказал: «Я вижу здѣсь банки табачных фабрикантов, вижу новыя здания частных банков. Будьте увѣрены, граждане Гаскова, что все это будет вашим. Они передадут их кооперативам и синдикатам, если не добровольно, то по принужденію; так или иначе, но это будет. В другой раз, когда я снова приѣду в Гасково, вы будете свидѣтелями того, как всѣ капиталы и капиталистическія предприятия будут в руках кооперированнаго народа. Нам не к чему поддерживать капитализм и частно-капиталистическія предприятия. Мы против капитализма». (См. корреспонденцію Герм. Вендель в «Prager Presse» от 19 июня 1923 г.).

**) Дупаринов. Кр. Россія № 4, стр. 120.

ву кооперация является средством самозащиты мелкого и среднего земледельца от эксплуатации его труда и способом улучшения его материального положения.

В связи с враждебным отношением к капитализму, в программу Союза входят элементы, роднящие его с коммунистической идеологией. Выставляя заранее положение, что «в основѣ всякаго крупнаго частнаго богатства лежит преступный источник»*), идеология естественно переходит к положению об экспроприации в пользу государства крупных частных имуществ, источник приобретения которых порочен». «Земледельческий Союз является самым искренним и ревностным сторонником отчуждения в пользу государства таких нечестным путем приобретенных богатств», говорит А. Стамболийский в одной из своих брошюр**). Отсюда и другое положение — об установлении предельнаго размѣра частнаго капитала. Этим по мнѣнію идеологов земледельцев достигается высоко моральное требованіе «отобрать у того, кто имѣет, чтобы передать тому, у кого недостает». Таким путем будет достигнуто коренное социальное переустройство, которое внесет возможную справедливость и довольство в человеческое общежитіе.

Земледельческий Союз, возникнув на почвѣ осознанія крестьянством своих интересов и стремленія занять подобающее ему мѣсто в общественной и политической жизни страны, уже с самаго начала внес в свою идеологию элементы классовой исключительности, которые должны были еще рѣзче сказаться при переходѣ власти в его руки. На первый план выдвинулись не общія задачи государственнаго строительства, а узко понятные интересы крестьянства. Была создана не *крестьянская партія, а союз защиты крестьянства, как класса*, одной из задач котораго было овладѣніе государственной властью с цѣлью наилучшаго обезпеченія своих интересов. В идеологию была внесена острая классовая борьба. В угоду темному инстинкту деревни буржуазія и интеллигенція расцѣпывалась, как враждебная крестьянству сила, возвеличивался чрезмерно труд физическій, особенно же труд земледельца. В основѣ правдивая мысль — обособленія крестьянства в самостоятельную политическую силу — под влияніем заостренной классовой теоріи марксизма, перелицованной на крестьянскій лад, была искажена и *неизбѣжно привела земледельческий союз к идее диктатуры***)*. Этот переход от демократіи к диктатурѣ был

*) «Всѣко крупно частно богатство има порочень источникъ». А. Стамболийски. «Принципитѣ на българскитѣ земледѣлски Сѣюзы», Софія. 1919, стр. 47.

**) «Земледѣлскитѣ Сѣюзы най-искренни и най-ревностни привѣрженникъ натовѣ обсебване от страна на държавата на тѣзи придобити чрѣз порочен начин богатства» (то-же, стр. 48).

***). Считаю не лишним оговорить здѣсь наше разногласіе в оцѣнкѣ болгарскаго опыта с г. А. К., посвятившим в «Днях» (20 іюня 1923 г.) этому вопросу специальную статью. Он снова пользуется случаем, чтобы упрекнуть в демагогіи тѣх, кто пытается строить самостоятельную крестьянскія партію «Болгарскій опыт, кажется нам, — говорит А. К., — должен заставить очень призадуматься тѣх, которые в своем увлеченіи политическими возможностями, таящимися в крестьянствѣ, часто превращают борьбу за демократію в деревнѣ в демагогическую игру деревней». Но, очевидно, жупел демагогіи понадобился г-ну А. К. только как политическій прием борьбы с идеологіей крестьянской партіи. Вѣдь в демагогіи легко заподозрить не только идеологов крестьянскаго движенія. Упреки «в демагогической игрѣ деревней» не раз уже с большим или меньшим основаніем раздавались по адресу партіи, враждебных крестьянской идеологіи. Очевидно, демагогія не может быть заранее поставлена в упрек, а должна каждый раз подтверждаться фактами.

Дѣло не в демагогіи, а в осужденіи самой идеи созданія «крестьянской пар-

продѣлан Союзом в період его большинства в Парламентѣ и существованія чисто крестьянскаго правительства *).

4. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ СОЮЗ У ВЛАСТИ

Но прежде чѣмъ подробнѣе остановиться на переходѣ Земледѣльческаго Союза от демократіи к диктатурѣ необходимо в общих чертахъ остановиться на главнѣйшихъ реформаторскихъ шагахъ правительства А. Стамболійскаго.

Наиболѣе существеннымъ актомъ в законодательной дѣятельности его несомнѣнно является поземельная реформа. В основѣ реформы лежитъ положеніе — *земля тому, кто ее обрабатываетъ*. Крупное землевладѣніе ликвидируется путемъ принудительнаго выкупа земель, превышающихъ «трудовую норму», т. е. количества земли, которое можетъ быть обработано личнымъ трудомъ хозяина и его семьи. Норма установлена закономъ в 30 гектаровъ и все, что ее превышаетъ, должно быть выкуплено государствомъ и распредѣлено между безземельными и малоземельными крестьянами.

В общемъ, земельная реформа можетъ быть сведена к слѣдующимъ положеніямъ:

1. Владѣніе до 4 гект., если собственникъ холостъ, и до 10 гект., если у него

тѣхъ, ибо этотъ путь таитъ в себѣ опасность диктатуры; — такъ слѣдуетъ формулировать выводъ г. А. К. из болгарскаго опыта. Но в этой же статьѣ г. А. К. признаетъ необходимость организаціи крестьянства в самостоятельную государственную силу и в этой организаціи видитъ историческую заслугу А. Стамболійскаго. Слѣдовательно, весь вопросъ в томъ, какъ его организовать. Авторъ видитъ опасность в классовомъ характерѣ крестьянской партіи и выставляетъ требованіе построения партіи по принципу учета «общей пользы и общаго блага». Мы полагаемъ, что это отвлеченное требованіе не является по существу подлинной гарантіей «государственности партіи». Всякая партія утверждаетъ, что ею руководитъ учетъ «общаго блага и общей пользы», но это утвержденіе не мѣшаетъ ей преслѣдовать узко-классовыя или групповыя интересы. Партія можетъ строиться и по классовому признаку; это значитъ только, что она опирается на одинъ изъ классовъ и стремится вывить свое пониманіе задачъ государственнаго строительства. В дѣйствительности, явно или скрыто, такъ строилось большинство политическихъ партій. Но никто не станетъ, кромѣ политическихъ демагоговъ, утверждать, что в дѣятельности буржуазныхъ и рабочихъ парламентскихъ партій былъ только голый классовый эгоизмъ, вовсе не считавшійся с интересами государства. Поэтому нельзя заранѣе утверждать, что крестьянская партія неизбежно будетъ антигосударственной. Это можетъ быть, но можетъ и не быть. *Ограничивающимъ моментомъ эгоистической дѣятельности партіи в современномъ правовомъ государствѣ является ея демократизмъ, соблюденіе котораго не даетъ возможности одному классу диктовать свою волю другимъ.* Даже в томъ случаѣ, если у власти стоитъ одна партія, располагающая подавляющимъ большинствомъ в представительномъ органѣ правленія, оставаясь на почвѣ демократизма, она не можетъ выродиться в диктатуру. Всякая попытка провести законы в узко-эгоистическихъ интересахъ одного класса неизбежно приведетъ к открытому столкновенію классовъ, не укладывающемуся в парламентскіе способы борьбы. Роковая ошибка Стамболійскаго была именно в отказѣ отъ принциповъ демократіи. Это неизбежно привело его к диктатурѣ. Болгарскій опытъ учитъ насъ только одному — *необходимо созданіе крестьянской демократической партіи.*

*) См.: А. Стамболійски «Защо се сдружоватъ земледѣлциѣ». Соф. 1919.

Его же, «Принципитѣ на българскитѣ земледѣлски Сѣюзъ», Софія 1919.

Его же, «Власть, безвластие, народовластие», Софія 1919.

Его же, «Интелигентнитѣ сили в Земледѣлскитѣ Сѣюзъ и партиитѣ», Софія 1919.

См.: Дупариновъ. «Кр. Россія». № 4, стр. 119-120.

есть семья, не подлежит никаким ограничениям. Собственник имеет право не только самостоятельно его обрабатывать, но и сдавать в аренду.

2. В предѣлах от 4 гект. для холостых и 10 гект. для семейных:

до 20 гект. — для лѣса или пастбищ на горах,

до 30 гект. — для пахотной земли,

до 50 гект. — для лѣса и пастбищ на горах,

Земля не отчуждается, но может быть обрабатываема только руками ея собственников. Аренда не допускается.

3. Право собственности на землю размѣрами свыше указанных в § 2 не признается. Лица, обладающія землей в высшем размѣрѣ, обязаны предоставить излишек в распоряженіе государства. Последнее вознаграждает владѣльца на основѣ до-военных цѣн. Если отчуждаемая земля достигает определенных размѣров, расцѣнка понижается.

4. Если в одном хозяйствѣ живут нѣсколько семей, предѣльный размѣр земельной площади может увеличиваться на 30 гект. на каждую семью.

5. Отчужденныя земли дробятся на мелкіе участки, которые государство распределяет между безземельными земледѣльцами. В продолженіи 20 лѣт они находятся под контролем, и новый владѣлец не имеет права продажи полученной земли.

6. Если требованія на землю окажутся со стороны безземельных выше того фонда, который получится в результатѣ отчужденія, то в распределеніе поступают земли коммунальныя, государственныя и монастырскія*).

Вторым существенным актом правительства А. Стамболійскаго является закон о трудовой повинности. Этот закон привлек к себѣ особенное вниманіе и вызвал разнообразную оцѣнку. В самой Болгаріи вокруг закона о трудовой повинности велись горячіе и страстные споры. Среди городского населенія закон был встрѣчен враждебно, деревня в массѣ своей, насколько можно судить, приняла закон спокойно. В основѣ своей идея трудовой повинности очень проста. Если государство имеет право призывать граждан на военную службу, то оно тѣм болѣе может призывать их для выполненія общегосударственной полезной работы. Если оправдывается воинская повинность, то столь же оправдываема и повинность трудовая. Идеологія земледѣльческаго Союза привнесла в эту простую мысль свои особенности.

Воинская повинность ложится главной тяжестью на плечи крестьянства, и чаще всего, война ведется не в его интересах. Крестьянина отрывают от земли и вынуждают вести разрушительныя войны. Куда цѣлесообразнѣе замѣнить разрушительный труд войны созидательным трудом на пользу государства. Труд физическій, и в первую очередь труд крестьянина, дает реальные цѣнности. В физическом трудѣ скрыта моральная цѣнность. Приобщеніе к физическому общепользному труду всѣх граждан должно потому их морально поднять. Всякій гражданин обязан отдать часть своего труда на пользу государства. Трудовая повинность укрѣпляет и воспитывает социальные инстинкты.

К этим общим теоретическим предпосылкам прибавились мѣстные условія, благопріятствовавшія проведенію закона в жизнь. Во-первых, условія Нейскаго договора, уничтожавшаго постоянную армію и выбросившаго за борт офицерскую и подофицерскую массу, которой надо было найти примѣненіе в жизни страны — это были готовые кадры административнаго аппара-

*) См. Lazard, стр. 24-25.

та; во-вторых — трудное экономическое положение, требовавшее от государства восстановления разоренной страны. Психологически облегчалось проведение закона и тем, что новый закон пришел на смену воинской повинности и как бы автоматически вступил на его место.

В Народном Собрании, в февраль 1920 года, А. Стамболийский, так определял цели закона о трудовой повинности:

1. Поддержать и усовершенствовать тот основной вид налога, каким является воинская повинность, к которой болгарский народ уже привык.
2. Улучшить обучение и подготовить молодежь к практической жизни.
3. Подчинить молодежь деятельной и методической выучке.
4. Организовать и интенсифицировать производство государственных и общественных имуществ.
5. Социализовать источник богатства, человеческую силу, в период наибольшего напряжения, но в то же время и ее наибольшего распыления.
6. Поддержать чувство общественной обязанности и интереса к национальным и общественным богатствам.
7. Вообще интенсифицировать экономический прогресс Болгарии.
8. Помочь Болгарии подняться из под развалин, вызванных войной.

Первоначальный проект А. Стамболийского, предусматривавший обязательную трудовую повинность в течение одного года для мужчин и 6 месяцев для женщин, был принят 23 мая 1920 года, но вследствие вмешательства союзников, усмотревших в нем обход договора в Нейи, он был значительно изменен. Действовавший при Стамболийском закон 22 окт. — 9 ноября 1921 г. в главных чертах заключался в следующем.

Всякий болгарин обязан отбывать трудовую повинность. Трудовая повинность вводится двоякого рода: 1. *рядовая* («редовна повинност») и *временная* («временна повинност»).

К рядовой повинности привлекаются мужчины от 20 до 40 лет, сроком не более 8 месяцев и незамужние женщины в возрасте от 16 до 30 лет, на срок не более 4 месяцев. Государство может призвать в один прием на весь срок сразу, либо в несколько приемов по своему усмотрению. По требованию союзников был введен пункт о возможности откупа, но число откупившихся не могло превышать 20% общего числа признанных годными к отбыванию повинности. Введен был также пункт о возможности одновременного призыва не более 30% граждан одного и того же возраста.

Временная повинность распространяется на тех же лиц, как и рядовая, но «трудоваки» поступают в распоряжение общинных советов, которые имеют право призвать всякого болгарина в течение 21 дня в году и распространять эту обязанность на лиц обоего пола в возрасте до 50 лет.

Мы не имеем возможности входить в подробности закона о трудовой повинности, нам хотѣлось только сообщить его основы.

Исследователь закона о трудовой повинности, М. Lazard, изучивший вопрос на месте по поручению Интернационального Бюро Труда, оценивает весьма сдержанно результаты применения закона в жизни. Будучи готов признать, что в Болгарии, стране примитивного хозяйственного уклада, к тому же разоренной войной, закон может дать положительные результаты, он не видит в нем института, который можно перенести в условия более экономически развитой страны.

Обязательная трудовая повинность, по мнѣнію Макса Лазара, заслуживает вниманія, как одно из средств воспитанія чувства солидарности и гражданской ответственности, но в тоже время двѣ черты в законѣ особенно смущают его — исключительное возвеличиваніе физическаго труда и одностороннее направленіе вниманія в сторону накопленія матеріальных благ.

Вопрос о результатах, достигнутых примѣненіем закона, остается спорным, во всяком случаѣ еще нѣтъ достаточных матеріалов для безусловнаго утвержденія, что трудовая повинность, дала лучшіе результаты и обошлась дешевле странѣ, чѣм примѣненіе свободнаго труда при тѣх же затратах *).

Как мы указывали, Земледѣльскій Союз придавал очень большое значеніе кооперативному движенію среди крестьянства. В дѣло кооперации Союз внес рѣзко классовый характер. «Солидная и прочная кооперация есть только там, гдѣ между членами существует полное идейное единомысліе и идентичность профессиональных интересов. Поэтому Болгарскій Земледѣльскій Союз, являющійся горячим сторонником кооперативнаго дѣла, еще издавна провозгласил: сначала земледѣльская «дружба», а потом кредитное или какое-бы то ни было кооперативное товарищество», пишет один из дѣятелей союза, бывшій министр финансов М. Турлаков**).

Идея независимой кооперации об'является изжитой, и кооперация неразрывно связывается с политической властью. Вот напр., что говорит А. Стамболійскій: «Земледѣльскій Союз, придавая кооперативному дѣлу такое же значеніе, какое обязательное образованіе имѣет для просвѣщенія народных масс, не только безоговорочно дает свою поддержку кооперации, но стремится, по-скольку это возможно, приложить тот же принцип обязательнаго начала к ея распространенію среди сельскаго населенія***).

Этими положеніями опредѣляется и схема кооперативнаго строительства. Вот как ее рисует изслѣдователь болгарской кооперации, Н. Малицкій:

«При дружбах в каждом селѣ кооперативы; в мѣстных экономических узлах — районные синдикаты; в центрѣ Союза синдикатов — Земледѣльскій

*) М. Лазар путем детальных вычисленій приходит к выводу, что в 1921 году институт трудовой повинности принес государству убыток свыше 15 мил. лев. О трудовой повинности, кромѣ уже указаннаго изслѣдованія М. Lazard, см. краткое изложеніе выводов этого труда, сдѣланное R. Picard «Le travail obligatoire en Bulgarie» в бюллетенях «Les Documents du Travail» 1923 г. № 69, стр 1-9. Имѣющаяся на русском языкѣ книга о трудовой повинности В. Лебедева «Новым путем» (Прага, изд. «Воли Россіи», 1923), дает мало матеріала для объективной оцѣнки результатов трудовой повинности. Автор дает в стилѣ военных корреспонденцій описаніе жизни и работы «трудовых».

К сожалѣнію, восторженное описаніе почти не сопровождается цифровым матеріалом, а там, гдѣ автор прибѣгает к цифрам, онѣ ничего не говорят. Так, на стр. 50 сообщается, что в Дольном Чифликѣ «веселая орава трудовых» перегружает ежедневно около двухсот кубических метров одних только шпал, но сколько трудовых работало, об этом ни слова. Рѣдкія цифры автора порой поразительны. Вл. Лебедев утверждает, напримѣр, что 96% населенія болгарскаго села грамотно (см. стр. 59). Очевидно, в Болгаріи города чудовищно безграмотны, ибо процент грамотности во всей Болгаріи несомнѣнно значительно ниже (Н. Малицкій дает для довоенной Болгаріи цифры 33,7%, см. стр. 35).

**) См. у Малицкаго «Кооперация среди земледѣльцев в Болгаріи», стр. 59, «Дружба» — мѣстная организація земледѣльческаго Союза.

***)) А. Стамболійскій «Принципитѣ на българскитѣ Земледѣльски Сѣюзъ», София, 1919 стр. 46...

Кооперативный Банк. Члены товариществ — земледельцы и политические единомышленники, ибо товарищества при дружбах. Члены синдикатов — только товарищества... Вершина всей постройки — Земледельческий Кооперативный Банк — будет объединять только синдикаты... В процессе укрупнения земледельческой кооперации громадная роль отводится власти, которая при этом «укреплению», должна прибегать и к «обязательному началу»*).

Этой идеологией определилось постоянное вмешательство правительства в кооперативное строительство. Шла упорная борьба между сторонниками «независимой кооперации» и «дружбами», поддерживаемыми всем аппаратом государственной власти.

В конце 1920 года, вопреки протестам членов Кооперативного Банка, союзов, отдельных товариществ, был проведен закон, вводящий в кооперацию классовый принцип. По этому закону кооперативные товарищества делятся на две категории — земледельческие и неземледельческие. К первым отнесены все кооперативы, в которых не менее $\frac{3}{4}$ участников являются земледельцами. Земледельческие товарищества возглавляются Земледельческим Банком, который управляется чисто бюрократическим образом; сами товарищества никакого участия в управлении банком не принимают.

Особенно печальную известность приобрел, учрежденный в 1920 году, «Консорциум по вывозу зерновых хлебов и произведений из них». Задача этого консорциума — регулирование хлебной торговли. Фактически законом о Консорциуме в Болгарии устанавливалась государственная монополия экспортной хлебной торговли, и Консорциум был органом правительства, осуществлявшим эту монополию. И в этом вопросе сказались партийная исключительность правительства. Консорциум был обязан отдавать предпочтение земледельческим кооперативным организациям, что давало ему в руки новое сильное оружие в борьбе со сторонниками независимой кооперации. В конце концов независимый «Общий Союз Земледельческих Коопераций», — вначале входивший в Консорциум, был летом 1921 г. особым дополнением к закону о консорциуме лишен права участия в нем. Деятельность Консорциума вызывала большие нарекания со стороны оппозиционной печати. По мнению прессы вся система внешней торговли хлебом свелась не к поддержке кооперации, а к кормлению членов господствующей партии**).

Военное поражение привело Земледельческий Союз к власти. Это обстоятельство несомненно усилило в Союзе элементы, склонные к демагогии и насилию. Упрощение национальной катастрофы до преступления отдельных лиц, разжигание ненависти против всех партий, не ставших на точку зрения поражения, огульное обвинение всей буржуазии в корыстном использовании национальной бедствия в своих личных интересах — таковы в общих чертах знакомые приемы власти, вышедшей из нутра военного разгрома. Используя лозунг ответственности виновников военного разгрома в качестве одного из наиболее сильных предвыборных средств, правительство А. Стамболийского должно было платить по этому векселю. 1-го сент. 1921 г. был принят закон о предании суду всех виновников национальной катастрофы. П. 4. этого закона дает возможность самого широкого толкования. Под него подпадают, как частные лица, так и все, принадлежавшие к армии и гражданскому управлению. Действию закона подлежит всякий, кто занимался спекуляцией, совершал действия с целью угнетения или возбуждения войск или населения, совершал же-

*) То же, стр. 60.

**) Н. Малицкий, стр. 77...

стокости в оккупированных мѣстностях, или содѣйствовал каким нибудь способом, в своекорыстных цѣлях, подготовленію, объявленію или продолженію войны*).

Закон этот висѣлъ постоянной угрозой над головами всѣх противников новой власти, и при неопредѣленности своей редакціи давал вѣрное средство для расправы. Слѣдствием его было эмигрированіе из Болгаріи состоятельных лиц из-за боязни зачисленія в категорію «нажившихся на войнѣ», а политических дѣятелей под угрозой попасть под § 4, как виновников войны.

5. ОТ ДЕМОКРАТІИ К ДИКТАТУРѢ.

Уже из этого краткаго обзора законодательной дѣятельности правительства А. Стамболійскаго вырисовываются типичныя его черты. Земледѣльческій Союз пытаются защищать тѣм, что его законодательная дѣятельность протекала в рамках законности. Союз опирался на большинство и в интересах этого большинства проводил законы. Правительству, опирающемуся на большинство народа, нельзя отказать в демократизмѣ. Таковы доводы в защиту Стамболійскаго.

В дѣйствительности дѣло было не так: за внѣшней видимостью демократическаго образа правленія проглядывал знакомый лик «диктатуры» даже не класса, а группы вождей, говоривших и дѣйствовавших от его имени. Внѣшними атрибутами демократіи прикрывалась подлинная антидемократическая сущность власти**).

Одна особенность, уже знакомая нам в иной обстановкѣ, обнаружилась очень рано. С того момента, когда Стамболійскій оказался во главѣ однороднаго кабинета и располагал в нем послушным партійным большинством, парламент превратился в декорацию, так как фактически управлял Болгаріей «Земледѣльческій Союз». Всѣ главнѣйшія рѣшенія диктовались Земледѣльческим Союзом, и он же фактически обладал властью устраненія неугодных ему почему-либо лиц из правительства. Правительство было отвѣтственно за свои дѣйствія не столько перед парламентом, сколько перед партійной организацией Земледѣльческаго Союза. Таким образом, наряду с писанной консти-

*) См. Lazard, стр. 23.

**) На защиту безусловнаго демократизма правительства А. Стамболійскаго стал, напр., Вл. Лебедев в статьѣ, напечатанной в «Воли Россіи» (1923 г., № 12). «А. Стамболійскій, говорит Вл. Лебедев, не пролил ни одной капли крови, превратил три года тому назад Болгарію в фактическую республику. Царь в ней царствовал, но не управлял. Президентом в этой своеобразной республикѣ являлось парламентское большинство, которое, опираясь на большинство населенія (а сельское населеніе в Болгаріи составляет 85%) и было фактически той силой, которая избирала отвѣтственные министерства» (стр. 49). Для г. Лебедева не возникает никакого сомнѣнія в том, что «А. Стамболійскій опирался только на большинство народа, а не на вооруженную силу», хотя тут же без малѣйшаго смущенія приводит слова Стамболійскаго «в Тырновѣ мы, крестьяне, дѣйствовали привычным нам оружіем — палками». Г. Лебедев, таким образом, для Болгаріи готов признать особую форму правленія — «фактическую республику» (с царем), очевидно уразумѣвъ на болгарском опытѣ значеніе относительности формы правленія. Не смущает его и своеобразная форма «палочнаго демократизма», которым широко пользовался А. Стамболійскій. Для него он остается «чистым образом крестьянскаго вождя».

Мы знаем, как склонны с.-ры из «Воли Россіи» заподозрѣвать в демагогіи и антидемократизмѣ тѣх, кто стоит за необходимость созданія русской крестьянской партіи. Откуда же такое благодушное отношеніе к восхваленію «своеобразной республики» и палочнаго демократизма А. Стамболійскаго?

туцией государства создавалась конституция неписанная Земледельческого Союза.

Видимость парламентского строя сохраняется, его существо отпадает. Ибо в партийных организациях типа Земледельческого Союза очень быстро вывѣтривается внутреннее демократическое устройство и создается власть сначала группы, а затѣм отдѣльнаго лица. Так легче всего прокладывается путь к диктатурѣ*).

При такой организации власти неизбѣжно устраненіе из парламента всякой оппозиціи; здѣсь не может быть рѣчи не только о коалиціи, но даже и о оппозиціи внутри парламента. Он должен быть так же послушен, как и партія. Начинается преслѣдованіе политических врагов, сначала с соблюденіем видимости конституціонных гарантій, а затѣм примѣненіе упрощенных приемов расправы. Борьба неизбѣжно переходит за предѣлы законодательнаго органа и направляется на политическія партіи, печать и против всякаго, кто осмѣливается имѣть свое собственное мнѣніе.

Правительство А. Стамболійскаго продѣлало весь этот путь. Начав с закона о преслѣдованіи виновников войны, посадив в тюрьму бывших министров, А. Стамболійскій быстро перешел к методам болѣе прямым — разгрому всѣх политических группировок, закрытію оппозиціонных газет, интернированію редакторов независимой печати, убійству послушными агентами особѣ неприятных лиц, как напр., редактора Грекова и журналиста Петкова и т. д., и т. д. Одним словом, был установлен режим террора, который напоминает худшія времена Стамбулова.

Неизбѣжный спутник власти, основанной на произволѣ — демагогія. Мы уже отмѣчали, что немало ея было скрыто в самой идеологии Земледельческаго Союза. С переходом к власти демагогическіе приемы необычайно усилились. Велась игра на непоясненном сознаніи крестьянства, натравливались деревня на город и создавалась дешевая популярность изданіем законов, ущемлявших городское населеніе. Тяжесть налогового бремени, раньше падавшая преимущественно на деревню, теперь в непропорціональной степени перегружалась на город.

Вмѣсто послѣдовательной экономической политики проводились законы, рассчитанные на успѣх в темных деревенских массах. Был издан закон, который карал очень высоким штрафом, до 6 мил. лев, всякаго разбогатѣвшаго во время войны. Была объявлена война буржуазіи, торговцам, промышленникам, банкирам, адвокатам (послѣдних почему то особенно возненавидѣл Стамболійскій), которые были отнесены в разряд «эксплоататоров крестьян». Центр

*) «Г. Стамболійскій и его сотрудники считали себя только делегатами, уполномоченными Земледельческаго Союза. Ежегодно, на конгрессѣ Союза, состоявшем из делегатов мѣстных отдѣлов числом до 3.000, крестьянскій союз указывал правительству детальную программу, которой по его желанію оно должно было слѣдовать. Официальный орган Союза слѣдил за исполненіем этой программы и дѣлал предупрежденія министрам, дѣятельностью или недостаточным послушаніем которых он был недоволен. С своей стороны министры были вынуждены направлять в газету союза ежедневно статьи, рисующія политическое положеніе или излагающія принятые административныя мѣры. В концѣ года правительство представляло свою отставку конгрессу и получало, при условіи выраженнаго довѣрія, новыя полномочія. Наконец, если одному из министров или отвѣтственному чиновнику вмѣнялось нарушеніе устава Союза или иная тяжелая политическая ошибка, особый Верховный Трибунал, избранный Конгрессом, назначал слѣдствіе и, призвавъ обвиняемаго к отвѣту, выносил безапелляціонное рѣшеніе». (M. Lazard стр. 22).

культурной жизни Болгарии — София — окрещена Садомом и Гоморрой*). и, очевидно, на нее должен был обрушиться весь гнѣвъ «трудового» крестьянина. Отношение к интеллигенции было враждебно; мы уже имѣли случай отмѣтить, как это отрицательное отношение отразилось в самой идеологии Союза. На практикѣ Земледѣльческій Союз своей демагогией оттолкнул от себя всю городскую интеллигенцію и, почувствовав в ней своего врага, стал всячески ее притѣснять. Известна та упорная борьба, которая велась в прошлом году против Софійскаго университета, в концѣ концов закрытаго правительством на шесть мѣсяцев.

Чѣм острѣе становилась борьба, тѣм стѣснительнѣе были даже внѣшнія формы демократизма, которые прикрывали производ. Все громче раздавались в средѣ руководителей Союза голоса, требовавшіе перехода к «диктатурѣ» крестьянства. Появились и первыя ласточки новаго курса.

Послѣдніе выборы прошли в обстановкѣ, заранѣе гарантировавшей успѣх правительственной партіи. Уже до выборов А. Стамболійскій жаловался, что пропорциональная система выборов не дает правильнаго отраженія настроенія страны. Были внесены коррективы, приведшіе к блестящим результатам. При 53% полученных голосов, депутатов земледѣльческаго Союза оказалось 93%. Получился необычайно однородный парламент, становившійся лишним при законодательном органѣ — Конгрессѣ Земледѣльческаго Союза.

Вопрос о диктатурѣ крестьянской партіи ставился уже в порядок дня. Вот как описывает наблюдатель политическую жизнь Болгарии в 1922 г.: «Атмосфера политической жизни Софій насыщена диктатурой. Это слово у всѣх на устах. Разница между правящей партіей и оппозиціей лишь та, что послѣдняя говорит о диктатурѣ, как уже существующей, в то время, как земледѣльцы угрожают ея введеніем**).

Насколько остро стоял в Болгарии вопрос о диктатурѣ видно по Конгрессу Союза земледѣльцев 28—31 мая 1922 г. Мы о нем сообщим ниже. Как всегда оправданіе диктатуры обосновывается подготовкой переворота враждебными новому строю группами. Конечно, говорится не о диктатурѣ лица, а партіи, к тому же имѣющей за собой абсолютное большинство населенія. Диктатура же большинства в сущности несовсѣм диктатура, а волеизъявленіе этого большинства... Такова несложная концепція новой идеологии руководителей Земледѣльческаго Союза.

Для того, чтобы показать, насколько далеко группа Стамболійскаго ушла от первоначальной программы Земледѣльческаго Союза, я приведу нѣсколько мѣст из рѣчи Стамболійскаго и одной статьи Цанко Бакалова:

Вот каким языком А. Стамболійскій разговаривал со своими политическими противниками: «Столица — наш злѣйшій противник; это центр торгашей и партійных штабов, которые преисполнены к нам непримиримой ненависти. Совы, основавшія черный блок и разрушившія Болгарію, упорхнули. Онѣ боялись быть задушенными или уничтоженными Конгрессом. Нѣтъ, мы можем их успокоить. Если бы мы желали их уничтожить, мы смогли их добыть, не прибѣгая к Конгрессу. Для этого было достаточно удара кулака. Не слѣдует забывать, что София в большинствѣ населена рабочими, людьми труда, которые входят в свои профессиональныя организаціи: не об этом населеніи наша рѣчь. Мы ожесточены против города стяжателей и преступной олигархіи, ко-

*) См. рѣчь А. Стамболійскаго, 28 мая 1922 г. на конгрессѣ Земледѣльческаго Союза.

**) М. Lazard, стр. 22.

торые придают Софии вид Содома и Гоморры. Партийные штабы стяжателей, замышляющие переворот, не должны никогда забывать, что мы готовы к защите против них. С этой минуты, крепость торгашей и стяжателей подвергнута карантину, ибо она представляет опасность, она впала в безумие. С этого дня вы должны быть готовы сбъжаться по первому сигналу, дабы встрѣтить достойно противников. Изю всех наших сил мы будем противиться их нападениям, их угрозам и их покушениям на перевороты*).

Еще показательный в этом отношении одна из статей Цанко Бакалова, поставившая вопрос о диктатурѣ крестьянства ребром. В ней он, между прочим, говорит: «Диктатура крестьян! Она ужасна, как всякій вид диктатуры, ибо она отнимает часть благ, которые дает современное государство. Но вина ли крестьян земледѣльцев, обладающих этой землей, удобряющих землю и коично свою почву, если приверженцы «правой» и «лѣвой» не желают признать права этих хозяев земли на преобразование государства сообразно своим интересам и устройне такого порядка и способа управления, которые соотвѣтствовали бы их представлениям и духу новаго времени.

Если горсточка городских рабочих, не обладая ни одной десятиной земли, ни крышей, под которой можно найти убѣжище, мечтает о пролетарской диктатурѣ, чтобы навязать огромному большинству мелких собственников и ремесленников свои конценции, вытекающія из их экономического положенія, и чтобы преобразовать государство согласно своим интересам пролетарія, почему земледѣльцы, обладающіе всѣм и работой своей создающіе все, почему они не имѣют права, за неимѣніем другаго выхода, вынудить путем диктатуры крестьян преобразование и измѣненіе государства соотвѣтственно своему пониманію и своим интересам? Нѣтъ! Теперь, когда прежнія социальные реформы и старыя идеи об управленіи и строѣ сильно потрясены, когда законы и традиціи колеблются под напором новаго духа времени, было бы преступленіем со стороны организаціи столь могущественной, как Болгарскій Земледѣльческій Союз, пытаться путем паллиативов насадить свое пониманіе в пустыя головы политиков и измѣнить при помощи изуродованных послѣдними законов политическую и экономическую жизнь, столь распатанную неспособными правительствами. Рѣшительная чистка гноиников, оставленных старым режимом и разрыв с устарѣлыми приемами управленія гарбаджіев и адвокатов, возстановленіе и преобразование разрушеннаго механизма управленія не может быть выполнено законными полумѣрами, а это вынуждено дѣлать теперешнее правительство под давленіем «правых» и «лѣвых». Потомство сурово осудит нас, если мы теперь, когда власть в наших руках, не будем ковать желѣзо пока оно горячо и не вырѣжем язвы, раз'ѣдающія тѣло Болгарин**).

Послѣ подобнаго рода рѣчей отвѣтственных руководителей Союза не представится неожиданным постановленіе Конгресса 28—31 мая 1922 г., говорящее о диктатурѣ, как об очередном вопросѣ политической жизни.

Это постановленіе гласит:

«Конгресс единогласно постановляет, что в случаѣ покушенія его политических противников на государственный переворот или убійства одного из министров, немедленно вводится диктатура крестьян и в видѣ репрессивной мѣры преступные заговорщики будут казнены***).

*) Из рѣчи А. Стамболийскаго при открытіи Конгресса Земледѣльческаго Союза, 28 мая 1922. См. Lazard, стр. 123.

**) Из рѣчи Цанко Бакалова на Конгрессѣ 1921 г. Lazard, 126.

***) См. Lazard, стр. 126.

Мы уже знаем, какое значеніе имѣл в Болгаріи Конгрессъ Земледѣльческаго Союза. Его постановленіе было равносильно закону. С этого момента угроза диктатуры повисла над страной. Очевидно шла усиленная подготовка к проведению в жизнь новаго тезиса главарей Союза: кто не работает, тот не участвует в государственной жизни страны, тот лишается избирательныхъ прав. Недурно осведомленный корреспондентъ «Наканунѣ» в статьѣ, писанной до переворота, вскрыл нѣкоторые подготовительные шаги готовящагося переворота. Он сообщал:

В нѣдрахъ Земледѣльческаго Союза, что тщательно обходится молчаніемъ в земледѣльской официальной литературѣ, возникла организація, неразрывно с нимъ связанная, больше того, рожденная его идеологіей, руководимая наиболѣе популярными и энергичными лидерами земледѣльческаго движенія, *организація «сельской диктатуры»*. Задачи этой организаціи, поскольку можно судить по даннымъ оппозиціонной печати и изъ разговоровъ с различными политическими дѣятелями, сводится к тому, чтобы организовать на мѣстахъ кадры «сдруженныхъ земледѣльцевъ», т. е. организованныхъ в Земл. Союзъ, готовыхъ в любую минуту, по указанію изъ центра, одновременно по всей странѣ смѣнить существующіе «кметства» (мѣстные власти) и образовать мѣстные совѣты, власть в которыхъ будетъ принадлежать исключительно трудовымъ, земледѣльческимъ организованнымъ массамъ. Для поддержки этихъ стремленій к совѣтизаціи мѣстнаго управленія организована т. н. «оранжевая» (цвѣтъ земледѣльцевъ) гвардія», состоящая исключительно изъ «сдруженныхъ земледѣльцевъ», представляющая изъ себя, такимъ образомъ, зачатки классовой арміи *).

В нашу задачу не входило установленіе непосредственныхъ причин, приведшихъ к перевороту, но в ряду этихъ причинъ, думается намъ, подготовка диктатуры играла едва ли не главную роль. Для насъ было существеннымъ вскрыть процессъ перехода Земледѣльческаго Союза подъ водительствомъ А. Стамболійскаго от парламентаризма к диктатурѣ.

Никто не станетъ отрицать значенія Земледѣльческаго Союза в жизни Болгаріи. Какъ бы не сложились дальнѣйшія ея судьбы, организованное крестьянство будетъ играть в политической жизни Болгаріи большую роль.

Путь, по которому пошло крестьянское движеніе, былъ ошибочнымъ и привелъ к катастрофѣ. Но слишкомъ поспѣшно заключаютъ тѣ, кто думаетъ, что паденіе правительства А. Стамболійскаго знаменуетъ и уходъ с политической арены организованнаго крестьянства.

Оно оправится и учтетъ происшедшій опыт **).

А. Омеляновъ.

*) Ксандровъ «Настроенія Земледѣльской Болгаріи» (Письмо изъ Софіи). «Наканунѣ», 20 іюня 1923 г. Эти данныя подтверждаетъ отчасти и Евг. Жуковъ, корреспондентъ «Руля» (20. VI. 1923).

**) Вопросъ о политикѣ современной власти в Болгаріи мы оставимъ в сторонѣ — в данной статьѣ онъ насъ не интересовалъ. Считаю нужнымъ, однако, отмѣтить, что критическій анализъ идеологіи и тактики Болг. Нар. Зем. Союза, когда онъ стоялъ у власти, вовсе не означаетъ пріятія нами политики, которую проводитъ кабинетъ Цанкова. Мы весьма далеки отъ солидаризированія с нею.

„СОЮЗ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВ“ В ЮГОСЛАВИИ.

Союз земледѣльцев или «Савез землерадника» (по сербски) это классовая крестьянская партія Югославіи, возникшая и имѣющая главную опору в Сербіи. Кромѣ Сербіи, ея вліяніе в различной степени распространяется на всѣ области, за исключеніем Словеніи, гдѣ существует «самостійная кметійская партія», два года тому назад оторвавшаяся от Союза Земледѣльцев, и кромѣ Хорватіи, гдѣ успѣшному распространенію вліянія Союза Земледѣльцев препятствует «Хорватская Крестьянская Республиканская Партія» Радича.

Югославія — типичная крестьянская страна, особенно в таких ея областях, как Сербія, Черногорія, Боснія-Герцоговина. Крестьянство является главнѣйшим источником ея богатства и силы. До мировой войны у крестьян не было, однако, сознанія своего значенія и они не чувствовали себя отдѣльным классом. Прежнія выступленія крестьянства были выступленіями всей націи, так как почти вся нація состояла из крестьян; даже и теперь можно сказать почти про каждаго горожанина, что он «вышел из опанка» *). Не заходя в далекое прошлое, достаточно напомнить о нѣкоторых событіях, начиная с 19 вѣка.

Революція 1804-1815 года, которая увѣнчалась освобожденіем Сербіи от турецкаго ига, была дѣлом одних крестьян; это была не только національная, но и социальная, аграрная революція. Невыносимое состояніе сербских мужиков под разлагающеюся турецкой властью достигло своего апогея, и они, как один человек, поднялись против своих поработителей.

Такія же національно-аграрныя возстанія были и в Босніи-Герцоговинѣ в теченіи 19 столѣтія. Послѣдній раз в 1875-78 г. боснійско-герцоговинскій «кмет» пытался стряхнуть турецкое ярмо, чтобы в объединеніи с Сербіей, добиться національно-политическаго и экономическаго освобожденія. Революція 1848 г. дала толчекъ возстанію сербов-батраков в Южной Венгріи противъ феодальнаго господства мадьярских «немешей». В болѣе позднюю эпоху, в 1910 г., крестьяне боснійской Краины возстали под предводительством сербскаго писателя и національнаго борца Петра Кочича, требуя радикальной аграрной реформы, которую провести торжественно обѣщала Австро-Венгрія, получив на Берлинском конгрессѣ мандат на оккупацию Босніи-Герцоговины.

Но всѣ эти крестьянскія возстанія были движеніями стихійнаго характера, без элементовъ классовой политической организаціи, хотя в послѣднем случаѣ возстаніе кончилось политическим успѣхом — автономным сеймом Босніи-Герцоговины, в который вошла группа (из 5 депутатов) Кочича.

*) Опанок, національная сербская обувь, кожаный лапоть.

Первый случай организации крестьян в политическую партию встречаем в Сербии, где в 1904 г. была основана «Селячка Слога», т. е. «Крестьянское Соглашение», возникшая в северо-западной части Сербии, где крестьяне культурно и политически развиты больше других. Эта партия просуществовала очень недолго. Туманные чаяния крестьян тогда еще не нашли себе точного выражения ни в программѣ, ни в лицах, возглавлявших партию. На выборах 1905 года, партия получила одного депутата, деревенского кулака, и потом угасла.

ИСТОРИЯ СОЮЗА. Великая мировая война совершила глубокую духовную революцию в мировоззрении и требованиях крестьянства Югославии, как и в других странах. В течение войны, крестьяне, как бойцы и военнопленные, побывали вездѣ — от Индийского до Северного Ледовитого и от Атлантического до Тихого океанов. Они познакомились с землями, народами и порядками всех континентов. Они сравнивали и делали неизбежные выводы. У крестьян расширился горизонт, и они стали сознавать себя как могучую социальную силу, как особый класс.

Уже на салоницком фронте, сидя без дела в окопах и разсуждая об удачах и неудачах войны, солдаты-крестьяне говорили, что по возвращении домой придется покинуть все городские партии и основать свою, крестьянскую. По окончании войны, в течение 1919 года, велись переговоры между видными крестьянами отдельных округов и некоторыми интеллигентами в Бѣлградѣ, результатом которых была конференция 12 октября 1919 года в селѣ «Великой Плани», на которой был основан «Союз земледельцев» — классовая политическая партия *).

Немного раньше, в августѣ того же года, возникла крестьянская организация в Боснии-Герцеговинѣ, первоначально аполитическая, единственно с целью ускорить решение аграрного вопроса. В июнѣ 1920 года она превратилась в политическую партию и присоединилась к Союзу Земледельцев, приняв его программу.

В Далмации еще во время войны организовались «Тежачке Слоге», т. е. «Крестьянские Соглашения»; это были потребительские общества для снабжения крестьян в тяжелую минуту войны хлебом и другими предметами, необходимыми для жизни и работы. В 1920 году, благодаря политическому влиянию, которое оказывал Союз земледельцев на крестьянские массы, далматинский «Тежачки Савез» вступил в С. З., приняв участие на 1-ом Конгрессѣ в Бѣлградѣ (1-2 августа 1920 г.). Усвоив программу С. З., он превратился в политическую организацию и в качествѣ таковой выступил на выборах в Конституанту, 28 ноября 1920 года.

В Словении, несколько раньше С. З. в Сербии, летом 1919 года основалась «Самостійна Кметска Странка», как политическая партия; она приняла участие на конгрессѣ объединения и послала своих депутатов в Земледельческий Клуб Скупщины, но окончательного объединения с С. З. не провела. А когда при голосовании Конституции словенские кметийские депутаты вышли из клу-

*) Во главе этого движения стоял Михаил Аврамович, инициатор и организатор кооперации в Сербии, управляющий Союзом Сельскохозяйственных Кооперативов в Бѣлградѣ. Осенью 1922 г. он отказался от участия в партии и вернулся в союз кооперативов на свой прежний пост.

ба, тогда и всѣ связи между С. З. и С. К. С. были прерваны и каждая из этих партій живут нынѣ самостоятельно.

В Хорватіи, рядом с «Хорватской Крестьянской Республиканской Партіей» Радича существовал с 1920 г. «Селячки Савез» д-ра Поляка, управляющаго Хорватско-Словонскаго Хозяйственного Общества. Этот Союз только на выборах 1920 г. выступил, как политическая партія с программой, похожей на программу С. З. Он не имѣл успѣха и послѣ выборов раскололся. Одна часть его вступила в С. З. В Войводинѣ со Сремом (самой восточной частью Хорватіи). С. З. распространялся непосредственно из Бѣлграда.

1-2 августа 1920 г. состоялся в Бѣлградѣ I Конгресс С. З. Это был конгресс объединенія, так как на нем всѣ отдѣльные крестьянскіе потоки слились в одну мощную рѣку. Объединеніе стимулировалось предстоящей избирательной кампаніей в Конституанту. Эти выборы явились первой генеральной пробой для крестьянских организацій. Проба вышла удачной: хотя выборная компанія не вездѣ была проведена организованно, С. З. получил, однако, 38 мандатов: в Сербіи 14, в Босніи-Герцоговинѣ 12, в Далмаціи 3, в Словеніи 8, в Войводинѣ 1.

Такой неожиданный успѣх без достаточной предшествующей подготовки не мог остаться без послѣдствій: депутатами были избраны люди не совсѣм вѣрные программѣ, а кметійцы из Словеніи были настроены опортунистически и оказались слишком «реальными» политиками. Появились разногласія, а потом раскол. Началось с вопроса о голосованіи конституціи. Словенцы не захотѣли подчиниться воли большинства клуба, подали голоса за Конституцію, послали своего члена в коалиціонное правительство Пашича (кромѣ того д-р Вошняк был назначен послом в Прагу) и покинули Клуб. По этой же причинѣ вышли или были исключены из Клуба еще 5 депутатов. Число членов Клуба с 38 упало до 25. Осенью 1922 г. начался разлад в партіи из-за мѣста очередного Конгресса. Почти весь Клуб и большинство Главнаго Исполнительнаго Комитета, согласно желанію предшествующаго Конгресса, высказались за Боянлуку в Босніи, но главный секретарь партіи М. Комадинич и организація Войводины высказались сначала за одно из мѣст Войводины, а потом за Бѣлград. На сторону Комадинича стал и М. Аврамович с одним депутатом. В концѣ концов огромное большинство организацій было представлено на Конгрессѣ, состоявшемся в Баянлукѣ; Комадинич же инсценировал свой конгресс, но не в Бѣлградѣ, а в Великой Планѣ — колыбели партіи*).

Во время послѣдних выборов в Скупщину Союз земледѣльцев выставил кандидатуру в 35 избирательных округах и получил почти 160.000 голосов, но только 10 депутатов, тогда как на выборах в Конституанту число голосов Союза земледѣльцев было 118.000 и число депутатов 30 (без словенских кметійцев). Причина такого уменьшенія депутатов в том, 1. что уменьшено было общее число депутатов Парламента, 2. что новый избирательный закон благоприятствует большим партіям, и 3. в религіозно-національном характерѣ избирательной компаніи. Несправедливость закона лучше всего доказывается тѣм фактом, что С. З. в Сербіи на 60.000 голосов получил только 2 депутатов (на выборах в Конституанту на 46.000 голосов, 14 депутатов), тогда как Ра-

*) Клуб дѣлал всевозможныя попытки удержать М. Аврамовича в своей средѣ, но без успѣха. Он связал свою судьбу с Комадиничем, превосходным агитатором и журналистом, но плохим организатором, и безвозвратно погиб для политической дѣятельности в рядах крестьянских организацій.

дич в Далмации на 27.000 голосов получил 7 депутатов. Непропорциональность представительства видна из слѣдующаго сопоставленія: у радикалов один депутат приходится на 5.000 голосов, у Радича на 6.000, у клерикалов на 5.500, а у Союза земледѣльцев на 16.000.

Хотя С. З. из послѣдних выборов вышел с уменьшенным числом депутатов, все таки это не уменьшило вліянія партіи в крестьянствѣ. Плохая дѣятельность радикальнаго правительства и введеніе новых податей, тяжесть которых падает главным образом на крестьян (повышеніе податей на крестьян до 500%, на всѣ остальные группы лишь 30%), вызывают недовольство широких масс, углубляя и укрѣпляя классовое самосознаніе крестьян. Организациі С. З. возникают и там, гдѣ их раньше совѣм не было. Это особенно относится к Черногоріи и Войводинѣ, гдѣ крестьянское движеніе растет и вглубь и вширь и гдѣ цѣлыя деревни переходят в партію.

Шансы на будущее очень хорошіе и с полной увѣренностью можно сказать, что из слѣдующих выборов С. З. выйдет усилившимся.

ИДЕОЛОГІЯ. Послѣ войны капитализм в Югославіи начал сильно развиваться, особенно в формѣ банков, которые стараются подчинить себѣ всѣ отрасли хозяйственной жизни страны. Никогда до войны капитализм не был столь экспансивен, столь спекулянтски алчен, как в послѣвоенную эпоху. А так как Югославія сельскохозяйственная страна, с небольшим процентом городских рабочих, которые хорошо организованы и сравнительно защищены законами от эксплуатаціи, то капитал бросился со всей силой на самый многочисленный, но самый непросвѣщенный и менѣе всѣх организованный класс, — на крестьян. Крестьянин и раньше был экономически не развит, культурно отстал, социальнo забыт, и теперь ему грозит еще большая опасность перед лицом капиталистической эксплуатаціи.

Союз земледѣльцев выдвигает задачу спасенія крестьянства от эксплуатаціи капитала и созданія такихъ условий, при которых оно, как самый многочисленный, самый продуктивный и самый здоровый слой, организовало бы новое общество без социальных революцій и диктатур. Задачу эту С. З. думает осуществить, поднимая крестьянина экономически, культурно и социальнo, чтобы таким образом сдѣлать его субъектом общественной жизни, которой он до сих пор был только объектом. Главное средство — кооперация, но она же и главная цѣль. Это та идеальная форма социального строя, которая сдѣлает невозможной и капиталистическую эксплуатацію, и вредные коммунистическіе эксперименты. Осъ идеологіи С. З., поэтому *кооперация*: через нее он думает поднять деревню и крестьянина, ее он стремится ввести во всѣ отрасли общественной жизни и дѣятельности, чтобы таким путем осуществить конечную цѣль — *кооперативное государство*.

Этой цѣли можно достигнуть двояким путем: или активной пропагандой кооператизма, который экономически укрѣпит и культурно подымет крестьянство и тѣм приспособит его духовно и материально, чтобы он мог в данный момент замѣнить капиталистическій строй кооперативным; или же путем организациі специально крестьянской политической партіи, чтобы крестьянин взял политическую власть в свои руки и с помощью ея содѣйствовал развитію кооперациі, до полной замѣны ею капитализма. С. З. считает, что для осуществленія своих идеалов надо идти и тѣм и другим путем па-

параллельно, так как опыт социалистических партий других стран показывает, что экономическія организациі гораздо успѣшнѣе можно осуществить с помощью политической партиі, а с другой стороны, политическія организациі не могут идти вперед без экономической базы, без поднятія культурнаго уровня и политическаго воспитанія масс, что возможно осуществить только через кооперацию. Только таким образом будут приготовлены объективныя условія для захвата крестьянством экономической и политической власти, так что оно станет настоящим носителем исторической и общественной жизни.

С. З. признает частную собственность, но в ограниченном видѣ: поскольку она не служит цѣлям эксплоатациі другого. § 100 проекта Конституціи Земледѣльческаго Клуба гласит: «собственность признается в принципѣ. Но имѣющий имущество движимое или недвижимое обязан не употреблять его к ущербу общества». Земля считается средством производства, а не средством торговли и спекуляціи, и она должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает. Кооперациа служит как корректив капитализма, она должна примирить индивидуализм и коллективизм.

С. З. против нынѣшняго так назыв. парламентаризма, который является поддѣлкой под истинный демократизм, ибо за ним прячется олигархія и даже охлократія. С. З. за полное народовластіе, которое можно осуществить только через профессиональный парламент со связанными мандатами. Только таким образом всѣ профессіи, всѣ слои общества были бы представлены пропорціонально своей силѣ. Конкретнаго проекта профессиональнаго парламента С. З. еще не выработал.

Что касается формы государства, для С. З. этот вопрос второстепеннаго значенія, ибо он считает, что в общественном и государственном строѣ главное — содержаніе, а не форма. Правда, кооператизм и полное народовластіе, которые ставит С. З., логически ведут к республикѣ, но считаясь съ обстоятельствами и настроеніем крестьянских масс, С. З. в Конституантѣ высказался за монархію. § 1 проекта Конституціи С. З. гласит: «Югославянская Держава Сербов, Хорватов и Словенцев — политическое, хозяйственное и культурное единство. Во главѣ ея стоит король. Он правит по волѣ народа, соотвѣтственно предписаніям этой Конституціи, через правительство, народом избранное и перед ним отвѣтственное».

ПРОГРАММА. *Представительство и правительство.* С. З. требует полного народовластія, не только политическую, но и хозяйственную демократію, потому что политическое народовластіе может быть прочным, только покоясь на хозяйственном господствѣ народа, и, наоборот, хозяйственное господство народа возможно только при политической власти его.

С. З. требует профессиональный парламент. Избирательное право должно быть общее, равное и тайное; С. З. настаивает, чтобы и женщины получили избирательное право. Депутаты отвѣтственны перед своими избирателями, которыми могут быть отозваны. Парламент однопалатный.

По проекту Конституціи С. З. исполнительную власть несет Народное Правительство, предсѣдателя котораго выбирает парламент на 2 года и который должен быть из числа депутатов. Остальные министры должны быть специалистами, но не членами парламента и их отвѣтственность такая же, как и других чиновников.

С. З. сторонник государственного унитаризма: он требует один парламент, одно законодательство, но рядом с этим широкое самоуправление волостей, уездов и областей.

Народное хозяйство. С. З. стоит за осуществление хозяйственной демократии, при которой каждый будет пользоваться полным продуктом своего труда. С. З. считает труд обязанностью каждого гражданина и не будет терпеть лентяев и паразитов, которые живут трудом других. Хозяйственная демократия осуществима постепенной замёной капиталистических учреждений такими, которые полезны всему обществу. Это — кооперативы и синдикаты.

В кооперации видит С. З. форму будущего устройства общества и принцип, на основѣ котораго может быть разрѣшено большинство общественных проблем. И государство, и самоуправляющіяся части должны стремиться к развитію кооперации, предпочитая ее всѣм формам, основанным на капиталистических началах. Обучение кооперации должно быть проведено через всѣ школы.

Земля и сельское хозяйство. Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает и на ней постоянно живет. Каждого земледѣльца слѣдует надѣлать достаточным количеством земли. Нигдѣ не должны существовать феодалы и др. арендные отношенія. Земля отнимается у тѣх, кто держит ее непроизводительно. Закон должен установить максимум землевладѣнія. Систематической колонизацией на кооперативных началах производительность земледѣлія должна быть поднята.

Земледѣліе, как основа всего народнаго хозяйства, должно стоять на высотѣ всѣх научных и технических знаній и изобрѣтеній. Главная цѣль содѣйствія сельскому хозяйству — повышение и удешевление продукціи. Это будет возможно осуществить: меліорацией почвы, кадастром, раздѣленіем крупных землевладѣній, колонизацией, развитіем технической подготовки у крестьян, путем учрежденія сельско-хозяйственных школ всѣх видов, школ для хозяек, организациі ветеринарных курсов, специальных курсов, лекцій, практических опытов, сельско-хозяйственных выставок, экскурсій, литературой, бібліотеками и читальнями; развитіем кооперации, организациі и защитой распредѣленія; хорошей сѣтью путей сообщенія, постройкой элеваторов; страхованіем посѣвов от града, засухи, наводненія и других стихійных бѣдствій, а также и вредителей

Промышленность. Домашнюю промышленность и ремесла, служащія сельскому хозяйству, слѣдует развивать в деревнях на кооперативных началах, для этого надо открывать школы, дающія техническое образованіе. Фабричная промышленность должна быть под непосредственным контролем правительства; если она обрабатывает продукты сельского хозяйства (с.-х. промышленность), она организуется на кооперативных началах и крестьяне имѣют право контроля над нею.

Рабочій вопрос. С. З. считает, что рабочій вопрос не сводится только к установленію рабочаго времени и величины заработной платы, и еще меньше к дешевизнѣ сѣстных припасов, так как это равносильно дешевой поденной платѣ земледѣльца. С. З. находит, что задача в участіи рабочих не только в работѣ, но и в результатах предпріятія. Поэтому он требовал в своем проектѣ Конституціи социализация предпріятій, права контроля рабочих организациі над предпріятіями и обязательнаго участія рабочих в прибыли, а также созданія для рабочих всѣх хозяйственных, гигиенических и куль-

турных условий, необходимых для их физического и морального здоровья и благополучия.

Финансовая политика. С. З. выставляет требование подоходно-прогрессивного налога и отмены всех косвенных налогов, особенно пошлин на сельскохозяйственные продукты и потребности, монополии на соль, керосин и введение монополии на предметы роскоши.

Пути сообщения всех видов должны принадлежать государству.

Народное просвѣщеніе. С. З. требует, чтобы всеми средствами осуществлялось общенародное просвѣщеніе, причем обучение и воспитаніе должны быть приспособляемыми к социальному и политическому укладу, требованиям жизни и времени. Основное школьное образованіе, обязательное для всех лиц обоих полов, должно быть приспособлено к средѣ и потребности края. Учрежденіе школ для взрослых и неграмотных, изданіе поучительных книг, открытіе библиотек и читален, устройство лекцій и т. п.

Вѣра. Религіозное убѣжденіе — частное дѣло; но свобода вѣроисповѣданія гарантируется законом. Все вѣроисповѣданія равноправны, но духовная власть не должна преслѣдовать политических цѣлей. Надо стремиться к объединенію всех церквей в одну народную церковь.

Правосудіе. Суд присяжных должен быть введен во все гражданскіе и уголовные споры, а также и суд добрых людей (третейскій). Защита перед судом бесплатна; адвокаты — чиновники; невинно осужденные и арестованные должны получить вознагражденіе. Уничтожаются духовные и военные суды, смертная казнь отменяется.

ПОЗИЦІЯ СОЮЗА В ВАЖНѢЙШИХ ОЧЕРЕДНЫХ ВОПРОСАХ. Главная задача Югославіи послѣ ея объединенія была в выработкѣ Конституціи, которая должна была цементировать государство в его новом составѣ и заложить прочный фундамент для его дальнѣйшей жизни.

С. З. со своими 38 депутатами, первый раз принявъ участіе в законодательной работѣ, предложил свой проект Конституціи, в котором попробовал провести свои идеи. При этом он считался не только со своими узко-классовыми, но и общенациональными интересами. Поэтому он высказался против строгаго централизма, но и против автономій в исторических границах, установленных не потребностями края, а волей завоевателей и исходом разных войн. С. З. требовал широкаго самоуправленія в областях, выдѣленных на основаніи географических, экономических и коммуникаціонных условий. Когда в началѣ 1921 г. Пашич предложил Земледѣльческому Клубу войти в его правительство, Клуб принципиально был против этого, но по политическим соображеніям предъявил свои требованія, состоящія из 24 пунктов; а именно: 1) полный суверенитет Парламента, 2) національное единство, 3) унификація законодательства, 4) парламентарная конституціонная монархія, 5) профессиональный парламент, 6) связанный мандат, 7) отвѣтственность министров, 8) обезпеченіе и отвѣтственность чиновников, 9) бесплатный суд, 10) защита на судѣ — общественная функція и бесплатна, 11) отмена духовных и военных судов, 12) переход полиціи в руки самоуправленій, 13) реорганизація воинской повинности; она должна стать высшей народной школой, 14) врачебная и больничная помощь и лекарства должны быть бесплатными, 15) реорганизація школьнаго дѣла так, чтобы каждая профессія получала общее и техническое образованіе, 16) вѣра — частное дѣло каждаго человѣка, 17) уничтоженіе привилегій городов за счет дерев-

ни, 16) аграрная реформа в духе программы С. З., 19) обязательное содействие кооперации со стороны государства, 20) всесторонняя помощь сельскому хозяйству, как главной отрасли народного хозяйства, 21) развитие путей сообщения, согласно требованиям главных отраслей народного хозяйства; 22) забота об инвалидах и сиротах погибших воинов, 23) принцип подоходно-прогрессивного обложения, 24) социализация всех предприятий, сохранившихся для этого.

Так как Пашич не принял этих условий, Клуб стал в энергичную оппозицию. Перед голосованием Конституции Пашич, опасаясь, что он не будет иметь большинства, опять пригласил Клуб С. З. принять участие в правительстве. Предложение было снова отклонено. Клуб общался, однако, голосовать за Конституцию в случае опасности ее провала, но под условием принятия правительством трех требований: 1) обеспечение радикального решения Конституцией аграрного вопроса; 2) законодательная власть правительства должна быть органичена и поставлена под контроль парламента; 3) разделение на области должно быть проведено согласно географическо-экономическим принципам, не смотря на исторические границы.

Пашичу интересно было привлечь к себе мусульманских депутатов Боснии и расщепить земледельческий Клуб, в чем он и успел: мусульмане голосовали за Конституцию цѣною 255 миллионов динар, которые получили, как вознаграждение за свои феодальные владѣнія, а из З. Клуба вышли словенцы, которые за это получили министерство Сельскаго Хозяйства и посольство в Прагѣ. Депутаты Союза Земледѣльцев голосовали против Конституции, за что радикалами и демократами были объявлены антисоударственным элементом и «зелеными коммунистами». Все-таки, благодаря их усилиям, вошел в Конституцию цѣлый отдѣл, содержащій социальные и экономические требования.

Когда по случаю покушения на жизнь регента Александра и убийства Министра Внутренних Дѣл Драшковича правительство преподнесло парламенту законопроект о защитѣ государства, которым воспрещается коммунистическая партия, а мандаты ее депутатов уничтожаются, З. Клуб голосовал за этот закон, но высказался против уничтоженія мандатов без рѣшенія суда. Надо имѣть в виду, что присутствовавшее на этом внѣочередном засѣданіи парламента меньшинство Клуба — почти исключительно крестьяне — опасались как бы непосредственно послѣ голосованія против Конституции и коммунистических покушеній на жизнь Регента, политические противники не сумѣли убѣдить народ, что С. З. это дѣйствительно скрытые коммунисты, ибо голосовали вмѣстѣ с ними против Конституции, а теперь их защищают.

В вопросѣ аграрной реформы С. З. занял энергичную и непоколебимую позицию, требуя и в парламентах и на своих Конгрессах и митингах его радикальнаго рѣшенія. Эти требования формулированы в пректѣ Конституции, в интерпелляциях, в законопроектѣ об измѣненіи Высочайшаго Повелѣнія о «бетлуках» в Босніи-Герцеговинѣ и в законопроектѣ о прекращеніи аграрных споров в Далмаціи. По поводу аграрных безпорядков 1921 г. в Далмаціи Земледѣльческій Клуб энергично заступился за крестьян и вѣдил на мѣста. Но всѣ усилія остались без успѣха, так как правительство приняло сторону крупнаго землевладѣнія.

Что касается хорватскаго вопроса, С. З. с перваго дня занял опредѣленную позицию, которой держался послѣдовательно. Считая, что сербы, хорваты и словенцы один народ с тождественными интересами, С. З. полагал, что

они должны имѣть и одно государство, так организованное, чтобы различія, созданныя столѣтіями отдѣльной жизни, смягчились. Только земледѣльцы, как фундамент государства, могут осуществить полное національное объединеніе. Резолюція Конгресса в Банялукѣ от 27—29 ноября 1921 г. так выражается о хорватскомъ вопросѣ:

«С. З. заявляет, что хорватскій вопрос будет рѣшен только учрежденіем земледѣльческаго кооперативнаго государства, в котором будет невозможна всякая гегемонія племени и вѣры. Осуждая теперешній насильственный режим, С. З. сожалеет, что большая часть хорватскихъ крестьян, находясь столь долгое время внѣ парламента, ослабляет силу крестьянской оппозиціи теперешнему режиму, особенно в настоящій момент, когда угнетеннымъ земледѣльцамъ Далмаціи и Босніи-Герцеговины такъ нужно полное содѣйствіе всѣхъ ихъ братьев, и желаетъ какъ можно скорѣе видѣть в парламентѣ всѣхъ хорватскихъ крестьян, в тѣсномъ братскомъ единствѣ с сербскими и словенскими крестьянами, собранными подъ всекрестьянское знамя, без различія вѣры и племеніи, ибо непоколебимо вѣритъ, что только в братскомъ согласіи и единствѣ крестьянскаго движенія во всемъ государствѣ заключается спасеніе всѣхъ крестьян и всей страны».

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦІЯ. С. З. работаетъ для пропаганды своей идеологии и осуществленія своей программы двояко: непосредственно—учрежденіемъ и дѣятельностью своихъ организацій и посредственно — путемъ содѣйствія коопераціи и различной просвѣтительно-культурной работы. С. З. — сторонникъ легальной и парламентарной борьбы, но противникъ всякой коалиціи с капиталистическими партіями. Онъ можетъ согласиться на болѣе близкую политическую кооперацію только с социалистами. До сихъ поръ онъ от этого ни разу не отступилъ.

Главная дѣятельность С. З. состоитъ в работѣ в народѣ, в учрежденіи организацій на мѣстах. Основная единица С. З. — это «Сельское Вѣче», задача котораго сконцентрировать въ себѣ всю политическую и культурную жизнь деревни. От него должна итти инициатива всякаго культурнаго, экономическаго и вообще социальнаго прогресса деревни. Сельское Вѣче старается разбудить и сохранить классовый интересъ крестьян, объединяя послѣднихъ для самозащиты отъ эксплуатаціи капитала и партійности. Оно контролируетъ дѣятельность и жизнь каждаго в деревнѣ, стремясь внѣдрить основную идею: *трудъ на пользу общества*.

Каждое Сельское Вѣче имѣетъ исполнительный и агитаціонный комитетъ. Каждый членъ вѣча обязанъ платить членскій взносъ и имѣть членскій билетъ. Всѣ члены сельскихъ вѣчъ одного уѣзда составляютъ *уѣздное вѣче*, которое тоже имѣетъ свои исполнительный и агитаціонный комитеты. Делегаты сельскихъ вѣчъ (на 250 членовъ одинъ) составляютъ *областное (окружное) вѣче*, состоящее изъ исполнительнаго и агитаціоннаго комитета. Верховная инстанція партіи — это *Конгрессъ*, состоящій изъ уполномоченныхъ делегатовъ сельскихъ вѣчъ и исполнительныхъ комитетовъ уѣздныхъ и областныхъ вѣчъ. Очередные конгрессы собираются осенью каждаго года. Конгрессъ обсуждаетъ программу и статутъ партіи, тактику, дѣятельность Главнаго Исполнительнаго Комитета и Парламентскаго Клуба; онъ выноситъ резолюціи по крупнымъ вопросамъ государственной и партійной жизни. Исполнительнымъ органомъ Конгресса и верховнымъ представителемъ партіи является *Главный Исполнительный Комитетъ*, в который каждое областное вѣче, имѣющее 50 сельскихъ вѣчъ, делегируетъ одного члена-крестья-

нина, Конгресс же выбирает еще одну четверть членов из интеллигентных работников. Мандат и тѣх и других имѣет силу 2 года. Кроме того, до проведения новаго административнаго раздѣленія страны, продолжают существовать в Босніи-Герцеговинѣ и Далмаціи спеціальныя исполнительныя комитеты (в Сараевѣ и Сплитѣ), которые являются верховными органами С. З. в этих провинціях.

Для подготовки молодежи в духѣ С. З. в послѣднее время основываются клубы земледѣльческой молодежи, которых особенно много в Далмаціи. Они — внепартичныя организаціи, но в тѣсной связи с сельскими вѣхами и под их контролем. В университетах Бѣлграда, Загреба, Люблян и Субботиц существуют аграрныя студенческіе клубы, в которых приготавливаются интеллигентные работники партіи.

Главным органом печати партіи является «Село», который выходит еженедѣльно (одно время двухнедѣльно) со дня основанія партіи, печатается в 5000 экземпляров. В Сараевѣ выходит «Тежачки Покрет» (Крестьянское движеніе), а в Сплитѣ «Тежачка Слога» (Крестьянское Согласіе); они расходятся в 2500—3000 экземплярах каждый. Кроме этих газет выходили в разное время еще нѣсколько газет мѣстнаго значенія. С. З. издает серію книг, из которых до сих пор вышли слѣдующія: 1. «Организація земледѣльцев» М. Абрамовича, 2. «Руководство для организаціи сельских, уѣздных и окружных вѣх». 3. «Программа С. З.». 4. «Статут С. З.». Кроме того, вышли как отдѣльныя изданія: «Будущее кооперативное государство» д-ра Поповича, члена Гл. И. К.; «Политическо-хозяйственная демократія» д-ра Гавриловича, члена Гл. И. К.; и «Новые пути и дѣли» Св. К. Матича. С 1921 года С. З. издает свой календарь «Село», печатающійся в 15—20.000 экземплярах.

Надо признаться, что состояніе организацій не идеально: многія вѣха только на бумагѣ, членскій взнос нерѣдко не уплачивается. Главная причина этого — недостаток финансовых средств и хорошо подготовленных работников-интеллигентов. Благодаря своей малограмотности, способу занятій, большим разстояніям от административных центров и разбросанности деревень, крестьяне не в состояніи успѣшно проводить организаціи без интеллигентов, особенно народных учителей, которых сейчас очень мало в партіи. Малочисленность в Союзѣ интеллигенціи можно приписать, между прочим, и партійному уставу, по которому умственные работники могут быть членами С. З. только временно, — пока не будет проведена профессиональная организація всего народа.

С. З. считает, что кооперацію не слѣдует вовлекать в политическій водоворот, но так как именно кооператоры являются самыми просвѣщенными и сознательными крестьянами, главными пропагандистами идей С. З. и его руководящими членами, то связь между С. З. и кооперацией становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Можно с достаточной увѣренностью полагать, что в концѣ концов сельская кооперація перейдет в руки С. З.

В нѣкоторых странах политическія партіи имѣют свои кооперативы и их союзы. В Югославіи наблюдается то же явленіе: в Словеніи хозяин кооператива — клерикальная партія д-ра Корошца, в Хорватіи Ст. Радич имѣет свой союз кооперативов, а д-р Поляк, основатель неудавшагося «Селянскаго Союза», — свои кооперативы «Хозяйственное Общество».

СОСТАВ СОЮЗА. Ядро партіи составляют средняго состоянія крестьяне, которые больше всѣх других чувствуют на себѣ тяжесть податей и все усилен-

яющуюся эксплуатацію капитализма. Крупные хозяева, деревенские кулаки, не могут, конечно, принять программу С. З., и они являются в деревнѣ главным оплотом городских партій — радикалов и демократов между православными, «Югославянской Мусульманской организаціи» — между мусульманами в Босніи-Герцеговинѣ. Немного в рядах Союза и мелких безземельных крестьян. Самые бѣдные крестьяне являются в то же время самыми безграмотными и безсознательными. Во время буйнаго натиска коммунистической партіи они пополнили поэтому ея ряды, надѣясь при посредствѣ диктатуры пролетаріата быстро поправить свое состояніе. Когда коммунисты обманули их надежды, они голосовали за партію, которая у власти — за радикалов. Есть и еще одна причина: до войны крестьянин больше всего чувствовал на себѣ тяжесть налогов и так как прямые налоги послѣ войны остались тѣ же, а косвенных, хотя и увеличенных, он не чувствует, ибо не знает сколько платит, то малоземельные довольны, ибо в Сербіи подати рассчитываются с гектара, а не с дохода. Таким образом, крестьяне с земельной площадью в 1—2 гектара платят незначительную сумму прямых налогов, а с личного заработка не платят ничего. Но послѣ недавняго пятикратнаго повышенія (у торговцев только 30%) прямых налогов настроеніе бѣднѣйшей части крестьянских масс измѣнится не в пользу радикалов.

По вѣроисповѣданію большинство членов С. З. — православные, ибо движеніе возникло и развилось больше всего между сербами. В Далмаціи большая часть католических крестьян до выборов с. г. была в С. З., но когда появились агитаторы Радича, то, благодаря распаду в Союзѣ и католической оріентаціи Радича, они привлекли к себѣ большинство далматинских католических крестьян, тогда как православные голосовали за радикалов. В Босніи-Герцеговинѣ в рядах С. З. было порядочное число и католиков и православных, но так как выборная кампанія велась и под религиозными лозунгами, то многие из католиков отошли к Радичу, мусульмане же к Югославянской Мусульманской Организациі. Но в послѣднее время, судя по нѣкоторым признакам, массы отрываются от этой религиозной демагогіи и снова идут в С. З.

Статут С. З. разрѣшает быть его членами и деревенским рабочим не земледѣльцам, и заводским рабочим, работающим в деревнѣ: в лѣсных предпріятіях, рудниках, на желѣзных дорогах и т. п.

Из числа интеллигентных работников могут быть членами С. З. служащіе кооперативных и синдикальных учреждений и агрономы. Они, в сущности, сейчас и представляют ядро интеллигенціи в партіи и приняли самое видное участіе в основаніи ея.

Остальные интеллигентные работники могут стать только временными членами С. З., если своей предшествующей дѣятельностью они показали, что знают нужды деревни и крестьян. Ни временными, ни постоянными членами не могут быть тѣ, кто своей профессіей эксплуатирует рабочій люд. Особенно здѣсь имѣются в виду адвокаты, которых почти нѣтъ в партіи и которые пользуются глубокой ненавистью крестьян.

Бѣлград.

М. С. Московлевич.

ПАРТІЯ „ПЯСТА“ В ПОЛЬЩѢ.

Чтобы уяснить послѣднія событія, происшедшія в средѣ крестьянских партій в Польшѣ, мнѣ не захѣм рассказывать всей их исторіи. Достаточно сказать, что крестьянскія партіи в каждой из частей Польши развивались независимо друг от друга. Поэтому уже в Учредительном Сеймѣ были четыре крестьянских группы: одна из б. Царства Польскаго, носящая по своему партійному органу имя »Wyzwolenie« (Освобождение), вторая из Галиціи, называющаяся также по партійному органу »Piast« (имя крестьянина — легендарнаго основателя Польши), третья — из Восточных Кресов — т. наз. »Rady ludowe« (Крестьянскіе Совѣты) и четвертая, возникшая на территории, входившей ранѣе в состав Германіи, т. наз. »Narodowa partja robotnicza« (народная рабочая партія). Принимая и ранѣе живое участие в политической жизни отдѣльных областей, эти партіи пропитались специфическими особенностями политической жизни своих государств.

«Крестьянскіе Совѣты», дѣйствовавшіе на кресах, т. е. на территории, пережившей русскія революціи, привыкли к радикализму. Этот радикализм, однако, носил скорѣе демагогическій характер, ибо, желая удержать польскій характер края, «Совѣтам» приходилось считаться со всѣми польскими группировками, существовавшими на мѣстах, и поэтому они являлись в сущности группой общественно-умѣренной.

Это относится и къ «Народной Рабочей Партіи», которая образовала вмѣстѣ с имущими классами общій антинѣмецкій фронт и таким образом, привыкла къ національному сотрудничеству с ними.

«Вывольенье», будучи партіей патріотической, слѣдовательно антирусской, очутилось на положеніи войны с мѣстными умѣренными группировками (главным образом с «народной демократіей»), заподозрив их в примиренчествѣ по отношенію къ русскому господству. «Вывольенье» не было связано поэтому в своем радикализмѣ общенародными соображеніями и вступало в соглашеніе с социалистами.

«Пяст», послѣ реформы избирательнаго права в Австріи и Галиціи, чувствовал себя на территории послѣдней настолько побѣдителем, что къ моменту освобожденія Польши давно отрѣшился от всякаго революціонизма и являлся умѣренной политической группировкой.

Партія «Пяста» получила в Западной Галиціи почти всѣ сеймовые мандаты и послѣ побѣды стремилась къ власти, в полном сознаніи своей за нее отвѣтственности перед избирателями. Нужно, кромѣ того, имѣть въ виду, что нигдѣ матеріальное положеніе крестьянства не находилось въ столь плачевном состояніи, как именно в Галиціи. Здѣсь на один квадратный километр приходится 72 крестьянина, что рѣдко встрѣчается в Европѣ; въ ней чрезвычайно

велик процент мелких хозяйств и, наконец, несмотря на густоту населения, Галиция носит почти исключительно крестьянский характер при далеко зашедшей парцеляции больших имений. Эти особенности вызвали, между прочим, в критическом 1918 году в окрестности Тарнобжега аграрную революцию и способствовали образованию при доминирующем «Пястѣ» отдельных резко радикальных группировок Стапинского и кс. Оконя, располагавших в Учредительном Сеймѣ 12 представителями.

В б. Царствѣ Польском наоборот, национальный и общественный радикализм предводителей «Вызволенья» не всегда отвечал настроению крестьянских масс. Поэтому, всецѣло любящая на югѣ б. Царства Польскаго, гдѣ при австрійской оккупации легче было организоваться, «Вызволенье» уступало на западѣ умѣренной католическо-крестьянской группѣ (*katolicko ludowej*) кс. Близинскаго, а на сѣверѣ — народной демократіи, выставлявшей охотно в своих кандидатских списках во время выборов в Учредительный Сейм популярныя крестьянскія кандидатуры.

Итак, в момент, когда «правица» и «лѣвица» Учредительнаго Сейма (нар. демократы и социалисты) вошли в него достаточно сплоченными на всем пространстве Рѣчи Посполитой, крестьянскія партіи обнаруживали областную раздробленность и несогласованность в своих стремленіях. Справа нѣтъво (оставляя в сторонѣ крестьянскія скамьи правицы) онѣ размѣстились так: группа кс. Близинскаго, «крестьянскіе совѣты», «Пяст», «Нар. Раб. Партія», «Вызволенье», группа Стапинскаго и кс. Оконя. В состав представленнаго 30 депутатами «Пяста», вошла небольшая группа Домбскаго, который в період австрійскаго оккупации перебросился из Галиціи на территорию б. Царства Польскаго, гдѣ пропагандировал «австрійскую оріентацію» против «Вызволенья», защищавшаго точку зрѣнія строгой независимости Польши.

В Учредительном Сеймѣ группа Близинскаго стремилась к медленным постепенным реформам, «Вызволенье» — было готово вести продолжительную и упорную оппозицію, а «Пяст» рѣшил идти к своим цѣлям путем парламентских комбинацій. Он не мог вернуться к своим избирателям с пустыми руками, ибо в сравненіи с пріобрѣтеніями в австрійском парламентѣ и галиційском сеймѣ это было бы в глазах его избирателей поражением. Обладая большим политическим опытом, пріобрѣтенным в только что названных учреждениях, у него выработалось умѣние парламентскаго жонглированія и он рѣшил идти именно этим путем. Зорко оглядываясь вправо и влево, «Пяст» старался выдерживать опредѣленную линію поведенія в смыслѣ защиты исключительно крестьянских интересов. Считаясь с крестьянами, сидящими вправо, он охотно голосовал вмѣстѣ с ними по вопросам рабочим и общеполитическим, зато по вопросам, касавшимся исключительно крестьянства, «Пяст» не только шел с лѣвицей, но и сам проявлял инициативу совместных с нею выступленій, чтобы таким образом повліять на правых крестьян. Этим «Пяст» добился, во-первых, вхожденія в свой депутатскій клуб десятка с лишним правых крестьян, во-вторых, раскол правый фланг Сейма, крестьянскіе депутаты котораго в числѣ нѣскольких десятков, со Скульским во главѣ, соединились с группой кс. Близинскаго. Далѣе «Пяст» по собственной инициативѣ выдвинул идею соединенія с «Вызволеньем» в одну общегосударственную крестьянскую партію. «Вызволенье» не могло уклониться от этого, так как политика «Пяста» имѣла уже в его средѣ достаточно много сторонников. Само собой разумѣется, что эти шахматные ходы были дѣлом рукъ предводителя клуба — Витоса, старосты из Верхославиц (Краковскаго воеводства).

Правица (считая и группу кс. Близинскаго) имѣла раньше за собой половину Сейма. Теперь, послѣ раскола, она потеряла почти всѣх своих депутатов крестьян, а тѣм самым и притягательную силу для группы кс. Близинскаго (в настоящее время Скульскаго), начавшей оглядываться в сторону Витоса, на что послѣдній и рассчитывал. Витос смѣло вступает теперь в соглашеніе со Скульским. «Вызволенье», конечно, уходит от «Пяста», но с большими потерями: оно ввело 55 депутатов, а спасло еле 23. Витоса этот уход не смущает, ибо чистые оппозиціонеры «Вызволенья» являлись для него скорѣе бременем. Хуже было то, что в группѣ Скульскаго остались скрытые троянскіе кони народной демократіи, ведшіе ея политическую линію. Освободиться от них удалось только под конец Учредительнаго Сейма.

В результатѣ шахматных ходов Витоса «Пяст» получил в Сеймѣ безусловную главенствующую роль. С 30-ти депутатов группа выросла до 90, т. е. ей принадлежала четверть всѣх голосов Сейма; кромѣ того в ея распоряженіи было около 10 деп. Скульскаго; «Пяст» приобрѣдъ рѣшающее значеніе во всѣх вопросах, раздѣляющих правицу от лѣвицы. Таким образом партія, имѣвшая свою организацію лишь в Западной Галиціи, получает возможность распространенія и на Восточную Галицію, а также возможность подрывать вліяніе «крестьянских совѣтов» на Кресах и «народной рабочей партіи» на территории бывшей Пруссіи. У послѣдней она отбивает нѣсколько депутатов, так как все время продолжает вести чисто крестьянскую политику, которой «народная рабочая партія» по своей природѣ вести не могла: во главѣ крестьянскаго движенія в бывших прусских областях стояли не крестьяне, а сельскіе рабочіе, ремесленники, лавочники, учителя и др.

Партія «Пяста» по возможности старалась удлиннить существованіе Учредительнаго Сейма, но это не могло продолжаться безконечно. В результатѣ «Пяст» возвращается к своим избирателям, продѣлав значительную подготовительную политическую работу, но с ничтожными положительными итогами. В добавленіе нужно отмѣтить, что росту депутатскаго клуба не соответствовал темп роста организаціи. Держась воня побѣдителем, «Пяст» все-же чувствовал свое критическое положеніе. Правица готовилась к расправѣ со всей лѣвицей. Для нея крестьянскія партіи, как непосредственные претенденты на власть, были болѣе опасны, чѣм социалисты или національныя меньшинства. Вести совершенно самостоятельную линію в момент, когда, все рѣшают выборы, было для «Пяста» явно невозможным. Рѣшительная побѣда правицы не сулила ему ничего хорошаго, поэтому «Пяст» во время выборов становится опредѣленно на сторону лѣвицы. На сторонѣ социалистов и «Вызволенья» он борется за мандаты и их программой бьет правицу; словом начинает все сначала.

Однако, обстановка теперь была значительно сложнѣе. Предвидя это, «Пясту» слѣдовало, может быть, заключить на время выборов блок с «Вызволеньем», «народной рабочей партіей» и «крестьянскими совѣтами», но эта комбинація силой обстоятельств возвращала бы «Пяст» на родную галиційскую почву, которую ему удалось покинуть, выйдя на болѣе широкіе пути, и вернуться куда он опасался из-за отсутствія конкретных результатов работ в Сеймѣ. Оставалось только идти с лѣвицей, но самостоятельно.

Слѣдую примѣру «Пяста» в смыслѣ расширенія дѣятельности на всѣ области Польши, «Вызволенье» тоже перекинулось в Галицію, в бывшую прусскую область и на Кресы. Относительно бывшей прусской области слѣдует от-

мѣтитъ, что появленіе там во время выборов социалистов, «Пяста» и «Вызволенья» значительно ослабило «народную рабочую партію».

Окончательный результат этого рѣшительнаго выступленія «Пяста» (или вообще лѣвицы) противъ правицы характеризуется исчезновеніемъ центровыхъ групп. Кс. Близинскій и Скульскій даже сами провалились, проведя лишь нѣсколько депутатов, вошедшихъ затѣмъ въ правицу. Исчезли и «крестьянскіе совѣты», окончательно уничтоженные «Вызволеньемъ». Созданная на время выборов партія центральной интеллигенціи и ея соединеніе на Кресахъ с «Пястомъ» и др. не получили ни одного мандата. Правица вышла чрезвычайно окрѣпшей, ибо не приобрѣтя, правда, почти ничего на Кресахъ и в Галиціи, выиграла много на расколѣ лѣвицы в остальныхъ областяхъ. Она уже не экспериментировала с крестьянскими кандидатурами, выдвигая только своихъ, преданныхъ ей людей.

Социалисты и «Вызволенья» приобрѣли также много. Зато «Пястъ» вышелъ ослабленнымъ даже в Западной Галиціи, гдѣ получилъ лишь половину мандатовъ. Тяжело ему было конкурировать в б. Царствѣ Польскомъ в радикализмѣ с «Вызволеньемъ», которое легко использовало в избирательной кампаніи политическія колебанія «Пяста» в Учредительномъ Сеймѣ. В результатѣ многостойшей и страстной борьбы «Пястъ» получилъ во время выборовъ около 70 депутатскихъ мѣст, причемъ больше 20 в Восточной Галиціи, приобретенные в значительной мѣрѣ лишь благодаря воздержанію от выборовъ большинства русинъ. Цифра эта — в сравненіи с общимъ количествомъ депутатовъ 444 — очень мала, тѣмъ болѣе, что промежуточныхъ группъ в Сеймѣ не оказалось.

При этомъ національныя меньшинства получили около 90 мѣст, создавая такое положеніе, при которомъ ни правица, ни лѣвица (вмѣстѣ с «Пястомъ») не имѣли достаточной силы для созданія парламентскаго правительства. В такихъ условіяхъ «Пястъ» рѣшился на переговоры с правицей, несмотря на то, что еще не высохла печатная краска ихъ взаимныхъ избирательныхъ филиппикъ.

Официальные мотивы соглашенія — конечно — необходимость создать правительство, независимое отъ голосовъ національныхъ меньшинствъ, но сущность соглашенія для обѣихъ сторонъ была иной. Какъ правица, такъ и «Пястъ», уже не разъ боролись за власть, пользуясь иногда еврейскими голосами. Послѣ послѣднихъ же выборовъ, правица просто психологически не могла одна претендовать на власть, ибо для ея овладѣнія она поставила уже все на карту. Послѣ проигранной избирательной кампаніи она рѣшилась даже на переворотъ по образцу Муссолини. Но, когда ее постигла неудача на выборахъ, подвело избраніе президента, не достигло цѣли его убійство и уличныя выступленія, и, наконецъ, новое избраніе президента — словомъ, всѣ неудачи, явившіяся слѣдствіемъ рѣшительной позиціи «Пяста», поднимавшимъ такимъ образомъ свою цѣну — тогда все это заставило правицу склониться покорно передъ «Пястомъ», какъ единственнымъ подлиннымъ хозяиномъ страны, безъ согласія котораго ни одно правительство в Польшѣ возникнуть не можетъ.

Но не этихъ только моральныхъ успѣховъ для партіи и — что необходимо признать — для представляемыхъ ею крестьянскихъ массъ, добивался «Пястъ» и его вожди. Въѣдъ в настоящее время «Пястъ», какъ партія, потерялъ почти всю интеллигенцію (15 депутатовъ), всѣхъ из б. Царства Польскаго, из котораго осталось в «Пястѣ» лишь нѣсколько депутатовъ. Интеллигенція ушла за Домбскимъ и приблизилась къ «Вызволенью», такъ какъ не считала возможнымъ для себя участвовать в столь рискованной политикѣ. Немногочисленные ряды

«Пяста» уменьшились еще больше. Зато «Пяст» приобрѣлъ очень много не только для партіи, но и вообще для крестьянства и для крестьянскаго движенія.

Прежде всего «Пяст» снимал с крестьянскаго движенія обвиненія в антинаціональности, в чем обвиняла его «народова демократія». Теперь устами той же «народовой демократіи» крестьянское движеніе изображалось патриотичным, разумным и т. д. и в его лицѣ восхвалялся необходимый и желательный союзник. Въѣд и «народовой демократіи» нужно было оправдать свое соглашательство перед своими избирателями.

Таким образом «Пяст» подготовлялъ себѣ избирателей к слѣдующим выборам и вообще дезорганизовал протівника, ибо всѣ реакціонные элементы, могущіе имѣть значеніе лишь с помощью «народовой демократіи», теперь, потерявъ всякую оріентацію и косо глядя на настоящую линію поведенія своей партіи. Главное же — реальныя осязательныя приобрѣтенія в пользу крестьян. «Пяст», конечно, не продал себя дешево, наоборот, реально обезпечил себѣ соглашеніемъ соотвѣтствующее количество гектаров мелкой земельной собственности, парцелированной и колонизированной, затѣм обезпечил себѣ соотвѣтствующее отношеніе к этой землѣ в смыслѣ обложенія ея государственными и земскими податями.

Конечно, за это пришлось кое-что дать. Это были нѣкоторыя уступки в пользу крупных имѣній в отношеніи податей, и нѣкоторыя льготы в пользу промышленнаго капитала. Дорого обошлось это вознагражденіе финансовому положенію Польши и сразу же отразилось отрицательно на валютѣ. Но оно лишь посредственно обременяет крестьянство, которое поэтому может на него согласиться, лишь бы получило другія матеріальныя выгоды.

Для «народовой демократіи» главное вознагражденіе состояло в допущеніи ея к правительству и прежде всего в передачѣ ей руководства иностранными дѣлами, не представлявшими для «Пяста» большого интереса. «Пясту» представляется эта плата очень дешевой. На всякій случай, однако, Витос, обезпечивая своему правленію солидарную отвѣтственность «народовой демократіи», не пустил в правительство ни одного виднаго представителя «народовой демократіи». Дмовскій, Корфанти, Ст. Грабскій остались не при чем, а столпы помѣщиков в Сенатѣ — Тромочинскій и Стецкій — перешли к фрондѣ, в правительствѣ очутились только М. Сейда и Ст. Гломбинскій — силы безусловно второстепенныя.

Но Витос несомнѣнно рискнул многим, ибо имѣет против себя также недурных игроков. Если Витос считает заключенное с народной демократіей соглашеніе чѣм-то преходящим, только средством и орудіем, то точно также смотрит на это и народная демократія, предполагавшая этим братаньем с крестьянским движеніем достигнуть в будущем нераздѣльнаго господства. Контрагенты, впрочем, уже и сейчас стѣсняют друг друга, смотрят друг друга в руки и несомнѣнно получают от соглашенія меньше выгод, чѣм полагали. «Пяст», правда, находится в болѣе выгодном положеніи, имѣя возможность терроризовать правицу или разрывом, могущим опять повергнуть правицу в прежнее ничтожество, или, просто, лѣвицей.

Но отношенія «Пяста» к лѣвицѣ отнюдь не складываются для него благоприятно. Лѣвица несомнѣнно поддержит «Пяста» во всѣх его радикальных начинаніях, укрѣпляя таким образом его позицію в правительствѣ и перед избирателями, к которым только «Пяст» вернется с положительными результатами. Но лѣвица, конечно, использует «измѣну народу», совершенную Витосом в дѣлах расширенія и углубленія безкомпромисснаго крестьянскаго

движенія. Очевидно, это влечет за собою отягиваніе «Пяста» в сторону временныхъ союзниковъ, хотя у него и крѣпкіе нервы.

Игра несомнѣнно тяжелая, азартная, с трудно учитываемымъ исходомъ. Результаты ея зависятъ всецѣло отъ того, насколько «Пястъ» хорошо учелъ свои собственныя силы, силы своихъ союзниковъ и противниковъ, и затѣмъ насколько правительство Витоса окажется созидательнымъ в области реальныхъ пріобрѣтеній. Какъ бы тамъ ни было, ставка его является ставкой на жизнь или смерть своей партіи. В его оправданіе необходимо добавить, что другого выхода для него не было, ибо, если рискованнымъ представлялось одно рѣшеніе, то всякое иное въ условіяхъ внутренней польской дѣйствительности было бы по меньшей мѣрѣ опаснымъ, ибо угрожало тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ въ формѣ фашизма, или въ формѣ насильственнаго радикализма правительства. Всего этого удалось, по крайней мѣрѣ на время, избѣжать съ помощью маневра Витоса.

W.

ЭСТОНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ВЫБОРАХ В ПАРЛАМЕНТ.

Выборная компания во второе Государственное Собрание Эстонии закончена. Итоги подведены. Напрашиваются некоторые выводы.

Прежде всего, общий процент участвовавших в голосовании доходит до семидесяти пяти, причем число голосовавших в уездах, в среднем, дает тот же процент.

Из всего числа конкурировавших на выборах кандидатских списков следующие были чисто крестьянскими: 1) список Земледельческого Союза, другими словами, Маалитовцев, или, как их еще здесь называют, «сѣрых баронов», самый многочисленный по числу выставленных кандидатов; 2) список земледельцев-колонистов, арендаторов государственных земель и мелких землевладельцев; 3) список партии Крестьянского народа, или, иначе Крестьянской партии; 4) список мелких землевладельцев-сетов; 5) список особой группы печерских земледельцев; 6) список сетов и ингерманландцев, при составлении которого учитывался еще и национальный признак; 7) список эзельских мелких землевладельцев; 8) список Перновской группы Пельмана, и 9) список валкских землевладельцев.

Наиболее мощная из них — Земледельческий Союз — объединение крестьян, обладающих крупной собственностью, не только земельною. Многие из членов этого объединения обладают и промышленными предприятиями, и городской недвижимостью большой ценности. Многие являются акционерами торговых и промышленных обществ. Отсюда их кличка — «сѣрые бароны». Мощная, в местном масштабе, организация, играющая крупную роль в жизни страны. Выдѣлившая из своей среды ряд политических и общественных дѣятелей. Колыбель народившейся эстонской промышленной буржуазии. Правояфланговая фигура политического фронта, занимавшая и сейчас занимающая видные посты у кормила государственной власти. Защищает Земледельческий Союз интересы крупного землевладения и промышленной буржуазии. Нужды широких масс трудового крестьянства ему чужды и о сближении с ним Союз думает только во время выборной борьбы и то лишь для того, чтобы вѣрнее выступать на выборах. Так, в эту компанию, во многих списках Союза на первых мѣстах фигурировали скромные крестьянскія имена. Вторые и третьи мѣста были заняты лидерами Союза. Сейчас, когда кампания закончена, от депутатов-крестьян, прошедших по спискам Союза, поступают заявления о сложении депутатских полномочий. Упорно говорят, что эти заявления были отобраны еще тогда, когда составлялись кандидатскіе списки.

Крестьянская партия возникла нѣсколько мѣсяцев тому назад. Творцы ея

вышли из нѣдр Земледѣльческаго Союза. Это первый откол от «сѣрых баронов». Первая ласточка, говорящая, что в нѣдрах Союза не все благополучно. Показатель назрѣвшихъ противорѣчій между разными слоями крестьянства. Партия предполагает опираться на трудовые слои крестьянства.

Земледѣльцы-колонисты и арендаторы государственныхъ земель имѣютъ свою союзную организацію *).

Очередной конгрессъ Союза (конецъ февраля т. г.) постановилъ с самостоятельнымъ спискомъ на выборахъ не выступать. Однако, на мѣстахъ (Везендерскій, Перновскій и др. уѣзды) кандидатскіе списки были составлены и, какъ увидимъ ниже, не безъ успѣха.

Что же касается остальныхъ крестьянскихъ группировокъ, то большинство, а вѣрнѣе, всѣ онѣ возникли къ моменту выборовъ и на время выборовъ. Группировки чисто мѣстнаго характера, не претендующія на обще-государственное значеніе, пытавшіяся собрать голоса выборщиковъ только в извѣстныхъ районахъ, в противоположность Земледѣльческому Союзу и Крестьянской Партіи, собиравшимъ голоса единомышленниковъ по всей странѣ.

Образованіе этихъ группировокъ и ихъ попытки вліять на ходъ выборовъ в Государственное Собраніе характерны лишь какъ показатель того, что Земледѣльческій Союзъ не отвѣчаетъ запросамъ крестьянскихъ массъ и что крестьянство нащупываетъ новые пути къ созданію новыхъ же организацій и при томъ своихъ — крестьянскихъ.

Кромѣ крестьянскихъ списковъ большое число голосовъ деревни получили и другія партіи, в томъ числѣ и коммунисты, вліяніе которыхъ в странѣ, какъ показали выборы, безспорно увеличилось.

Депутатскія мѣста Государственнаго Собранія распредѣлились в результатѣ выборовъ слѣдующимъ образомъ:

Земледѣльческій Союзъ	23	раньше было	21
Соціал-демократы	15	„ „	18
Трудовики	12	„ „	22
Коммунисты	10	„ „	5
Народные демократы	8	„ „	10
Христіанскіе демократы	8	„ „	7
Независимые социалисты	5	„ „	11
Націонал - либералы	4	„ „	—
Русскіе	4	„ „	1
Колонисты и арендаторы	4	„ „	—
Нѣмцы	3	„ „	4
Домовладѣльцы	2	„ „	—
Квартиронаниматели	1	„ „	—
Демобилизованные солдаты	1	„ „	—

Остальныя группировки, выступавшія на выборахъ, в томъ числѣ и большинство крестьянскихъ политическихъ группировокъ, представительства в Государственномъ Собраніи не получили. Собранныя ими голоса пропали даромъ.

Нѣсколько словъ о поведеніи русскаго крестьянства на выборахъ.

Выборы в Учредительное Собраніе и в первое Государственное Собраніе русская деревня, грубо говоря, проспала. Представляя ее одинъ депутатъ, прове-

*) См. «Крестьянская Россія» № 1 — «Крестьянство в Эстоніи».

дейный, что называется, с грѣхом пополам. К моменту истекших выборов картина была иная: крестьяне Принаровья, Причудья и Печорскаго края проснулись. Надо сказать, что их в совокупности считается до 65-70 тысяч. Сон этот был нарушен, главным образом, сформировавшейся в началѣ текущего года партіей русскаго трудового крестьянства. Сыграло свою роль и четырехлѣтнее пребываніе на подожженіи національнаго меньшинства. Полученныя за это время явныя и тайныя зуботычины, тоже кое-чему научили.

Партія русскаго трудового крестьянства возникла в результатѣ декабрьскаго учительскаго съѣзда. Русскій учитель взялся быть проводникомъ взглядовъ партіи в толщу деревни. Он же будил ее во время выборов. Отсюда отнюдь не слѣдуетъ дѣлать вывода, что партія представляетъ сильную организацію. Далеко нѣтъ. Она переживаетъ сейчасъ организаціонный період, бѣдна работниками и средствами. Въ организаціи на мѣстахъ только еще строятся.

И при всемъ этомъ ея образованіе сказалось замѣтнымъ образомъ на всей выборной компаніи русскихъ в Эстоніи. Благодаря ея выступленію, былъ составленъ единый списокъ русскихъ кандидатовъ в Государственное Собраніе, в которомъ преобладали кандидаты мѣст, т. е. деревни. Партія послѣ долгихъ усилій развернула довольно сильную агитаціонную работу среди крестьянства. Эта работа оказалась недостаточной, чтобы призвать всѣ сто процентовъ избирателей к урнамъ, но, благодаря ей, к урнамъ вышли три четверти крестьян-избирателей. В итогѣ во второмъ Государственномъ Собраніи будетъ четыре русскихъ депутата вмѣсто одного. Отмѣчу, что всѣ четверо представители мѣст.

Былъ один, теперь четыре. Успѣхъ безспорный и яркій. Результатъ усилій проснувшейся русской деревни. Первые шаги партіи русскаго трудового крестьянства.

Общіе выводы об участіи крестьянства в выборахъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: сознательное отношеніе деревни к выборамъ безспорно; но организованность сильна только у правой, сравнительно малочисленной, части крестьянства. Крестьянинъ среднякъ и малоземельникъ организован слабо или вовсе политически не организован. Отсюда многочисленность крестьянскихъ кандидатскихъ списковъ. Отсюда ихъ провалъ на выборахъ. Отсюда ихъ неспособность бороться с «сѣрыми баронами». Отсюда отданные голоса другимъ политическимъ группировкамъ, слабо или вовсе не отражающимъ интересы крестьянства, какъ, напримѣр, націонал-либераламъ, народнымъ демократамъ, коммунистамъ и др.

Наряду с этимъ безспорен и другой вывод, — среди крестьянства, пусть не ярко, не достаточно осознанно, идетъ процессъ дифференціаціи и осознанія своихъ интересовъ. Намѣчаются будущія группировки. Вѣроятнѣе всего яркихъ будетъ двѣ: — крупный собственникъ и трудовое крестьянство. Ко второй, возможно, примкнетъ и безземельный крестьянинъ.

Однако, это только прогноз. Здѣсь возможны ошибки. Безспорно же пока одно — процессъ дифференціаціи.

Петръ Богдановъ.

Ревель.

К РЕЗУЛЬТАТАМ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Не существует, повидимому, серьезных разногласий в том, что революционными изменения аграрных отношений представляют собой нечто в достаточной мере прочное, с чем невозможно не считаться в будущем.

Но объективного материала о тех конкретных изменениях, которые произошли в земельном строе России, до сих пор еще крайне недостаточно. Материал этот еще не извлечен из отчетов землеустроительных органов, из протоколов волостных и сельских предельов. Он еще лежит в уездных статистических бюро в виде карточек пробной (выборочной) земельной переписи 1922 г. и его еще надлежит собрать при всеобщей и сплошной земельной переписи, если предположение о ней Центрального Статистического Управления когда-нибудь осуществится.

Тем важнее для нас то немногое, что уже имеется в печати. Из него с некоторой степенью следует пока один прочный вывод: процесс аграрной революции и результаты ее существенно разнятся по территории России и допускают обобщения лишь в ограниченных пределах.

Перед нами подробное исследование современного землеустройства в Задонском уезде Воронежской губернии*), достаточно типичном для густо населенной и малоземельной средне-черноземной полосы. Типичность в уезде земельного строя до революции позволяет распространять и характер аграрной революции в нем на обширный район Европейской России.

Приводя в дальнейшем главные результаты этого исследования, постараемся посылно дополнить их некоторыми параллельными сведениями о других районах.

Аграрное движение в Задонском уезде, как почти всюду, начинается весной 1917 г. Оно направляется не только против помещиков, но так же и против зажиточно-крестьянских, в частности хуторских, хозяйств.

Характерно, что выражается оно в захвате хлеба на корню и в зерно, живого и мертвого инвентаря, порубках леса и иногда разгром усадеб, но запашка частновладельческих земель устраняется установлением арендных цен волостными земельными комитетами. Эти последние, как общее правило, способствуют аграрному движению.

С весны следующего 1918 г. начинается т. наз. временное распределение земли. Порядок и принципы его устанавливаются для Задонского уезда вторым уездным крестьянским съездом. Принципом распределения провозглашается полная уравнительность, долженствующая проявиться в неукоснительном проведении единой для всего уезда нормы на человека (1 дес. 131 кв. с.), полученной путем деления площади уезда на число наличных душ. Это вызывает необходимость, прежде всего, произвести поровнение земель между волостями, которое и поручается уездотделом комиссиям из представителей заинтересованных волостей, с землемерами в качестве технических помощников. Однако, составленный проект перечисления излишков земельной площади в волости с недостатком ее, получает осуществление лишь в очень небольшой части (прироста земель двум волостям вместо 6-ти). С одной стороны, он наталкивается на желание населения многоземельных волостей использовать са-

*) Келлер и Романенко. Первые итоги аграрной реформы (опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии). Воронеж, 1922 г.

мому всю землю волости, с другой — на дальность расположения прирѣзаемых участков и неудобства их использования.

Распределение земель внутри волости между сельскими общинами производится комиссиями из уполномоченных этих общин и утверждается волостными сѣздами. В этот период самочинный захват отсутствует, но конфликты, доходящие в наибольшей степени до выставления пулеметов, улаженные внимательством уездного земельного отдела, зарегистрированы у 16% селений.

Между отдѣльными хозяйствами, внутри селений, земля распределяется сельской общиной, начинающей функционировать даже и там, где она давно замерла. Распределение происходит всюду «на фдока» (в согласии с «Временной Инструкцией») между тем как прежде этот принцип разверстки не применялся Задонской общиной.

С середины лета 1918 г. начинаются и заканчиваются к концу 1920 г. работы основного землеустройства по Положению 14 февр. 1919 г. ^{*)}, в которых ответственным землеустроителем становится землемѣр, совместно с земельными органами ведущий землеустроительную работу.

Основные задачи землеустройства формулированы так: 1) упорядочить происшедшее перераспределение земель, строго соблюдая требование закона о потребительно-трудовой уравнительности землепользования и внося территориально-правовую ясность в новую систему земельных отношений; 2) организовать территории отдѣльных землепользований в наиболее удобных формах ее расположения для хозяйственного использования, и 3) произвести выделение необходимых земельных площадей для организации государственного и общественно-коллективного хозяйства» (стр. 37).

Для всей Воронежской губернии, в интересах устранения неустойчивости границ землепользований, рѣшено было, не производя геодезических измѣрений, произвести возможно скорѣе распределение земель на основаніи данных прежних межеваний.

Техническая сила была ограничена — одновременно в работѣ участвовало 12 землемѣров (по числу волостей) в качестве технических исполнителей под руководством уездного руководителя. Кроме того, обстановка работы была повидимому далека от нормальной, по крайней мѣрѣ два землемѣра были убиты во время работ. К сожалѣнію, не сообщается при каких обстоятельствах произошло это убійство.

Конкретно работа землемѣров заключалась в слѣдующих дѣйствіях: 1) учетъ земель и населенія, проверкѣ норм и распѣнкѣ земель, 2) установлении уездных и волостных границ, 3) составлении проектов внутриволостного разверстанія между селеніями.

Учет был произведен, как уже указано, весьма приближенно, путем сличенія имѣющагося планового матеріала и составленія дополнительных схематических чертежей с натуры. Новые волостные границы были проведены, исходя из общаго поуездного плана распределения волостных излишков и недостатков, в результатѣ котораго было перечислено из одной волости в другую 10 земельных единиц общей площадью в 2318 десятин. Кроме этого четыре селенія, для устранения чрезполосицы, были отчислены в сосѣдніе уѣзды.

Что касается проектов внутриволостного распределения, то исполненіе их в натурѣ для 98% отводов сопровождалось постановкой межевых знаков, как для вновь проложенных, так и для возобновленных границ. При предъявленіи отводов населенію требовалось немедленное указаніе границ в натурѣ. Земле-

^{*)} Этот законодательный акт носит названіе «Положеніе о социалистическом землеустройствѣ и о мѣрах перехода к социалистическому земледѣлію». Он мыслит землеустройство, как «совокупность мѣропріятій технического характера, направленных к постепенному обществу единичнаго землепользованія» (ст. 4), посвящен в своей преобладающей части различным видам сельско-хозяйственных коллективов и лишь очень немногими своими пунктами касается также и землеустройства хозяйства крестьянскаго типа. Но эти то немногіе пункты только и приобрѣли жизненное значеніе. «Инструкция» к «Положенію» уже явно переносит центр тяжести на землеустройство сельскаго населенія.

устройство считалось законченным рассмотрением и утверждением проекта уездным земельным отделом.

С этого момента, совпавшего для большинства селений с осенью 1920 и весной 1921 г., сельская община производила новое распределение земли между хозяйствами на более или менее длительный срок. Пахотная земля передвигалась, в большинстве случаев, по клинью перед началом их обработки. Луга подвергались ежегодным передёлам. Техника передёлов оставалась такой же, как и до революции.

Воронежская губерния, является второй губернией *) (первая — Нижегородская) по продвижению в ней землеустроительных работ по Положению 14 февраля 1919 г., а Задонский уезд первым, в котором землеустройство считается законченным — стадия, на которую не поднялась еще вся остальная (за ничтожными исключениями) территория России.

По отношению к землеустройству, положение большинства губерний Европейской России таково, что в них среди площади, распределенной в порядке «временного» надёления, вкраплены отдельные волости с законченным (в основном смысле Положения 14 февраля 1919 г.) землеустройством.

В таком же исключительно важном, в производственном отношении, районе, как Украина, дело обстоит еще хуже. Официальный отчет Н. К. З. Украины за 1921 г. сообщает **): «В 1920 г. советская власть пришла на Украину в середине зимы, а в некоторых местах незадолго до весеннего посева, и это обстоятельство коренным образом повлияло на землеустройство по распределению нетрудовых земель. Не имея планового статистического материала, а также ввиду ограниченности технических средств, земорганы вынуждены были нетрудовые земли под весенний посев распределять без участия землеметров, поручив произвести это распределение самому населению через волостные земельные органы и комиссии. Во многих же местах распределение земель произошло стихийно — оно произведено самим населением помимо земорганов». Тот же отчет сообщает, что большей частью уравнительности в распределении проведено не было; землю получили те, кто мог ее обрабатывать. Но в некоторых малоземельных губерниях, как Подольская и Киевская, возникло, и кое-где успело реально осуществиться, «чернопередельческое» движение среди крестьянства, подвергавшее раздѣлу всё без исключения земли волости. Земельные органы вели с ним упорную борьбу. Характеристика технических результатов распределения, в том же отчете, определенная: «В виду того, что правильного распределения нетрудовых земель не производилось, и на передаваемые земли не составлялось ни чертежей, ни вѣдомостей, а также вследствие того, что волостные земельные комиссии и волостотдѣлы записи на розданные ими земли не вели — волостотдѣлы иногда один и тот же участок земли передавали нескольким хозяевам. Вследствие этого в деревнѣ создавалось такое положение, когда никто не знал, какия земли кому поступили и в каком размѣрѣ, многие же хозяева не знали, каким количеством земли они пользуются».

Основное землеустройство предстоит еще Украинѣ. Но ввиду явной хозяйственной необходимости внести устойчивость в аграрныя отношения, Всеукраинский земельный съезд 1922 г. постановил измѣнить характер землеустройства «в том смыслѣ, чтобы оно преслѣдовало исключительно хозяйственно-производительныя задачи, создавая для населенія наиболѣе удобныя и технически-совершенныя формы землепользования в натурѣ».

Для характеристики того, насколько сильно встряхнули революционные процессы земельный строй, остановимся на категориях земель, захваченных передёлами. Конечно, т. наз. нетрудовой фонд, как объект распределения с самого начала сосредоточил на себѣ наибольшее внимание крестьянства. Но даже по отношению к нему в Задонском уездѣ принцип «общенароднаго достоянія» наталкивался при временном распределении на другіе, ограничи-

*) Бераин. Итоги землеустроительной и переселенческой кампаніи 1920 г. („Сельское и Лѣсное хозяйство“ 1921 г. № 1—2—3).

**) Цитируем здѣсь и в дальнѣйшем по книгѣ В. Качинскаго „Очерки аграрной революціи на Украинѣ“, вып. 1. На этой же книгѣ основаны и всѣ, приводимыя ниже, свѣдѣнія об Украинѣ.

вавшие его дѣйствіе, принципы: «земля нашего барина», «испокон вѣку нами обрабатывалась», правда лишь в видѣ исключенія. Лично-купчая и купчая товарищеская земля в этот період поступала, повидимому, в разверстку на общих основаніях, но относительно надѣльной имѣется постановленіе одной волостной распредѣлительной коммисіи, котораго держалось большинство волостей. Приводим его формулировку: «надѣльные земли каждаго селенія не должны подлежать дробленію, а в каком селеніи оказался недостаток, нужно добавить из частновладѣльческих, церковных и монастырских земель района».

Основное землеустройство рассматривало всю территорію, как «единый надѣльный фонд» и подвергало перераспредѣленію между селеніями так же и надѣльные земли. Историческія же связи населенія с опредѣленными участками сохранялись лишь постольку, поскольку они представляли собой равный из возможных выходов. «На нѣкоторый момент почти вся земельная территорія превращается как бы в расплавленную массу, в каком видѣ она переливается из одних границ в другія», характеризует процесс перераспредѣленія П. Н. Першин. Такому передвиженію за время землеустройства подверглось 38% всей площади уѣзда и 48% площади крестьянскаго землепользованія, при этом отошло к другим обществам 74% купчих крестьянских земель и лишь 14% надѣльных. Отрѣзка надѣльных земель была произведена у 60% всѣх селеній.

В общем у 12% всѣх селеній произведены были только отрѣзки земель, к 23% только прирѣзки и у 65% одновременно то и другое, так что ни одно селеніе не сохранило своего земельного владѣнія в прежнем видѣ. При этом в большинствѣ случаев произошло измѣненіе состава и конфигураціи площади землепользованія.

К сожалѣнію, сколько-нибудь сравнимых данных о революціонной мобилизаціи территорій в других районах у нас не имѣется.

На Украинѣ, в особенности в малоземельных губерніях, как Подольская, нетрудовые земли попали большей частью тѣм поселеніям, в предѣлах дач которых находились («наш, лан був, то й наша земля»). Купчія земли, повидимому, перераспредѣлялись лишь внутри селенія, и надѣльные тоже не отрѣзывались чужим селам. Так что здѣсь мобилизація была минимальной. Там, гдѣ проходит или прошло основное землеустройство, она неизбежно должна быть значительнѣе.

Обратимся теперь к самым результатам произведеннаго перераспредѣленія. Прежде всего возникает вопрос о категоріях населенія, подлежащих надѣленію. В Задонском уѣздѣ при временном распредѣленіи земли 1918 г., надѣлялось наличное сельско-хозяйственное населеніе, причем довольно непосредственно было отношеніе к хозяйствам, не входившим в состав сельской общины. При основном землеустройствѣ, подлежащее надѣленію населеніе было распредѣлено на двѣ очередных группы. В первую входили: лица, живущія в данной мѣстности и постоянно занимающіяся земледѣліем, пришлые, ведущіе трудовое хозяйство на купчей или арендованной землѣ и сельско-хозяйственные рабочіе. Во вторую всѣ прочіе, желающіе получить землю.

Различіе в правѣ на землю первой и второй категоріи заключалось в том, что лишь заявленія послѣдней рассматривались по существу и утверждались или отклонялись волземотдѣлом, который считался в своем рѣшеніи с мотивами и степенью нуждаемости заявителя, тогда как заявленія первой подлежали только фактической проверкѣ.

В дѣйствительности отклоненія и уменьшенія числа заявленных душ второй категоріи бывали только в малоземельных волостях. Однако, вторая группа составила лишь 1,2% всего надѣляемаго населенія, а абсолютно по уѣзду 2044 души. Основную массу ея представляли одиночныя хозяйства, разбросанныя по территоріи, а кромѣ них вошли цѣлыми гнѣздами безземельные кустари, бывшіе шахтеры и рабочіе сосѣдняго сахарнаго завода.

Увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія было главной цѣлью аграрной революціи. В Задонском уѣздѣ крестьянскія земли до революціи

составляли 72% всей площади*), после землеустройства они расширились до 85%. В руках государства оказалось 15% территории уезда: в т. ч. 10% составляли национализированные лѣса и только 5% сельско-хозяйственные земли совхозов. Несмотря на то, что крестьянское землевладѣние охватило почти всѣ площади сельско-хозяйственного пользованія, оно увеличилось лишь на 17%, что составляло на дѣла увеличеніе с 1 дес. до 1,17 дес. Фактически же крестьянское землепользование, если принять во вниманіе ранѣе арендовавшіяся крестьянами земли, возросло только на 8,5% — т. е. совсем незначительно.

Радикальная мобилизація земельных площадей вызывалась не расширеніем, а главным образом, осуществленіем уравнительности землепользованія и рациональной организаціи территоріи. При временном распредѣленіи попытка осуществленія уравнительности в уѣздном масштабѣ, как указано выше, потерпѣла крушеніе. На волостных нормах остановилось и основное землеустройство. Нормы эти находились статистико-эмпирическим путем**) и провѣрялись дѣленіем общей суммы десятин землепользованія по волости на количество сельско-хозяйственного населенія. В конечном итогѣ, по нѣкоторым волостям, вычисленные таким образом нормы пришлось измѣнить в зависимости от наличных земельных запасов, но в большинствѣ случаев окончательно устанавливалась норма, очень близкая к вычисленной статистически.

Различія норм по волостям были довольно значительны — от 0,9 дес. на дѣла до 1,2 дес. в относительно многоземельных волостях. Примѣнялись онѣ, как средство для расчета земельных отводов сельским общинам, отдѣльным же хозяйствам получали надѣлы, размѣр и качество которых опредѣлялось самой общиной. Примѣнявшаяся расцѣпка земель, сама по себѣ, измѣняла конкретное выраженіе нормы, а разнообразіе принципов этой расцѣпки по волостям дѣлало норму еще болѣе пестрой. В итогѣ по всему уѣзду, отводы 42% селеній отклонялись от своих волостных норм, из них 18% в сторону пониженія и 23% в сторону повышенія. При этом поселенныя душевыя площади колебались в широких предѣлах: максимальная почти в три раза превышала минимальную (0,69 дес. — 1,77 дес.). Распредѣленіе селеній по размѣрам душевых норм оказалось слѣдующим:

	до 0,8 дес.	0,81—1,0	1,01—1,2	1,21—1,4	болѣе 1,4
Абсолютное ч. селеній	2	54	84	34	5
% к общему числу	1,1	30,3	46,9	18,9	2,8

Если уравниеніе отдѣльных селеній было достигнуто очень приблизительно, то в предѣлах каждаго из них, земельная община осуществляла его со всей строгостью. На каждую «живую душу» отпускалась равная с другими доли. Уравнивались и усадьбы, но не в натурѣ, а с зачетом излишков и недостатков в полевой землѣ. Усадебная норма болѣею частью устанавливалась тоже на дѣла, рѣже на хозяйство.

Таким образом, если и нельзя говорить об арифметически точном поравненіи, то все же несомнѣнно, что революціонное землеустройство в Задонском уѣздѣ рѣшительно сгладило дифференцированность крестьянскаго землевладѣнія, образующуюся, как в результатѣ различнаго надѣленія разных разрядов крестьянства при ликвидаціи крѣпостного права, так и в результатѣ покупки наиболѣе сильными группами его частновладѣльческих земель. Безземельные домохозяева, составлявшіе в 1917 г. 2,5% (636 дворов), почти совершенно исчезли, остались 7 дв., не занимавшихся земледѣіем. «Крестьян-

*) По данным 1905 г. земли Задонскаго уѣзда распредѣлялись слѣдующим образом по категориям владѣльцев:

	Десятин	Проценты
Государства, церкви и учреждений	11.117	5,0
Частныя владенія (не крестьянскія)	54.058	24,0
Крестьянскія надѣльныя	148.266	65,8
" купчая	11.842	5,2
Итого	225.343	100,0

**) По матеріалам сельско-хозяйственной переписи 1917 г. по каждой волости отбирались карточки хозяйства чистаго потребительско-трудового типа (полностью использующих в сельском хозяйствѣ свои рабочія силы и обходящихся без наемнаго труда) и по ним опредѣлялось среднее землевладѣніе.

ское землепользование трудового типа в предѣлах, достаточно близких к установленной нормѣ, стало единственной основой аграрнаго строя», так формулирует результат уравнительности П. Н. Першин.

Существенно иные результаты, в этом отношеніи, получились на Украинѣ. Относительная распространенность и крупные размѣры помѣщичьих владѣній могли дать основаніе ожидать там значительнаго увеличенія крестьянскаго землепользованія за счет раздѣла нетрудового фонда. Фонд этот дѣйствительно был значителен. Помѣщичій посѣвъ составлял в % ко всей посѣвной площади в 1916 г.: в Подольской губ. — 32%; в Киевской — 28; в Херсонской — 20; в Полтавской — 19; в Волынской — 19; в Харьковской — 17; в Екатеринославской — 14 и в Черниговской — 7 (стр. 59). Но и число претендентов на землю, в связи с промышленным и продовольственным кризисом в городах, значительно увеличилось. Прирост хозяйств с 1917 по 1920 г., по шести уѣздам Полтавской губ., оказался свыше 13%. Явленіе это, общее болѣе или менѣе для всей Россіи (в Задонском у. оно, повидимому, не наблюдалось), неизбежно должно было отразиться на размѣрах прирѣзок на 1 хозяйство. Фактически населенію поступило 83,5% площади нетрудовых земель, ок. 10% отведено учреждениям и ок. 6,5% в государственный фонд. Для районов малоземельных, как Подольская и Киевская губ., ликвидація помѣщичьяго землевладѣнія не могла разрѣшить удовлетворительно вопросов земельной обезпеченности, но для крестьянства остальной Украины она не могла все же не стать фактом крупнаго хозяйственнаго значенія.

К принципу уравнительности с самаго начала наблюдалось двойное отношеніе населенія. В областях высокой земельной обезпеченности с распространѣніем частнаго землевладѣнія, крестьянство стремилось распредѣлять земли, считаясь главным образом с возможностью их обработки, таким образом, исключая из участія в раздѣлѣ низшія по обезпеченности группы. В районах малоземельных, наоборот, неоднократно переходили к черному передѣлу всѣх земель и сельско-хозяйственнаго имущества. Таковы были двѣ стійких тенденціи. Земельные органы держались средней позиціи. Не имѣя возможности отбросить вовсе принципы уравнительности, они сознавали и разрушительность чернопредѣльческаго движенія, а потому проводя поравненіе крупно-крестьянских хозяйств, создали для них защитную категорію «норм отчужденія» — т. е. норм оставляемой земли при отчужденіи излишков. Декретированная уравнительность перераспредѣленія земли требовала выработки норм надѣленія, которыя были найдены тѣм же статистико-эмпирическим методом, как и в Задонском уѣздѣ, только на Украинѣ онѣ устанавливались не для волостей, а для цѣлых уѣздов.

Способ исчисленія норм отчужденія, которыя примѣнялись для сохраненія земли за уравниваемыми крупно-крестьянскими хозяйствами, к сожалѣнію, неизвѣстен. Эти нормы были вычислены на хозяйство, но и при разницѣ масштабов ясно, что онѣ значительно превосходили нормы надѣленія. Колебанія тѣх и других были таковы:

	Нормы отчужд. на 1 х. десят.	Нормы надѣл. на 1 ѣд. дес.
Волынская	6—8	0,8 —2
Донецкая	6—45	1,5 —3
Екатеринославская	16	1,5 —1,85
Запорожская	21	2,15
Киевская	1—3,25	0,5 —1,16
Подольская	3—7	1
Полтавская	8—15	0,5 —1,5
Харьковская	4—12	0,8 —2,15

Повидимому, однако, выработанныя украинскими земельными органами нормы имѣли малое практическое примѣненіе, — в жизни уравнительность оказалась проведенной в еще меньшей степени.

Прежде всего, слой беспосѣвных нигдѣ не исчез, но, правдѣ, всюду оказалась сръзанной верхняя по зажиточности группа. Иллюстраціей могут служить, напр., слѣдующія данныя по Екатеринославской губерніи:

Процентное распределение хозяйств по колич. посѣва

	без пос.	до 1 дес.	1—3 дес.	3—6 д.	6—9 д.	9—15 дес.	15—25 д.	болѣе 25 дес.
1917	17,38	6,78	15,66	17,82	13,65	13,21	7,96	7,56
1920	8,83	5,35	22,75	33,62	16,68	10,08	2,36	0,33

Здѣсь уравнительность оказывается проведенной менѣ радикально, чѣм в Задонском уѣздѣ. Такая же примѣрно картина наблюдалась и по другим губерніям Европейской Россіи послѣ временнаго распределения*).

Чрезвычайно существенно выяснить результаты революціоннаго перераспределения земель и в области организации сельско-хозяйственной территоріи. Временное распределение земель 1918 г., с его доминирующим стремленіем увеличить площадь крестьянскаго землепользованія и количественно уравнивать ее между отдѣльными группами, произведенное к тому же почти без технических сил, повсемѣстно оказало отрицательное вліяніе на рациональность организации территоріи.

В Задонском уѣздѣ проведение полной уравнительности в этот період особенно оказалось на увеличеніи межселенной чрезполосицы и дальнотемелья. Существовавшая пестрота и чрезполосица крестьянских владѣній была лишь увеличена прибавленіем к ним новых участков нетрудового фонда при неприкосновенности старых надѣльных земель. Уравнительность же в правосознаніи населенія требовала, чтобы «при возможности отвести одному селенію дополнительный участок на близком разстояніи, отводилась болѣе удаленная, но одинаково с сосѣдними селеніями площадь: «чтобы всѣм было одинаково плохо» (стр. 35).

Одной из задач основнаго землеустройства являлась организациа территоріи в наиболѣе удобных формах. Для уничтоженія межселенной чрезполосицы и для отвода каждому селенію всей земли, по возможности, в одном мѣстѣ, было предпринято то радикальное передвиженіе границ, на которое указывалось выше. Однако, отвести землю в одном участкѣ каждому из сельских обществ не удалось; в таком видѣ ее получило все же 90,5% всѣх селеній; 9% получило по два участка и одно селеніе три. Это было значительным техническим улучшеніем по сравненію с расположеніем крестьянских земель, существовавшим до революціи, не говоря уж о создавшемся послѣ временнаго распределения.

Сокращеніе межселенной чрезполосицы не могло не повліять, конечно, и на уменьшеніе чрезполосицы внутриобщинной. У 41,5% селеній она дѣйствительно сократилась, но на ряду с этим у 23,5% увеличилась, главным образом, за счет увеличившихся землепользованіе прирѣзок. Болѣе подробно результаты землеустройства в этой области видны из слѣдующих цифр:

Процентное распределение селеній по числу полос в каждом полѣ на 1 двор.

	1 п.	2—3,	4—5,	6—8,	9—10	болѣе	10 п.
До революціи . .	1,9	19,8	36,9	35,3	4,9	1,2	
Послѣ землеустр.	—	34,8	39,3	19,1	6,8	—	

Улучшеніе положенія послѣ землеустройства — несомнѣнно.

Наибольшее число полос сохраняется в многодворных селеніях, им болѣе частью и поселенные отводы давались в двух участках, и у них же, естественно, оказывается и максимальное дальнотемелье.

В смыслѣ приближенія пашни к усадьбѣ землеустройство внесло незначительное улучшеніе.

Процентное распределение селеній по разстоянію до наиболѣе удаленной части пашни.

	менѣе 1 в.	1,1—3 в.	1—5 в.	5,1—8 в.	1—10 в.	болѣе 10 в.
До революціи . .	16,8	35,6	21,7	9,8	9,1	7,0
Послѣ землеупотр.	11,6	38,4	26,7	12,2	5,2	6,9

*) В сборникѣ «О землѣ» вып. 1 в статьѣ Б. Книповича приводится слѣдующая таблица:

Процент к общему ч. всѣх хозяйств			
без посѣва.		с посѣвом.	
	до 4 д.	4—8 д.	болѣе 8 д.
1916	11,4	59,1	21,6
1919	6,5	74,0	16,4
			7,9
			3,1

Радикальное и положительное изменение в этой области могло бы внести лишь расселение многодворных сел, но задач расселения землеустройство Запавского уезда себѣ не ставило (в противоположность сосѣднему Бобровскому уезду, гдѣ таковое производится в значительных размѣрах). Препятствием, наиболее трудно устранимым, служит отсутствие водоснабжения. По всему уезду для 33% селеній необходимо расселение, возможно же оно без гидротехнических работ лишь для 18,5%, из которых в 13,5% селеній и само население желает переселиться. В этом направлении землеустройство должно было бы продолжаться, как о том ходатайствует население.

Как мы уже указывали выше, в районах, гдѣ распределение земель оставалось на «временном распределении», организация сельско-хозяйственной территории обыкновенно только ухудшалась. К таким районам относятся, как мы видѣли, и всѣ губерніи Украины. В цитированном уже отчетѣ о землеустройствѣ Украины по этому поводу находим такіа строки: «Таким образом всѣ эти отрѣзки и прирѣзки земли, в результатѣ создали такую огромную череположность, что не рѣдкостью является хозяйство с 40 полосками земель, а 20 полосок имѣет обыкновенное хозяйство».

С вопросом об организации территории при революціонном перераспределении земли связан вопрос и о судьбѣ участкового землепользования в період революціи, привлекающей к себѣ в послѣднее время все большее вниманіе, в связи с нѣкоторыми намѣчающимися теченіями в русском крестьянском хозяйствѣ.

Участковое землеустройство за десятилѣтіе своего существованія до революціи, успѣвает захватить ок. 10% крестьянских хозяйств в Европейской Россіи *). По характеру и значенію его, опредѣленно намѣчаются два района его распространения, оба с значительным развитіем рыночности сельскаго хозяйства. Но в то время, как в Сѣверо-Западном районѣ интенсивнаго полеводства и животноводства рост рыночно-мѣновых отношеній вызывает организационно-производственное приспособленіе хозяйства к требованіям рынка, в Юго-Восточном экстенсивно зерновом и скотоводческом — только дифференціацію крестьянских хозяйств. Отсюда различіе по цѣлому ряду признаков участковаго землепользования. Сѣверо-Запад характеризуется развѣтланіем цѣлых селеній, тогда как по мѣрѣ продвиженія на Юго-Восток все большая часть участков получается частичным выдѣлом земель и сопровождается большим распространением принудительных мѣр организации участка. Результаты участковаго землепользования в смыслѣ улучшенія хозяйственных условий, борьбы с череполосидцей, приближенія пашни к усадьбѣ и созданія хуторов, в Сѣверо-Западном районѣ сказались гораздо значительнѣе. Особенно существенно для сравненія обоих районов вліяніе его на сѣвооборот и животноводство: на Сѣверо-Западѣ участковое хозяйство ведет к ломкѣ трехполья и переходу к многопольным сѣвооборотам, на Юго-Востокѣ обнаруживает отклоненіе в сторону экстенсивно-хищническаго использования территории; наличие рабочаго и молочнаго скота в первом районѣ возрастает, во втором сильно падает.

Судьба участковаго землепользования в період революціи уже довольно опредѣленно различается по районам.

Стихийное аграрное движеніе 1917 г. и временное перераспределение земель с их уравнительными тенденціями, в большинствѣ губерній направлялись и против хуторян и отрубников, как привилегированных групп крестьянства. Наиболее рѣшительно ликвидировалось участковое землепользование в Поволжских губерніях, нѣкоторых центрально-черноземных и южных, т. е. в области экстенсивно-зерноваго хозяйства и принудительных выдѣлов. Здѣсь распространен был общій передѣл всѣх участков и водвореніе хуторян на прежнее мѣстожительство в поселеніи.

В рядѣ губерній промежуточных между двумя характеризованными районами: Нижегородской, Владимирской, Тульской, хутора иногда сохранялись, в противоположность отрубам, а еще дальше на сѣвер и сѣверо-запад предписывалось и приводилось их обязательное сохраненіе с отрѣзаніем, в случаѣ надобности, излишков с края участка. В Вологодской, Новгородской, Ко-

*) Даннны о характерѣ и судьбѣ участковаго землепользования по всей Европейской Россіи основаны на книгѣ П. Н. Першина «Участковое землепользование в Россіи», Москва 1922.

стромской, Смоленской губерниях населением был поднят вопрос об образовании новых хуторских участков и кое-гдѣ разрѣшен в положительном смыслѣ.

По окончаніи временнаго распределенія, стремленіе населенія к участковому землепользованию усилилось. Оно выявилось, по данным П. Н. Першина, в 20 губ., тяготеющих к сѣверо-западному району, и подчас с большой интенсивностью. Для Смоленской губ., напр., официальный отчет констатирует: «Во многих мѣстах губерніи с неимоверной быстротой производится самовольное разверстаніе земли на хутора и с такой же быстротой приступается к новому пользованію этими участками и возведенію построек». При этом движеніе к участковому землепользованию происходит стихійно и вопреки стремленіям земельных органов, нерѣдко принимая защитную форму покровительствуемых коммуны или артели. Используя обиходный матеріал, относящийся к періоду революціи до землеустройства, П. Н. Першин считал, что в черноземной полосѣ участковая система совершенно сметена революціей. Тѣм любопытнѣе прослѣдить на детальных данных Задонскаго уѣзда, какія измѣненія претерпѣвало участковое землепользованіе за все время и в каких формах оказалось закрѣпленным основным землеустройством.

В період временнаго распределенія большинство, но не всѣ мелкіе владѣльцы участков были принудительно включены в общину и получили землю на равных с остальными хозяйствами основаніях, чрезполосно. Участки же их вошли в общій раздѣл. Жить они продолжали в своих усадьбах. Меньшинство мелких владѣльцев (ок. 30%) остались на своих, урвненных по нормѣ, участках, с правом опредѣлитель порядка своего землепользованія по своему усмотрѣнію.

При основном землеустройствѣ, мелкіе владѣльцы, во многих случаях, были выдѣлены из поглотивших их общин и, совместно с сохранившими свою самостоятельность, надѣлены особыми отводами. Отводы были сдѣланы в 10 случаях на 1 хоз., в 13-ти на группу в 2—5 хоз. Благодаря небольшим площадям, организація территоріи этих землепользованій оказалась рациональнѣе, чѣм общин: так каждое из них находится в одном участкѣ, у трех четвертей усадьбы расположены в центрѣ, максимальная отдаленность пашни 1- перста. Группы хозяйств, надѣленных одним участком, разверстали между собой землю аналогично сельским общинам, нѣкоторыя из них подѣлили ее не чрезполосно, а отрубам. Половина назначила слѣдующій передѣл через 9 лѣтъ, а другая половина рѣшила перейти к подворно-наслѣдственному пользованію полученными площадями.

При общинном передѣлѣ земли, произведенном по совершеніи землеустройства, нѣкоторыя общины самостоятельно выдѣлили участки, поглощенным ими бывшим мелким собственникам.

В числѣ немногочисленных (8) по Задонскому уѣзду коллективных хозяйств, обстѣдованіем было отмѣчено одно, состоящее из 9 семей с 25 работниками и 51, ѣдоком, являющееся формой временнаго приспособленія к обстоятельствам хозяйств тѣх же мелких собственников, принявших вид сельскохозяйственной артели. Вот его характеристика: «Эта артель, объединенная родственными узами, в сущности говоря, представляет собой организацію мало чѣм отличающуюся от других объединеній бывших мелких владѣльцев, получивших землю в одном отводѣ. Нѣкоторыя выгоды, связанные с коллективной формой пользованія, побудили крестьян этого хутора зарегистрировать артелью».

По опросу, произведенному еще до об'явленія «свободы выбора форм землепользованія», в 14,5% всѣх селеній отдѣльные хозяева выражали желаніе выйти на отрубъ.

Таким образом даже и в черноземном уѣздѣ, тяготеющем к южному району, гдѣ участковое землепользованіе не сказалось на рационализациі хозяйства, известная часть участковых хозяйств сохранилась и возродилась послѣ основного землеустройства, а из массы общинников уже слышались отдѣльные голоса в пользу отрубов и хуторов.

В Украинских губерніях, являющихся типичным районом распространенія участковаго землепользованія при экстенсивно-зерновом хозяйствѣ, движеніе против мелких собственников, выдѣленных по Столыпинскому законодательству, принимало большіе размѣры. Значительная часть таких хозяйств в період революціи была ликвидирована, другая часть, повидимому, осталась. Пока, т. е. послѣ временнаго распределенія, по свидѣтельству В. Ка-

чинского, «В чистом видѣ реставрація хуторов и отрубов к 1922 г. еще не получила сколько нибудь значительных размѣров и наблюдается лишь в отдельных случаях» (стр. 56).

Не безинтересно взглянуть в каком видѣ и с какими функциями сохранились в процессѣ аграрной революціи крупныя хозяйства. Матеріал о коммунах не дает возможности вскрыть их настоящее лицо. Остановимся вкратчѣ лишь на государственных хозяйствах.

В Задонском уѣздѣ совхозам были отведены лишь тѣ площади, которые оказались в остаткѣ послѣ надлежащаго надѣленія населенія. Всего по уѣзду образовано 53 совхоза садово-огороднаго типа, с площадью, в среднем, нѣсколько меньше 10 десятин на одно хозяйство, состоящих из усадьбы с прилегающим к ней садом и огородом, и только 7 совхозов полеводственного типа. Из послѣдних четыре расположены всецѣло на землях бывших частновладельческих, три же на разных земельных остатках.

Организация территорій совхозов мало удовлетворительна.

Полевое хозяйство их, за одним исключеніем, стоит на низком уровнѣ. Поля обрабатываются крестьянами ближайших поселеній исподу и часто в порядкѣ новинности, а в связи с этим и отношеніе населенія к совѣтским хозяйствам опредѣленно отрицательное переходящее в озлобленіе. Исключеніем является лишь один совхоз в бывшем имѣніи Шидловскаго, в котором практикуются различныя виды агрикультурной помощи населенію: снабженіе сѣменным матеріалом, доставленіе пользованія племенными производителями и т. п.

Нѣсколько иной характер имѣют совѣтскія хозяйства Украины; их стремились сохранить главным образом в качествѣ образцовых специализированных хозяйств. Отчет Н. К. З. Украины за 1920 г. дает о них слѣдующія свѣдѣнія: «В 1919 г. на Украинѣ было 1685 совхозов с площадью земли в 1.009.400 десятин. В 1920 г. имѣлось 571 совхоз. с площадью земли в 375.667 десятин. Из этих совхозов 114 — садоводственных, 12 — виноградных хозяйств, 8 — огороднических, 30 — огородно-садоводческих, 16 — сѣменоводческих, 17 — коннозавсѣдств и конно-дѣлѣ, 4 — племенного свиноводства, овцеводства и птицеводства, 25 — молочных ферм. Остальные 294 совхоза ведут смѣшанное хозяйство». К 1 ноября 1921 г. оказалось уже 683 совхоза с площадью 278.399 десятин.

Данные эти говорят, прежде всего, о большой неустойчивости и текучести состава совѣтских хозяйств, численно то падающих, то возрастающих. Существенно однако, что площадь их падает неизмѣнно. Характерным признаком является и их относительно-большая специализація. О состояніи хозяйства и о вліяніи на окружающую хозяйственную среду к сожалѣнію нѣтъ данных.

Особую важность представляет землеустройство одной категоріи государственных хозяйств — земель сахарных заводов.

В Задонском у. націонализировались земли для двух сахарных заводов Боринскаго и Хмелинецкаго, расположенных в Елецком у. Орловской губ. Выбор земель под свеклу в Задонском уѣздѣ и наставлявшаго на націонализацію этих земель, столкнулось с малоземельем крестьян в волостях расположенія земель. Послѣ продолжительных препирательств правленія завода с землеустроительными органами, заводу пришлось согласиться на меньшую площадь на болѣе далеком разстояніи.

На Украинѣ, гдѣ собственныя земли сахарных заводов составляли в 1917 г. 766½ тысяч десятин, и арендованныя 453 т. десятин, фонд земель для сахарной промышленности был опредѣлен в 1921 г. в 400 тыс. десятин. Фонд этот до сих пор не отведен, а так как он приходится, главным образом, на районы земельной тѣсноты, то выдѣленіе его, неизбѣжно, встрѣчает затрудненія.

На крестьянских же посѣвах свеклы, в виду их незначительной роли в крестьянском хозяйствѣ, сахарная промышленность базироваться не может.

Остановимся в заключеніе, в нѣскольких словах, на отношеніи самого населенія к законченным землеустроительным работам, поскольку оно нам извѣстно по Задонскому уѣзду. Сами землеустроители считают, что землеу-

ройство прошло гладко. В период землеустройства 18,5% селений, считая себя не удовлетворенными, пробовали восстановить свои земельные права в порядкѣ инстанціоннаго обжалованія. В дальнѣйшем же зарегистрировано 30% селений, стремящихся исправить тѣм или иным способом результаты землеустройства. «При этом необходимо подчеркнуть, пишет П. Н. Першин, что изслѣдованіе фиксирует недовольство не социальнo-политическаго, а чисто землеустроительнаго порядка. Рѣчь идет, напримѣр, не о реставраціи крупно-крестьянскаго землепользованія, или скажем, не о новой дополнителной прирѣзкѣ невозможность которой крестьянин болѣе чѣм когда-либо ясно сознает; нѣтъ, рѣчь идет о хозяйственно-раціональном устройствѣ землепользованія, об устраненіи недостатков в расположеніи отдѣльных земель, об их качественных неудобствах». Таким образом к продолженію и совершенствованію работ основного землеустройства придется еще возвращаться.

Какие же итоги могут быть подведены в результатѣ этого немногого конкретнаго матеріала? Конечно выводы должны быть осторожны. Повторяем в концѣ то с чего начали: процесс аграрной революціи и результаты ея существенно различаются по районам. Из приведеннаго выше матеріала ясно видно различіе в состояніи областей гдѣ землепользование регулировано «временным распределеніем земель» и тѣх, гдѣ произведено и производится основное землеустройство, различіе, прежде всего в технической упорядоченности земельных площадей. Но как ни медленно, а процесс землеустройства все-таки подвигается, и с большими трудностями, но захватывает все большія и большія территории.

Неоднократно доказывалось уже, и приведенными данными может быть иллюстрировано еще раз, что чаянія аграрнаго движенія об уничтоженіи крестьянскаго малоземелья путем раздѣла земель нетрудового фонда, потерпѣли рѣшительное крушеніе. Даже в тѣх, исключительно благоприятных, в смыслѣ размѣров площадей частновладѣльческих имѣній, условіях, в каких находятся нѣкоторыя губерніи Украины, онѣ не в состояніи этим путем преодолѣть земельную тѣсноту. В болѣе же типичной обстановкѣ, как обстановка Задонскаго уѣзда, частновладѣльческія прирѣзки оказываются и вовсе незамѣтными.

Вторая иллюзія—всеобщей полной уравнительности, по тому, что мы видѣли в Задонском уѣздѣ, сознательно и до конца изжита крестьянством, самостоятельно проведенным временное распределеніе земель и активно слѣдившим за основным землеустройством. Совершенно наглядно уравнительность эта ограничилась предѣлами сельской общины, но и тут поддержаніе ея представляет слишком дорогую затѣю.

Все же несомнѣнно, что в общем и цѣлом для всей Европейской Россіи крестьянство замѣтно нивелировано, конечно, в разной степени по разным районам. В большинствѣ случаев это не достиженіе, с точки зрѣнія народнаго хозяйства.

Но в тѣх районах, гдѣ прошло и проходит основное землеустройство, оно не может не принести с собой технически болѣе раціональную организацію территории не только по сравненію с первым періодом революціи, но и с до-революціонной эпохой. Это все-таки землеустройство, как бы несовершенно оно ни было.

И крестьянство, покончив с иллюзіей прирѣзок, все больше и больше вниманія обращает на улучшеніе организаціи своих участков. В этом, смыслѣ чрезвычайно характерно отношеніе к результатам землеустройства в Задонском уѣздѣ. Вѣдь положеніе несомнѣнно улучшилось послѣ землеустройства, и однако населеніе возбуждает ходатайства о продолженіи землеустроительных работ, образовывает и стремится образовывать выселки, выйти на отрубъ и хутора и всячески улучшить основныя условія своего хозяйствованія.

В сознательном изжити аграрных иллюзій, в обращеніи к основным улучшениям своего хозяйства, в интенсивном хозяйствованіи, крестьянство находит пути восстановленія русскаго сельскаго хозяйства, без котораго невозможно возрожденіе Россіи.

В. Кильдинскій.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПОД СОВѢТАМИ.

Октябрьская революція коренным образом измѣнила социальную структуру русскаго народа. Ряд социальных групп она или уничтожила, или сильно ослабила: высшую аристократію, помѣстное дворянство, прежнее чиновничество, купечество, промышленников, фабричных рабочих. Она выдвинула новыя группы. Выдвинула нѣпманов: вчерашніе коммивояжеры и коммисіонеры пытаются занять мѣсто, оставшееся пустым послѣ «крупной буржуазіи», не имѣя однако, и теперь ни капиталов, ни предпріятій — столик в совѣтском кафѣ — вот их дѣловая контора, гдѣ они срывают совѣтскіе милліарды, быстро их затѣм спуская («бѣшенныя деньги»). Она выдвинула новую «высшую бюрократію» (комиссаров, уполномоченных, членов правлений и т. д.), формально «бюрократію», а по существу «хозяичиков», ибо они, как нѣкогда «воеводы», получают в кормленіе районы, пароходства, заводы, торговыя предпріятія — и смотрят на них, как на свое «собственное»; обороты у них, фантастическіе по цифрам, реально не превышают недѣльных оборотов бойких лавок. Группа «хозяичиков», вышедшая из рядов пріятных коммунистическую платформу приказчиков, конторщиков, мастеров, — образует совѣтскій *Mittelsland*.

Наиболѣе консервативными группами оказались крестьянство и, так называемая, интеллигенція. На послѣдней я и хочу остановиться в настоящей статьѣ. Проведя пять слишком лѣтъ в Совѣтской Россіи, живя в Петербургѣ, бывая в Москвѣ, совершив осенью 1920 г. путешествіе на Кавказ, и работая одновременно в разных областях (научной, литературной, общественной, промышленной) я соприкасаясь со всѣми кругами интеллигенціи, как столичной, так и провинціальной. Матеріал по вопросу у меня накопился. Сосредоточу вниманіе главным образом на положеніи интеллигенціи за послѣдніе 1922-23 годы.

1. Условія и быт.

В 1922-23 годах положеніе интеллигенціи давало пеструю картину. С матеріальной стороны оно было близко к удовлетворительному для работавших в «націонализированных» банках, промышленности, торговлѣ, в нѣкоторых пользующихся собым вниманіем власти вѣдомствах, нѣсколько хуже в транспортѣ; оно **уже** было значительно лучше положенія рабочих. Убѣдившись в ничтожном, даже вредном эффектѣ системы голаго понужденія, большевики стремились теперь прилично обставить, насколько возможно — «насытити», особо необходимым, незамѣнимым «сотрудников», вообще лиц высоко квалифицированных. Высшія нормальныя ставки для «спецов» доходили в началѣ 22 г. до 300 зол. р., сейчас онѣ ниже. Всякіе виды «поощренія» и совмѣстительство еще повышало заработок таких «хорошо» устроившихся служащих. Отдѣльныя лица получали и получают до 750 зол. руб. в мѣсяц и болѣе. Назшія ставки в тѣх же предпріятіях и учрежденіях были во много раз меньше. Онѣ вообще были крайне низки в Рабоче-Крест. Инспекціи и Комиссаріатѣ Нар. Просвѣщенія. В послѣднем к тому же выплата задерживалась по много мѣсяцев и служащіе обесчитывались в связи с неуклонно падавшей валютой.

Постоянное сокращеніе штатов во всѣх рѣшительно комиссаріатах (кромѣ

Г. П. У.) выбрасывало за борт значительное количество интеллигенции. Кризис же, переживаемый «нэпом», лишил возможности оставшихся за штатом разсѣиваться в частных предпріятіях. К тому же послѣдніи оплачивают труд ниже, чѣм государство. С введеніем «нэпа» нѣкоторая часть интеллигенции получила, наконец, возможность не голодать, другая же впала в большую, чѣм когда либо, нужду. За годы Совѣтов вся интеллигенція жила, как моль, проѣдая свою мебель, одежду, всякія вещи. Когда для проѣданія уже ничего не осталось, обстановка для неустраившихся дѣлалась все кошмарнѣе. Грозила голодная смерть. Число самоубійств, психических и физических заболѣваній соответственно росло. Но не всѣ біологическія послѣдствія недоѣданія и голода уже выяснились. В нынѣшнем году пр. Рубнер в своих лекціях в Берлинском университетѣ указывал на то, что недоѣданіе, напримѣр, бѣлков сказывается на организмѣ года через три, когда ущерб, нанесенный организму, уже неисправим...

При обсужденіи в собраніи служащих одного Совѣтскаго учрежденія вопроса о размѣрѣ отчисленія в пользу голодающих, не обнаруживалось готовности на большія жертвы. Один из высокопоставленных спецов (извѣстный анархист) обрушился на собраніе со страстной филиппикой по поводу такого «шкурничества»: не накормить голодных и они отомстят вам эпидеміями, бунтами, уничтоженіем культуры. Одна из служащих просто, спокойно раз'яснила оратору, — он забывает, что перед ним то же голодающее, которые молча несут свой крест; чахнут и умирают, забытые, одинокіе; хорошо, если одинокіе: еще хуже, если гибнут цѣлыми семьями.

Положеніе большинства, среди имѣющих удовлетворительно оплачиваемую службу, все же нелегкое.

«Культура начинается там, гдѣ есть прислуга», своеобразно формулировала одна совѣтская обывательница трудность для интеллигенции удовлетворить свои запросы при необходимости выполнять в своем быту всевозможныя черныя работы, от которых раньше бы отказалась и прислуга: приходится вѣдь не только самим стирать и готовить, но и таскать тяжести и рубить дрова... Как примѣр — укажу заготовку в домашнем быту топила. Достать топоры и пилы не легко. А нужно притащить откуда то бревна, заплатив за них дороже чѣм до войны, напилить их на дрова, наколоть дрова для «буржук» на щепки и т. д. Фактически рабочий день у всѣх очень великъ, даже у безработных он не маленькій. Жизнь сводится поэтому в значительной степени к удовлетворенію элементарных, фізіологических потребностей. Трудность их насытить влѣдряет в жизнь интеллигенции правило — «спасайся кто может». Особенно страдает от этого семья. Семья часто распадается. Сохранившіяся стремятся не имѣть дѣтей. Аборт стал массовым явленіем (увы — не только в «образованном обществѣ»). Дороговизна обученія усиливает тягость многодѣтных семей. Отрицательный евгеническій эффект количественно сокращающагося и находящагося в неблагоприятных условіях потомства у интеллигенции краснорѣчиво отмѣтил В. М. Штейн.

Правовое положеніе интеллигенции исключительно тяжело. Только живы в Совѣтской Россіи можно отрицательным путем осознать, что правопорядок также необходимъ человеку, как и хлѣб насущный.

На совѣтской службѣ интеллигенція всегда в подозрѣніи. Даже с хорошо поставленными «спецами» тон у начальства властный, военный, грубый — иногда от неумѣнья себя держать. Опозданій на службу не допускается. Захворавшіе длительно, ослабшіе — кандидаты к оставленію за штатом. В положеніе людей не входят. В одном учрежденіи, при обсужденіи положенія служащих, когда-то видный банковый дѣятель, а теперь «спец», очень уважаемый коммунистами, не выдержал и обращаясь к «начальству» заявил: «Когда-нибудь Бог вас спросит: «Каин, Каин, гдѣ брат твой Авель?!» Реплика, неожиданная по формѣ и силѣ, очень смутила коммунистов, уступки были достигнуты — но очень не надолго...

Гнет Чека усиливается: Смягчившіеся в отношеніи числа казней, он пошел вширь. Число агентов чека постоянно растет. Наблюденіе захватывает теперь и внутреннюю работу учреждений, и даже интимно-личную жизнь интеллигенции. Служащих, переписывающихся с родными за границей, увольняют. За нахожденіе при обыскѣ книг и лекцій, изданных в Совѣтской Россіи, по признанным вредными — в провинціи арестовывают... Попытки

собирались даже «домашним кругом» иногда жестоко караются. Так, 15 июля пр. года, в Петербургѣ на именины к св. Владимиру Пищулину собралось человек 15 его знакомых... Через нѣсколько дней всѣ собравшіеся были арестованы. Слѣдствие не могло установить, что это не были именинные гости, однако всѣх выслали — самого о. Владимира, конечно, также. Он — молодой священник, кончившій Университет. Слабый и болѣзненный, он с разрѣшенія митрополита надѣл рясу, оставаясь холост. У него старушка мать. Взяли его для высылки из тюремнаго лазарета, не предупредив, не дав свиданія с матерью. Выслали без денег, без вещей, без теплаго платья — поздною осенью... «Обычная исторія!»

Современный массовый «мягкій» террор совершенно подавил психику большинства интеллигенціи и без того изнуренной всякими лишениями и произволом.

Когда то Витте убѣждал Горемыкина, что нельзя государству, без вреда для себя, превратить людей в человѣческую пыль. Теперь распыляют без смущенія. Ликвидируют не только «вредные центры», но и самые «безвредные».

Коммунисты стремятся всѣх вовлечь в свою «псевдо-общественность», столь напоминающую организаціи Союза Русскаго Народа. «Если интеллигенція лишится совершенно собственных организацій, рассчитывают коммунисты, она придет рано или поздно в наши: человек животное общественное». В этом отношеніи положеніе Петербурга и Москвы давно уже различно. В Москвѣ коммунистам удалось вовлечь интеллигенцію в свой оборот, она выступает на собраніях у коммунистов, послѣдніе у нея. В Петербургѣ подобнаго «общенія» еще нѣтъ: там у коммунистов меньше подходящих сил, посылать же для обрабатыванія интеллигенціи примазавшихся к большевикам интеллигентов — значило бы «портить музыку».

Интеллигенція живет обособленно. С другими социальными группами у нея слишком мало общаго. Свой старый быт распался. Обычныя раньше формы общенія стали и трудно осуществимыми, и неинтересными. Живут в одиночку, живут изолированными семьями. В семьях живут недружно, срывают на близких недовольство жизнью.

«Сѣрая жизнь, скучная жизнь — сѣрая... с каплями крови на ней» вызывает эмоциональный голод. Является потребность острых переживаній. Если физиологія питания устанавливает в настоящее время необходимость особых возбуждителей для людей умственнаго труда, то в условіях Советской Россіи они особенны извинительны: и наркотики, и алкоголь, и азарт. Для ослабленнаго организма и не требуется количественно сильныя возбужденія.

В общем в Россіи все же пьют меньше чѣм до войны (бюджет не позволяет), да и в карты играют меньше (времени нѣтъ). Но, конечно, всякая попойка, всякая карточная игра на фонѣ нищеты кажется отталкивающей и гнусной. К чести интеллигенціи, в этом отношеніи она проявила больше выдержки и воздержанія, чѣм всѣ остальные группы населенія. Общій стиль ея жизни — монастырскій.

Большинство ея положительно живет аскетически. Но и «цѣломудренныя» радости становятся для нея недоступными. Один провинціальныи педагог, способный филолог, рассказывал мнѣ, что читать приходится мало. Зимой он приходит домой, когда смеркается. Освѣщенія нѣтъ. Ложиться. Темно. Не спится. Уходит в воспоминанія... Книжку вообще трудно достать, иностранную же, новую почти немислимо. Даже театр, концерт — для огромнаго большинства интеллигенціи теперь роскошь, обычно недоступная.

2. Настроенія.

Велики мистическія увлеченія интеллигенціи. Один молодой ученый — финансист, прежде чѣм рѣшить вопрос, уѣзжать ли за границу, ходил к гадалкам. Это — типично. Окультизм науки изучаются с увлеченіем, науки общественныя мало интересуют. Массовая психостенія!

Живущіе в Россіи испытывают болѣзненную тоску по родинѣ: Советская Россія не мать, а мачиха. Отсюда тяга к прошлому. Один из островков

этого: прошлаго, не затопленный революціонным половодьем. — церковь. Не слѣдует преувеличать значеніе повысившейся религіозности интеллигенціи. В церкви часть интеллигенціи нашла временное убѣжище и только. В церковь идут отдохнуть от чуждых форм жизни, настойчиво навязываемых и непріемлемых. Религіозныя настроенія не вызываютъ совершенно потребности религіознаго подвига, религіознаго творчества. «Вѣра же безъ дѣла мертва». В современной интеллигентской религіозности много чистаго эстетизма.

Уклонъ к нему вообще выпуклъ. Искусство, литература стали прежде всего самодовлѣющими цѣнностями. Культъ Пушкина и Достоевскаго. никогда не былъ такъ великъ, какъ в Совѣтской Россіи. Пушкинъ сталъ для широкихъ массъ интеллигенціи, наконецъ, тѣмъ, кѣмъ давно былъ для Германіи Гете. — А успѣхъ Блока: его чтятъ почти наравнѣ съ Пушкинымъ, несмотря на глубокое различіе ихъ муз...

Очень глубокъ, органиченъ интересъ къ національной культурѣ. Ключевскій — излюбленный писатель. Театръ обратился къ Островскому. В живописи царитъ Кустодіевъ, удивительно воскрешающій старыи бытъ. Талантливыѣшіе беллетристы увлекаются фольклоромъ: Пильнякъ, Замятинъ, Яковлевъ. В этомъ устремленіи разгадать національное лицо чувствуется пафосъ, котораго такъ мало было у нашей интеллигенціи прежде.

Современность мало интересуетъ, она считается случайной и преходящей. Правда, что современность — опасная, скользкая тема, публичныя выступленія въ связи съ нею обычно пресѣкаются. Но и попытокъ для собственнаго потребленія вскрыть истоки революціи, подвести ея балансъ, почти не производится. Заранѣе предпрѣгается и случайность революціи, и вредъ ея для Россіи.

Оваціи, которая совѣтская театральная публика устроила статисту, выступавшему въ роли городского, можетъ быть и анекдотъ, но успѣхъ «Ревизора» въ новой постановкѣ Художественнаго Театра созданъ не только безподобной игрой Чехова и всего ансамбля. Чеховъ играетъ, какъ клоунъ, подчеркивая тѣмъ ничтожество и глупость, а не «легкость въ мысляхъ» Хлестакова — и именно такой Хлестаковъ какъ-бы символизируетъ тѣхъ самозванцевъ, которые обманули всю Россію и правятъ ею. Жандармъ, возвѣщающій появленіе настоящаго ревизора, вызываетъ почти истерическій восторгъ: самозванцы должны быть замѣнены настоящей властью, они не вѣчны...

Великъ интересъ въ Россіи къ отвлеченностямъ, особенно къ философіи. Этотъ интересъ къ философіи симптоматичен. Русская интеллигенція много поколѣній враждовала съ философіей, почитая ея «метафизикой» и «схоластикой», которымъ она предпочитала «позитивную науку». Трудно представить себѣ однако менѣе позитивную по духу группу, чѣмъ старая интеллигенція. Интересъ къ философіи широко пробудился въ обществѣ лишь въ эпоху революціи 1905 г., когда оно признало важность «развитія производительныхъ силъ» страны. Новая совѣтская интеллигенція, вырабатывающая «по неволѣ» практическіе навыки» и вмѣстѣ со всей Россіей американизирующаяся, воспринимаетъ «метафизику». Конкретное, наоборотъ, не привлекаетъ. Власть стремится самое чистое знаніе приспособить для прикладныхъ цѣлей и не встрѣчаетъ сочувствія. Нѣтъ ощущенія того, что сейчасъ въ Россіи — при большевикахъ — можно дѣлать какую-нибудь реальную работу. Это только «эпоха замысловъ», какъ характеризовалъ ее П. Перцевъ.

Справедливость заставляетъ меня отмѣтить, что коммунисты широко поощряютъ въ интеллигенціи всякую инициативу. Чѣмъ грандіознѣй проектъ — тѣмъ больше вниманія онъ возбуждаетъ, тѣмъ охотнѣе даютъ средства на его разработку. Но, какъ и указываетъ Перцевъ, вниманіе къ проекту совершенно пропадаетъ, какъ только онъ разработанъ. Да и какъ ихъ осуществлять! Говорятъ, одинъ крестьянинъ замѣтилъ Ленину, что электрофикація — дѣло хорошее, но у насъ еще «нужничковъ» нѣтъ...

Отрѣшенности интеллигенціи отъ живой жизни содѣйствуетъ и та специфическая духовная обстановка, въ которой большевики держатъ Россію. На все предлагается смотрѣть только сквозь призму совѣтской печати, совѣтской литературы, совѣтскихъ агитаторовъ. Имъ не вѣрятъ, другихъ источниковъ для освѣдомленія почти нѣтъ, зарубежная наша литература въ Россію почти не проникаетъ. Не зная, что происходитъ въ самой Россіи, еще менѣе зная, что

происходит на Западѣ, отбрасывая то, что ей по этой части рассказывают коммунисты, интеллигенція уходит от современности.

Вызывает тягу к прошлому и «потустороннему» крах міровоззрѣній, переживаемый обществом. У разных его слоев міровоззрѣніе было различно, но почти всѣ міровоззрѣнія не выдержали испытаній революціи.

3. Духовный кризис.

Не одинаково переживается духовный кризис в зависимости от возраста и от политическаго прошлаго. Хуже всего старикам. «Коммуна» их оглушила, вѣра в то, что ее переживут, изсякла. Нужно лишь дотягивать житейскую лампу. «Старые слова» не забыты, но они утратили значеніе истины. «Новых слов» нѣтъ, их поздно искать, да и все равно с ними не сжиться. В долгія безсонныя ночи старики твердят себѣ, что они — банкроты. Люди, не достигшіе 50 лѣтъ, настроены иначе. Вопросы «когда это кончится?» и они уже не задают. «Кончатъ революцію» и они чувствуют себя безсильными, но опредѣленное отношеніе к настоящему у них все же есть.

Чѣм ближе интеллигенция по духу рволюціи, тѣм болѣе они откровенны. Особенно анархисты. В очень ярком «открытом» письмѣ анархисту Роцину Писарову другой анархист, скрывшійся под инициалами В. С., обрушился на систему государственнаго капитализма, провозглашенную Лениным. В. С. доказывает, что эта система влечет больше насилия, чѣм «буржуазный порядок», что она гипертрофирует государственнй аппарат и его органы. Принужденіе источник національнго дохода, требуя от него к тому же гораздо больше на свои нужды, неминуемо влечет к столкновеніям с другими государствами — словом усиливает всѣ отрицательныя стороны «капиталистическаго государства» и не дает ничего положительнаго.

Настроенные социалистически, внутренне, пожалуй, относясь терпимо к большевикам, не прощая им, однако, того, что жестокими экспериментами они компрометируют ореол революціи. Но многие из них считают, что не на кого мѣнять большевиков. «Бѣлые в массѣ — недотопленное офицерство», цинично говорил мнѣ один извѣстный журналист и поэт: «озлобленные, ограниченные; из всѣх чувств самое сильное у них — месть. И своею местию они растерзали бы Россію больше, чѣм совѣтская власть при всей ея тупости и подлости. Большевики по природѣ своей и національнѣе, и народнѣе, что же дѣлать если наше историческое лицо не очень приглядно. Образуется!» Так настроены, конечно, далеко не всѣ социалисты, оставшіеся в Россіи. Многие ведут борьбу с властью, воскрешая систему старой подпольной работы и попрежнему расплачиваются за нее дорогой цѣной.

Совершенно не правы тѣ, кто думает, что социализм изжит русским обществом. Наоборот, социалистическія теченія его оказались наиболѣе устойчивыми идеологически, не только болѣе дисциплинированными. Часть их только очень замкнулась внутри себя, не стремится возстановить вліянія на интеллигентскія массы. В возможность «легальной работы» при большевиках многие вѣрят еще меньше, чѣм в легальную работу «при царизмѣ». Однако и в самой Россіи часто приходится слышать стереотипную фразу: «Если коммунизм имѣет историческій смысл, то лишь постольку, поскольку он на многія десятилѣтія страхует не только Россію, но и весь мір от социалистических экспериментов». Наивная фраза, ибо даже от повторенія в тѣх же примитивных и жестоких формах русскій опыт не предохранит... Развѣ примѣръ отцов многому учит дѣтей?

Как показатель отхода совѣтской интеллигенціи от социализма недавно был использован журнал «Экономист», выходящій в Петербургѣ в первой половинѣ 1922 г. Будучи, как никто, близок к журналу, я пользуюсь случаем отмѣтить здѣсь, что к непосредственному участию в редакціи журнала социалистически настроенные экономисты не были привлечены отчасти ввиду их скептическаго отношенія к возможности вести журнал при совѣтской цензурѣ (так ли они ошиблись?), отчасти потому, что в первую очередь хотѣлось дать высказаться, выговориться тѣм, кому до того в Совѣтской Россіи это было совершенно невозможно. В архивѣ журнала имѣлось нѣсколько ярко социалистических статей — и не будь «Экономист» закрыт на

№ 4 — 5, онѣ, конечно, появились бы. Отмѣчу также, что появленіе в журналь нѣкоторых статей, направленных к критикѣ социализма, несмотря на общее сочувствіе, приобретенное в Россіи журналом, встрѣчено было неодобрительно не только среди социалистов. Указывалось на то, что несмотря на опыт, продоланный на путях к социализму Россіей, такая критика не дает ничего по существу новаго для антисоциалистической мысли.

Что касается группы, хотя и не примкнувшей к социализму, но стоящей на лѣвом флангѣ, то среди нея многіе не исключают возможности перерожденія коммунистов в радикальную партію и притом даже не революціонную. Они указывают на чрезвычайное расхожденіе между программными положеніями, декларативными заявленіями руководителей партіи и их практической политикой, очень не доктринерской, гибкой и даже «дѣловой». Они считают, что в моменты революцій, пока вожжи не забрали вожжи в свои руки, им приходится самим идти на поводу у масс, постепенно овладевая тормозами. Они напоминают интеллигентское прошлое большинства большевистских лидеров и их склонность выдвинуть в конечном итогѣ экономическую созидательную работу. Жизнь — де заставит коммунистов «поумнѣть». «Сначала — успокоеніе, потом — реформы». Добившись восстановленія хозяйственнаго благополучія для населенія, они смогут пойти и на политическія уступки. Такое теченіе среди интеллигенціи, отнюдь не одобряя, как смѣловѣховцы, эксцессов коммунизма, вовсе не раздѣляя и экономических методов Совѣтской власти, держится по отношенію к ней в качествѣ лояльной оппозиціи.

Характерно, что в концѣ пр. года К. Радек выступил со статьей, доказывая, что совѣтская эконом. политика должна быть признана дѣлесообразной и с чисто «буржуазной точки зрѣнія». «Націонализировать» нѣкоторыя отрасли нар. хозяйства было необходимо, так как хозяева ушли; восстанавливать же послѣдних в своих правах нѣтъ смысла, ибо у них нѣтъ капиталов, потребных для восстановленія предпріятій. Если же послѣднія передать «концессионерам», то старых владѣльцев не обидят, «отступное» дадут, но оно обременит новых предпринимателей менѣе, чѣм если бы им пришлось скушать акціи денационализированных предпріятій на биржѣ.

Приблизительно так же аргументировалась Радеком и нежелательность признанія публичной задолженности Россіи.

Государству нужны новыя займы. Тѣ, кто финансировал старую Россію, финансировать Новую — не в состояніи. Другія финансовыя группы, еще не имѣвшія дѣла со старой Россіей, пожелают взять за кредит подороже и понимают, что ресурсы ея ограничены, что расплачиваясь за старые долги, Россія не смогла бы много занять вновь — столько, сколько ей нужно для восстановленія своего хозяйства, не могла бы и заплатить хорошо за потребный кредит. Вся сложность будущей политики Сов. Россіи, по мнѣнію Радека, в том, что нужно создать гарантіи того, что с ней можно работать...

Внутреннее броженіе в коммунистической партіи придает нѣкоторую вѣроятность неожиданных политических комбинацій. К сожалѣнію использовать их для интеллигенціи было бы трудно. Слишком она распылена, слишком много в ней теченій, вдобавок неоткристаллизовавшихся. Не малю разочарованных. «Мы хотѣли дать крестьянину журицу в супѣ, а заставляем его варить в нем собственнаго ребенка», писал мнѣ молодой беллегрисст, уже отбывшій, как с.-р., тюремный стаж еще до революціи.

Красные разгнали Россію, говорят интеллигенты-быватели и отказываются видѣть разницу между коммунистами, социалистами и **надедами**. Они ждут бѣлаго генерала на бѣлой лошади и жаждут твердаго порядка, сильной власти — все равно с какой программой. Они думают, что свобода нужна только в одной области — для хищничества, почему-то вѣруя в его производительную силу. То, что Россія станет колоніей для иностранцев, их не пугает. Чтобы уйти из «Совѣтскаго Рая», можно бы и чорту продать душу. Особенно ненавидят они идею общественнаго хозяйства. Ни государство, ни самоуправленіе будто бы не могут быть хорошими хозяевами. И они с наслажденіем вчитываются в идеологов чистаго либерализма конца XVIII, начала XIX вѣка. *Propriété-sûreté-libreté* (собственность — безопасность — свобода) — вот их *credo*. Но свобода экономическая, а отнюдь не политическая. Кое-кто из них выступал даже публично — и на три-

бунѣ, и в печати — стяжав, конечно, шумный успѣх. Они даже и сомнѣній не возбуждают, можно ли серьезно осуществлять чистое манчестерство в странѣ до тла разоренной и население которой от всякой новой власти требует мѣр скорой помощи.

Реакціонер теперешній примитивен, он вѣрит в жидо-масонство, с наслажденіем изучает откровенія Нилуса, считает масонами и Ллойд-Джорджа, и Троцкого. Его критика коммунизма сводится к анекдотам. Напримѣр, в одном собраніи Троцкого будто бы все время перебивал какой то восточный человѣкъ. Троцкий говорил о том, что Совѣтская власть сдѣлает из Красной Арміи болѣе сильную, чѣм была Армія царская. «Не будетъ», раздался голос с галерки. Троцкий общал поднять сельское хозяйство, транспорт, промышленность, торговлю, банки... «Не будетъ», зычно покрывалось каждое его общаніе. Троцкий прервал рѣчь и попросил неугомоннаго оппонента высказаться пространнѣй. «Жидов не хватаетъ», объяснил тот. Болѣе образзанные представители такого настроенія — среди них я встрѣчал и людей с хорошими (в прошлом!) общественными именами — видят в лозунгах реакціи единственное средство поднять массы народныя против коммуны. На болѣе благородныя формы реакціи намекнул на Пушкинском вечерѣ в Петербургѣ в февралѣ 1922 г. один почтенный историк литературы и общестственности: «Раньше, сказал он, в твореніях Пушкина искали доказательства связи его с декабристами, теперь подчеркивают близость с императором Николаем I».

Таких, которые хотят понять современную Россію и ея трагическую судьбу, не много. «Для меня и красные и бѣлые не случайное выявленіе единой дорогой мнѣ родины», писал мнѣ едва-ли не самый даровитый и вдумчивый из современных художников слова: «ни без тѣх, ни без других я не могу ея мыслить. Время должно обнять, соединить эти полярности».

Обстановка жизни мѣшает существующим в русской интеллигенціи тенденціям углубиться. Политическія бесѣды ограничиваются интимными кружками за чайным столиком, иногда ведутся в купѣ вагона со случайным спутником, если он внушает довѣріе. На общественных собраніях, в литературѣ касаться политики невозможно.

Когда то Д. С. Зернов сравнивал систему управленія царской Россіей с поведеніем невѣжественнаго машиниста, забившаго полѣном предохранительный клапан. «Котел, конечно, взорветъ», предсказывал он. И взорвало. Но это не помѣшало большевикам снова начать тот же опыт. А. С. Постников за год до своей смерти в бесѣдѣ со мной полагал, что об экономической политикѣ Св. власти еще можно спорить, но никогда нельзя простить им надругательства над человѣческой душою и насилія над словом. — «Да вѣдь именно в своеобразіи коммунистической политики, слышал я с другой стороны — их *raison d'être* Уничтож они диктатуру пролетаріата, они станут ненужными, иную политику лучше сумѣют сдѣлать другіе...»

Но этих иных пока не видно. И не видно, что могло бы объединить интеллигенцію в единый фронт, кромѣ отрицанія совѣтской власти. А этого мало. Нужно строить цементирующую, спаивающую нас идеологию. Может быть даже работа эта и не так грандіозна. Развалились системы міровоззрѣнія, но кирпичи систем не пострадали; из них еще будут воздвигать прочныя и просторныя зданія. Работа пока не начинается, но кое что подготовительное уже дѣлается.

Так, чрезвычайно значительна работа Г. Г. Шпета по изученію исторіи русской философіи в связи с развитіем общественной мысли в цѣлом. Это широкая картина нашей духовной эволюціи. Г. Г. Шпет считает особенностью русской культуры ея «невѣгласіе». Россія получила христіанство не от Рима, не от Константинополя даже, а от болгар — народа не имѣвшаго письменности. И наши духовныя связи с Западом искони были слабы. Петр пытался насаждать культуру с помощью совершенно невѣжественных сотрудников. Оппозиція казенному культуртрегерству возникла поздно и была оппозиціей разночинной интеллигенціи, багажом образованности не располагавшей. Ея роль к тому же теперь кончена. Часть интеллигенціи не признала революціи и оказалась внѣ исторіи. Другая ее признала, но пошла на поводу у событий, утратив право первородства, перестав быть тѣм, чѣм она быть должна. Из фактора она превратилась в агента. Будем надѣяться, го-

ворит автор книги, что народ выдѣлит свою новую интеллигенцію, что сойдется и аристократія таланта, без которой культуры быть не может.

Интересна другая, кажется еще не опубликованная, работа НН. «о личном достоинствѣ» — понятие, которым он оригинально охватывает совокупность личных прав. В отличіе от Запада, доказывает он, личные права у нас никогда не уважались, чувство чести не присуще было и высшим сословіям, тѣм паче массам — не здѣсь ли разгадка надруганія над личностью и в эпоху переживаемой революціи?

Отношеніем к прошлому опредѣляется коренной «водораздѣл» в русском обществѣ. «Что прошло, то будет мило» — психологическій закон, но в такіе моменты, какіе переживает Россія, этот ретроспективный оптимизм принимает неизбѣжно типертрофированные размѣры. Забвеніе грѣхов прошлаго можно понять, но нельзя простить. Оно преступно. Еще Демосфен говорил афинянам: «плохія обстоятельства в нашем прошлом возбуждают широкія надежды на наше будущее... если наше несчастье зависѣло от наших ошибок... Если бы все дѣлалось нами, как слѣдует, для нас не было бы надежды».

Уходят в прошлое и ученые, но они дают нам возможность его оцѣнить, предостерегают от повторенія прежних ошибок. «Историзм» всегда присущ постлѣ—революціонным эпохам, но здоровый историзм помогает избѣжать реставраціи темнаго прошлаго, выводя на тѣ пути, на которые тщетно стремились выйти предшествующія поколѣнія.

На эти пути выводят при свѣтѣ исторіи только тогда, когда уже знают **зачѣм итти и что дѣлать**.

Новыя догмы, пока, однако, не родятся. И развѣ запоздалый, загробный успѣх среди русской интеллигенціи ея великаго хулителя Б. В. Розанова не указывает на то, что у интеллигенціи еще и нѣтъ потребности в догмѣ, что она, подобно Розанову, утратила «единство апперцепціи мысли», как выражался Зиммель. Если все расплавлено в Россіи революціей, то и самая общественная мысль не хочет еще опредѣлиться в твердыя догмы, создать систему міровоззрѣнія.

4. Идущіе на смѣну.

Тяжело в эту эпоху безвременья живетсѣ «молодняку» интеллигенціи. Молодежь рано начинает жить в Совѣтской Россіи. Дѣтства она не знает. Рано приходится сталкиваться с тяжелой дѣйствительностью, что вызывает и раннее возмужаніе. Пробудившись духовно, одни уходят в себя. Никогда не писалось в Россіи молодежью столько стихов, разсказов, драм — но больше всего стихов. Молодежь не может еще осознать **эпичности** переживаемой эпохи, молодежь насквозь **лирична**. Недавнее же наше прошлое — для нея уже далекое; легендарное. Может быть, потому и монархична часть молодежи.

Молодежь в Россіи всегда была оппозиціонна, она и сейчас вѣрна этой традиціи. Есть молодежь оппозиціонная «коммунистическая», стремящаяся к аристократической замкнутости, к снобизму. Посмотрите портреты молодых поэтов: настоящіе дэнди! Есть молодежь оппозиціонная старшим поколѣніям своего круга, особенно там, гдѣ отцы настроены «революціонно». И встрѣчаются очень культурныя семьи, гдѣ дѣти работают в чем-ка.

«Коммуна» раскрывает перед молодежью великое, искушеніе власти, да и другіе соблазны. Эти искалѣчены на всю жизнь. Есть и не пріемлющіе вообще міра, ищущіе экстаза, находящіе его в церкви, в искусствѣ.

Молодняк растет слабый. Слаб он и оттого, что жизнь изнашивала его отроческія силы, рано задавив непосильной работой. Слаб и оттого, что жизнь не дала ему систематическаго образованія, идейных устоев.

Власть пытается создать новую интеллигенцію из народа, тѣтъ ей высшее образованіе. Сначала в высшую школу приходили рабочіе и крестьяне без всякой подготовки, теперь их довольно удачно натаскивают. Но скороспѣлое образованіе, отсутствіе умственной тренировки дѣлает возможным удачное прохожденіе высшей школы только для особо одаренных «рабфаков». Большинство быстро утомляется, наука становится скучна.

Высшая школа внешне напоминает время перед 1905 г. Рабфаки играют роль «бѣлоподкладочников», — они привелегированные.

Болѣе «буржуазные» слои студентов и матеріально больше нуждаются, так что даже внешне напоминают «старых студентов», и их правизна дѣлает их в глазах чека «неблагонадежными». Их правизна нам опасеній не внушает: она эмоциональна и наносна.

Самая высшая школа лучше сохранилась в области специального преподаванія: техническая, художественная, медицинская, агрономическая. Преподаваніе гуманитарных наук, наоборот, благодаря особой «бдительности» начальства, совершенно развалено.

*
*
*

Подведем итоги. Интеллигенціи и теперь живется трудно, многим тяжело. Ей приходится в потѣ лица и не всегда успѣшно добывать средства, чтобы удовлетворить лишь минимум потребностей, необходимый для физиологическаго существованія. Правовыя и моральныя условія жизни хуже матеріальных, духовная жизнь патологична. Но она не погасла и таит зародыши возрожденія. Выйти на пути к нему мѣшает глубокій кризис, переживаемый идеологіей.

Молодежь растет слабая, мало образованная, не получая духовнаго наслѣдства от зрѣлаго поколѣнія: тѣм нечего завѣщать. Вывод один: интеллигенціи под совѣтами нужна помощь. Необходимо чертить святыя скрижали идеологіи, нужно зажигать маяки.

— «Друг, свѣтъ уже мелькает!»

Lipenec u Zbraslavi.

Д. Лухтин.

О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ.

Хотя большевики и увѣряют, что они не преслѣдуют религіи и борются только с контр-революціей, когда она прикрывается религіозным флагом, — но, в дѣйствительности, все, что извѣстно о большевиках, и все, что приходилось наблюдать в Совѣтской Россіи, — свидѣтельствует об обратном.

Подвергаются гоненіям не только представители или служители того или иного культа или религіознаго теченія, но именно сами эти культы и теченія, как таковыя, сама религія. Извѣстно вѣдь, что даже самое слово «Бог» принадлежит к числу запретных в Совѣтской Республикѣ, — по крайней мѣрѣ, для печати. Кн-ву «Задруга» запретили даже книжку дѣтских сказок С. С. Анисимова, гдѣ много раз попадалось слово «Аллах». Перед самым моим отъѣздом за-границу (30 марта с. г.) Главполитпросвѣт вычеркнул из хрестоматіи по русской литературѣ, составленной одним извѣстным московским педагогом, стих. Кольцова «Урожай» («Красным полымем заря вспыхнула»), — классическое произведеніе, содержаніем котораго является, в полном смыслѣ, идеализація крестьянскаго, земледѣльческаго труда. Почему?! Потому, что кончается это стихотвореніе народнаго русскаго поэта словами:

«Уроди мнѣ, Боже, хлѣб, мое богатство!»

Вот — за это-то «неумѣстное» обращеніе к Богу, за упоминаніе о Богѣ и было запрещено стихотвореніе...

Да и что тут таиться! Несомнѣнно, что для воинствующих марксистов и матеріалистов, типа Троцкаго или Луначарскаго, уничтоженіе *всякой религіи* является завѣтной мечтой. Они отлично понимают, что людьми, у которых вырвана внутренняя опора для какой бы то ни было независимой мысли и дѣятельности, распоряжаться много легче, чѣм тѣми, кто идеалам и тактикѣ голого насилія противопоставляет вѣлвія религіознаго идеала и голоса совѣсти. И мы видим, что Совѣтская власть, дѣйствительно, ведет планомѣрный и неуклонный поход против всякой религіи и всего религіознаго. Борьба ея против церкви прежде всего бросается в глаза потому, что к православной церкви принадлежит наибольшее число вѣрующих, и замолчать антицерковныя гоненія было бы уже никак нельзя. Но, повторяю, преслѣдуются открытыя проявленія рѣшительно всякой религіозной и, вообще, духовной жизни.

Я берусь даже категорически утверждать, что для большевиков болѣе желательно или терпимо существованіе в их странѣ религіи отсталой, потонувшей в обрядности и связанной с суевѣріями, чѣм религіи обновленной, прошедшей какой-то свой реформаціонный путь, болѣе близкой к современным понятіям и болѣе интересующейся различными проблемами жизненнаго характера. В самом дѣлѣ, большевики, вот уже 6-ой год отстаивающіе всѣми средствами свою власть посреди всеобщей ненависти к ней, успѣли уже, — подобно, скажем, царизму времен Побѣдоносцева, — уразумѣть, что чѣм темнѣе народ, чѣм болѣе он умственно и духовно несамостоятелен, тѣм легче держать его в порабощеніи. И это крайне характерно, что даже из трех развѣтлений «живой» церкви (древне-апостольская церковь, церковное возрожденіе и собственно «живая церковь») большевистское руководство, гнѣздящееся в Г. П. У., охотнѣе всего поддерживает *наиболѣе умѣренное теченіе* («духовный профсоюз», как его называют представители лѣвых, «реформаціонных» отвѣтвленій), — а именно группу собственно «живой» церкви, возглавляемую узким и тупым протоіереем-чекистом Красниким.

Отчасти отсюда же, быть может, вытекает и безпоощадное отношеніе большевистской власти к свободомыслящим и сектантским религіозным теченіям,

их организациям, собраниям, печати и т. д. Существование их абсолютно не допускается.

Не имѣю возможности подробно обосновывать здѣсь свое положеніе, но не могу не рассказать одного любопытнаго случая, косвенно подтверждающаго его. В концѣ 1921 г. большевистская цензура в Москвѣ находила возможнымъ разрѣшить печатаніе православнаго молитвенника и в то же время запретила печатаніе Евангелія. И когда представитель издательской фирмы задалъ вопросъ цензору, чѣмъ обусловлена такая разница в отношеніи цензуры къ молитвеннику и Евангелію, цензор далъ слѣдующій, болѣе или менѣе уклончивый отвѣтъ:

— Тѣмъ, что молитвенникъ уже вошелъ в бытъ, а Евангеліе пока еще в бытъ не вошло!..

Итакъ, наличность религіозныхъ гоненій в Совѣтской Россіи очевидна. Возникаетъ вопросъ: что же, достигаютъ большевики своей цѣли? удастся ли ихъ задача — уничтожить религію?

Нѣтъ. Не достигаютъ и не удастся. Какъ извѣстно, всѣ ихъ усилія достигаютъ, скорѣе, обратныхъ результатовъ. Правда, я не принадлежу къ тѣмъ, кто считаетъ, что большевистскія гоненія противъ православной церкви особенно сильно укрѣпили ея позиціи. Напротивъ, искусное примѣненіе в церковной политикѣ лозунга «*divide et impera*» (раздѣляй и властвуй) дало возможность большевикамъ добиться безпримѣрнаго разлада и развала в церковной средѣ. Превративъ наименѣе стойкую морально часть духовенства в послушное орудіе своей воли, большевики, при ихъ посредствѣ, внесли в церковную жизнь все то «мірское, слишкомъ мірское», всю ту низость и пошлость завязатаго политиканства и интригантства, среди которыхъ сами они живут и воздухомъ которыхъ дышатъ. Благодаря этому, церковный лагерь превратился в лагерь враждующихъ между собою теченій и сект, вожди которыхъ, повидимому, совсѣмъ забыли о необходимости бности «едино стадо» за «единымъ Пастыремъ» и своими распрями, часто весьма ожесточенными и грубыми, в корень разлагаютъ и губятъ церковную организацію и церковную жизнь, т. е. дѣлаютъ какъ раз то, что нужно большевикамъ.

Между тѣмъ, в эти лютые дни, переживаемые Россіей, значеніе церкви, какъ источника духовной жизни, стало ясно даже тѣмъ, кто ранѣе совершенно отрицалъ за нею это значеніе, какъ, напр., мы грѣшные, послѣдователи Толстого. Передъ лицомъ того разнузданія звѣря в человѣкѣ, которое несъ с собою большевизмъ, нельзя было не оцѣнить историческихъ услугъ церкви, в дѣлѣ охраненія христіанскихъ завѣтовъ и ея гуманизирующаго вліянія на народныя массы. Поэтому развалъ церковный, — можетъ быть, исторически необходимый, — воспринимался нѣкоторыми изъ насъ не только какъ *кризисъ церкви*, но и какъ *кризисъ религіи* в Россіи.

И надо сказать правду, что представители такъ называемой «старой» церкви дѣйствовали и дѣйствуютъ в этой внутренней распрѣ все же много достойнѣе и сдержаннѣе, чѣмъ представители «живой» церкви. Первые умѣли умирать за свою вѣру и на судахъ большевистскихъ, неправедныхъ, нерѣдко проявляли исключительную нравственную высоту. Важно и то, что многіе изъ представителей «старого» православія мудро уклонялись отъ всякаго участія в церковной распрѣ, — я лично знаю одного-двухъ священниковъ, которые даже оставили свои приходы, чтобы не быть вовлеченными в борьбу, мѣшавшую имъ жить, вѣровать и молиться «въ духѣ и истинѣ». Одинъ такой священникъ говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, пришла пора христіанству снова уйти в катакомбы; только тамъ можно соблюсти чистоту вѣры и христіанской жизни.

И, напротивъ, на сторонѣ «живоцерковниковъ» многія «духовныя особы» коротко остригли не только свои волосы, но и... свои моральныя и нравственныя предубѣжденія. Связь съ Г. П. У., почти совершенно публичная и открытая (такъ что даже задъ для религіозныхъ диспутовъ «живой церкви», в которыхъ я дважды принималъ участіе в качествѣ оппонента, снимался Г. П. У.), подслуживаніе власти самое пошлое, тошнотворное, отношеніе къ погибающимъ подъ пятою Г. П. У. собратьямъ-церковникамъ цинично равнодушное, лицемеріе и фарисейство на каждомъ шагѣ самое очевидное, — ни в комъ не могли возбудить уваженія къ новоявленнымъ реформаторамъ.

Конечно, в свое время и старая церковь принимала завѣтъ ап. Павла «всякая душа властямъ предержащимъ да подчиняется, нѣтъ бо власть, аще не отъ

Бога» за непреложный закон. Но «живая» церковь, именно за это-то и обвиняемая громкогласно «старую», в то же время сама откровенно провозгласила святость павловской заповѣди *для данного дня*, — как будто не замѣчая всей должности того положенія, в которое она, таким образом, попадала.

«Живая» церковь очень гордится своим отрицаніем (словесным) богатства толкованіем Евангельской морали, как морали «пролетарской». На это ей указывалось (хотя бы на упомянутых диспутах), что проповѣдая так в Совѣтской Россіи, она лишь идет по линіи наименьшаго сопротивленія и не выказывает рѣшительно никакого духовнаго подвига, между тѣм как истинный долг истинно-христіанской церкви в нынѣшней Россіи должен был бы состоять в открытом и смѣлом обличеніи неслыханнаго насилія царствующей власти, на подобіе того, как митрополит Филипп обличал Іоанна Грознаго!.. Но, при такого рода возраженіях, эта, с позволенія сказать, «живая» церковь вдруг оказывалась дряхлой, немощной, глухой и слѣпой старушкой, которая ничего не видит и не слышит из того, что вокруг нея творится!..

Да, позиція «живой» церкви в Россіи вполне опредѣлена: «Воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе... тоже Кесареви»!..

Мнѣ лично представляется, что наилучшим (т. е. подлинно религиозным) элементом в русской церкви являются сейчас именно тѣ представители как духовенства, так и вѣрующих мірян, которые сознательно остаются в сторонѣ от раздражающей церковь внутренней распри. И, может быть, самое важное во всей этой исторіи то, что *народ*, — крестьянство, если хотите, да и громадное большинство православно-вѣрующих горожан, — тоже, как мнѣ кажется, *остался в сторонѣ от смуты, в сторонѣ от распри*. О, конечно, каждый вѣрующій и каждая вѣрующая проявляли громадный интерес к тому, что происходило в нѣдрах церкви — ко всѣм этим «совѣтским» и «тихоновским» группировкам духовенства и пр. Но, в концѣ концов, *активно дѣйствующими* в церковных событіях оказались, опять-таки, *только вертушки, а не сам народ* (за исключеніем, быть может, инцидента с противодѣйствіем извѣтлю церковных цѣнностей, в котором, дѣйствительно, почти повсюду приняли участіе самые широкіе слои населенія). Эти вертушки рѣшали вопрос, быть или не быть патриарху, с Совѣтами-ли идти церкви или без Совѣтов, дозволить-ли или не дозволить епископам жениться, устраивать-ли открытые алтари в церквах или сохранить иконостасы и т. д. Как ни как, все это — опять-таки «политика», пусть хотя бы только церковная политика, а в ней народ (большинство православнаго народа) никогда не был компетентен и никогда не занимался. Ни теперь, ни раньше. *Не он* устанавливал старые порядки, *не он* настаивает и на их пересмотрѣ. Все это дѣлалось и дѣлается — другими, — «верхушками»; Тихонами и Антонинами, — *для него, для народа*. И в этой, вольной или невольной, внѣшней пассивности народа — его внутреннее спасеніе. Ибо, конечно, из созерцанія картины современной русской духовной жизни слѣдует все-таки сдѣлать *оптимистическій* вывод. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣми происходящими на поверхности церковной жизни волненіями и пертурбаціями *подлинная религиозная народная жизнь не убита*. Народ имѣет и хранит свою религію. Формы ея — различны: и православіе, и сектантство разных оттѣнков, но как раз формы-то и играют в данное время наименьшее значеніе. Гораздо важнѣе то, что быденный наскок извнѣ, со стороны атеистическаго правительства, на вѣру, на душу народа встрѣтил настойчивый и непреодолимый отпор. Независимое народное самосознаніе не может проявляться открыто в условіях деспотическаго и тираническаго государства, но факт на лицо: в современной Россіи существует два мнѣнія, двѣ головы, двѣ стороны, — это, во-первых, Совѣтская власть, и, во-вторых, сам народ. *И стороны эти не сходятся*. И обѣ уже понимают, что не сходятся.

Совѣтское правительство желѣзными клещами скрутило и сдавило руки народа, лишая его свободы дѣйствій, — но, увы! — оно и само не свободно: народ связывает его; ибо стоит ему отпустить клещи, как свободный народ встряхнет своими членами и, отбросив большевиков, пойдет своей дорогой... И так будет, несмотря на всю кажущуюся силу большевиков.

Весь корень широко задуманных и осуществляемых большевиками преслѣдованій религіи — только в этом, в их страхѣ перед *духовным*, побѣждающим матеріальное. Они видѣли на примѣрах погибающих от их руки, но не измѣняющих себя сектантов и православных, что *духовное*, — это тоже

сила, и, противорѣча себѣ, как материалисты, тщательно выслѣживают, гонят и «убивают» это духовное!.. Потуги, достойныя сожалѣнія.

То, что относится к большинству православнаго русскаго народа, сохранившаго и лишь провѣрившаго на горьком большевистском испытаніи свою вѣру, — относится и к міру сектантов и свободомыслящих религіозных людей. В кн. 4-й «Крестыанской Россіи» я отмѣтил нѣкоторые факты и явленія из жизни русскаго сектантства (главным образом, так назыв. «толстовства») за время революціи, — факты и явленія, позволяющіе сдѣлать заключеніе, что и в этой части русскаго народа не умерла, не убита живая вѣра. Теперь мнѣ хочется упомянуть еще об одном явленіи или событіи религіозно-общественнаго порядка, относящемся к послѣдним двум годам владычества большевиков и имѣвшем, как мнѣ кажется, немаловажную внутреннюю значимость. Правда, стоило большевикам, «не преслѣдующим религіи», только краем уха услышать о новом явленіи, как всяким попыткам внѣшняго его выраженія был положен конец.

Я имѣю в виду мысль, возникшую также в средѣ «толстовцев» (но дорожую мнѣ не поэтому, а именно потому, что она затѣм *вышла за предѣлы «толстовства»*), — о необходимости встрѣчи, общенія и сближенія между представителями разных религіозных теченій. Конечно, систематическій поход большевиков против всякой религіи был лишним поводом к стремленію высказать и осуществить эту мысль, близкую к тому, о чем мечтают христіане, молясь о «соединеніи церквей».

Новое сообщество, к которому примкнули представители цѣлаго ряда духовных и религіозных теченій, назвалось «Вольным Содружеством Духовных Теченій». Свои цѣли и задачи оно выразило в обращеніи ко всѣм религіозным и духовным обществам, группам и лицам, основная мысль котораго была слѣдующая:

«Люди мечутся и не могут найти выхода из темницы, в которую их заключило свойственное большинству из них материалистическое міропониманіе, но выхода нѣтъ и не может быть до тѣх пор, покуда потерян и не найден каждым человѣком единственный ключ, открывающій дверь этой темницы, и этот ключ — духовное пониманіе жизни. Не враждой и насиліем, не винтовкой и пушкой и не эксплуатацией друг друга можно создать лучшую жизнь, но только признаніем себя и каждаго из нас духовным существом, сыном Единаго Отца, состоящим в подлинном братствѣ со всѣми людьми міра, несущими в своей истинной природѣ законы свободы, справедливости и любви.

Никогда еще перед людьми не открывалось с такой ясностью, что никакое внѣшнее улучшеніе общественных форм жизни невозможно без предварительной внутренней работы над собою каждаго отдѣльнаго человѣка, без обращенія к духу и укрѣпленія духа в себѣ; что никакая внѣшняя революція не может быть плодотворна без революціи внутренней, нравственной и духовной, подготовляющей в сознаніи каждаго переход к новым, болѣе справедливым и достойным человѣка формам общественной жизни, построенной на общечеловѣческих основаніях. Только из свободы внутренней может родиться свобода внѣшняя».

Не желая дѣлать из своего существованія никакой тайны, Содружество подало в Наркомвнудѣл заявленіе о легализаціи Содружества, вмѣстѣ с проектом устава и списком членов-учредителей. Вмѣсто отвѣта, по адресу, указанному в заявленіи, явились вооруженные люди для «закрытія» Содружества, опечатанія его помѣщенія и отобранія не существующей еще печати.

Вскорѣ послѣдовало, в том же порядкѣ, закрытіе других религіозных обществ, участвовавших и не участвовавших в Содружествѣ, и даже столь отвлеченных и абсолютно аполитичных, как, напр., Антропософическое Общество.

Вот вам — образец большевистской «свободы религіи и религіозных культур!...»

У нас, в Совѣтской Россіи, всѣ такіа попытки проявленія свободной духовной жизни погибают и хоронятся в ящиках письменнаго стола тов. Тучкова, завѣдующаго 6-м отдѣленіем Секретнаго Отдѣла Г. П. У., созданным спеціально для борьбы с религіей.

Вал. Булгаков.

Г. Збраслав, 10 іюля 1923 г.

ТРИ ГОДА В ДЕРЕВНѢ.

Весной 1919 года по «независящим обстоятельствам» мнѣ пришлось покинуть Москву и переселиться в деревню. Эти независіяця обстоятельства не выходили из ряда нормальных — обыски, аресты, опять обыски, изъятіе излишков, наконец перспектива надолго попасть в заложники и голод вслѣдствіи полного отсутствія излишков.

В деревнѣ я провела больше трех лѣтъ — до осени 1922 года почти безвыходно, не теряла связи с ней до послѣдняго времени, жила одной жизнью с крестьянами, причем около трех лѣтъ была сельской учительницей. Настроения великорусской деревни, конечно, в узких предѣлах, примѣрно, одной волости, мнѣ очень близки и хорошо знакомы.

Деревня Полужье, гдѣ мнѣ пришлось жить, находится в сѣверной полосѣ Средней Россіи, недалеко от крупнаго центра; население — типичные сѣверные великороссы, в общем грамотные (в части старообрядцы), скорѣе средніе по зажиточности, как это обычно для сѣвера. С землей не очень тѣсно, больших помѣщичьих владѣній очень мало, много лѣсов, урожай обыкновенно средній, голодovie и обильных урожаев не бывает, развито отпайиванье телят и вообще торговля с городом.

Быт очень прочный, старинный, вѣвшійся в крестьянскую жизнь.

Я была свидѣтельницей попыток Совѣтской власти поколебать этот быт, попыток смѣшных, безнадежных и заранѣе обреченных на неуспѣх. Какая разница по сравненію с городом! Там полное исчезновеніе стараго уклада, какіе то осколки, за которые цѣпляются полуничтоженные группы населенія и отвратительныя новыя формы напманскаго обихода. Здѣсь, в деревнѣ, тѣ же престольные праздники с обычным пивом и неизбѣжной дракой, тѣ же «посидки» в зимніе вечера с гармоніей, тѣ же ярмарки, на которых не было прежде товаров, нѣтъ их и теперь, та же защита с оглоблей в руках своей полосы, своего куренка.

Иван Николаев был богатым мясником, разбогатѣлъ еще больше; Анна Романова жила в старой избѣ у околицы, — там живет теперь.

Правда был момент, когда завелся в деревнѣ «комбед», пытался, как говорят у нас, шаборшить, но ненадолго; теперь члены комбѣда в батраках у прежних богатых мужиков, но на условіях гораздо болѣе тяжелых. Хулиган — Кузька поднялся в началѣ до ранга комиссара какой то степени, но быстро сплыял, скис, не удержался в сложной сѣти интриг комиссарских верхов и вернулся в первобытное состояніе; время от времени его покалачивают, как и раньше.

Одно время мелькнул у нас страшный тип каторжанина, вернувшіагося к себѣ под фирмой красной звѣзды, страшный, потому что по прежним связям он хорошо знал всю подноготную деревни, был присяжным доносчиком, понятым при обысках и т. д. Его теперь нѣтъ в деревнѣ — население выжало его, как вода пробку; вѣроятно, он комиссарит, но не в деревенских кругах.

Очень многіе из Мишек и Филек, которых я помню по дѣтским играм, подававшіе надежду стать махровыми большевиками, отдали дань авантюристическим наклонностям, ушли «на Украину», которая у нас считается краем свѣта и гдѣ то пропали. Обратнo вернувшіеся домой красноармейцы сімъ не излам, за землю и быстро растворились в непоколебимом бытѣ.

Швейцары, официанты из ресторанов, ушедшие давно из деревни в город, скользнули у нас по поверхности, когда была мечта о поровнении земли, но непригодные, ослабшие и голодные, без капитала и инвентаря, в деревню не удержались.

Появился в деревню ремесленник портной, саножник, слесарь, на которых увеличился спрос, они хорошо зарабатывают, но они — типичные пролетарии при «буржуа-крестьянине».

В Полужье — я бывала много раз в течение 25 лет, я знаю лично все его население и положительно утверждаю, что ни в состав его, ни в его привычки, никаких заметных изменений не произошло; то же можно сказать и о других деревнях в нашей местности.

Из этого не следует, что никаких перемен не произошло. Нет, Полужье в общем разбогатело, но улучшение положения коснулось главным образом и без того состоятельных крестьян, положение бедных, как я уже говорила, стало еще тяжелее. У всех богатых новые избы, срубленные еще в то время, когда лес можно было брать даром.

Несмотря на то, что в деревне есть в большом количестве золото (пока оно спрятано) и бумажные деньги, крестьянский комфорт мало чем отличается от прежнего.

Правда, наша самая богатая невеста Нюша, прежде носила три браслета, а теперь у нее колечки из браслетов; сын мясника ходит с тремя цыпочками на жилетке; некоторые молодые люди щеголяют в ярко зеленых брюках, явно биллиардного сукна; на престольных праздниках производят фурор юбки из тяжелых гардин; одно село все одноцветно и одето в мебельную материю, проданную им голодной соседней помещицей. Но все это великодушное за пять лет уже поблекло, поизносилось; граммофоны испортились и хрипят, в пианино несутся куры, трюмо загланы мухами, на брюках зеленого цвета приходится ставить домотканную заплатку, потому что больше биллиардного сукна нет, а ситчатую фуфайку, которую у нас франты носят поверх жилетки, и вовсе починить нельзя.

Но одновременно с граммофонами и трюмо исчезало и то, без чего мы обойтись уже не могли. Деревня осталась (остается и теперь) без соли, без сахара, без керосина, без тканей. Вопрос о «ситцах» стал важнейшей темой бесед. Каждый раз, когда я возвращалась из города, неизменно меня спрашивали: — «Петровна, не слыхала ли в город, когда пойдут «ситцы»?»

Было бы преувеличением сказать, что эти «ситцы» единственная исходная точка, откуда строилось отношение к советской власти, осознание государственного единства и будущая перспектива, есть и другие основания (например, требования примитивного порядка), но все же «ситцы» играют существенную роль в этих построениях.

Обращаясь только к фактам, можно думать, что отношение к власти сложилось путем сравнения баланса, — что большевики дали деревне и что взяли и берут.

Как я уже сказала, в земле тоскы у нас не было, земля была прирвана тем, у кого был инвентарь, бобыли фактически прирзок не использовали и лишь хорошие помещичьи луга явились цинным даром революции. Что же касается лесов, занимающих у нас 80% территории, то ими крестьяне могли воспользоваться лишь в первые месяцы переворота; вскоре лес стал очень дорогим.

Конечно, революция дала крестьянам много, но нельзя забывать, что по основной психологии полученная земля по праву им искони принадлежала и они в переход к ним земель усматривают скорее естественный ход вещей, чем подарок большевиков. Наконец, все это было, отошло в область фактов прошлого, а отнятие ценностей большевиками происходит в самых болезненных формах ежедневно.

Что берут с деревни большевики?

Перечислить все в цифрах невысказано, так часто меняются нормы, но вот сокращенный перечень того, что платила у нас деревня до последнего времени. Хлебный налог с десятины (можно было в части заменять льняным сменом и клочковой!). Налоги картофельный и овощной. Налог сеном, соломой. Налог ягодами и грибами, топленным маслом. Налог холстом и мешками. Денежный налог на скот. Налог мясом, шкурой, шерстью. Налог чистым

льном и остатками чesки. Налог курами и яйцами с десятины (да, с десятины яйца!). Периодически денежная подушная подать. Наконец, обложение каждой полѣнницы дров, даже из лѣса, который раньше составлял собственность общины («за свои дрова деньги платим!»). Налог натурой на сапожников и шерстобитов. Неправда ли, как это напоминает отношенія к помещику при крепостном правѣ!

Послѣ налогов идут трудовыя повинности: подводная, по очисткѣ сѣнга на желѣзных дорогах, по рубкѣ дров, по чинкѣ дорог, по сплаву и т. д.

Трудно даже сказать, что больше возмущает крестьян — самый налог, или безобразіе и бессмыслица при его взиманіи.

Собранные продукты тухнут, сѣно гниет, дрова замерзают во льду, а из хлѣба на голодающих комиссары на глазах у всѣх курят самогон. На повинность гоняют в самую горячую пору, причем каждый обязан привезти свой харч и сѣно; жестокость взиманія чисто татарская: весной отбирают солому в хозяйствѣ, гдѣ единственная корова подвѣшена на холстах; был случай, когда «учетники» опоздали с праздника на работу и в наказаніе у них были отобраны коровы по одной со двора, даже там, гдѣ она была единственная.

Если к этому прибавить, что совѣты состоят из чуждых мѣстному населенію людей, лишь изрѣдка включая бывшаго писаря, что крестьяне выбирают в совѣты негодный элемент — можно себя представить оцѣнку крестьянами совѣтской власти — они ее подлинно ненавидят.

Она и появляется у них исключительно в формѣ вооруженных людей (иногда в прусской каскѣ!), которые приходят что-то отбирать или выпить и закусить. С ней торгуются, скупаются на размѣръ взятки; угощают, напивают и срываивают с облегченіем. Происходит что-то похожее на сбор татарской дани.

Тот пролетаріат, во имя диктатуры котораго власть предъявляет свои права, для моих земляков олицетворяется в образѣ «станціевской пролетаріи», т. е. низших служащих желѣзнодорожн. станціи. По мнѣнію крестьян, эти служащіе были обезпечены лучше других; и это отчасти вѣрно, потому что они стояли ближе к аппарату перевозок. Между тѣм власти, жившія на станціи и пользовавшіяся услугами служащих, постоянно совершали в их пользу у крестьян всевозможныя реквизиціи, и можно себя представить, как это возмущало деревню!

К нам идеология власти никакого касательства не имѣла; я не помню каких либо чтеній или собраний по поводу Карла Маркса, кровавадой Анталты и торжествующаго империализма; я не помню ни одного из своих друзей, кто бы мог без запинки выговорить слово «интернаціонал».

Нам власть циркулярами и декретами приказывала дѣлать, а главным образом, давать; к нам являлся *вывод* — отобрать корову; аргументы оставались в городѣ, на стѣнных афишах.

Власть — это периодически появляющееся в деревнѣ насиліе; разговор с ней — взятка.

Взяткой в деревнѣ с властью можно сдѣлать все, что угодно. Никогда не была так обнажена безсовѣстность, как теперь. Всѣ вопросы опредѣленія налогов, разверсток, отвода дѣлянок, повинностей разрѣшаются в плоскости взятки и, понятно, побѣду одерживает мой кум — мясник, живущій в красном домѣ с зелеными разводами, а не вдова Анна Романова у околицы.

Только что перед моим отѣздом завѣдующій земельным отдѣлом отхватил себя из фонда окончательно погибшаго совхоза лучший луг под носом у бѣднѣйшей деревни и пользуется им. Крестьяне отвѣтили старинным аргументом, — общади беспрепятственно сжечь.

Но если крестьяне ненавидят существующую власть, о какой же они мечтают? Вот вопрос, который ставится мнѣ каждый раз, когда я рассказываю о большевиках в деревнѣ. Не знаю, можно ли дать отвѣтъ на этот вопрос на основаніи впечатлѣній от тѣх или иных разговоров в крестьянской средѣ. Я убѣждена, что они и не разрѣшают этого вопроса, не дѣлают выводов, а ставят лишь требованія, условія, которым должна удовлетворять эта грядущая власть. Во-первых, она должна за ними прочно закрѣпить все, так или иначе приобретенное во время революціи; во-вторых, она должна значительно облегчить налоги, в третьих, она должна дать «ситцы», понимая под ними все, в чем деревня нуждается и чего у нея нѣтъ теперь. Для того, чтобы выполнить эти заданія, власть должна быть сильна и обязана ввести порядок,

как он понимается крестьянами. Требование не легко исполнимым, но им нельзя отказать в логичности. Представляется ли власть, выполняющая этот рецепт, большинству крестьян в какой-либо реальной форме? Не думаю. Это может быть и царь, и президент, и, может быть, коллегияльная власть, лишь бы она выполнила программу. Разговоры о «хозяинѣ» вообще носят характер представлений о символах, а не о реальной формѣ и едва ли можно строить какие-либо выводы на том основании, что во многих избах висят портреты Николая II. Я скорѣе вынесла впечатлѣніе, что всякія воспоминанія о царѣ у крестьян связаны с представлениями о чиновниках, к числу которых принадлежала большая часть помѣщиков в наших мѣстах, и что возвращеніе царской власти они боятся, боясь прихода ея «окруженія».

Из указанного отношенія к власти вытекает и отношеніе крестьян к идеѣ государственнаго единства. Изображая из себя форт, из-за котораго они должны время от времени отгрызаться от набѣгов непріятеля — агентов власти, — деревня на моих глазах перешла к самоопредѣленію и благополучному относительно существованію. В Полужьѣ — натуральное хозяйство. Мои сосѣди сами дубят кожу (потихоньку от большевиков) и тачают из нея сапоги, прекрасно ткнут холст и кисею, валяют сукно, красят матерію очень удачно растительным составом из мѣстных болотных трав, освѣщаются лучиной, крутят веревки из конопки и приучились обходиться без желѣза и гвоздей. Когда уж очень одолѣет их «станцѣвская пролетарія», они в сердцах заявляют, что и желѣзные дороги, которыя им ничего не возят, им не нужны — «проживем и без них».

Поразительно, как быстро коммунисты сумѣли внушить населенію отвращеніе к общности владѣнія и к идеѣ централизованнаго государства.

Нѣсколько слов об отношеніи крестьян к церкви.

Здѣсь можно повторить все, что я говорила о бытѣ. Поскольку церковь с ея обрядностями и священниками входит в созданный вѣками уклад, — мои односельчане готовы защищать ее и, конечно, защитят от всяких попыток ее тронуть.

Развѣ можно себѣ представить, что Орѣховка не будет праздновать десятой пятницы, что моя кума не пойдет в Предмѣстье в Петров День и что я сама не буду в гостях у этой кумы 6-го сентября, в день Михайлова Чуда; это просто немислимо и никакіе декреты не прекратят традиціоннаго посѣщенія два раза в год каждаго двора родней из всѣх деревень, даже верст за 25. А престольный праздник связан неслучайно с церковной службой — началъ и угощеніем в концѣ; изъять церковную службу из этого обихода — значит уничтожить самый праздник. Прибавьте к этому крестины, похороны, поминки, родительскую субботу, без которых не обходится ни одна крестьянская семья. Церковь и теперь, как раньше, представляет из себя прясло очень грубой и прочной изгороди — быта, за которым вот уже сколько столѣтій течет у нас крестьянская жизнь. Многие пытались пробить эту изгородь: и Плева с земским начальником, и Столыпин с землеустроителем, и Ленин с комиссаром из каторжан — и всѣ разбили себѣ лоб. Бывшій земскій начальник грузит на станціи дрова, комиссар на престольном праздникѣ валяется пьяный под забором, а Полужье на Спас-Маккавей варит пиво, как варило до Плева и будет варить послѣ Троцкаго.

Живя первые два мѣсяца в деревнѣ, я пыталась прокормить себя и дочь работой, — шитьем кофточек, капоров из всяких остатков, даже туфель на покойников, нанизываньем ожерельев и т. п. Скоро стало ясным, что прожить этим нельзя, и я взяла мѣсто учительницы в школѣ в Полужьѣ, тѣм болѣе, что керосин исчез совершенно и приходилось сидѣть зимніе вечера в темнотѣ. Соблазнительн был и паек — номинально в мѣсяц 30 ф. муки, 1¼ ф. сахару, 2 ф. соли и ¼ ф. кофе; кажется, только раз получила я паек полностью, затѣм стали замѣнять муку кукурузой, сахар — крупой, а весной не выдали почти ничего. Полагалось и какое-то денежное вознагражденіе, но какое — никто не знал. Получить мѣсто было нетрудно, так как был медовый мѣсяц власти Луначарскаго и был объявлен фронт для борьбы с невѣжеством; приказано было открыть новыя школы и в учительницы мобилизовали всѣх, кто болѣе или менѣе к тому подходил.

Я находился в ближайшем подчиненіи у управляющаго волостным отдѣлом образованія, бывшаго ранѣе у нас сельским учителем. Приѣзжали иногда инструктора и контролеры, всѣ из учителей профессионалов, всѣ одинаково

уставшие и голодные; впрочем, помню одну назначенную со стороны учительницу-коммунистку, невѣжественную, наглую и сытую.

Помѣщалась школа в той же старой избѣ Ильи Кучеренкова, гдѣ она была до революціи, с той только разницей, что прежде Кучеренок получал за аренду избы 25 руб. в год и ее немного поддерживал, а теперь он должен был дѣлать это даром и потому он смотрѣлъ на себя, как на хозяина, который из жалости пускает дѣтей и «учительку».

Как полагается, треть избы занимала русская печь, гдѣ Кучеренок во время занятій варил обѣд, сушил овес или парил бѣлье; я, обыкновенно, зимой старалась сѣсть на лежанку.

Программы утвержденной не было; я знала, однако, что обязана была преподавать грамоту, четыре правила ариметики, начатки природовѣденія, лѣпку, пѣніе, танцы и подвижныя игры. Пособій не было никаких; в 1919 г. давали по карандашу и по 2 пера на год, потом перестали давать и это.

Я разыскала кучу книг, оставшихся от старой школы, отложила в сторону знаменитыя по своей пошлости изданія ген. Богдановича, достала старую «Ниву» и начала учить: по прежним учебникам, гдѣ были, конечно, тропари и описанія праздников, — грамотѣ, по картинкам из «Нивы» — географіи и естественной исторіи. Обязана я была, конечно, учить по новой орографіи, но как я могла это сдѣлать, когда за три года я не получила ни одного новаго учебника из центра.

Составляли мы ежедневныя рапортики с шаблонным изложеніем пройденнаго; никто ими не интересовался, кромѣ милийскаго, который время от времени приходил провѣрить — не висит ли в школѣ икона. Должны были мы с дѣтьми исполнить интернаціонал, но дальше первой строки дѣло не пошло, а труднаго слова никто не выучился выговаривать. Как относились крестьяне к школѣ? Совершенно пассивно. Своим практическим умом они видѣли, что без карандашей учиться нельзя, а включеніе в программу лѣпки и танцев окончательно опредѣлило их отношеніе к школѣ: от лѣпки они приходили в бѣшенство и запретили мнѣ таскать в школу глину.

Школа была не их, и ее они считали ненужной. Прекрасно понимая необходимость образованія, они предлагали взять школу на свой счет, но при условіи, что школа будет такой, какая им нужна — конечно, с Законом Божиим и с муштровкой ребят (в моей школѣ физическим воздѣйствіем занимался хозяин избы — Кучеренок, который без меня, повидимому, поколачивал на дворѣ ребят). Совѣты не соглашались с таким ультиматумом и, когда школы должны были перейти на содержаніе деревни, послѣдняя категорически отказалась ее поддержать; таким образом в концѣ 1922 г. в нашей волости закрылось около 20 школ.

Помню я еще трагическій момент, когда в городах появились афиши с воззваніем — «нѣтъ болѣе неграмотных!» У нас в деревнѣ этот лозунг выразился в том, что 50-ти лѣтних баб пригнали в школу учиться, обѣщав нам за обученіе каждой группѣ по 20 фн. керосину. Ученіе должно было происходить по вечерам, когда бабы доят коров и вообще «ображаются», как у нас говорят. Поднялся вопль, слезы, причитанія, просьбы «ослобонить» — дѣло через недѣлю кончилось ничѣм. Был у нас, учителей и учительниц, и профессиональный союз под громким названіем «профсоюз работников просвѣщенія и социалистической культуры», — союз безпомощный, безгласный и никчемный; мы и пикнуть не смѣли перед губернской властью.

Собирались мы на ежемѣсячныя сѣзды, гдѣ слушали через силу доклады и приказы, зная, что никаких реальных выводов из докладов без бумаги и книг не сдѣлаешь и что приказы выполнить нельзя. Был приказ о собираніи дѣтми еловых шишек (факт!) для посылки их, в качествѣ отопительнаго матеріала пролетаріям сосѣдняго города.

Помню одну весеннюю сессію сѣздов. У нас в апрѣлѣ сообщеній фактически почти нѣтъ, но начальство потребовало сѣзда; и вот мы собираемся за 15—20 верст в дырявых сапогах или размокших валенках, проваливаясь в оврагах выше коленъ в холодную воду, продрогшіе и голодные (в апрѣлѣ уж хлѣба нѣтъ) в станціонное помѣщеніе. За стаканом чая без сахара, жалуемся друг другу на горькую участь, голод и холод, на невозможность наладить хоть подобіе занятій. Начальство читает циркуляры к исполненію и среди них — предложеніе немедленно приступить к изученію эсперанто! Не знали, что дѣлать, плакать или смѣяться. И мы смѣялись над безпредѣльной

тупостью человеческой, мы плакали над горем своим, нищетой и беспомощностью.

Я могла бы много еще рассказать о приютах, дѣти которых ходили «в куточки», о богодѣльных, гдѣ мерли с голоду старухи, о многом еще; но вѣдь говорить о деревнѣ теперь — это, значит, говорить без конца.

Я совсѣм не затронула или очень мало, вопрос об эволюціи психологіи, о перестройкѣ мировоззрѣнія, которая совершается медленно, медленно за неподвижным тыном быта, но все же совершается. Постичь ее, уразумѣть происходящее можно, лишь войдя цѣликом в их жизнь; да я и не знаю, можно ли уж сдѣлать какіе либо выводы; во всяком случаѣ говорить о них мимоходом не приходится. Среди моих многочисленных друзей я укажу на одних — на мѣстных деревенских коммунистов Рыбкиных. Еще до революціи два брата Рыбкины числились в дѣвках, собрали небольшую бібліотеку и пытались, чѣм можно, пополнить свои знанія. Во время переворота оба записались в партію коммунистов. Старшій ушел в город, попал в вихрь большевизма, был даже на службѣ в уголовном отдѣленіи Ч. К., увидѣл и понял, во что претворились идеи, которым он поклонялся и ушел из партіи коммунистов, оставшись истым коммунистом; я думаю, что он кончит дни под пулями своих неидейных, но стоящих у власти товарищей. Младшій остался в деревнѣ и это предопредѣляло его судьбу: он должен был выйти из партіи и растворился без остатка в деревенском реактивѣ. Оба они были мои близкіе друзья, они помогали мнѣ и в мелочах и в серьезных случаях, к ним так часто шла я за совѣтом, с ними так часто спорили мы, я — бывшая «барыня» и они — деревенские коммунисты.

Когда вы вглядитесь в деревню, ближе подойдете к ней, как много хороших, ласковых, даже нѣжных людей найдете вы там; как несправедливо представление о крестьянах, по крайней мѣрѣ наших краев, составившееся у многих в ходѣ революціонных ужасов и террора. У нас, как я уже говорила, эксцессов при отобраніи земель почти не было; произошло одно или два убійства в порядкѣ личной мести, двѣ-три усадьбы помѣщиков, с которыми были тяжелыя отношенія, разгромили. Но всѣ тѣ, кто рѣшились перетерпѣть, пересидѣть бурю, остались на отведенных надѣлах, часто не маленьких, в усадьбах (онѣ у нас в общем очень скромныя) со всѣм имуществом. Кое-кто стал служить в Совѣтах, нѣкоторые занялись ремеслом и наступил період, если и не благополучія, то возможнаго существованія — все же лучшаго, чѣм для городской интеллигенціи, не продавшейя большевикам.

Болѣе того, оставшіеся помогали даровой работой на жнитвѣ и покосѣ, кормили на праздниках и дарили деревенскія лакомства.

Отношеніе к нам лично было совершенно исключительное по заботам и помощи. Когда мы еще в 1918 г. прибѣжали отдохнуть от ужасов и преслѣдованій, прибѣжали голодные и полоумныя, наши друзья из Полужья нанесли нам хлѣба, ватрушек и молока на нѣсколько дней. Когда мы не могли засѣять ярового, они дали сѣмян и помогли убрать сѣно, овес и рожь. Конечно, никакого вознагражденія не брали; обычно в вечеру наши добровольные работники приходили выпить чаю с сахаром или с принесенными ими же яблоками и потолковать о деревенских новостях, о сенсациях, идущих из города, об очередной комиссарской грозѣ и о способах ее обойти; кончалось всегда приглашеніем в гости в ближайшій праздник, который иногда был утомителен, так как приходилось обойти всѣх знакомых, чтобы никого не обидѣть и вездѣ надо было отвѣдать по крайней мѣрѣ чудесных ржаных ватрушек на простоквашѣ. Еще трогательнѣе было отношеніе ко мнѣ, когда я появилась в крестьянской средѣ в роли учительницы. Правда, тут уже давали совѣты обычно они мнѣ, пріобрѣвшіе на своей шеѣ житейскую мудрость, но совѣты были дружескіе и никогда я не замѣчала ни тѣни (я говорю о властях) начальственнаго отношенія к «учителькѣ».

Они закармливали на праздниках, приносили мнѣ лакомства, когда я была больна, дѣлились первыми ягодами и грибами и даже Мишка, когда то слышій хулиганом, всегда таскал мнѣ из своего огорода, первый лук и свеклу.

Когда я жила в городѣ, там было много моих деревенских земляков-ремесленников; и они в самую тяжелую минуту помогали нам всякой протекціей, чинили обувь и платье, таскали мнѣ из своего огорода, первый лук и свеклу.

Помню тяжелую, голодную весну в деревнѣ, холодный, жуткій день, когда мы сидѣли в избѣ, раздумывая об обѣдѣ; на крыльцо кто то быстро взбѣжал, оставил что то тяжелое и скрылся. Мы нашли на крыльцѣ полную мѣру картошки, стоившей очень дорого.

Помню день отъезда, яркій солнечный день, когда из каждого знакомаго двора Полужья нам, кромѣ трогательных пожеланій, выносили лепешки и хлеб-соль.

С какой благодарностью они отплатили нам за каждое доброе слово, когда то сказанное им, за каждую тряпку, когда то подаренную, за каждую конфетку, подаренную Мишкѣ в то время, когда и конфетка то мнѣ ничего не стоила. И отплатили мнѣ в тот момент, когда я им уже не была нужна, когда я цѣликом зависѣла от них, безпомощная и изстрадавшаяся.

Вот какова деревня, в которой я жила и о которой я старалась рассказать всю правду, ничего не прибавляя, ничего не приукрашивая. Конечно, это не маниловская деревня, когда то описанная в очерках Карелина; конечно, это не стадо звѣрей, которое когда то изображал, захлебываясь, по книгѣ Родионова, в «Новом Времени» Меньшиков. Это — кусочек, уголок великаго народа, тяжело, медленно, в страданіях кующаго судьбу свою, борющагося за то, что ему, в его представленіи, по его оцѣнкѣ, цѣнно и необходимо.

Безуміем было бы ставить ему какія то условія, безуміем уже потому, что только что, на наших глазах разбились, не дойдя до деревни, на околнцѣ, двѣ, казалось, мощныя волны самодержавія двух эпох — Императорской и Ленинской. Деревню надо пріять такой, какой она есть, надо понять ея требованія и чаянія, и строить новую Россію можно только на ней, только с ней.

Учительница.

КРЕСТЬЯНСТВО В ПОСТАНЧЕСТВѢ КРЫМА*).

Настоящая замѣтка, конечно, не претендует на полный обзор повстанческаго движенія, хотя бы одного Крыма; цѣль ея — познакомить лишь кратко с тѣм, что происходило в Крыму послѣ поспѣшнаго оставленія его арміей Врангеля.

В этом отношеніи Крым представляет значительный интерес: здѣсь, как в калейдескопѣ, за самый короткий період, произошла вся эволюція анархо-коммунизма. Если Врангелю не удалось превратить этот благоденственный уголок Россіи в «образцово-показательное государство», то кремлевскіе строители продѣлали превращеніе его во «Всероссійскую Здравницу-Коммуну» в один миг. Возрожденіе «новой жизни», на которое они ухлопали в Россіи больше трех лѣтъ, здѣсь заняло меньше трех мѣсяцев, причем ни один из рецептов не был забытъ, вплоть до переименованія Ялты в Красноармейск.

Надо замѣтить, что приходу красной арміи населеніе явно сочувствовало, видя в этом конец войны, от которой оно устало. Неудавшіяся мобилизаціи были явным тому показателем. Город страдал от дороговизны, политическаго гнета, а деревня хотя и наживалась, за исключеніем мелких хозяев, но много и отдавала, да и разочаровалась в обѣщаніях Врангеля, данных ей перед разгромом красных при выходѣ из Крыма в степи южной Россіи.

Произошел послѣдній бой на Перекопѣ... Узенькій перешеекъ вновь заливался кровью; в этот раз только русской. Храбрые, но малочисленные, подточенные тѣлом, не выдержали и сползли в Черное море. Загуляла, зашипѣла чекистская провокація. Многие остались в Крыму, повѣрив обѣщанной амнистіи.

В пять дней был занят Крым и через такой же срок превратился во «Всероссійское кладбище» с могильщиком Бѣла-Куном.

Даже мѣстные коммунисты не ожидали такой кошмарной расправы, какая началась. В одиночку и через профсоюзы они начали протестовать, чѣм вызвали приказъ чрезвычайной тройки, угрожавшей коммунистам за укрывательство и заступничество воентрибуналом. Никто не был увѣрен, что увидит завтрашній день. Каждую ночь «выводили в расход» сотни и даже тысячи людей.

Вмѣстѣ с этим началось и социальное уравненіе. Товары частью были расхищены, частью націонализированы. Фабрики стали, магазины — опечатаны, в крестьянской хатѣ требовательно и нагло раздавался голос пьянаго чекиста. Жизнь замерла.

Работали усиленно желѣзныя дороги: потянулись в Москву, Донбас и Харьков поезда, нагруженные вином, табаком, фруктами и хлѣбом — «подарки крестьян и рабочих Краснаго Крыма».

Город был разграблен быстро. Примѣнялись невиданные еще до сих пор приемы. Собирали членов партіи и профес. союзов. Запирали их в каком нибудь театрѣ на всю ночь; натаскивали их за это время, дѣлили на отряды человекъ по 10—15, и выпускали утром, придавъ каждой группѣ по нѣскольку подвод. На улицах приостанавливалось движеніе, учрежденія не занима-

*) Статья принадлежит лицу, только что бѣжавшему из Россіи и принимавшему дѣятельное участіе въ борьбѣ, описываемой в статьѣ. Редакція.

лись. Начиналось «отобраніе излишков у буржуазіи». Грабили, конечно, всѣх и все, оставляя лишь по смѣнѣ бѣлья и необходимую мебель.

На другой же день толкучка увеличилась в нѣсколько раз. Много бывшей прислуги появилось в котиковых и каракулевых пальто.

На очереди стояла деревня. Замирал голодный Донбас. Помчались реквизиціонные отряды, да крестьянин успѣлъ уже немного подготовиться: о сопротивленіи не могло быть и рѣчи, но «Яма» схоронила порядочно и хлѣба, и тряпья. Яма схоронила много, но не все: по дорогам день и ночь табулись къ станціям обозы с зерном и стадами скота. С оружіем в руках ходили по дворам, отбирая все до чиста, оставляя только 1 п. 5 ф. зерна на ѣдока.

Апатія сразу смѣнилась ненавистью. Проявляется намѣреніе бороться за свое достоинствѣ и права, не ограничиваясь пассивным сопротивленіем. В горах появились «зеленые».

Десятки спасшихся от разстрѣлов бродили по ущельям гор, полураздѣтые в снѣгу, без крова, часто без костра и куска хлѣба. В деревню сунуться нельзя. — полно красными. В Крым вошло их 150 тысяч. Замерзли бы эти первые «смертники», если бы не подгорное населеніе, главным образом татары, быстро (послѣ разгрома своих винных и фруктовых складов) измѣнившие отношеніе к большевикам — от симпатій к ненависти. Как ни терроризована была деревня, в ней появилась первая сила сопротивленія. В отрядах, еще не организованных и одиноко бродящих по лѣсам Чатыр-Дага, помимо продуктов, появилась крестьянская молодежь — проводники. Много пришлось положить первым отрядам трудов, нечеловѣческих страданій и крови для того, чтобы связаться с населеніем, вооружиться и организоваться. Все было против, даже природа: масса снѣга и рѣдкая для Крыма холодная зима. Не поддержки деревни, смерть была бы неминуема. Но Крымскіе правители своей политикой каждым новым своим декретом толкали крестьянство к борьбѣ, к усиленію лѣсных обитателей. Уравненіе хозяев, вѣрнѣе, нивелировка хозяйств по самым бѣдным, так как весь отбираемый живой и мертвый инвентарь направлялся в совхозы и коммуны, увеличивали с каждым днем сопротивленіе деревни коммунистической перестройкѣ. К этому прибавился голод, в безжалостных котях котораго Южный берег задыхался уже на второй мѣсяц большевистской власти. Весенняя вакханалія с пересераспределеніем сѣмян, послѣвками и новыми грабежами окончательно поставили деревню на положеніе непримиримаго врага коммунистическим насильникам.

Появляется тайная революціонная организація «Крестьянскій Союз». Цѣли ея еще туманны, кромѣ борьбы с большевиками любовью дѣльной и желанія спать разнообразный фронт деревни в борьбѣ с диктатурой захватчиков. Не безинтересно отмѣтить, что уже на первых собраніях этой маленькой группы выявилось разграниченіе своих интересов и интересов рабочих, чувствовалось нацупываніе «своей» партіи, партіи общекрестьянской. Указывалось, что кромѣ самих крестьян никто не может полностью выражать и защищать их интересы.

Роль этой группы в повстанческом движеніи Крыма значительна. Связавшись с лѣсом, она выдѣлила своего представителя для организационно-политической работы среди зеленых, передав туда пишущія машинки и ротаторы для печатанія прокламацій. Обеспечив отряды продовольственными базами, Крест. Союз начал работу связи всѣх отрядов, что ему удалось сдѣлать очень быстро. Уже в апрѣлѣ 1921 г. зеленые были под общим командованіем и с едиными задачами, кромѣ одного отряда анархическаго толка. Внутренняя работа отрядов по вооруженію, установленію дисциплины, спайки и выявленію политическаго единства, заняла также немного времени. Большинство в отрядах первоначально мыслило создавшуюся военную, силу как кадры будущей арміи, однако, с оговоркой: если «бѣлые» или иностранцы вернутся с прежней тактикой и цѣлями, то вопрос о подчиненіи и признаніи их отпадает. В этом случаѣ намѣчалось два пути: если позволит обстановка, объявить себя кадрами арміи Учредительнаго Собранія, в противном — разойтись и предоставить каждому свободу дѣйствій. Но чѣм дальше шла работа Крестьянск. Союза, тѣм позиція все рѣзче выяснялась и измѣнялась.

К. сожалѣнію, работа Кр. Союза была на время прервана усиленным нажимом красных войск, брошенных на лѣс в значительных силах в составѣ всѣх родов оружія, вклучительно до артиллеріи. Проявленная за послѣднее

время зелеными усиленная деятельность, вынудила власть обратить большое внимание на повстанчество, так как во всем ясно стало, что это не кучки «золотопонной сводочи», а поднимаются мужик, стараясь вырваться из лап «рабоче-крестьянского» правительства.

Решено было не отступать, а дать отпор, каких бы потерь это не стоило, чтобы создать у красноармейцев мнение о неприступности гор. Это было достигнуто путем удачных маневрирования, внезапными налетами и засадами. Борьба обошлась зеленым в несколько человек, тогда как противник был панически напуган и понес большие потери. Целых два месяца не подходили красные к лесу ближе 10 верст, за исключением изредка пробывавших по шоссе броневых автомобилей.

1-го мая была объявлена амнистия со всей системой лжи и провокации, но ни один человек не спустился. В ответ было указано, что первая амнистия после взятия Крыма окончилась разстрелом 40 тысяч человек.

Показательно, что ни один крестьянин не только не советовал мириться, а наоборот, приходили в лес делегации, предлагая дальнейшую помощь, несмотря на то, что в это время большевики перевели содержание своей армии на население тех районов, которые были заподозрены в сношениях с повстанцами. Борьба возобновилась, но сопротивления со стороны красных почти уже не было. Армия голодала, была раздета и все больше и больше попадала под влияние крестьянства. Помещики и белогвардейцы были изгнаны из предель России, а жизнь не только не улучшилась, но ухудшилась; да и борьба вновь разгоралась в более страшных формах: фронта нет — смерть везде. Армия стояла на распутьи. Пришлось замкнуть части. Отослали на Днѣпр, а в Крым вошли более верные и в большем количестве.

Во время этого затишья произошел окончательный перелом в политических позициях зеленых. Способствовало этому появлению в лесу новой группы, которая поставила себя целью вовлечь повстанцев в немедленное выступление в степи для поднятия восстания под флагом «Верховного правителя Михаила», от имени которого распространялся манифест с призывом к восстанию и общалась поддержкой силами где то формируемой самим правительством какой то армии, которая якобы уже выступает. Группа Крест. Союза повела с ними решительную борьбу, закончившуюся быстрой победой, так как вся масса зеленых решительно отвергала всякую новую «Верховную авантюру». Полковник Боженко, объявивший себя заместителем «Правителя», был изгнан из леса *).

Ставка на интервенцию была изжита. Она оказалась изжитой и крестьянскими массами Юга России, с которыми зеленые к этому времени вошли в тесное общение. Борьба внутренним фронтом за Учредительное Собрание — стала отныне лозунгом повстанческой армии. Группа Крестьянского Союза добавляла к этому — борьба за освобождение земли от всяких опытов над ней коммунистических фокусников и порядок, основанный на свободном самоуправлении.

Зеленые становились все сильнее и сильнее. Слухи, а затем достоверные данные об усилении повстанчества в России (Антонов); Кавказ и Сибири увеличивали силы и надежды. Боевое настроение приходилось часто сдерживать, это не всегда удавалось и оно выливалось в ненужные формы: занятие Южного берега, целых волостей и даже городов. И вот когда зеленым в Крыму казалось, что в России близок час решительной победы крестьянства, Кремль пошел на ряд недурно рассчитанных уступок.

Взять деревню силой оказалось невозможным. Попытки ввести красную аракчеевщину потерпели крах. Была объявлена «новая экономическая политика». Вместе с этим развертка замаялась продажным. Конечно, эти меры не привели к улучшению положения крестьянства, но значительно изменили обстановку и главное — создали возможность успеха для новой больше-

*) Дальнейшая судьба этой группы такова: по советским источникам — они основали свой штаб в одной из гимназий Симферополя и продолжали работу. Через несколько месяцев были арестованы. Летом 1922 г. их судили. Приговор — высшая мера наказания для 22 чел. в том числе Боженко, прив.-доц. Пушкирев, полковн. Шишкин, курьеска Ида Румбах и др.

вистской агитациі. У обезсиливших крестьян появилась надежда. Русское «авось» опять захватило их на нѣкоторое время.

В Крыму же, кромѣ того, введеніе «нэпа» совпало с организаціей «автономной республики». Массы населенія были обмануты обѣщаніями устроить самоуправленіе с допущеніем безпартійных. В городах созывались «безпартійныя конференціи» и в Симферополѣ был назначен Всекрымскій татарскій с'ѣзд, послѣ 200-лѣтняго перерыва.

К августу мѣсяцу военное командованіе рѣшило вызвать из Украины до-бавочных 15—18 тысяч войск для ликвидаціи повстанцев. А тут еще извѣстія о разгромѣ Антонова.

Учти все это, дѣятели Крестьянскаго Союза совмѣстно с командирами отрядов рѣшили принять предложеніе красных о двухнедѣльном перемиріи. За это время выяснилось в неоднократных бесѣдах с руководителями деревни, в особенности татарской, что необходимо измѣнить формы борьбы. Населеніе устало от постоа и грабежей красных. Голод уже захватил Крым со всѣми своими кошмарными послѣдствіями, вплоть до людоедства. Отчаяніе охватило всѣх. Власть обѣщала предоставить свободу населенію для изысканія хлѣба. Предполагалось обращеніе к Турціи.

В результатѣ переговоров с населеніем во время перемирія зеленые согласились сойти с гор на слѣдующих условіях (привожу важнѣйшія из них):

1) Амнистія подписывается Московской полномочной комиссіей от имени Совнаркома, а не мѣстной власти. 2) Гарантія неприкосновенности за поручительством мѣстнаго населенія в лицѣ безпартійных конференцій. 3) Освобожденіе из тюрьмы арестованных по подозрѣнію в сношеніях с зелеными. 4) Вывод красной арміи из деревень, гдѣ организуется милиція, с правом вступленія в состав послѣдней повстанцев. 5) Формированіе из повстанцев вооруженных отрядов для борьбы с уголовным бандитизмом.

В Алушкѣ был подписан договор, и на татарском с'ѣздѣ он был подтвержден.

Не прошло и мѣсяца, как повстанчество вновь разгорѣлось из за нарушенія властью ряда пунктов договора.

Это обычная исторія режима предателей. Часть зеленых, не успѣвших скрыться или уѣхать в Россію, была разстрѣлена, но зеленых из мѣстных крестьян не трогали: боялись. Расправились лишь с пришлыми.

...Борьба не кончилась. Она затихла под вліяніем страшнаго голода. В одну зиму и весну 1921—22 г. умерло в Крыму голодною смертью свыше 200 тысяч человек. Насчитывались десятки случаев людоедства.

Как только лѣто 1922 г. принесло незначительное улучшеніе, сила сопротивленія и воли к борьбѣ вновь проявились, приняв, кромѣ подпольной, форму легальной борьбы при выборах в волостные и районные совѣды и надо констатировать, что в настоящее время в деревнях Крыма едва ли можно встрѣтить совдеп с выбранными коммунистами.

В деревнѣ идет накопленіе сил. Никакой спячки нѣтъ — продолжается состояние войны. Коммунизм деревня уже побѣдила. Впереди — новая борьба за окончательное раскрѣпощеніе.

Гельсингфорс.

Мар-ин.

ЛѢСА И ЛѢСНАЯ КООПЕРАЦІЯ.

Россія издавна славится богатствами лѣсов, занимая в этом отношеніи первое мѣсто среди государств всего міра.

Трудно опредѣлить точно какую площадь занимали и занимают наши лѣса, т. к. правильнаго учета русских лѣсов не велось и площадь их всегда опредѣлялась приблизительно. По данным проф. М. М. Орлова, относящимся к довоенному времени, лѣсная площадь Россіи в границах до 1914 года равнялась (в милліонах десятин):

1. Европейская Россія	148,3
2. Финляндія	13,9
3. Кавказ и Предкавказье	6,8
4. Западная Сибирь	105,7
5. Восточная Сибирь	370,6
6. Дальній Восток	81,8
7. Степной Край	6,3
8. Туркестан	18,7
Всего	752,1

Если принять во вниманіе, что общая площадь лѣсов всего земнаго шара по данным 1913 года исчислялась в 1.528.935.000 дес., то лѣса Россіи въ ея прежних границах занимали около половины всей лѣсной площади.

Послѣ Европейской войны и революціи Россія утратила многія свои окраины, а с ними и крупную площадь цѣнных лѣсов, а именно:

в Царствѣ Польском	1.402.427 дес.	} Всего 5.409.931 дес. *)
в Литвѣ	2.206.224 "	
в Прибалтійском Краѣ	1.801.280 "	

Однако, потерянное количество не мѣняет общей картины и Россія по прежнему остается лѣсною царицею міра.

Лѣса представляют для Россіи огромное экономическое значеніе. Они дают главную топливную массу, в которой у нас даже уголь занимает второе мѣсто, и огромное количество строительнаго матеріала. Лѣс является затѣм важным предметом вывоза за границу. Русскій лѣс получил извѣстность на международном рынкѣ уже много столѣтій тому назад. В послѣднее время, перед войной, Россія занимала первое мѣсто среди государств, экспортирующих лѣсные богатства.

Огромная армія рабочих так или иначе пристроилась около лѣса в видѣ простых дровосѣков, пильщиков, сплавщиков, рабочих на лѣсопилках и древообдѣлочных фабриках, а также различнаго рода кустарей, плотников, сто-

*) Необходимо отмѣтить, что лѣсные потери Россіи гораздо выше, чѣм показываетъ эта цифра сама по себѣ. Их увеличенность объясняется двумя обстоятельствами: 1) отшедшіе лѣса находятся в районѣ, сравнительно плотно заселенном и снабженном развитою сѣтью путей сообщенія, лѣса были доступны, повтому, для эксплуатаціи на всей своей площади, чего, как извѣстно, нельзя сказать о подавляюще-большой площади остальных лѣсных массивов, расположенных в районах малолюдных и с рѣдкими путями сообщенія; 2) в отшедших областях находилась значительная часть лѣсообрабатывающих предприятий Россіи (см. ниже).

ляров, колесников, каретников, посудников, игрушечников и т. д. По подсчету В. И. Майера, перед войной эта армія исчислялась свыше чѣм в 1600 тысячъ человекъ.

Весь этот огромный лѣсообрабатывающій аппарат до войны находился в распоряженіи частнаго предпринимателя, если не считать кустарей и небольшого количества казенныхъ лѣсопильных заводовъ.

На территоріи Россіи до войны насчитывалось до 2800 лѣсопильных рам, распиливавшихъ около 4.000.000 куб. саж. древесины. Около 50% ея экспортировалось за границу.

Народный доход от лѣсной промышленности достигал до 632 милл. золот. руб. в год, из которых на рынокъ в видѣ товара обращалось лѣсныхъ продуктов на сумму 147 милл. руб. При этомъ необходимо замѣтить, что товарность продуктовъ лѣсного хозяйства имѣла тенденцію повышаться, что подтверждалось неуклоннымъ развитіемъ нашего лѣсного экпортъ. Лѣс с его продуктами и издѣліями былъ важнымъ слагаемымъ в составѣ нашего народнаго хозяйства. Нижеслѣдующая таблица, составленная В. И. Майеромъ, показываетъ ростъ лѣсного экпорта Россіи:

Годы	Всего вывезено лѣса		В том числѣ обработаннаго	
	Милл. пудов	Милл. рублей	Милл. пудов	Милл. рублей
1904	250,4	73,2	115,3	43,5
1905	270,2	76,9	129,1	46,2
1906	337,9	98,2	140,5	54,2
1907	343,5	107,8	154,4	60,9
1908	373,4	111,2	167,0	64,1
1909	424,0	126,6	185,5	75,1
1910	417,0	138,2	195,8	84,1
1911	416,9	142,4	191,5	86,7
1912	428,0	153,4	211,6	94,0
1913	463,8	164,9	217,0	96,4

Такимъ образомъ, за десятилѣтіе вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ всякаго рода выросъ по вѣсовой массѣ на 85,4%, а по цѣнности — на 125,5%. Лѣсное хозяйство Россіи энергично развивалось. Къ сожалѣнію, развитіе шло только *в ширь* и не шло *вглубь*. Интенсификаціи в лѣсномъ дѣлѣ не было, относительное количество наиболѣе важныхъ с народно-хозяйственной точки зрѣнія лѣсныхъ матеріаловъ — *обработанныхъ* — не увеличивалось. В самомъ дѣлѣ: пропорція между общимъ количествомъ лѣсного вывоза и вывозомъ обработаннаго лѣса за десятилѣтіе почти не измѣнилась. В общемъ экспортъ лѣса обработаннаго составлялъ:

	1904 год	1913 год
по вѣсовой массѣ	46,0%	46,7%
по цѣнности	59,4%	58,5%

Развитіе лѣсного дѣла, повторяло развитіе нашего сельскаго хозяйства, которое также шло по преимуществу в сторону освоенія увеличивающейся площади, а не в сторону усиливающагося использованія земли.

По отдѣльнымъ странамъ лѣсной экспортъ Россіи в 1911 году распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Миліоны пудов	% на всему вывозу		Миліоны пудов	% на всему вывозу
1. Великобританія	166,1	39,8	6. Австро-Венгрія	12,2	2,2
2. Германія	138,2	33,1	7. Италія	0,9	0,2
3. Голландія	50,3	12,1	8. Балкан. страны	2,6	0,6
4. Франція	21,2	5,1	9. Скандин. "	4,8	1,0
5. Бельгія	18,8	4,5	10. Другія "	4,7	1,0

Как видим из приведенной таблицы, главными покупателями наших лѣсных продуктов были Англія и Германія, потреблявшія около 70% всего лѣсного экспорта.

При отдѣленіи от нас Польши, Литвы и прибалтійских лимитрофов, нѣкоторые рынки для нас потеряны — полностью или частично. Они сдѣлались достойными конкурентов, в том числѣ и отдѣлившимся окраин, ставших нынѣ самостоятельными государствами. В сильной мѣрѣ потерянным является и такой важный рынок, как германскій.

Чтобы дать представление о значеніи и размѣрах потерь, понесенных лѣсной промышленностью Россіи, благодаря отдѣленію от нея Польши, Литвы и Прибалтики, приведем их по отдѣльным, наиболѣ важным производствам. Россія потеряла:

1. в лѣсопильном производствѣ — 23% всѣх лѣсопильных заводов;
2. в производствѣ рѣзаной и клеевой фанеры — 30% заведеній;
3. в столярно-мебельном производствѣ и в издѣліях из фанеры — 45%;
4. в паркетном и столярно-строительном производствѣ — 47%;
5. в механическом производствѣ древесной массы и картона — 51%;
6. в писчебумажном и картонном производствѣ — 30%.

Переходя к современному состоянію лѣсного хозяйства в Россіи, приходится ограничиться, за отсутствіем данных по этому вопросу, мѣропріятіями, которыя принимала Совѣтская власть для овладѣнія хозяйственными аппаратами лѣсного промысла, для его поддержанія и развитія, а также ролью кооперации, которая отводится ей Совѣтской властью в лѣсном дѣлѣ.

Как извѣстно, в началѣ своего существованія, Совѣтская власть была охвачена націонализаторской лихорадкой. Націонализировалось все. Націонализаторской лихорадки не избѣгли и лѣсные промыслы с лѣсообрабатывающими предпріятіями. Пострадали и кооперативы, работавшіе в лѣсном дѣлѣ.

Для руководства эксплуатацией лѣсов и лѣсообрабатывающими предпріятіями в губерніях были образованы губернскіе лѣсные комитеты (Гублѣско-мы), а в Центрѣ — Главлѣском.

Перемѣны, происшедшія с появленіем коммунистическаго «планового» хозяйства», скоро сказались, с одной стороны, рѣзким паденіем продуктивности лѣсообрабатывающих предпріятій, а с другой дали бессистемное хищническое истребленіе лѣсов, как со стороны населенія, так и со стороны различных лѣсозаготовительных организацій, что ярко отмѣчалось на сѣздѣ (Январь 1922 г.) завѣдующих губернскими мѣстными отдѣлами, вѣдавшими лѣсным хозяйством в тѣсном смыслѣ слова. По мнѣнію этого сѣзда безхозяйственная рубка лѣсов и захламленность порубей послужила причиною многих лѣсных пожаров послѣдняго времени, уничтоживших миллионы десятин лѣса. Лѣс рубился на 10—20 и даже 30 лѣт вперед. В результатѣ таких рубок в нѣкоторых губерніях сѣлага лѣса не стало вовсе.

С теченіем времени, как извѣстно, жизнь вынудила совѣтскую власть отказать во многом от ея первоначальных социализаторских проэктов и в области хозяйственной перейти к так называемой новой экономической политикѣ (НЭП), основным принципом которой является трестированіе промышленности, т. е. отказ от централизаціи и «Главклизма».

Существенное отличіе трестированія от «Главклизма» заключается в стремленіи к децентрализаціи управленія промышленностью и к построенію послѣдней на принципах хозяйственнаго расчета.

Тресты выдѣляются в самостоятельныя хозяйственныя единицы, которым присваивается большая самостоятельность, вплоть до права привлеченія иностранных капиталов и самостоятельной реализаціи продуктов производства на свободном рынкѣ.

Общей участи трестированія подверглась и лѣсная промышленность. Сначала был образован один лѣсной трест — Сѣверолѣс с районом дѣятельности — Архангельская, часть Вологодской, С. Двинская и Мурманская губерніи. К концу 1922 г. насчитывалось уже 12 центральных трестов и ряд губернских и областных объединеній, покрывших всю Европейскую Россію и Кавказ.

С введеніем НЭПа явилась возможность снова выступить на лѣсном рынкѣ кооперации и частному капиталу. Описаніе роли послѣдняго не входит в задачи настоящей статьи. Попутно отмѣтим, однако, что роль эта уже

и сейчас велика. Из статьи М. Гитлера мы узнаем, что частный капитал на Московском рынкѣ по своему значенію далеко оставляет позади кооперацію и даже тресты. Так, за октябрь и ноябрь прошлаго года мѣстная государственная промышленность дала 46% всѣх оборотов Московскаго лѣсного рынка, за этот же період частная — 51% и прочая (в том числѣ вся кооперація) лишь 3%.

О роли коопераціи в лѣсной промышленности, нам придется судить главным образом по операціям Всероссійскаго Кооперативнаго Лѣсного Союза (Всеколѣса), объединяющаго почти всѣ кооперативные союзы и проводящаго свои лѣсныя операціи, главным образом, через входящіе в него союзы и артели.

Всеколѣс возник 31 мая 1921 г., имѣя в началѣ всего 14 союзов с 633 артелями. Нынѣ он объединяет 46 лѣсных союзов с общим количеством членов до 300,000 (в том числѣ 110,000 физических лиц, занятых разработкой лѣса, его вывозкой и сплавом и переработкой древесины) и с районом дѣятельности на 35 губерній.

Лѣсозаготовительныя работы Всеколѣса в первом году его существованія были построены первоначально на соглашеніи с Главлѣсомом о заготовкѣ и вывозѣ 306,500 куб. саж. дров и 178,000 куб. саж. лѣсоматеріалов. В счет этого было заготовлено дров и лѣсоматеріалов 165,864 руб. саж.; вывезено 192,889 куб. саж. дров и лѣсоматеріалов, что дает цѣнность в 2,717,358 золотых руб. Заготовка производилась 15 союзами по 14 губерніям. По химической переработкѣ дерева Всеколѣс имѣл дѣло в отчетном году с 19 заготовительными организаціями, при помощи которых было изготовлено разных продуктов (смола, дегтя скипидара, канифоли, сосноваго и пихтоваго масла) на сумму 338,840 руб. золотом. Наконец, щепных товаров, при посредствѣ 27 союзов, 14 артелей, 4 частных лиц и 1 правительственном учрежденіи, было заготовлено на сумму 440,000 зол. рублей.

Лишь для небольшой доли своей продукціи Всеколѣс получил право продажи на вольном рынкѣ. Последній в бытовых операціях лѣсной коопераціи не играл поэтому сколько нибудь значительной роли.

Сбыт кустарно-щепных издѣлій Всеколѣса в началѣ отчетнаго періода опредѣлялся договором с Главкустпромом, которому было сдано товаров на 191,000 р. золотом. Одновременно, Всеколѣс выступил и на вольном рынкѣ, постепенно переходя от системы поставок к непосредственной продажѣ.

Годичный оборот Всеколѣса выражался в суммѣ 12.9 миллионов золотых рублей.

Ознакомившись с операціями Всеколѣса, а через них, до нѣкоторой степени, с операціями всей лѣсной коопераціи, нельзя не признать, что роль коопераціи, а в частности Всеколѣса, пока что скромная. Конечно, при этом надо учитывать, что мы имѣем дѣло с организаціей, подведшей итоги своей дѣятельности только за первый год своего существованія, причем это было время лихолѣтя, когда союзу приходилось работать в атмосферѣ правительственнаго недовѣрія, а подчас и открытой вражды и в то же время цѣликом зависѣть от него не только в финансовом отношеніи, но и в смыслѣ полученія лѣсных участков для разработки и правительственныхъ подрядов.

Условія работы Всеколѣса и вообще лѣсной коопераціи настолько еще неблагоприятны для развитія кооперативной дѣятельности, что им стоит удѣлить особое вниманіе.

Причины, неблагоприятствующія развитію коопераціи, надо подраздѣлить на 2 категоріи: внутреннія и вѣшнія. В числѣ первых необходимо отмѣтить паденіе в населеніи за время революціи кооперативной сознательности и довѣрія к коопераціи, каковое явленіе в настоящее время, повидимому, является общим для всей Россіи.

Другим внутренним препятствіем является недостатокъ собственных средств и чрезвычайная трудность привлеченія их со стороны. Из баланса Всеколѣса на 1-ое октября 1922 г. мы видим, что он располагает крайне незначительным размѣром собственных средств — всего лишь 220 млрд., тогда как задолженность одному только Госбанку выражалась к этому времени в 650 млрд.

К вѣшним неблагоприятным условіям относятся тяжелые налоги, высокіе железнодорожныя тарифы и высокая поденная плата. Из приведенныхъ матеріалов в статьѣ М. Гитлера («Лѣсная торговля и тарифная политика Н. К.

П. С.) слѣдует, что отношеніе стоимости желѣзнодорожнаго тарифа на дрова къ стоимости дровъ в 4 раза превышает такое же отношеніе до войны. В рядѣ сообщений съ мѣстъ заявляютъ о сокращеніи лѣсозаготовокъ, вслѣдствіи невозможности выдержать желѣзнодорожные тарифы. На Уралѣ воскрес первобытный способъ перевозки дровъ на лошадяхъ (гужемъ), который обходится, какъ это ни странно, дешевле болѣе чѣмъ в два раза.

Дальнѣйшія внѣшнія неблагоприятныя причины, тормозящія развитіе дѣятельности лѣсной коопераціи, заключается в томъ, что при существованіи лѣсныхъ трестовъ съ предоставленными имъ почти монопольными правами в области лѣсной промышленности, лѣсные кооперативы превращаются в зависимыя организаціи отъ трестовъ. Сотрудникъ Всеколѣса А. Тарасовъ в своей брошюрѣ «Лѣсная кооперація и лѣсные тресты», рисуя положеніе трестовъ и коопераций, говоритъ: «Тресты — не обычныя предпріятія. Они охватываютъ колоссальныя, экономически законченные районы, гдѣ имъ монопольно передано все — и сырьевые фонды, и предпріятія, и право внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Всякая конкуренція заранѣе механически устранена: нѣтъ мѣста ни для какой экономической борьбы. Не можетъ крестьянинъ Архангельской губ. не поладить съ агентомъ «Сѣверо-Восточнаго», уйти искать работы в другомъ мѣстѣ, у другого работодателя, — слишкомъ широко раскинулись границы «Сѣверо-Восточнаго». Не можетъ онъ в лицѣ своего союза выступить на торгахъ и получить площади для самостоятельной разработки: торговъ нѣтъ, и единственнымъ распорядителемъ лѣснохозяйственнаго фонда является все тотъ же «Сѣверо-Восточный». Отсюда вытекаютъ 2 слѣдствія: 1) Крестьянскій трудъ обыкновенно оказывается в полномъ и безконтрольномъ распоряженіи треста; 2) Право крестьянства на созданіе своихъ кооперативныхъ организацій фактически уничтожается на всей территоріи трестовъ... Можно считать фактомъ, совершенно установленнымъ, что «Сѣверо-Восточный» не только отказывается признать преимущественное право организованнаго труда, предпочитая имѣть дѣло съ трудомъ распыленнымъ, но и дѣлаетъ все возможное, чтобы распылить даже кооперативный трудъ. Иное отношеніе со стороны «Сѣверо-Восточнаго» встрѣчаютъ частныя подрядчики. Такъ, в С. Двинской губ. союзу было отказано в передачѣ работъ, но зато онѣ были переданы подрядчику».

Наконецъ, послѣднее, что мѣшало коопераціи завоевать вліятельное положеніе на лѣсномъ рынкѣ — это отсутствіе возможности выступить самостоятельно на заграничномъ рынкѣ. Только в послѣднее время Всеколѣсу удалось по договору съ Комиссаріатомъ Внѣшней Торговли получить признаніе за собой права экспорта продуктовъ производства лѣсной коопераціи, право закупокъ за границей и ввоза для сбыта в Россіи товаровъ, необходимыхъ для развитія производства лѣсной коопераціи, а также и право имѣть за границей своихъ представителей.

Изъ приведенныхъ данныхъ становится понятнымъ, почему лѣсная кооперація, и Всеколѣсъ в частности, не могли широко развитъ полностью своей дѣятельности. Ознакомившись съ условіями, в которыхъ протекала дѣятельность лѣсныхъ кооперативовъ, приходится удивляться даже тому небольшому, что ею сдѣлано.

Ф. Колесовъ.

В ИТАЛИИ.

Фашизм.*)

К концу войны, которую Италия победоносно завершила решительным сражением при Витторіо Венето, страна наша, пожертвовав ради общего дела лучшей частью своей молодежи и своих богатств, оказалась в чрезвычайно критическом положении. Налицо имѣлся большой дефицит, который, как искусно ни старалась замаскировать его финансовая техника, равнялся приблизительно 15-ти миллиардам, и который трудно было погасить, во-первых, из-за безконечного количества обременительных тягот, наваленных на государство централизаторскими системами военного времени, во-вторых из-за гипертрофий армии, численность и требования которой сильно возросли и, наконец, в виду истощения, обремененного всяческими налогами, населения, враждебно относящегося к установлению новых податей. Прибавим к этому серьезные затруднения, встречаемые народным хозяйством и промышленностью при переходѣ с военного на мирное положение, вытекающие отсюда неизбежные экономические кризисы, грозный призрак безработицы, рѣзкий контраст между теми, которые, благодаря войнѣ, достигли неожиданного благоденствия, и теми, которые из-за войны все потеряли; колоссальный рост дороговизны, совершенно не соответствующий индивидуальным ресурсам. Эта ужасающая, катастрофическая ситу-

ация усугубилась дипломатическим разгромом. Настойчивость, с которой союзники оспаривали итальянские требования, предъявленные Югославии относительно восточной границы и несчастный исход дипломатических переговоров, вызывали в населении цѣлую бурю ненависти против тех, которые явились в свое время творцами войны, против так наз. — интервентистов; — и это произошло не только потому, что приходилось присутствовать при том, как народы, воевавшие против нас, оказывались облагодѣтельствованными миром, но и вследствие глубоко проникшего убѣждения, что Италия смогла бы получить то, чего она добилась, не принимая никакого участия в войнѣ, в этой «безсмысленной бойнѣ», как опредѣлил ее римскій Папа.

Все это повело к усилению всѣх антинациональных партій, к свирѣпому ожесточенію против всѣх дѣятелей войны и к расцвѣту антипатріотической пропаганды. Правительство Митти было вынуждено амнистировать дезертиров. Офицеры, награжденные орденами за храбрость, подвергались публичным оскорбленіям и избиеніям; их даже убивали. Само правительство заставило офицеров носить штатскую одежду. Это было царство организованнаго насилия, золотой вѣкъ «экстремизма»; всякое вмѣшательство, всякое свободное слово умѣренных социалистических элементов, как Турати, Прампolini и т. д., оказались невозможными.

Парламентскіе выборы 1919 г. привели к триумфу социалистической партіи (ей удалось провести в нижнюю Палату 150 депутатов) и к укрѣпленію народной партіи (соот-

*) Статья написана для „Крестьянской России“ Директором Международнаго Соціологическаго Института в Туринѣ проф. Франческо Козентини. Она помѣщается в качестве освѣдომительной, как и статьи других иностранных авторов: Сп. Дупарина и Ю. Фидлера — в № 4 сборников и статьи М. С. Москвитина и W. — в этой книгѣ. Редакция.

вѣтствующей христіанско-соціалистическим партіям других стран). Между обѣими партіями началось соревнованіе в борьбѣ против различных военных вывѣленій, а также против дѣятелей войны.

Создавшаяся политическая ситуация облегчила приход к власти Джіолитти. Триумфатором оказался человек, который за свои нейтралитетскія убѣждения разсматривался раньше как измѣнник отечеству.

Первое парламентское выступленіе социалистической фракціи имѣло мѣсто при открытіи палаты, в связи с тронной рѣчью. Вопреки установившемуся обычаю, согласно которому депутаты социалисты никогда не присутствовали при произнесеніи тронной рѣчи, социалистическая фракція на этот раз в полном составѣ явилась на засѣданіе и при входѣ короля удалась с пѣніем интернаціонала.

Рост революціонной волны достиг своего апогея во время захвата фабрик рабочими, когда послѣдніе на многих заводах попытались сами наладить производство при полном невмѣшательствѣ полиціи. Быть может, осторожная уступчивость и примирительный дух правительства Джіолитти спасли Италію от большевизма; при полном расшатаніи національных сил итальянскій большевизм являлся господствующей силой; ни одна социальнo-политическая сила не могла противопоставить себя его экстремизму. Итальянскому большевизму не хватало, однако, подготовки и организованности, ему не доставало людей.

Совершенно неудавшіяся эксперимент с захватом фабрик и производств заставил нѣсколько одуматься рабочія массы и явился для них печальным уроком, преподанным большевизмом. Дни захвата заводов и неразрѣшимаго господства красногвардейцев, — эти дни не оставили других слѣдов, кромѣ воспоминанія о жестокостях подобныя той, жертвой которой явились націоналисты Шимула и Сончини, приговоренные революціонным судом к сожженію в доменной печи. Серия убійств продолжалась сплошь до убійства адвоката Пьетро Джіордани, муниципальнаго совѣтника Болоньи, погибшаго в самой залѣ городского совѣта. Это убійство явилось каплей череполни-

шей чашу: всѣд за ним началось контр-наступленіе, которому суждено было привести к побѣдѣ фашизма.

Из того, что мы сказали, можно легко заключить, что в эпоху, немедленно послѣдовавшую за войной, фашизм явился, с одной стороны, дѣйственным антибольшевистским противоядіем с другой — средством, направленным к использованию результатов побѣды и к возбужденію національнаго духа.

Принимая во вниманіе дух этот, учитывая эту тенденцію фашизма, ясно, что послѣдній должен был собрать вокруг своих знамен не только свободолобивыя души, не терпяція какой бы то ни было пролетарской диктатуры, — т. е. всѣ тѣ элементы, на которых зиждется порядок, но также и непосредственных представителей производства и торговли, разстроенных хроническими забастовками и беспорядками. Тѣм болѣе фашизм должен был собрать тѣх, кто принялъ участіе в борьбѣ на фронтѣ и теперь терпѣлъ издѣвательства над своим національным чувством. Именно среди послѣдней категоріи лиц и были набраны первые пионеры фашистскаго движенія, сумѣвшіе дѣйствовать самоотверженно и смѣло.

Бывшіе фронтовики были единственной силой, способной противодѣйствовать большевистскому господству. Лишь они могли насильно противопоставить насиліе. Благодаря военной организаціи, несмотря на малочисленность, им удавалось в большинствѣ случаев, при помощи быстрой концентраціи сил в том, или ином пунктѣ, производить, «карательныя экспедиціи» и организовать репрессіи в отвѣтъ на насилія экстремистов. Таким образом, фашистское насиліе было рождено насиліем большевиков.

Движенію не доставало руководящаго, организующаго ума, смѣлаго и убѣжденнаго, который сдѣлал бы движеніе популярным и направил бы его к определенной цѣли.

Этот руководящій и организующій ум фашизм обрел в лицѣ **Бенито Муссолини**, который будучи выходцем из рядов революціоннаго социализма, зналъ во всѣх деталях внутреннее настроеніе непріятельских сил и тайну их успѣха. Как сильный оратор (слог его — сдержанный и

производящий впечатлѣніе — чужд реторики) он обладал обаяніем, необходимым, чтобы привлечь к своему дѣлу душу толпы.

Муссолини прекрасно пѣял, что для обезпеченія успѣха надо было лишить большевиков господства над трудовыми массами: это означало лишить всякаго фундамента революціонное движеніе. Несомнѣнно, его инициативѣ обязано учрежденіе фашистских синдикатов. Консолидированіе и быстрое развитіе послѣдних — вот одна далеко не второстепенная причина фашистскаго триумфа.

В то время, как отряды смѣльчаков разрушали биржи Труда, которыя представляли собою цитадель коммунизма, росли ряды фашистских синдикатов, лозунгом которых была не классовая борьба, а между-классовое сотрудничество, не война с капиталом, а объединеніе труда и капитала во имя верховных интересов націи.

Каковы были результаты борьбы в области профессиональнаго движенія?

С одной стороны фашистская организация захватила большое количество бирж Труда, бывших ранѣе коммунистическими, благодаря чему в цѣлом рядѣ областей, гдѣ красный гнет особенно жестоко давал себя чувствовать (в Эмилии, Феррарской области, в Ломбардіи), создавалось диаметрально противоположное положеніе: Коммунистическія организации были разгромлены, поле битвы осталось за организациями фашистов. С другой стороны, болѣе умѣренные элементы конфедерации Труда, которая в политическом отношеніи подчинена социалистической партіи, снова завоевали господствующее положеніе внутри конфедерации. Когда в социалистической партіи, под косвенным вліяніем фашистскаго движенія, произошел раскол сначала между коммунистами и социалистами, а затѣм между родственными коммунистам «максималистами» и «унитаріями» («объединенцами»), конфедерация Труда объявила недействительным союзный договор, заключенный с социалистической партіей и провозгласила свою автономію и аполитичность.

Этот жест привлек к старой конфедерации Труда симпатіи Габріэля Д'Аннунціо. Фашистская организация стала относиться к ней с терпи-

мостью и уваженіем, прекратив нападенія на примыкавшія к ней биржи Труда, и проявляя даже склонность в извѣстной мѣрѣ сотрудничать с послѣдними.

Конфедерация фашистских синдикатов быстро росла в численном отношеніи. Всего лишь послѣ двухлѣтняго существованія, она располагала больше чѣм миллионом зарегистрированных членов, сравнявшись таким образом с конфедерацией Труда, которая в теченіи нѣскольких десятков лѣтъ вела терпѣливую организационную работу. В настоящее время фашистскіе синдикаты имѣют болѣе двух миллионов членов и превосходят в численном отношеніи всѣ другія организациі этого рода.

Это быстрое развитіе явилось результатом множества причин. Во первых, фашистская конфедерация охватывала также и синдикаты средних общественных классов, чиновников и лиц свободных профессій, до того времени слабо представленных или даже вовсе не представленных в старой конфедерации Труда. Кромѣ того, значительная часть трудовых классов, неоформившаяся и безцвѣтная, стремится к объединенію в рядах организации, дающей максимальныя гарантіи защиты и успѣха. Красные, в особенности коммунистическіе синдикаты, цѣлыми пачками переходили к фашистам, ибо красный экстремизм, по их мнѣнію, не сумѣл осуществить революціи, к которой он призывал, а поэтому сдѣдует обратиться к тѣм, кто революцію сдѣлает на самом дѣлѣ и серьезно. Наконец, и это имѣет особую важность, трудящіеся классы устали от краснаго деспотизма, заставлявшаго их нерѣдко проводить забастовки, которых никто не хотѣл и которыя вредили промышленности и самим источникам труда. Они устали от подачей и обложений, навязывавшихся членам красных организаций на каждом шагѣ и потому дававших в общем итогѣ значительныя суммы.

При помощи своего мощнаго профессиональнаго аппарата фашизм пустил глубокіе корни в самую толщу рабочаго класса, становился массовой партіей, овладевал первенствующей ролью в итальянской политической жизни.

С помощью того же аппарата он обезпечивал себѣ максимум силы, устойчивости и долговѣчности.

Основа фашизма, секрет его успеха и роста заключались, однако, в другом — в смѣлом дерзании боевых отрядов, в желѣзной дисциплинѣ. Преимущественно благодаря им, фашизм за два года совершенно уничтожил цитадель большевизма, заставил умолкнуть революционный коммунизм и вернул національным идеалам и задачам то мѣсто, которое они раньше занимали в общественном мнѣніи и в общественной жизни.

Реакція против предательства политиканов и против несправедливого отношенія къ Италіи при заключеніи мира, бунт против дипломатических интриг, благодаря которым у страны нашей были похищены плоды ее побѣды, — эта реакція, этот бунт достигли кульминаціонной точки во время Фіумской эпопеи, явившейся результатом дерзання Габріэля Д'Аннунціо, при горячей поддержкѣ фашизма. Дерзкое предприятие Габріэля Д'Аннунціо тѣсно связано с фашистским движеніем и оно способствовало тому національному подъему, пламенным и смѣлым пададином которого был фашизм.

Фашистскіе отряды, по военному организованные и воодушевляемые сильной вѣрой, превратились, наконец, в значительную силу, с которой находившіяся в правительствѣ лица поневолѣ должны были считаться. Первым государственным дѣятелем, понявшим эту силу и попытавшимся использовать ее, был Джіованни Джіолитти.

Глубкій знаток всякаго рода предвыборной тактики и политических сил страны, Джіолитти понял, что раз уже совершился бывший неизбежным раскол между коммунистами и социалистами, то наступил подходящий момент для коалиціи всѣх конституціонных сил, къ которым слѣдовало привлечь смѣлую фашистскую армію. Он ставил перед собою двойную задачу: уничтожить красный экстремизм и в то же время пустить фашизм по руслу законности и порядка, поглотить его в великом конституціонном механизмѣ. С этой цѣлью Джіолитти назначил в 1921 г. парламентскіе выборы, создавая в каждом избирательном участкѣ «національный блок».

В 1921 г. выборы протекли совсѣм иначе, чѣм в 1919 г. В 1919 году социалисты нераздѣльно господствова-

ли на полѣ сраженія, препятствуя всякой пропагандѣ противников и часто издѣваясь над свободой слова. В 1921 году всѣ участвовавшіе в предвыборной кампаніи партіи смогли свободно развивать свою агитацію, не подвергаясь насилию.

Результат выборов, однако, не соответствовал ожиданіям Джіолитти. План не удался. Социалисты и коммунисты потеряли около 30-ти мѣст. Тѣм не менѣе, они составляли в Нижней Палатѣ значительную группу из 136 депутатов, впрочем, менѣе воинственных, чѣм их предшественники. «Народная партія оказалась усиленной (106 депутатов) и превратилась в хозяина положенія, ибо ни одно министерство не могло располагать прочным большинством без поддержки «народной» фракціи парламента, которая, разумѣется, воспользовалась своим привилегированным положеніем для того, чтобы навязать всѣм смѣнявшимся друг друга либеральным министерствам свои программныя требованія, вплоть до того, что воспрепятствовала возврату Джіованни Джіолитти къ власти. Наконец, в Палатѣ появилась новая активная сила — фашистская фракція, состоявшая из 32 депутатов, которая, вмѣсто того, чтобы позволить конституціонным элементам поглотить себя, на что, быть может, надѣялся Джіолитти, образовала отдѣльную группу, сильно организованную и дисциплинированную, вовлекаая в сферу своего вліянія двѣ другія фракціи: націоналистическую и правых либералов (Саландра). Благодаря этому, получился блок из 64 депутатов, который весьма легко мог измѣнить соотношеніе сил в палатѣ, что и имѣло мѣсто в вопросѣ о взаимоотношеніях с Югославіей.

Фашистская парламентская фракція, хотя и составляла незначительное меньшинство, начала свою оживленную дѣятельность смѣлым жестом, добившись исключенія из парламента коммуниста дезертира Мизіано, причем не встрѣтила никакого сопротивленія со стороны многочисленной социал-коммунистической фракціи. С другой стороны, она заставила крайній лѣвый сектор палаты вести себя болѣе осторожно и сдержанно. Таким образом облик нижней палаты был существенно измѣнен.

В ноябрѣ 1921 г. на римском конгрессѣ, образовалась «Національная

Фашистская Партия» с центром в Римѣ (раньше центр фашистскаго движенія находился в Миланѣ).

С превращеніем в партію, фашизм стал цѣльным организмом, обладая собственным національным совѣтом, центральным комитетом, дирекціей, генеральным секретариатом, парламентской фракціей, ежедневной и еженедѣльной прессой, «группами» свѣдущих лиц, — счастливо задуманными учреждениями, посвященными подробной разработкѣ наиболѣе жизненных національных проблем, — и, наконец, Конфедераціей Фашистских Корпораций, благодаря которой фашизм располагает поддержкой организованных масс.

Когда вслѣдствіе образованія собственной парламентской фракціи, фашизм стал конституціонным политическим элементом, находившіяся в правительствѣ лица начали искать возможности примиренія между враждующими группами, — примиренія, которое могло имѣть неощутимыя послѣдствія внутри страны и еще болѣе за границей. Министерство Бономи, а затѣм министерство Факты приложили старанія для достиженія этой цѣли, причем серьезную поддержку оказал им предсѣдатель нижней палаты Де-Никола. Был даже составлен договор, согласно которому социалисты обязывались отказаться от своих антинациональных тенденцій и пропаганды, а фашизм, со своей стороны, брал обязательство не трогать бирж труда и организаций противника. Больше того, — когда послѣ паденія перваго министерства Факты, с Орландо велись офиціозные переговоры о составленіи им новаго кабинета, сам Муссолини принес оливковую вѣтку мира, предложив, чтобы в состав этого кабинета вошли представители двух враждебных сторон — Муссолини и Турати. Однако, это предложеніе, которое, будучи принято, могло бы направить по совершенно иному руслу ход дальнѣйшихъ событій, не обратило на себя должнаго вниманія.

Конфликты и репрессіи продолжались. Борьба была направлена фашистами также и против лѣваго крыла «Народной Партіи» относившагося с симпатіей к социалистическим идеалам и тенденціям. Фашизму часто приходилось выдерживать схватки и с «королевской гвардіей» — весьма значительными по численно-

сти полицейскими войсками, созданными Нитти в цѣлях поддержанія общественнаго порядка.

Было лишь одно перемиріе: в теченіе Генуэзской Конференціи, прошедшей в совершенно спокойной обстановкѣ, так как враждующія стороны сложили оружіе из уваженія к представителям различныхъ народов, пользовавшимся гостепріимством нашей страны. Тѣм временем смѣнявшія друг друга правительства, не имѣя возможности разсчитывать на прочное и однородное большинство, колебались между противоположными директивами, жили со дня на день, удовлетворяя то одну, то другую группу, без опредѣленной ориентации, без прочной власти, увлекая страну к анархіи и хаосу, к ослабленію престижа государства внутри страны и еще болѣе за границей.

В августѣ 1922 г. фашисты выступили противъ объявленной социалистами всеобщей забастовки протеста, причем они добились полной побѣды. Уже тогда стало ясно, что государственный организм оберегался не офиціальными органами государства, а вооруженными силами фашизма.

Рѣчь, произнесенная Муссолини 20-го сентября 1922 г. в Удинѣ, гдѣ во время войны находилось верховное командованіе нашей арміи, явилась первым бевым кличем. В ней был дан суровый анализ всей внутренней и вѣшной политики, и указана необходимость полного возстановленія престижа и могущества нашей расы. Ясно и опредѣленно высказал Муссолини свое мнѣніе по вопросу о государственном строѣ: «Я полагаю — сказал он, — что монархія отнюдь не заинтересована в том, чтобы препятствовать движенію, которое отнынѣ приходится называть фашистской революціей. Это не соответствует ея интересам, так как, начав ставить препятствія, она превратилась бы в мишень, которую, конечно, мы не смогли бы оставить в покоѣ, так как для насъ это было бы вопросом жизни и смерти. Тот, кто может симпатизировать нам, не может оставаться в тѣни... Необходимо имѣть смѣлость быть монархистами. Почему мы не республиканцы? В извѣстном смыслѣ потому, что мы видим монарха, который не является в достаточной мѣрѣ монархом. Монархія могла бы являть собою преемственность в исторіи націи. Это

— прекрасная задача, имѣющая неоцѣнимое значеніе. С другой стороны, надо избѣжать того, чтобы фашистская революція поставила все на карту».

Через нѣсколько дней, 26 сентября, в Кремонѣ, гдѣ собралось 30.000 «черныхъ рубашекъ», твердая воля добиться власти была подтверждена еще болѣе рѣшительно. Вождь фашизма сказал: «Мы начали поход, который не остановится пока мы не достигнемъ предѣльной цѣли — Рима. И нѣтъ препятствій, созданныхъ человѣкомъ или стеченіемъ обстоятельствъ, которыя смогли бы остановить насъ».

Через нѣсколько дней Муссолини, чувствуя память павшихъ фашистовъ, снова произнесъ рѣчь, в которой, напомнивъ объ обязанностяхъ всѣхъ гражданъ передъ націей, онъ утверждалъ, что фашисты «пролили свою кровь не для защиты интересовъ отдѣльныхъ личностей, кастъ или классов. Эта кровь была пролита не во имя матери, но во имя идеи, во имя духа, во имя всего того благороднаго и прекраснаго, что только можетъ содержать в себѣ душа человѣка».

Это были первые признаки готовящейся революціи. В концѣ сентября в Римѣ, в помѣщеніи итальянскаго синдиката кооперативовъ, дирекція фашистской партіи предоставила Муссолини самыя широкія полномочія для военныхъ и политическихъ дѣйствій, направленныхъ къ захвату власти. Планъ, в общихъ чертахъ, былъ намѣченъ самимъ Муссолини и сообщенъ по секрету наиболѣе близкимъ его сторонникамъ. В первыхъ числахъ октября Муссолини назначилъ «Квадрумвиратъ» в составѣ Микелэ Бьянки, генеральнаго секретаря фашистской партіи, депутата Де Векки, доктора Бальбо и генерала Дель Боно. Планъ оставался неизвѣстнымъ даже самымъ преданнымъ людямъ. Неаполитанскій парадъ долженъ былъ явиться началомъ борьбы: 24-го октября в Неаполѣ собралось 40.000 фашистовъ и 20.000 рабочихъ. В рѣчи, произнесенной в театрѣ Сан Карло, Муссолини повторилъ свои программныя начала в области внѣшней, внутренней и финансовой политики. Поход на Римъ былъ уже рѣшенъ. Но способъ, которымъ онъ былъ осуществленъ, заставилъ правительство растеряться: неаполитанскій парадъ долженъ былъ явиться прологомъ къ національному совѣту фашистской партіи.

Но совѣтъ этотъ неожиданно прервалъ свои засѣданія 26-го октября, а Муссолини переехалъ в Миланъ, чтобы оттуда руководить движеніемъ.

Король былъ оштрафованъ о создавшемся критическомъ положеніи; всѣ усилія были направлены на то, чтобы убѣдить премьера Факту подать в отставку. Но Факта, побуждаемый к этому Саландрой, отклонилъ предложеніе.

В парламентскихъ сферахъ мечтали о составленіи кабинета Джіолиитти—Орландо—Муссолини. Время половинчатыхъ рѣшеній и безплодныхъ компромиссовъ, однако, прошло. Отставка министерства стала неизбежной на слѣдующій день 27 октября, когда военное командованіе фашистовъ находилось уже в Перуджѣ и начало окруженіе Рима.

Министерство Факты, хотя и подало в отставку, отдало приказъ о защитѣ Рима. В рядѣ городовъ фашисты захватили правительственные учрежденія и в нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., в Кремонѣ, выдержали столкновение с полиціей. В субботу 28-го сентября вышедшія послѣ 12-ти часовъ дня газеты сообщили, что министерство объявило по всей Италіи осадное положеніе. Наступилъ самый трагическій моментъ, такъ какъ фашистской революціи пришлось бы начать борьбу противъ самого режима и она не смогла бы мирно осуществиться; создалась опасность столкновения фашистскихъ войскъ с національной арміей. Но король, предвидя тяжкія послѣдствія осаднаго положенія и не желая противиться движенію, отказался подписать декретъ и послалъ Муссолини в Миланъ телеграмму, в которой давалъ ему официальное порученіе составить новое министерство.

Муссолини, послѣ триумфальнаго путешествія, прибылъ в Римъ 30-го сентября в черной рубашкѣ, в которой явился и в Квиринал, принося, какъ онъ выразился, королю «Италію, побѣдившую при Витторіо Венето, освященную новой побѣдой».

Муссолини явился к королю с подготовленнымъ еще в Миланѣ спискомъ своихъ сотрудниковъ. Списокъ этотъ, принятый королемъ, былъ построенъ на принципѣ концентраціи національныхъ силъ. В немъ фигурировали оба главнѣйшіе творцы побѣды: генералъ Діадъ, какъ представитель арміи,

и адмирал Таон' Де Рэвэль — от флота. Кромѣ них там значились виднѣйшіе представители фашизма и других конституционных групп.

Тот, кто от революціонной волны фашизма ждалъ невѣдомо каких катастрофическихъ переворотовъ, очень скоро оказался разочарованнымъ. Дѣятельность фашистскаго правительства, какъ за-границей, такъ и внутри страны, характеризуется возвратомъ къ законности, твердой волей въ достиженіяхъ, смягчаемой обдуманной сдержанностью.

Если мы разберемся во всей сложной работѣ, совершенной фашизмомъ у власти въ различныхъ областяхъ политической дѣятельности, превзошедшей по своимъ результатамъ десятилѣтія парламентской жизни, то увидимъ, что въ ней господствуетъ основная, руководящая мысль, органическій реформаторскій принципъ и здоровое чувство гармоніи.

Казалось, что боевой духъ фашизма долженъ былъ обострить наши отношенія съ Югославіей, уже столь натянутыхъ, и явиться окончательнымъ приговоромъ надъ Рапальскимъ договоромъ и заключенными въ Санта Маргарита соглашеніями.

И что же? Однимъ изъ первыхъ шаговъ министерства Муссолини было предъявленіе этихъ договоровъ парламенту для ихъ исполненія, а затѣмъ и ихъ точное проведеніе въ жизнь. Муссолини уже въ первой своей рѣчи категорически заявилъ: «Мирные договоры, плохіе или хорошіе, будучи подписанными и ратифицированными, должны выполняться». И добавилъ къ этому: «Договоры не вѣчны, не непоправимы: они — отдѣльные главы исторіи, а не ея эпилогъ. Исполнять ихъ означаетъ подвергать ихъ испытанію. Если при ихъ проведеніи въ жизнь выясняется, скль они абсурдны, обстоятельство это можетъ явиться тѣмъ новымъ фактомъ, который сдѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее изученіе позицій договаривающихся сторонъ». И политика соглашеній съ Юго-Славіей, которой было положено начало въ Аббаціи, продолжается нынѣ въ Римѣ.

Еще болѣе важнымъ и тяжелымъ былъ вопросъ о положеніи Италіи въ Антантѣ. Муссолини берется за него энергично и обдуманно. Съ самого начала, въ рѣчи, произнесенной 16-го ноября, онъ слѣдующимъ образомъ ставилъ вопросъ: «Или Антанта, залечивъ

внутреннія неурядицы и противорѣчія станетъ дѣйствительно однороднымъ блокомъ, уравновѣженнымъ, съ равными для всѣхъ правами и обязанностями — или же Италія, возвративъ себѣ прежнюю свободу дѣйствія, честно позаботится, объ удовлетвореніи своихъ интересовъ». И дополняя, какъ всегда, мысль дѣйствіемъ, при первой же своей встрѣчѣ съ союзными министрами, онъ утверждаетъ это равенство, заставивъ ихъ при свиданіи въ Территѣ явиться къ нему навстрѣчу. Въ другомъ случаѣ онъ категорически заявляетъ союзникамъ, что каждое ихъ соглашеніе между собою безъ участія Италіи, будетъ разсматриваться какъ поступокъ не въ достаточной мѣрѣ дружественный.

Первая, величайшая проблема, ставшая передъ Муссолини — была проблема германскихъ репараций. Онъ взялся за ее рѣшеніе, руководствуясь слѣдующими соображеніями: прежде всего необходимо соединить вопросъ о репарацияхъ съ вопросомъ о межсоюзныхъ долгахъ, необходимо превзойти старый франко-германскій антагонизмъ, призвавъ Германію къ сотрудничеству въ дѣлѣ возстановленія Европы, не исключая возможности созданія «производительныхъ залоговъ» въ обезпеченіе репараций, отъ которыхъ Италія не можетъ отказаться. Но въ то же время онъ предложилъ установить круглую цифру репараціонныхъ платежей сообразно экономическимъ ресурсамъ Германіи и опредѣлить эту цифру въ 50 милліардовъ.

Когда произошла Рурская оккупация, Италія попала въ щекотливое положеніе. Она не могла противиться оккупации, ибо не отказалась со своей стороны ни отъ производительныхъ залоговъ, ни отъ репараций. Ей оставалась лишь возможность сопротивляться тому, чтобы оккупация эта не измѣнила своимъ экономическимъ задачамъ и не стала пріобрѣтать политическаго характера.

Другой стоявшій на очереди вопросъ національной политики, касался отношеній съ Турціей, которая, будучи опьяненной военнымъ успѣхомъ и уничтоженіемъ греческой арміи, угрожала перевернуть вверхъ ногами всѣ тезисы Севрскаго договора. И здѣсь Муссолини попадаетъ въ самую точку. Онъ утверждаетъ, что въ Лозаннѣ должно быть признано совершившееся, однако при условіи необходимыхъ гарантій для судоходства черезъ про-

ливы и обезпеченія интересов Европы и христіанских меньшинств. Но Турція, получив то, (на что она имѣет право, не должна ничего больше требовать). В извѣстный момент надо имѣть смѣлость сказать ей: не дальше этого предѣла, ибо Турція побѣдила Грецію, но не Антанту. Наша делегация в Лозаннѣ имѣла господствующее значеніе и доби-лась, не без серьезных затрудненій, подписанія Лозаннскаго мира.

Не менѣе осторожной и обдуманной была политика, которой придерживалась Италия в отношеніи остальных стран. Финансовая помощь, оказанная Австріи и аналогичныя хозяйственныя мѣропріятія в отношеніи Венгріи и Болгаріи показывают, что политика Муссолини отнюдь не стремилась быть жестокой к бывшим врагам, а, наоборот, желала способствовать их хозяйственному и политическому возрожденію.

Даже по отношеніи к Россіи, живущей под режимом, диаметрально противоположным тому, который желает установить Муссолини, даже по отношенію к ней вождь фашизма проявил склонность к примирительной тактикѣ и к тому, чтобы разсматривать наши отношенія с ней независимо от ее внутренних условий. С этой задачей Муссолини согласовал и свое поведеніе в Лозаннѣ, гдѣ Италия настаивала на допущеніи Россіи на конференцію.

В области внутренней и финансовой политики министерство Муссолини добилося исключительных результатов.

Директивы внутренней политики могут быть выражены слѣдующими словами: бережливость, труд, дисциплина, порядок. Прежде всего необходимо возстановить авторитет и престиж государства. В рѣчи, произнесенной 16-го ноября, Муссолини обѣщал, что «граждане, к какой бы партіи они не принадлежали, будут пользоваться свободой передвиженія; всѣ вѣроисповѣданія будут уважаться, особое вниманіе будет оказано господствующей католической религіи; конституціонныя свободы не будут нарушены; какой угодно цѣнью надо добиться уваженія к закону; Государство сильно и оно примѣнит свою силу против кого угодно, хотя бы и против фашистских правонарушителей. ...Государство не предполагает уступать

своей власти кому бы то ни было и всякій, кто только поднимется против него, будет наказан».

И он сдержал это обѣщаніе. Прежде всего он подчинил дисциплинѣ самый фашизм, прекратил его боевыя выступленія и карательныя экспедиціи, упразднил самыя боевыя отряды, слишком приученныя к изолированным дѣйствіям, и создал из них единую національную милицію.

Этой милиціи он довѣрил также и полицейскія функціи, взаимѣ упраздненной королевскій гвардіи.

Огромный престиж, которым пользуется Муссолини, позволяет ему подавлять всякое неповиновеніе, как это имѣло мѣсто во время инцидентов в Падовани, Пилетти, Мизури, или во время событій в Александріи, гдѣ он лично вмѣшался, заставив подчиниться самых вѣрных своих сторонников. Зная, сколь вреден дуализм, создавшійся вслѣдствіе одновременнаго существованія фашистской и національной партій (послѣдняя образовала собственные отряды, которые, в особенности на югѣ, соперничали с фашистами, что не рѣдко вызывало столкновенія), он заставил обѣ партіи слиться и инкорпорировал націоналистическіе отряды в состав національной милиціи. Нынѣ повсюду царит порядок. Нѣтъ забастовок; на заводах и в государственных учрежденіях идет усердная работа по возстановленію нармоннаго хозяйства; на желѣзных дорогах, на почтѣ и телеграфѣ, гдѣ раньше особенно ощущалось разлагающее, антигосударственное настроеніе, царит самая суровая дисциплина; поѣзда уходят и приходят по расписанію, работа канцелярій протекает вполне регулярно.

Одна из важнѣйших задач, стоявших на очереди (также как и в других странах) заключалась в упрощеніи гипертрофированной бюрократіи. Муссолини приступил к сокращенію бюрократических органов рядом энергичных хирургических ампутацій, не устраняя попросту извѣстное количество чиновников, а одновременно сокращая функціи, оставляя лишь необходимыя и устраняя лишніе контроли и службы, нисколько не считаясь при этом с мѣстными или областными интересами. Упрощены школьное и финансовое управленія, затѣм судебный аппарат путем сокращенія числа преторских судов,

обыкновенных судебных палат и высших инстанций. Учреждается, вопреки интересам крупных областных центров, оберегавших свои славные юридические традиции, единый кассационный суд по гражданским делам.

Зная, что реформа бюрократии должна начинаться с центрального государственного управления, Муссолини смѣло принялся за сокращение министерских отделов и подотделов, предоставляя большую свободу действия и инициативы периферическим органам, а также взялся за сокращение числа самих министерств, не упраздняя однако соответственных функций. В первую очередь он объединяет министерство финансов и государственное казначейство, упраздняет должности тех товарищей министра, которые оказались излишними, или функций которых были временными (военные пенсии, изыскания искусства, иностр. дела), затем упраздняет министерство Освобожденных Областей, и в настоящее время подготавливает слияние трех министерств (земледелия, промышленности и Труда) в одно министерство народного хозяйства. Нѣкоторые видѣли в упразднении министерства труда антидемократическую тенденцию, но это совершенно не верно, так как все его функции сохраняются в новом министерствѣ. Нѣтъ никакой нужды, чтобы потребности и запросы труда удовлетворялись специальным органом. Гораздо болѣе логично и полезно, чтобы они гармонизировались с запросами самих источников труда, т. е. промышленности и земледѣлія.

Этой реформой бюрократии правительство Муссолини произвело радикальный переворот. До прихода фашистов к власти в министерствах распоряжались отнюдь не сами министры. В большинствѣ случаев министры были меньше чѣм кто либо знакомы с функциями, к выполнению которых они были призваны. Все мѣропріятія, проекты изготавлялись высшей бюрократіей, которая подчинила себя министров и послѣдніе лишь подписывали продукты творчества генеральных директоров и завѣдующих отдѣлами, причем послѣдніе расширяли свои отдѣлы, создавали новые, дабы укрѣпить собственный престиж и авторитет. Теперь все идет по иному. Власть и руководство перешли в ка-

бинеты министров, которые окружают себя технически цѣнными людьми. Нынѣ дѣйствительно командуют министры и их работа, в свою очередь контролируется и координируется самим Муссолини.

Вполнѣ понятно, что столь энергичными методами было весьма улучшено финансовое положение страны. С одной стороны, значительно возросли государственные доходы, с другой — осуществлены большія сбереженія, так что можно предвидѣть, что финансовый дефицит, равняющійся послѣ войны приблизительно 15 миллиардам, через нѣсколько лѣтъ будет покрыт и установится безубыточный баланс. Недавно изданным королевским декретом Муссолини отмѣнил налог на наследование в предѣлах одной семейной группы, отказавшись таким образом от двухсот милліонов лир государственнаго дохода; этот фактъ показывает, что мы стоим уже на пути безубыточнаго баланса.

Оздоровив бюджет и укрѣпив финансовое положеніе, Муссолини приступил к оздоровленію парламента. К этому стремится его избирательная реформа, вызвавшая столь бурные диспуты в нижней палатѣ и принятая все же конституционными группами, враждебно к ней ранѣе настроенными. Это — смѣлая реформа. Ей суждено произвести глубокой переворот в парламентской структурѣ. Она создает единый, охватывающій всю страну избирательный участок, причем парламентское большинство создается на основаніи списка, получившаго большинство голосов по всем округам, вмѣстѣ взятым. Этот единый избирательный участок в свою очередь заключает в себя весьма обширные областные участки, результаты голосованія которых опредѣляют образованіе фракцій меньшинства на основѣ пропорціональной системы. Реформа эта, которая на первый взгляд может показаться несправедливой, так как она предоставляет различным партиям в парламентѣ мѣсто не соответствующее их реальной силѣ в странѣ, не может быть понятна, если мы не примем во вниманіе послѣдствій строго пропорціональной системы, наблюдавшихся в 1919 и 1921 г. Пропорціональная система раздробила парламентское большинство на множество враждующих групп и

создала сильную фракцию «Народной партии» (106 депутатов), которая, будучи в стране меньшинством, навязывала свою волю парламентскому большинству, так как ее поддержка была необходима для составления любого кабинета. Создавалось абсурдное положение: правительство получало поддержку и директивы от незначительного меньшинства.

Вследствие такой избирательной организации, лишившей устойчивости даже самое авторитетное правительство, нельзя было осуществить никакой смелой, органической реформы. Нынешняя реформа имеет целью прежде всего создание сильного правительства, опирающегося не на противестественные коалиции или компромиссы, а на прочное народное большинство. В законе быть может и есть известное преувеличение, поскольку устанавливается, например, что большинство должно занимать в парламенте 2/3 мест; достаточно было бы предоставить ему 3/5, ибо сильное правительство нуждается не столько в чрезмерно многочисленном большинстве, часто составленном из разнородных элементов, сколько в большинстве сплоченном, которое может быть создано только путем более строгого подбора. Основа реформы, однако, справедлива и она даст неоспоримые результаты.

Из нашего краткого изложения можно сделать тот вывод, что фашизм оказал неоценимые услуги, как во внутренней, так и в международной политике. Он восстановил престиж и авторитет государства, оздоровил баланс, расчистил путь к

административной децентрализации, упростил налоговый аппарат, ставясь в резкую оппозицию ко всем финансовым демогогическим тенденциям, двинул вперед выработку плана общественных работ, согласно новым экономическим, техническим и военным нуждам нации; продвинул дело передачи в частные руки тех предприятий, к эксплуатации которых государство оказалось не способным; усилил армию и флот, и присоединил к ним добровольческую национальную милицию, восстановил дисциплину и активность в работе государственных учреждений и в промышленных предприятиях, подчиняя интересы групп или классов интересам нации; и, наконец, он возстановил повсюду авторитет государства как юридического воплощения нации.

Вся работа, столь смело начатая, поляризуется в мыслях и работе исключительного человека — Бенито Муссолини. Великий престиж и сила этого человека заключается в том, что он выражает собою коллективную идею; он представитель войны, усилившей мощь нации, он — сила патриотизма, приносящего себя в жертву благосостоянию нации. Он — воплощение новой Италии, вышедшей из войны. Своєю мыслью и действиями он показывает нам, что сильные личности рождаются в среде сильных и зрелых народов, и являются цветами на деревьях, обладающем могучим стволом и глубокими корнями.

Профессор Франческо Козентини.

Тури н.

В А Н Г Л И И.

Английская деревня.

Во время войны Англия увидела перед собой опасность быть блокированной и, таким образом, остаться без хлеба. Выработан был спешно парламентский закон, имевший целью увеличить запасы на счет пашен. Решено было вспахать в Англии и Уэльсе 2.000.000 акров целины. Спе-

циальный комитет, назначенный Парламентом, распределил эти предположенные 2 миллиона между графствами с тем, чтобы графства указали отдельным округам, сколько надо вспахать, а округа указали бы отдельным фермерам количество требуемой от них работы. Приказы о запашке («ploughing orders», как они были названы) вызвали

большое негодование среди фермеров. Чиновники, ничего не смыслящие в земледелии, приказывают вспахать пастбища, которые совершенно не годятся для земледелия, — негодовали фермеры. И, тем не менее, площадь запашки была увеличена, как о том говорит следующая таблица (площадь показана в тысячах акров):

Пашотной земли	19.320,8	19.405,1	19.652,7	21.122,7
Под пшеницей	1.904,9	2.051,7	2.103,5	2.793,0
„ ячменем	1.871,2	1.651,9	1.796,1	1.838,4
„ овсом	3.878,0	4.146,9	4.764,0	5.603,4
„ картофелем	1.197,0	1.144,4	1.365,0	1.505,2
„ друг. продукт	12.410,3	12.254,4	13.295,7	15.228,6

В общем, в Соединенном Королевстве выращено было в 1918 году на 40% больше хлеба, чем в 1916 году.

Во время войны Англия сдѣлала также очень тяжелое для ея самолюбия открытіе: выяснилось, что континент имѣет людей, неизмѣримо лучше умѣющих работать на землѣ и неизмѣримо больше любящих ее, чем Англія. До того времени она твердо была убѣждена, что не только англійскіе фабричныя, но и сельскіе рабочіе — самые лучшіе в мірѣ, которые кому угодно дадут «сто очков вперед». Открытіе это было сдѣлано так. Как извѣстно, во время великой войны, вопреки всѣм законамъ международнаго права, военнопленных во всѣхъ странахъ превращали в крѣпостныхъ. Англія, нуждаясь в сельскихъ рабочихъ, отправила в деревни отряды германскихъ солдатъ, работавшихъ подъ стражей. Пленные были всѣ — германскіе фермеры. Любовь у нихъ проявилась даже к чужой землѣ. С обычной нѣмецкой добросовѣстностью они такъ хорошо вспахали поля, что фермеры должны были признать: «Такъ наши никогда не сдѣлаютъ». И послѣ этого спросъ на германскихъ пугарей сильно возросъ.

Война окончилась, временные законы, давшіе правительству исключительныя права, были отменены, блокада забыта, опасность, которую Ламетри в XVIII вѣкѣ называл *маленькой желудка* (голодные бунты), разсѣялась, и снова начался в англійской деревнѣ процессъ сокращенія запашекъ и отлива рабочаго населенія в города. В специальномъ изслѣдованіи о положеніи земледѣлія в Англіи, печатавшемся в маѣ 1923 года в «Таймсъ», авторъ ставитъ такой вопросъ: «Дѣйствительно ли современные государственныя дѣятели желаютъ возрожденія англійской дерев-

ни?» Авторъ — земледѣлецъ — приходитъ къ заключенію, что теперь всѣмъ политическимъ партіямъ, кромѣ торійской, ближе и роднѣе городской рабочей, фабрикантъ, торговецъ. Деревню будто бы обрекли на гибель, чтобы «успокоить» городъ.

У меня нѣтъ намѣренія обсуждать теперь, насколько основательно жалоба упомянутаго изслѣдователя. Мнѣ хочется привести нѣсколько фактовъ, которые дадутъ читателямъ нѣкоторое представленіе о томъ, что такое современная англійская деревня, изъ кого она состоитъ, чѣмъ заняты люди, живущіе тамъ, какъ они живутъ, на что похоже жилище англійскаго сельскаго работника и какое значеніе имѣетъ группировка деревенскихъ обывателей в коопераціи.

Возьмемъ типичную англійскую деревню, подворно описанную г-жей Дэвисъ в ея интересной монографіи: «Life in an english village». В такой деревнѣ мы имѣемъ извѣстный процентъ удалившихся отъ дѣлъ людей, ищущихъ покойной жизни и дешевизны. О занятіяхъ населенія типичной англійской деревни даетъ представленіе следующая табличка:

Земледѣліемъ занято	57,7 проц.
Торговлей	4,5 "
Ремеслами	11,3 "
Разными другими дѣлами	15,7 "
Одинокія пенденцики	10,8 "
100 проц.	

Размѣры фермъ в такой типичной деревнѣ отъ 454 до 3 акровъ. Затѣмъ мы имѣемъ еще в деревнѣ мелкіе наѣлы (allotments) взятые в силу цѣлаго ряда законовъ послѣдняго времени, имѣющихъ цѣлью облегчить населенію доступъ къ землѣ. Такіе клочки земли представляютъ собой большей частью огороды. Почти всѣ фермеры, какъ крупныя, такъ и мелкія, имѣютъ еще какое нибудь другое занятіе: мы видимъ тутъ кабатчиковъ, торговцевъ углемъ, ремесленниковъ, почтмейстеровъ, почталіона, мясника, пономаря и т. д. В той типичной англійской деревнѣ, которая подворно описана г-жей Дэвисъ изъ 34 фермеровъ, у которыхъ земледѣліе является единственнымъ занятіемъ.

5 имѣютъ больше	100 акровъ
4 "	50—100 акр.
7 "	25—50 "
12 "	10—23 "
6 "	10 акровъ

Слѣдующая таблица даетъ нѣкоторое представленіе о фермахъ в типичной англійской деревнѣ. Возьму од-

ну ферму больше 400 акров, одну больше 300 акров и т. д. до самых мелких. Таблица покажет какого рода хозяйство ведется на таких фермах.

Число акров	Характер хозяйства	Сколько раб. кроме хоз.
454.	Пашня и пастбища. Сбют пшеницу, овес, бобы. Молоко отправляют в ближайший город. Поят телят. Держат овец.	10
327.	Молочное хозяйство.	—
195.	Семьдесят акров под плугом. Разводят коров, лошадей, свиней и птиц. Молоко отправляют в ближайший город. Сбют пшеницу, ячмень и овес.	5.
90.	Пять акров под плугом, остальное пастбище. Молочное хозяйство. Сыроварня. Продукты идут в город. Разводят свиней и кур.	1.
48.	Молочная ферма. Сыроварня. Птицеводство.	2.
17.	Молочное хозяйство.	1. два часа ежеднев.
13.	Часть под плугом. Часть под огородом. Разводят свиней.	—
9¼.	Молочное хозяйство.	—
7½.	Молочное хозяйство, ½ акра огород.	—
3.	Молочное хозяйство. Разводят кур.	—

Мелкие участки земли берутся под огороды. «Если кто из деревенских жителей потеряет руку, заболит хроническим ревматизмом или вообще не находит постоянных занятий, он становится огородником», — говорит г-жа Дэвис.

Следующая таблица даст некоторое представление о хозяйствах на allotments:

Размеры участка.

6 акров. Огород. Хозяин держит свиней и кур. Имбёт телёжку. Участок снимается наследственно уже 50 лет.

2 акра. Сад и огород. Хозяин имбёт лошадь и телёжку. Работает иногда поденщиком. Жена — прачка.

1½ ак. Сад и огород. Хозяин разводит свиней и кур. Держит лошадь и телёжку. Иногда работает на других.

1 акр. Огород. Хозяин имбёт пони и телёжку. Живёт со стариком отцом, получающим пенсию.

50 poles (саж). Огород. Хозяин имбёт телёжку и коня. Отвозит по поручению соседей продукты на рынок в город. Сельский работник.

Клочек земли. Несколько фруктовых деревьев и ягодных кустов. Хозяйка — старая женщина. Сын её — сельский работник.

В типичной деревнѣ не мало сельских работников, не имѣющих за душой ничего, кромѣ лишь своих рук. В материальном отношеніи такой работник поставлен теперь не совсѣм плохо, так как получает 25 шилл. в недѣлю. Заработная плата подростков в деревнѣ выше чѣм в городѣ, но процесс тяги из деревни в город продолжается непрерывно. Наибольше предприимчивые отправляются в Канаду и в Австралію, гдѣ у молодого челоуѣка есть «проспекты» стать самому фермером. Наименѣе предприимчивые идут на фабрику.

Вопрос, как удержатъ население в деревнѣ, занимает одинаково всѣ англійскія партіи, до рабочей включительно. Консервативная и либеральная партіи, с этою цѣлью, предлагают выкуп земли у помѣщиков, чтобы превратить сельскаго работника в крестьянина собственника. Земельные законы, которые были приняты Парламентом в послѣднія пятнадцать лѣтъ, не дали ожидаемых результатов. Согласно законам этим, графскіе совѣты имѣют право принудительно отчуждать за выкуп землю у помѣщиков, чтобы сдать её

потом небольшими участками желающим. К концу 1921 г. — 34.000 лиц пожелали воспользоваться законом о мелких наделах (small holding act) дополненным в 1918 г. Они обратились с этой целью к графским советам, которые, согласно закону, должны были исследовать эти прошения с целью выяснить, насколько желающие взять надел — подходят для этого. 29.000 обращений было удовлетворено. Графские советы приобрели 277.000 акров земли, и к концу 1922 года 15.000 аспирантов имъли уже наделы.

Рабочая партия в своей программѣ в 1918 году намѣчает такой план для возрождения английской деревни: а) создание в широком масштабѣ национальных ферм с употреблением на них сельско-хозяйственных машин; б) поощрение мелкаго фермерства, доступнаго каждому желающему посягать себя сельскому хозяйству; в) создание муниципальных сельских предприятий, входящих в общую схему городских предприятий и связанных с ними; д) организация сдачи ферм кооперативным обществам, а также и частным лицам по контрактам, обусловливающим характер обработки земли и гаранти-

рующим путем страхования вознаграждение за потери в случаѣ неурожая... Сельским рабочим должны быть обеспечены здоровыя и удобныя жилищныя условия с достаточным участком земли для огорода, право получения земли под обработку или возможность создания своей небольшой фермы. Заработная плата сельско-хозяйственных рабочих должна обеспечивать им полную возможность имѣть здоровую духовную и физическую жизнь*).

В самое послѣднее время английскіе землевладельцы выступили с заявлением, что земельный вопрос может быть рѣшен только «лицами, понимающими, что нибудь в земледѣліи», а не бюрократами — невѣждами, не выдавшими даже, как пахут — в силу этого землевладельцы утверждают, что правильная земельная реформа может быть выполнена только путем совѣщанія помѣщиков, фермеров и сельских рабочих.

Слѣдующія таблицы покажут число сельских хозяйств в Англіи и Валлисѣ, т. е. во всем Соединенном Королевствѣ без Шотландіи и Ирландіи.

	1—5 акров		5—20 акров		20—50 акров	
	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.
В Англіи . . .	80,646	246,632	101,364	1,139,505	65,171	2,183,796
„ Валлисѣ . . .	9,997	33,747	19,252	218,640	13,259	450,262
	50—100 акр.		100—300 акр.		больше 300 акр.	
	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.
В Англіи . . .	49,286	3,588,909	62,185	10,662,105	13,985	6,489,796
„ Валлисѣ . . .	10,371	753,985	7,495	1,153,596	342	132,126

Согласно послѣдней всенародной переписи, Великобританія производит сельско-хозяйственных продуктов на 150.800.000 ф. ст. Сельским хозяйством занято около 1.840.000 человек. Ирландія производит сельских продуктов на 45.574.000 ф. ст. Земля дает там работу 984.000 человек. Надо прибавить, что гражданская война, продолжающаяся в Ирландіи с 1916 года и замораживающая только теперь, сильно отразилась (в неблагоприятном смыслѣ) на сельском хозяйствѣ, но цифры для опредѣленія ущерба у нас еще нѣтъ.

Трудно указать еще на другую тему, к которой английскіе буржуазные экономисты подходили бы с большим удовольствіем, чѣм к развитію кооперативнаго движенія в Англіи. Дѣйствительно, с 1844 года, когда возникла первая кооперативная лавочка в Рочдейлѣ, английское ко-

оперативное движеніе знало только стремительный успѣх.

Как общее правило, кооперативное движеніе в Англіи представляет собой, главным образом, развитие *потребительных* обществ, хотя мы имѣем также и мощныя кооперативныя общества производителей. В самом дѣлѣ, в Кооперативном Союзѣ мы видим 1.459 коопераций. Из них потребительных обществ было 1.357, производительных 95. Потребительныя кооперативы насчитывают 4.131.477 членов и имѣют капитал в 314.000.000 ф. ст., тогда как производительныя кооперации в Англіи насчитывают 39.331 сочлена и имѣют капитал в 7.000.000 ф. ст. О развитіи кооперации в Англіи свидѣтельствует тот факт, что $\frac{1}{3}$ всего на-

*) Программа Британской рабочей партіи. Приведена полностью в сборникѣ «Проблемы труда в Англіи», изданном С. П. Тюриним, Лондон 1920.

селения Англии потребляет продукты, произведенные или распределенные кооперативными обществами. Сравнительно еще недавно исследователи кооперативного движения в Англии признавали, что движение процветает по преимуществу в северных и центральных промышленных графствах. Лондон всегда изображался «кооперативной пустыней» в том смысле, что в столице потребительные общества не в силах бороться с отдельными торговцами. Теперь и Лондон превратился в действительный кооперативный центр. В 1920 году два кооперативных общества в Лондоне слились в один союз (London co-operative society), являющийся в настоящее время самым большим кооперативным обществом в Англии — с 100.000 членов и с продаж в год товаров на 3.500.000 ф. ст.

Английские, Шотландские и Ирландские кооперации объединены в Оптовые Союзы, распределяющие и производящие продукты, необходимые членам. Стоимость этих продуктов, распределенных в течение года, — 115.000.000 ф. ст. Английское оптовое кооперативное общество является одним из крупнейших торговых предприятий в мире. Оно имеет армию в 40.000 служащих и распределяет в год между членами товаров на 25 мил. ф. ст., произведенных в мастерских и фабриках общества. Оно является главным мукомолом в Англии, и никто больше его не ввозит зерна в Манчестерские доки. В каждом промышленном центре Англии можно найти фабрики этого кооперативного союза. Он изготавливает сапоги, башмаки, мануфактурный товар, платье, мебель, машины, инструменты, посуду, мыло, свечи, папиросы, варенье, конфеты, а затем хлеб и бисквиты.

Кооперативный союз постепенно превращался и в фермера. Сперва английский Оптовый Кооперативный Союз стал булочником, выпекая в своих пекарнях «хлеб насущный» для своих членов. Когда пекарни разрослись, понадобилось иметь дешевую муку. Мало-по-малу общество стало мукомолом. Теперь общество выпускает ежегодно из своих мельниц муки на 13 мил. ф. ст. Когда развилось мукомольное дело, потребовались собственные фермы. Сперва были приобретены в Канаде 10 тысяч акров. В 1921 году Общество

имело в Соединенном Королевстве 35.000 акров земли*).

В деревнях мы наблюдаем другой процесс возникновения кооперативов: группировку фермеров в союзы. Кроме кредитных организаций, эти фермерские ассоциации могут быть разделены так: 1) Общество с целью снабжения на кооперативных началах членов земледельческими орудиями и вообще средствами производства, 2) кооперативные общества производителей для сбыта своих продуктов — с переработкой последних или без нее; 3) Общества взаимного страхования.

Как я указывал уже в статье «Ирландский крестьянин»**), страной таких фермерских организаций является Ирландия. В Англии их — 237 с 40.000 членов и с годовым оборотом в 4.670.000 ф. ст. Молочных ассоциаций 39; число членов в них 5.000, а годовой оборот 1.500.000 ф. ст. В Шотландии 170 фермерских организаций, а число членов 8.000.

Следующие цифры выражают деятельность земледельческих коопераций, занимающихся сбытом с.х. продуктов:

	стоимость продуктов:
В Англии и Валлисе	617.497 ф. ст.
„ Шотландии	317.083 ф. ст.
„ Ирландии	3.949.258 ф. ст.
	4.937.838 ф. ст.

Посмотрим теперь, как помогает английскому деревенскому жителю? Каков его дом (дом)? Обратимся за материалом к капитальному исследованию Рейдера Хаггарда об английской деревне***). Мы найдем там несколько описаний коттеджей сельских работников. Возьмем несколько типичных жилищ. № 1. Домик построен из кирпича, но стены потрескались. Крыша соломенная. Коттедж состоит из трех комнат. В спальню под самой крышей, с дырками, заткнутыми тряпками от дождя, ведет крутая лестница. Пробраться в комнату можно только ползком. В комнате спят две женщины. Одна из них раньше занимала одну комнату со своим отцом в соседнем коттедже, но, исследовательница, помогавшая Рейдеру Хаггарду, настаивала на том, чтобы отец спал отдельно. В комнате внизу спит древ-

*) L. S. Vollf. „Cooperation and the Future of Industry“.

**) См. „Крестьянская Россия“, № 2—3.

***) H. Rider, Haggard, „Rural England, Vol. I.—II.“.

няя, постоянно прикованная к постели, девятиностосемилѣтняя старуха и ея сноха. Должен сказать, что женщины ничего не платили за наем коттеджа. Владѣлец разрѣшил пользоваться им бесплатно до тѣх пор, покуда не умрет старуха. Муж у нея умер незадолго до того, девятиносто девяти лѣтъ. Помѣщик обѣщал старику 10 ф. ст., если он доживет до ста лѣтъ. И когда старик умер, не дотянув до ста лѣтъ, дочь его сказала изслѣдовательницѣ: «Боже мой! За что? Я все сдѣлала, чтобы отец дотянул до ста лѣтъ и получил бы десять фунтов!»

Эта самая женщина все ворчала на старуху и жаловалась, что та зажи-лась на бѣлом свѣтѣ и причиняет всѣм массу хлопот. «Сельскіе работники часто проявляют извѣстную жестокость по отношенію к очень старым родственникам, — прибавляет Рейдер Хаггард — нѣсколько лѣтъ тому назад в деревнѣ Дитчингем я зналъ 102-х лѣтнюю старуху, которая сильно огорченная, ковыляла по саду. На мой вопрос старушка отвѣтила мнѣ, что внучка потушила огонь в каминѣ, единственную радость старухи. Побуждаемый жалостью, я обратился к внучкѣ, которая пришла в ярость, когда я заговорил о старухѣ: «Если вы так любите грязных стариков, — крикнула мнѣ внучка, — так берите себѣ бабушку и смотрите за нею»). Положеніе старика, как лишняго рта, трагично всюду. В давніе годы, когда я мальчиком прѣхал на каникулы, старик, у котораго были состоятельные крестьяне, сообщил мнѣ с горечью: — Торба мині жінка, кій у мене братом (Сума моя жена, а посох — брат).

Надо сказать, что теперь в Англіи, когда старики получают пенсію в 7½ шил. в недѣлю, положеніе их значительно улучшилось. Теперь старики или старухи в семьѣ — уже маленькіе «капиталисты».

Будем продолжать описаніе коттеджей.

№ 2. Ряд небольших коттеджей. До тѣх пор, покуда Рейдер Хаггард не убѣдил помѣщика отвести полюсу земли на задворках, чтобы выстроить здѣсь необходимыя приспособленія, всѣ остатки, отбросы и нечистоты шли в канаву, в которую упались коттеджи. Эти домики были

извѣстны под названіем «людоморов». Окна, выходящія в канаву, невозможно открыть из-за сильной вони.

№ 3. Маленькій коттедж из двух комнат. В одной комнатѣ спят семеро дѣтей. Пол невозможно мыть, так как вода течет через щели вниз в столовую.

№ 4. Коттедж состоит из двух комнат. Нѣтъ никаких особых приспособленій. Верхняя комната, которую я измѣрил, имѣла в длину 17 фут. 7 дюймов, а в ширину 9 фут.; но размѣры ея скрадывались значительно скатом крыши, служившей также и потолком. Окно имѣло 2 фута в вышину и 18 дюймов в ширину. В этой комнатѣ спали родители и восемь дѣтей. В смежном коттеджѣ, тоже состоявшем из двух комнат, жила семья, состоявшая из девяти человек. Обитатели двух коттеджей пользовались водой из грязнаго колодца в саду. Хорошая вода находится в колодцѣ, отстоящем от коттеджей на разстояніи 600 ярдов (250 саж.).

№ 5. В этом коттеджѣ в одной комнатѣ спали взрослая сестра и два брата, из них один — взрослый».

Повидимому, Рейдер Хаггард осматривал особенно скверные коттеджи. В типичной деревнѣ, подворно описанной г-жей Дэвис, в 165 коттеджах было 689 комнат, в которых жили 689 человек:

8 коттеджей имѣли по 2 комнаты			
51	"	"	3
45	"	"	4
33	"	"	5
18	"	"	6
4	"	"	7
5	"	"	8
1	коттедж	имѣла	9 комнат

«При изслѣдованіи я нашла только в трех случаях «скученность», согласно опредѣленію генерал-регистратора, т. е. в коттеджѣ на каждую комнату приходилось болѣе, чѣм по два человека, — говорит г-жа Дэвис. — В сорока двух коттеджах на комнату приходилось 1—2 человека. В остальных 120 коттеджах на каждого живущаго там приходилось болѣе, чѣм по одной комнатѣ»*).

В настоящее время выработали законопроект о сооруженіи удобных коттеджей, которые должны служить одной из причин, могущих удержать сельское населеніе от «перелета».

*) H. Rider Haggard, Vol. II., p. 62.

*) „Life in an English Village“ p. 133.

Коттеджи эти согласно официальному объясненію, «должны быть вмѣстительны и удобны». По возможности, то будут «особняки со свободным пространством со всѣх сторон». «К коттеджу должен принадлежать клочек свободной земли... Можно свободно умѣстить тридцать подобных коттеджей на одном акрѣ; но желательно, чтобы таких домиков было не больше десяти на акрѣ», — прибавляет официальный документ. «Каждый коттедж должен имѣть са-

дик... Абсолютно необходимо, чтобы при домикѣ был клочек земли для огорода». Коттеджи, конечно, должны быть «хорошо дренированы и совершенно сухи». «Необходимо, чтобы коттедж представлял собою, прежде всего, удобную оболочку для созданія дома».

Таковы факты, иллюстрирующие состояніе современной англійской деревни.

Лондон. *Diener.*

В СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Народное хозяйство.

«Человѣчество сѣзжает с европейскаго материка», утверждал А. И. Герцен в 1858 году, высказывая этим одну из своих неотступных мыслей, порожденных наблюденіем над общественной жизнью Европы. Двѣ страны в представленіи нашего блестящаго публициста-художника являлись преемниками угасающаго Запада Европы: Россія и С. А. С. Штаты. Близкія по своему мѣсту в міровой исторіи, обладающія взаимным «избирательным средством», обѣ страны представлялись ему естественными и близкими союзниками в будущем: «у Россіи в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — это Сѣверныя Штаты... Одно пустое, раздражительное дипломатическое самолюбіе, и притом нѣмецкое, думал Герцен, заставляет Россію мѣшаться в западныя дѣла... если она освободится от петербургской традиціи, у ней есть один союзник: это Сѣверо-Американскіе Штаты».

Частично эти предвидѣнія уже оправдались. Они сбылись в отношеніи экономической жизни міра: центр тяжести в хозяйственной жизни человѣчества на наших глазах и явно перемѣстился по ту сторону Атлантическаго океана. Предвидѣніе осуществилось только в отношеніи одной страны — С. А. С. Штатов, Россія лежит в развалинах, живет в

бѣдствіях и до положенія Сѣверных Штатов, до права именоваться наслѣдником Запад. Европы ей далеко.

Появляются надежды и признаки исполненія прогноза Герцена и в отношеніи союзничества обѣих стран: надеждами на дѣятельную помощь в будущем со стороны С. А. С. Штатов живет мыслящая часть Россіи; внимательно и, конечно, не ради простой любознательности вглядывается в положеніе Россіи и общественное мнѣніе Штатов. И не только вглядывается: звѣздный флаг великой страны населеніе Россіи уже видѣло на своих равнинах и никогда не забудет той огромной гуманной работы, которая шла под ним. Есть основанія думать, что эта недавняя помощь С. А. С. Штатов нищей и лѣкарствами не случайный и единичный акт. В ней правильнѣе видѣть лишь первый шаг в сторону длительного и тѣснаго сотрудничества обѣих стран. Обѣ онѣ нуждаются в нем, хотя и далеко не в одинаковой степени.

Наши надежды и наши потребности требуют знанія нашего возможнаго и вѣроятнаго союзника. Мы с радостью встрѣтили поэтому появленіе прекрасной книжки нѣмецкаго экономиста Германа Леви, посвященной народному хозяйству С. А. С. Штатов^{*)}. Далеко не всѣм нашим

^{*)} Герман Леви. Народное хозяйство Соединенных Штатов Америки. Изданіе „Обелиск“, Берлин, 1923 г.

читателям попадет она и потому считаем полезным передать важнейшее в нея содержаніе. С русской точки зрѣнія она *вдвойнѣ* достойна реферирования — по богатому содержанію своему и по темѣ, которую она разрабатывает. На 168 страницах автор сумѣлъ умѣстить очень много фактического матеріала — недурно сгруппированнаго и хорошо связаннаго обобщающими мыслями. Тема автора обладает живым интересом для всѣх русских, кто задумывался над экономическими судьбами Россіи грядущаго. А кто над ними не задумывается?! Кто не должен задумываться?!

Книга открывается указаніем на общность хозяйственной обстановки в Россіи и в А. С. Штатах. «Природный базис, которым обѣ они располагают для цѣлей производства, позволяет в каждой из них видѣть обособленную хозяйственную часть свѣта». Необятныя возможности с.-х. производства, являющіяся для обоих стран основой их экспорта, многообразіе естественных богатств, объемом территории и доступ к морям, казалось бы, обеспечивают обѣм такую степень хозяйственной самостоятельности, какой не знают другія государства». Америка широко и энергично использовала эти возможности, Россія плохо пользовалась ими и прежде, теперь же она «отброшена в первобытное состояніе, выхода из котораго пока не видно». В настоящее время Россія и С. Штаты представляются автору «двумя полюсами хозяйственного развитія». Однако, и теперь, «Россія воплощает принцип» — тот самый, который Америка не только воплощает, но и реализовала: принцип хозяйственной самодостаточности и экономической независимости.

Собранные в книгѣ матеріалы заканчиваются 1920 годом. Лишь в рѣдких случаях они охватывают 1921 и 1922 годы. Это досадно, ибо именно в два послѣдних года отчетливо выявились тѣ крупныя перемѣны и порой острые кризисы, которые были внесены в народно-хозяйственную жизнь Штатов, сильно стимулированную великой войной и ея запросами, послѣвоенным состояніем.

Введеніем к очерку самаго народнаго хозяйства служат двѣ первых главы, описывающія одна — терри-

торію и естественныя богатства, другая — «американскій народ и его хозяйственный характер».

Территорія Штатов нынѣ равняется 3.624.122 кв. милям или $\frac{1}{4}$ всего земного шара. Она обладает длинной береговой линіей (18.000 миль) и богатыми водными путями сообщенія: одна только Миссисипи со своими притоками орошает болѣе $\frac{1}{4}$ части всей территоріи. Свыше 1000 городов соединены прямыми водными путями с морем. Воды рѣкъ дали Штатам и огромное количество электрич. энергіи — 9.423.000 лошадиных сил в 1921 году. Неблагоприятным фактором для воднаго хозяйства Штатов явилась хищническая вырубка, на протяженіи 19 столѣтія огромной площади лѣсов: как и в Россіи, послѣдствіем обезлѣсенія явилось мелководность рѣкъ в сухую пору года и бурный подъем уровня воды в дождливые періоды. Дополненіем к естественным путям сообщенія явились могуче развитыя желѣзно-дорожная и нефтепроводная сѣти: первая в 1918 г. развилась 264.000 милям, т. е. на 29.700 километров длиннѣе, чѣм вся сѣть Европы; вторая только у нефтянаго треста (Standard Oil Company) составляла 40.000 миль (1907 г.). Нѣдра земли богаты ископаемыми. Важнѣйшія среди них добывались в 1913 г. в отношеніи к мировой добычѣ в таких количествах:

уголь	желѣз. руда	мѣдн. руда	Нефть
35%	36%	55%	65%

Населеніе Штатов составлялось в 1900 г. из 76 миллионов чл.-к., в 1910 г. из 92 мил., в 1920 г. — из 106.418.175 человекъ. Этот быстрый рост создается сильной иммиграціей: по переписи 1910 года среди бѣлаго населенія 13,5 милл. человекъ являлись родившимися внѣ Штатов, т. е. иммигрировавшими в них; в том числѣ было 1.602 тысячи человекъ русских по рожденію. Все населеніе Леви дѣлит на двѣ группы — «насадители продуктивной культуры» и участники народно-хоз. жизни «с функциями, характера механическаго». Перемѣны в составѣ иммиграціи выражаются, во-первых, относительным усиленіем второй группы, во-вторых, пониженіем ея качества: переселенцы становятся все бѣднѣе, необразованнѣе, болѣе склонными к преступленію и пользованію общественным призражіем. Отсюда возникло стремленіе власти к ограниченію им-

миграции, столкнувшись, однако, с противоположной потребностью в прилив новых рабочих рук и с опасениями, родившимися из чрезвычайно медленного размножения коренных американцев-белых (на 1000 женщин в брачном возрасте приходится в год только 63—65 рождений, между тем даже во Франции их 86, в Бельгии 119, в Германии 146) и быстрого размножения негров, отрицательное отношение к которым белых американцев общеизвестно и не лишено больших оснований... Борьба этих противоположных опасений и потребностей и определяет колеблющуюся иммиграционную политику федеральной власти Штатов.

Характеристику народного хозяйства Леви начинает с сельского хозяйства. Он постулирует так не случайно: С.-А. С. Штаты являются страной не только индустриальной, «в степени, во всяком случае не меньшей»; они остаются и аграрным государством. По цензу 1910 года работой было занято: в сельском хозяйстве — 12,6 милл. чел., в промышленности — 10,6 милл., в торговле — 3,6 милл., в транспорте — 2,6 милл., в горной промышленности — 964.000 человек. Еще отчетливый огромный народно-хоз. значение сельского хозяйства выступает в цифрах о сырье, доставляемом обрабатывающей промышленности: последняя в 1900 году получила сырья на 9 милл. долларов от моря, на 118 м. из леса, на 311 милл. от горных промыслов и на 1940 милл. долларов от сельского хозяйства. Общая стоимость с.-х. продуктов выражалась в 1890 г. — 2,5 млрд. долларов, в 1900 г. — 5 млрд., в 1914 г. — почти 10 млрд. долларов. При учете этих цифр неудивительным кажется утверждение автора, что «в Америке вся хозяйственная жизнь, поскольку она определяется влиянием конъюнктуры, находится в полной зависимости от подъема или депрессии в сфере сельского хозяйства». Явление хорошо знакомое нам и по России.

Особенно крупную роль играет урожай или неурожай пшеницы, маиса и хлопка — трех важнейших продуктов сельского хозяйства Штатов. «По статистике урожая можно проследить изменения всей конъюнктуры в Штатах за последние десятилетия... хороший или плохой урожай какого либо из трех продуктов

всегда предопределяет состояние всей хозяйственной конъюнктуры в Америке. Недаром каждый американский промышленник, каждыйделец тщательнейшим образом следит за учетом урожая, недаром приводится в движение громадный статистический аппарат..., призванный с максимальной быстротой контролировать размеры обрабатываемой площади, ход посева, количество дождевых осадков, ущерб, наносимый всходам погодой, вредителями и тому подобными данными, позволяющими судить о ходе с.-х. кампании». Выбрав огромную роль, которую играл урожай в хозяйственной жизни России, в последней говорила о «Его Величестве — урожае». По праву, правда, меньшему, это выражение может быть употреблено и в промышленно-развитых Штатах С.В. Америки.

Велико, хотя относительно оно и понижается, значение сельского хозяйства Штатов в их экспорте. Роль аграрного экспорта выражалась для 1880 года 84,3% всей стоимости всего вывоза, в 1900 г. — 61%; в 1910 г. — 50,9% и 42,9% в 1920 году. «Соединенные Штаты и поныне должны рассматриваться, как страна мощного аграрного экспорта». Затруднения в сбыте сопровождаются поэтому кризисом сельского хозяйства, а через него и всего народного хозяйства страны. С.-х. экспорт Америки — пункт возможных экономических столкновений с Россией — конечно, не в близком будущем. На первом месте в с.-х. экспорте Штатов стоит, правда, хлопок, вывозом которого Россия не занималась, но экспортировали Штаты и зерно, и мясо (в 1913 году на 364 милл. долларов, хлопка — необработанного — на 547 милл. долларов).

История Штатов, как и России, является историей страны, которая колонизируется. Колонизационный поток шел с Востока на Запад, от берегов Атлантического океана к берегам Великого. Также шло и освоение земли под с.-х. культуры, в таком же направлении двигалось и интенсивное мясное скотоводство.

Как везде, это освоение нетронутых плугом целинных земель сопровождалось с.-х. кризисом в старых и сравнительно густо-заселенных районах с выпаханными землями. Крупное производство, экстенсивность хозяйства и широкое применение с.-х. машин — три особенности с.-х. хозяй-

ства в производящих районах Штатов — сообщили этому кризису чрезвычайно острый характер и бурное течение. Иадавна заселенные штаты на востокъ Сѣвер. Америки переживали тот же и в одно и то же время с.-х. кризис, что и сельское хозяйство Европы, но только в гораздо болѣе обостренной формѣ. Сходным было и изживаніе кризиса: сельское хозяйство на востокѣ перестроилось на продукцію молочно-яичную и садово-огородную, сдѣлав зерновые культуры второстепенною и даже вспомогательною отраслью. В европейском направленіи совершается внутри-организационная эволюція и *всего* сельского хозяйства Штатов: животноводственная продукція растёт быстро, растениеводственной. Относительная роль продуктов животноводства в общей стоимости всей с.-х. продукціи выражалась 36% в 1900 году, 39% — в 1914 году и 44% — в 1920 году.

Посѣвная площадь, занятая важнейшими культурами, равнялась (в миллионѣх акров):

	1901 г.	1914 г.	1920 г.
Маис	91,3	103,4	104,6
Пшеница	49,9	53,5	57,2
Овес	28,5	38,4	43,3
Рожь	2,0	2,5	5,0
Ячмень	4,3	7,6	8,1
Хлопок	25,8	36,8	36,4
Всего	202,8	242,9	254,6

В таблицѣ обращает вниманіе удвоеніе площади под рожью за послѣдніе шесть лѣтъ — едва ли не результат исчезновенія Россіи с мірового рынка зерновыхъ продуктов *).

Скотоводство Штатов выражалось в слѣдующих цифрах (милліоны голов):

	1901 г.	1914 г.	1920 г.
Лошадей	13,5	21,0	20,8
Молоч. коров	16,3	20,7	23,6
Быков	27,6	35,9	44,7
Овец	41,9	49,7	47,1
Свиной	37,0	58,9	71,7

В народном хозяйствѣ Штатов имѣются двѣ особенности чрезвычайно-важных и очень многое опредѣляющих и обясняющих. Первая из них выражается в огромной про-

странственной раз'единенности центров производства сырья от районов возможной переработки его, от центров потребленія или экспортных пунктов. В сельском хозяйствѣ мѣста производства зерновыхъ продуктов и мяса, находящаяся на Западѣ все болѣе дальнем, отдѣлены огромными пространствами от центров потребленія — штатов Востока. Удаленность производителей от потребителей вызвала в Штатах, как это бывает всегда, концентрацію операций обмѣна — тѣм болѣе сильною, чѣм крупнѣе были разстоянія. Торговые операціи приобрѣли огромный масштаб. Онѣ производятся фермерами-гигантами, по своим размѣрам неизвѣстными европейскому Западу. Вот один примѣръ: по данным спеціального правительственнаго обследованія, в 1905 году потребностъ в говядинѣ покрывалась у Нью-Йорка на 75%, у Бостона на 85%, Филадельфій и Питтсбурга на 60%, у города Провиденса на 95% поставками лишь *шести* крупныхъ фирмъ Запада.

Другою особенностью является высота заработной платы и соответственный ей высокий уровень жизни (*standard of life*). Эта особенность создавала сильные стимулы к сокращенію потребленія живой чело-вѣческой силы и к замѣнѣ ея силой машины. Отсюда широкое примѣненіе машины в с.-х. Штатах (на них было затрачено 250 милл. долларов в 1890 г., 500 милл. в 1900 г. и 1.200 милл. долларов в 1910 году), лихорадочное движеніе на цѣлины Запа-да и экстенсивность хозяйства на нем, отсюда и развитая сѣть огромныхъ элеваторов для зерна, обусловленная, впрочем, совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ отмѣчаемыхъ особенностей.

С еще болѣею наглядностью и силой дѣйствіе обѣихъ особенностей сказалось в промышленности.

Ростъ промышленности Штатов был изумительнымъ. Стоимость ея продуктовъ за 65 лѣтъ — с 1849 по 1914 — выросла с 1.019 милл. долларов до 24.246 милл., а вложенныя в нее средства — с 533 миллионѣх до 18,4 миллиардовъ долларов. В противоположность сельскому хозяйству, в которомъ продукція Запада доминирует надъ продукціей Востока, в промышленности преобладаніе за Востоком: только четыре штата послѣдняго

*) Россія ежегодно вывозила перед войной (1919—1913 г.г.) около 40 мил. п. ржи и около 7 мил. п. ржанной муки.

(Нью-Йорк, Массачусетс, Нью-Джерси и Пенсильвания) вырабатывали в 1914 г. изделий на 9,6 млрд. долларов или почти 40% всей стоимости промышленной продукции.

Важнейшими по стоимости производства отраслями промышленности штатов являются (в миллионах долларов и в % ко всей стоимости промышленной продукции):

Пищевая	4.816,7	19,9%
Текстильная	3.414,6	14,1%
Желѣзодѣлат. и сталелитейная	3.223,1	13,3%
Химическая	2.001,6	8,3%
Деревообдѣлочная	1.599,7	6,6%
Бумажная и полиграфическая	1.456,0	6,0%
Металлообработ.	1.417,0	5,8%
Кожевенная	1.104,6	4,6%
Производство средств транспорта	1.034,5	4,3%

Пространственная разобщенность (ее Леви иллюстрирует на примѣрах промышленности пищевой, желѣзодѣлательной, текстильной, табачной и нефтяной) «отдѣльных стадій производства... обусловила концентрацію... операций в определенных районах и создала тѣм... предпосылки для массовой организации производства». Исключительно большой размѣр промышленных предприятий Штатов — общезвѣстен. Приведу поэтому лишь один примѣр: предприятия с годичным производством выше 1 миллиона долларов вырабатывали в 1914 г. 48,6% общей стоимости промышленного производства, а по отдѣльным отраслям в таких гигантских предприятиях сосредоточивалось до 99% всего производства.

«При наличности предпосылок для феноменального, по европейским понятиям, сосредоточения производства в определенных пунктах, оказалось возможным осуществить раздѣление труда, сочетаемое с небывалой механизацией всѣх отдѣльных стадій производства». На Чикагских бойнях процесс убоя животного распадается не менѣе, чѣм на 78 отдѣльных операций; при выработкѣ обуви выдѣлено не менѣе 84 отдѣльных работ; стальные мосты в Штатах строятся совершенно также, как изготовляются машины. Высокая степень в механизированном раздѣлении труда «стало... характеристической чертой в хозяйственном обликѣ Соед. Штатов». В результатѣ «во многих

случаях стоимость рабочих рук на единицу вѣса, несмотря на болѣе высокую заработную плату, оказывается... ниже, чѣм... в издержках европейского производства».

Из механизированнаго раздѣления труда выросла стандардизация, т. е. однообразие производимых предметов, состоящих в случаѣ их сложности из, так называемых, *замѣнимых* частей. Принцип замѣнимых частей сначала был примѣнен в производствѣ огнестрѣльнаго оружія, потом на фабриках часов, далѣе при изготовленіи швейных машин, «а в дальнѣйшем во всѣх вообще отраслях конструкціонной техники, начиная от паровых крапов и кончая измѣрительными приборами».

Вмѣстѣ с ростом предприятий, с усиленіем объема и цѣнности их производства, измѣнились и их социальный облик: от предприятий единоличнаго хозяина они шли к предприятию акціонерной кампаніи. Обими видами предприятий было изготовлено товаров (в миллиардах долларов):

	1904	1914
Единоличн. хозяев	1,7 13,5%	1,9 8,2%
Акціонер. кампаній	10,9 86,5%	21,1 91,8%
Всего	12,6 100,0%	23,0 100,0%

Дальнѣйшим средством концентрации денежных средств и увеличенія предприятий явились тресты, характерные сліяніем производства и сбыта участников, и возникшія в Штатах в силу комбинаціи ряда обстоятельств: особенностей американскаго права, протекціонной таможенной политики, огромной величины американских предприятий и т. д. О размѣрах и народно-хозяйственном значеніи трестов в Штатах можно судить по двум самым могучим трестам Штатов — по стальному и нефтяному.

Стальной трест (United States Steel Corporation). Возник в 1901 году с капиталом в 1.402.000.000 долларов. При возникновеніи он охватил в Штатах производство —

Литыхъ труб	на 82,8%
Листов. желѣза	79,8%
Провол. желѣза	77,7%
Бѣлой жести	73,1%
Всякаго рода листов. жести	64,6%
Строит. матеріал.	62,2%

Чугуна	43,2%
Стали сыра	65,7%
Рельс	59,8%

Доля стального треста в общем производстве страны понижалась: 65,7% — в 1901 г., 54,3% — в 1910 г., 45% — в 1922 г. Это падение вызывалось усилением конкурирующих с трестом предприятий, которые ходом событий неудержимо влеклись также к трестированию: главнейшие среди них в 1922 г. слились в двух новых концернах, охвативших 20,5% всего соответственного производства Штатов.

Нефтяной трест (Standard Oil Trust) возник в 1882 г. с капиталом в 70 милл. долларов. По данным официального обследования, начатого в 1904 г., на заводах треста очищалось 84% всей очищенной нефти Штатов; трест поставлял 86% всего производства керосина и в такой же доле участвовал в американском экспорте керосина; по его нефтепроводам (40.000 миль!) шло около 90% всей нефти из старых нефтеносных районов и 98% — из новых. «Колоссальные прибыли», извлекавшиеся трестом и его... несомненно гениальным руководителем Джоном Д. Рокфеллером, вооружили трест финансовой мощью, позволившей ему распространить сферу своей деятельности на другие хозяйственные отрасли. Нефтяной трест имеет величайшее влияние на добычу меди, цинка, свинца, хлопкового масла и т. д.

На нефтеносных участках, принадлежавших тресту в 1905 году, производилась только 1/4 часть всей нефти. Его могущество покоится на ином основании — на господстве над транспортными средствами для перемещения нефти и над нефтеперерабатывающими заводами.

Другие тресты Штатов не столь грандиозны, как два охарактеризованных, но и они играют руководящую роль в тех отраслях народного хозяйства, в которых они работают. Два примѣра: бумажный трест (International Paper Company) сосредотачивает в своих рукахработку 80% всего бумажного производства, трест уборочных машин (International Harvester Company) производит 76,7% сѣнокосилок и 87% сѣновязалок.

Высокая концентрация промышленного производства в Штатах объясняется не только благоприятными предпосылками для нея, но и наличностью сильно повышенных стимулов для нея у предпринимателей: «разница между цѣной, устанавливаемой в процессѣ свободной конкуренціи, и той цѣной, которая была достижима в условиях монополии (создаваемой трестированием), была особенно велика в Штатах. Рѣшающее значение на эту разницу цѣн имѣли два обстоятельства: 1) Протекционизм таможенной политики, 2) «своеобразие американских хозяйственных конъюнктур», выражающееся в широких колебаниях цѣн в удачные и плохие годы и в бурном течении подъемов и кризисов промышленности. «Ни в одной странѣ хозяйственный кризис не принимает форм столь рѣзких, ни в какой иной странѣ высокая конъюнктура — „boom“ — не выражается в проявлениях столь бурных, как в Соединенных Штатах». Зависит это от урожая, состоянія сбыта с.-х. продуктов и от существованія все той же протекціонной политики. Останавливаться на всѣх этих факторах я за неостатком мѣста не могу.

Каковы социальные результаты этой поражающей концентрации производства?

Их не перечислить в этой бѣлой статьѣ. Не перечисляет их и реферируемая книга. Она отмѣчает лишь одно благоприятное слѣдствіе и одно социально-вредное. Благоприятным являются тѣ огромныя производственные возможности, которые создаются в руках промышленных концернов при массовости их производства и при огромных финансовых средствах. Для улучшения производства, для усиленія производительности труда и удешевленія продуктов здѣсь нѣтъ границ. Осуществимо все, что способно понизить издержки производства, как результат лучшей организации и лучшей техники предприятий. Характерным выраженіем этой стороны является обычное закрытіе плохо оборудованных или дурно-организованных фабрик и заводов, переходящих при трестированіи в руки трестов.

Отрицательным слѣдствіем является осуществленіе той основной цѣли, из-за которой происходит концентрированіе производства — по-

вышение прибылей предпринимателей, поскольку оно достигается больше высокими ценами изделий. «Многочисленные исследования... сходятся... в том, что корпорации постоянно пользовались своим преимущественным положением для поддержания цен на высоком уровне... уровень цен они стремились регулировать, независимо от стоимости производства».

В заключение остановимся на внешней торговле Соед. Штатов, являющейся важным слагаемым народно-хозяйственной жизни.

Размер внешней торговли, если измерить его стоимостью, равнялся (в миллионах долларов):

	1899 г.	1913 г.	1920 г.
Вывоз	1.203	2.428	8.080
Ввоз	697	1.813	5.274

Три обстоятельства обращают на себя внимание в этих цифрах: 1) неизменно активный торговый баланс Штатов; 2) стремительный рост оборотов по внешней торговле за 1914—1920 годы; 3) огромное превышение в последнем году экспорта над импортом, выражающееся суммой в 2.806 миллионов долларов. Два последних обстоятельства были вызваны войной и послевоенным состоянием мира, когда экономическая жизнь воевавших стран еще не могла войти в нормальную колею. Через год после войны началось, однако, падение преобладания вывоза над ввозом: это преобладание выразилось в 4.016 мил. долларов в 1919 г., в 2.806 мил. — в 1920 г. и в 1.047 мил. долларов в 1921—22 финансовом году. Результаты изменившейся за время войны внешней торговли выразились между прочим в следующем: 1. Европа надолго превратилась в неоплатного должника, Штатам — по вычислениям Friday задолженность Европы Штатам к 1921 году равнялась не менее 15 миллиардов долларов; 2. в огромной степени увеличилась; таким образом, заинтересованность Штатов в положении дел в Европе; 3. Штаты успели стянуть в свои руки до двух третей всего мирового золотого запаса. Состав ввоза и вывоза слагался из следующих частей (в процентном отношении к общей ценности ввоза или вывоза за данный год):

Вывоз Ввоз
1913 1920 1913 1920

Сырье для промышленности	30,1	23,1	35,4	33,2
Промышленные полуфабрикаты	16,8	11,9	19,3	15,2
Фабрикаты	32,0	39,7	22,5	16,6

Продовольствие:				
Необработанное	7,5	11,4	11,7	10,9
Обработанное	13,2	13,8	10,7	23,5

В вывозе растет доля наиболее выгодной — с народно-хоз. точки зрения — части: фабрикатов. Их доля в вывозе составляла 24,4% в 1900 г., 32% — в 1913 г. и 39,7% — в 1920 году. Среди тех отраслей, по которым ценность экспорта в 1913 году составляла больше 100 милл. долларов, первое место занимал необработанный хлопок — 547 милл., далее следовали железо и сталь — 304 милл., зерновые продукты — 211 милл., мясо и мясные продукты — 153 милл., медь — 143 милл., минеральные масла — 137 милл. и дерево — 115 милл. долларов.

По отдельным географическим пунктам вывоз Штатов распределялся так (в процентах):

	1900 г.	1913 г.	1920 г.
Европа	74,6	60,0	54,3
Сев. Америка	13,4	25,0	23,4
Юж. Америка	2,8	5,9	7,6
Азия	4,7	4,7	9,4
Океания	3,1	3,2	3,3
Африка	1,4	1,2	2,0

Во ввозе Штатов обращают на себя внимание сырье для промышленности и продовольственные припасы; они удивляют, если вспомним, что Штаты обладают могучим производством промышленности сырья и являются страной огромного экспорта с.-х. произведений. Удивление увеличивается еще больше, когда узнаешь, что с.-х. импорт (весь, не только продовольствия) значительно превышает с.-х. экспорт — на целых 561 милл. долларов...

Предметами ввоза являются: кофе, какао, чай, табак, сахар, кожи, меха, химические продукты, шелк-сырец, волокнистые вещества, каучук и олово.

Таково в общих очертаниях и в важнейших слагаемых состояние народного хозяйства С. А. С. Штатов — этой страны с бурно-стремительным темпом хозяйственной жизни, с ги-

гантскими предприятиями, каких не знает Старый Свет, с чрезвычайно высоким уровнем заработной платы — также неизвестным Европѣ, с трестами, миллиардерами и с повсемѣстной неизбѣжной машиной, замѣняющей человѣка. «Изумительны при этом не тѣ гигантскія цифры, которыми часто, слишком часто иллюстрируют Американское хозяйствен-

ное развитіе... Удивленія заслуживает нѣчто иное — та движущая сила, из коей эти цифры возникли», то неутомимое стремление американскаго народа все к новым хозяйственным успѣхам, которое обезпечило могучій экономическій расцвѣтъ великой заокеанской странѣ.

З. А. Спудов.

Горе от урожая.

Индустриальный мір Америки в настоящее время наслаждается отъѣмным благополучіем. Всѣ индустріи, пережив послѣ-военный сравнительно небольшой застой, быстро вышли на ровную дорогу усиленной дѣятельности и повышенной доходности, — всѣ индустріи за исключеніем одной. Я говорю о сельском хозяйствѣ.

Сельское хозяйство, а это одна из крупнѣйших и важнѣйших индустрій, не только не пережило послѣ-военнаго кризиса, но, по всей вѣроятности, еще не достигло всей глубины предназначеннаго на его долю паденія.

Неурожая или даже недорода нынче нѣтъ, как его не было и в прошлые два года. Наоборот, нынче урожай пшеницы будет равняться почти билліону бушелей и значительно выше средняго. Но в этом-то и заключается несчастье фермера. Собранный нѣсколько недѣль тому назад урожай пшеницы в южных штатах Америки был встрѣчен на національном рынкѣ менѣе чѣм привѣтливо. Уже в началѣ іюля цѣна спустилась до 1 доллара за бушель на чикагском рынкѣ с соотвѣствующим пониженіем по мѣрѣ удаленія от этого хлѣбнаго центра. Это значит, что фермеры в 300 верстах от Чикаго едва в состояніи реализовать 70 — 75 центов за бушель в 66 русских фунтов.

Сбытъ пшеницы по таким цѣнам в американских условіях ея вырращиванія не может не повести к банкротству всего американскаго земледѣлія. И это не голословное заявленіе. В прошлом году при болѣе высоких цѣнах тысячи фермеров обанкротились. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе тѣ усло-

вія, в которых фермеру приходится вести хозяйство. Покупательная способность фермерскаго доллара в настоящее время равна приблизительно 65 сентам довоеннаго времени, тогда как цѣна продуктов земледѣлія, которые фермеру приходится продавать в нѣкоторых случаях ниже той, которой он пользовался в 1913 году. Интересный ключ к положенію фермера дают цифры, собранныя правительством. Согласно этим данным, отношеніе цѣн всѣх фермерских продуктов к таковым 1913 года равняется 140 процентам, тогда как отношеніе цѣн мануфактуры и готового платья настоящаго года к довоенному равняется 200 процентам.

Что же удивительнаго, что американская періодическая печать, живущая интересами населенія и реагирующая на настроеніе граждан, весьма серьезно озабочена создающимся положеніем в пшеничном дѣлѣ и обсуждает развертывающіяся событія со всѣх сторон.

Вот что говорил еще 20-го іюня Линкольнскій State Journal, когда чикагская хлѣбная биржа только что начала манипулировать над пшеничными цѣнами: «Сообразно развертывающимся в настоящее время перспективам, фермеры к западу от Миссури едва будут в состояніи получить 90 центов за бушель во время уборки хлѣба (от себя добавлю, что тогдашній пессимизм теперь кажется розовой надеждой). Этот хлѣб выращен трудом, машинами и прочим, что входит в стоимость производства, оплачиваемыми такими цѣнами, которые уступают только военным. Цѣна же на пшеницу спустилась ниже какого-либо года за послѣднія девять лѣтъ. Средній фермер нынче едва сумѣет выручить до 13 долларов валового дохода с акра

пшеницы. С другой стороны, его налоги равняются 10 процентам этой суммы. Стоимость сѣмян равняется еще 10 процентам. Уборка с поля и молотѣба, отнимает столько же. Если ферма заложена (а это бывает очень часто), то проценты по закладной будут равняться во многих случаях 3—4 долларам на акр. Можно остановиться даже на этом, чтобы придти к заключенію, что земледѣліе при 90 сентов за бушель пшеницы не может быть доходным. По всей вѣроятности фермер будет терять процентов 40 на выращенной пшеницѣ.

Это в немногих словах дает картину положенія фермеров, главный доход которых заключается в продажѣ пшеничнаго урожая.

Но в чем же дѣло? Почему так спускаются цѣны на пшеницу? может спросить недоумѣвающий читатель. Отвѣтъ очень прост.

Потребительная способность Соединенных Штатов нормально равняется 750,000,000 — 800,000,000 бушелей пшеницы в год. Это включает потребление населенія, корм скоту и сѣмена для слѣдующаго посѣва. При чинѣшнем урожаѣ в билліон бушелей, около 200,000,000 бушелей должны будут пойти на международный рынок. Но куда? В Европу, куда вывоз было налажено во время войны и отчасти продолжался послѣ заключенія мира? Но Европа не в состояніи платить долларами при наличности болѣе дешеваго хлѣба из Аргентины, Канады, Индіи и даже Россіи. По послѣднему отчету видно, что Канада сама нынче получит не менѣе 500,000,000 бушелей пшеницы, и ея вывоз почти удовлетворит Англію, не считая Вост-Индійской пшеницы. Таким образом, перспектива 200-милліоннаго излишка на внутреннем рынкѣ, ялос соответствующая манипуляція хлѣбных дѣльцов, быстро сбили цѣну и еще продолжают играть на дальнѣйшее пониженіе.

Фермеры, с другой стороны, безпомощны и в большинствѣ случаев продолжают продавать, несмотря на дѣйствительно невозможныя цѣны. Да и что же они могут дѣлать? Правда, по разумному совѣту Грея Сильвера, одного из агентов Американской Федераци Фермерских Бюро, многіе фермеры штата Канзаса (сговорившись), прекратили продажу пшеницы на неопредѣленное время. Взамѣн

продажи, они закладывают ее в мѣстном банкѣ для расплаты по долговым обязательствам. Уже во второй половинѣ іюля один из крупных канзасских банков ссужал свыше 100,000 долларов ежедневно с намѣреніем довести операціи в этом направленіи до 2,000,000 долларов в день. Ссуды идут по 5½ процентов годовых и являются дѣйствительно благословеніем для фермеров. Интересно отмѣтить, что эта небольшая мѣра и при том же в одном районѣ довольно быстро сказалась на хлѣбном рынкѣ, гдѣ уже через нѣсколько дней стремительное паденіе цѣн было приостановлено. В настоящее время (конец іюля) хлѣбный рынок даже крѣпнет. Но эта мѣра неизбѣжно может быть только временной. Правда, стабилизуя рынок, она может помочь посылкѣ хлѣба на рынок постепенно по мѣрѣ требованія. Если бы фермеры были хорошо организованы в кооперативы, то такой постоянный и умѣренный поток мог бы продолжаться весь год, как то имѣет мѣсто с фруктами калифорнійских фермеров. Но, к сожалѣнію, фермеры зернового производства не организованы таким образом и, слѣдовательно, калифорнійская выдержка в продажѣ пшеницы едва-ли пройдет в равнинах Америки. 200,000,000 бушелей излишка будут всегда стоять «лѣвшим на задворках» и терроризовать хлѣбный рынок.

Нельзя, разумѣется, предположить, чтобы не было иных планов для спасенія положенія. Планов сколько угодно, и нѣкоторые не лишены извѣстнаго юмора. Так, сенатор Копеланд из Нью-Йорка довольно серьезно совѣтует населенію ѣсть больше хлѣба, чтобы таким образом сѣсть двухсот милліонный избыток, совершенно упуская из виду, что если населеніе будет больше потреблять хлѣба, то, вѣроятно, будет недоѣдать картофеля, мяса и т. д. А избыток картофеля куда дѣвать? спросить-бы почтеннаго сенатора.

Нѣкоторые совѣтуют «помочь Европѣ» и спасти своих фермеров. Эта общая формула, вѣроятно, включает пожеланіе сдѣлать крупные займы нѣкоторым европейским странам с тѣм, чтобы деньги были потрачены в Америкѣ. Такая система займа даст возможность сбыть излишек пищевых припасов в том или ином видѣ. В 1921 году 20 милліонов долларов правительственных денег, с 20 милліона-

ми русских денег, да 15 (кажется) миллионами пожертвованных частными организациями и лицами, потраченные в Америкѣ на закупку пищевых продуктов, дѣйствительно спасли фермера от катастрофы. Это можно повторить и нынче. Но ссуды Европѣ связаны с международной политикой, в которую Соединенные Штаты вмѣшиваются очень осторожно. И план может оказаться не совсѣм пріемлемым. К тому же сенатор Ондервуд, демократ, стоит за него. А этого вполне достаточно, чтобы господствующая республиканская партія отклонила план.

Второй серьезный план заключается в повышеніи хлѣбнаго тарифа. Его выдвигает Американская Федерация Фермерских Бюро. Тариф на пшеницу равняется 30 сентам на бушель. Если фермеры согласятся поднять цѣну на пшеницу, напримѣр, до 2 долларов за бушель, и рѣшат не продавать до ея повышенія, то американскій рынок будет завален канадской или аргентинской пшеницей, и план правалится. Другое дѣло, если тариф будет равняться, напримѣр, 1 доллару 50 сентам за бушель. Республиканская партія издавна славится, как защитница высоких тарифов, и настоящій проект может встрѣтить сочувствіе между членами господствующей партіи.

Но кто может поручиться, что в силу такого защитительнаго тарифа пшеницу не будут выращивать еще в большем количествѣ? И куда будут дѣвать избыток? Или выбрасывать на иностранный рынок за безцѣнок, как иногда практикуется в нѣкоторых индустріях? Тогда излишек американскаго хлѣба может пойти на то, чтобы разорять земледѣліе в конкурирующих странах.

Слѣдующая очередная мѣра, хотя она и не касается настоящаго уро-

жая, заключается в сокращеніи пшеничной посѣвной площади. Это очень цѣлесообразная мѣра в виду того, что довольно порядочный процент избытка происходит за счет увеличенія пшеничной площади, которая за послѣднія пять лѣтъ увеличилась на 9,000,000 акров. Но кто и как поставится провести эту мѣру в жизнь, помимо дѣйствія натурального закона о спросѣ и предложеніи, сказать пока нелегко. В прошлом году уже велась пропаганда в этом направленіи, но результаты нынѣшняго урожая показывают, что ея успѣх был ничтожным.

Таково, в общих чертах, положеніе, в котором оказывается фермер в настоящее время. Уже теперь оно отражается на политической жизни страны. Обѣ крупныя политическія партіи, республиканская и демократическая, в большом замѣшательствѣ и совершенно не знают, что предпринять. А вѣдь в будущем году будут выборы президента. Первой ласточкой перемѣны настроенія явились миннесотскіе выборы в сенаторы 16-го іюля, когда кандидат фермерско-рабочей коалиціи, Магнус Джансон, получил подавляющее большинство голосов, кандидат Республиканской партіи, губернатор Брюс, был забаллотирован.

Слѣдующіе 12 мѣсяцев общають быть весьма интересными в политической жизни американскаго фермера, а с ним и всей Америки. Неожиданныя, а для нѣкоторых элементов и нежелательныя, событія могут разыграться в политической борьбѣ за господство в правительствѣ Соединенных Штатов.

И исходным пунктом является тѣло экономическое положеніе американскаго фермера.

М. И. Волков.

Urbana, Illinois.

Кооперативный сбыт хлѣба.

«Кооперация Хлѣбопашцев Америки» есть дѣтище Американской Федерации Фермерских Бюро и является кооперативной организаціей по продажѣ зернового хлѣба американских фермеров. Организованная іюля 23 и 24, 1920 года, т. е.

ровно три года тому назад, эта номинальная организація ни купила, ни продала ни одного бушеля зерна, затратив в то же время громадное количество фермерских денег. Въ задолженность в настоящее время 350,000 долларов.

«Еще одна бочка соленой свини-

ны», скажет циник в Америкѣ. «Еще одна панама», скажет европейскій пессимист. «Еще один урок — дорого стоящій, но цѣнный, и да не пройдет он даром для мирового кооперативнаго движенія земледѣльцев!» — хочется сказать мнѣ вмѣстѣ с тѣми тысячами фермеров, которые, смотря смѣло в лицо ужасной неудачѣ прошлых трех лѣтъ, планируют для будущаго. Этим настроеніем, по крайней мѣрѣ, дышет отчет совѣта директоров, опубликованный нѣсколько дней тому назад Иллинойской сельско-хоз. ассоціаціей. В нем смѣло и откровенно рисуются всѣ прошлые шаги номинальнаго кооператива и предлагается план реорганизациі. План уже принят и реорганизациа идет по всѣм направленіям. Хочется надѣяться, что на этот раз план войдет в жизнь и фермеры центральных Соединенных Штатов начнут производить сыбт зерна на кооперативных началах.

Исторія Корпорациі Хлѣбопашцев Америки, в общих чертах, такова.

По приглашенію Амер. Федерациі Фермерских Бюро состоялся в Чикаго сѣзд фермеров, особенно заинтересованных в производствѣ зерновых хлѣбцов, и 23-24 іюля 1920 года организовалась «Корпорациа». По организациі кооператива, президент Амер. Фед. Фермерских Бюро назначил рыночный «комитет семнадцати» с представителями из различных хлѣбных районов. Этому комитету было поручено изучить дѣло организациі мѣстных кооперативов по закупкѣ зерновых хлѣбцов. Около семи мѣсяцев велась подготовительная работа людьми честными, искренне преданными дѣлу кооперациі и фермерскаго благополучія, но людьми неопытными в новом для них положеніи и иногда самолюбивым.

16-го апрѣля 1921 года «Корпорациа» была узаконена по закону штата Делавар. К 23 іюня вся подготовительная работа была закончена и на собраніи членов Исполнительнаго Комитета Амер. Фед. Фермерских Бюро было официально объявлено о началѣ организациі мѣстных кооперативов.

План в общем, был таков: графство (уѣзд) или иной подходящій район организовывался в мѣстный кооператив, строил или покупал хлѣбные элеваторы и занимался за-

купками мѣстнаго хлѣба. В больших городах, как Чикаго, Ст. Луи и др., помѣщались областныя отдѣленія Корпорациі и мѣстный хлѣб предполагалось постепенно подвигать в эти центры. Предполагалось всю страну организовать сразу и операциі начать во всѣх одновременно.

На организационную работу этого гигантскаго кооператива потребовался еще цѣлый год.

Реальная сторона в финалѣ трудов комитета семнадцати и их многочисленных экспертов, статистиков и помощников выразилась в том, как установлено на первом годичном сѣздѣ «Корпорациі» в Чикаго 21-24 марта 1922 года, что задлженность корпорациі равняется свыше 200,000 долларов без каких либо фондов в ея казнѣ для погашенія этой задолженности.

Это было первым и довольно сильным ударом по головѣ современнаго кооперативнаго движенія земледѣльческой Америки.

13-го мая 1922 года в Чикаго был собран специальный сѣзд Амер. Федерациі Фермерских Бюро для реорганизациі неудачнаго кооператива. Много было слов, иногда горьких и ядовитых, но большей частью сдержанных (вѣдь Англо-Саксонская раса все же доминирует); в результатѣ реорганизациі произошла и постепенно намѣченный кооператив выходит на новую, болѣе ровную и вѣрную дорогу.

Под давленіем организованных фермеров в Иллинойсѣ был проведен законопроект, по которому національный кооператив получает легализацию на Чикагской Торговой Биржѣ без страха преслѣдованія за монополизацію хлѣбнаго рынка (по закону Шермана против трестов).

По новому плану покупается мѣсто на Чикагской хлѣбной биржѣ. Выпускаются облигациі для покрытія задолженности, причем облигациі предполагается постепенно погашать из будущих доходов кооператива.

Организуется не вся Америка, как предполагалось раньше, а будет сначала для операциі открыт один какой нибудь наиболѣе нуждающійся пункт; по мѣрѣ надобности будут открываться другіе. Рост національнаго кооператива будет зависѣть от успѣха мѣстных одѣлов.

Вот, в общих чертах, положеніе дѣл в одном из главных отдѣлов ко-

оперативнаго сбыта сельскохозяйственных продуктов в Соединенных Штатах. Нужда в упорядочности сбыта хлѣба в Америкѣ в настоящій момент громадная. Пшеничный рынок Америки переживает кризис, с печальным исходом котораго связано банкротство тысяч хлѣбопашцев Америки.

Нужда — мать изобрѣтательности и связывающее звено разнообразных элементов. Сейчас нужда очень велика и это заставляет думать, что именно теперь успѣх кооперативнаго сбыта хлѣба в Америкѣ не за горами.

М. И. Волков.

Urbana, Illinois.

Фермерскія бюро.

Департамент Сельскаго Хозяйства Соединенных Штатов содѣйствует организаціи уѣздов (county) в формѣ фермерских бюро, имѣющих цѣлью развитие в провинціи наиболѣе выгодной и устойчивой системы сельскаго хозяйства и вообще содѣйствіе улучшенію быта сельских жителей. Главнѣйшей цѣлью этой организаціи является объединеніе цѣлаго ряда существующих кооперативных и всяких иных организаціи провинціи и содѣйствіе им в введеніи их работы. Бюро, тоже общественная организація, не стремится замѣнить или конкуррировать с какой либо из дѣйствующих организаціи, но имѣет цѣлью координировать дѣйствія других организаціи путем установленія прочных связей между ними, а также с Штатными и Союзными учрежденіями, отнюдь не покушаясь на самостоятельность мѣстных организаціи.

Вот как резюмируются цѣли учрежденія фермерских бюро:

1. Ободрить самопомощь путем развитія и упражненія в веденіи сельских дѣл самой общиной.

2. Показать всему населенію уѣзда сельскохозяйственныя возможности уѣзда и как таковыя могут быть реализованы.

3. Снабдить средствами, при помощи которых сельскохозяйственные вопросы уѣзда и вопросы домов-ферм могут быть систематически изучаемы и рѣшенія их проводимы в жизнь для обезпеченія благосостоянія и счастья всему населенію.

4. Координировать усилія существующих сельскохозяйственных сил, организованных и неорганизованных, и создавать новые пути для приложенія этих усилій.

5. Доставить агентам представляющим организацію, Штатный сель-

скохозяйственный институт, Союзный Департамент Сельскаго Хозяйства совѣты и указанія лучших людей уѣзда, что должно быть сдѣлано и как это сдѣлать.

6. Создать необходимый мѣстный аппарат для болѣе легкаго и быстрого снабженія каждой общины уѣзда данными, цѣнными как для общины, так и для уѣзда в цѣлом.

Полезность этих фермерских бюро доказывается быстрым распространеніем их в странѣ.

Так, в Штатѣ Нью-Йоркѣ развитіе этих организаціи выражается слѣдующими данными.

	1 март. 1914	1 янв. 1915	1 янв. 1916	1 дек. 1916	1 дек. 1917
Всего организовано бюро .	18	23	31	36	47
Число членов .	2.620	5.557	9.995	13.923	29.781
Среднее число членов на уѣзд	146	242	322	387	634

Мы видим, что в теченіе трех с половиною лѣтъ число уѣздов, гдѣ возникли эти организаціи и развилась их дѣятельность, возросло в два с лишним раза. Общее число членов, возросло болѣе чѣм в десять раз, а среднее число членов на уѣзд возросло болѣе чѣм в четыре раза.

И такой рост замѣчается не только в Штатѣ Нью-Йорк. Мы имѣем данныя, относящіяся к болѣе позднему времени, но охватывающія всѣ Соединенные Штаты. Вот эти данныя.

С перваго іюля 1917 года и по 30 іюня 1918 быстрое развитіе в организаціи фермерских бюро наблюдалось почти в каждом Штатѣ Сѣвера и Запада. Восемь новых Штатов приняли основные принципы плана фермерских бюро и таким образом к 1 іюля 29 из 33 Штатов Сѣвера и Запада имѣют эти бюро либо во всѣх, либо в части их уѣздов: 1 декабря 1916 имѣлось там 287 фермерских

бюро с числом членов 98.654. К первому декабря 1917 года их уже было 384 с общим числом членов 161.391. К 30 июня 1918 их стало уже 791 с числом членов 290.000.

Эти данные показывают, что фермерские бюро с их разветвлениями в виде общинных комитетов в каждой

общинѣ, приобретают симпатии населения, как учреждения полезные.

Слѣдует отмѣтить, что все построение этих бюро с разветвлениями в общинах построено на принципѣ общественного самоуправления

Нью-Йорк. К. Оберучев.

Письмо Самуэля Гомперса американским сенаторам, отправляющимся в Россію.

С. Гомперс, президент Американской Федерациі Труда насчитывающей около 5 миллионов рабочих, обратился с нижеслѣдующим письмом к сенаторам Кингу и Леддѣ, отправлявшимся в Россію.

Письмо это ясно вскрывает построение американских рабочих по отношенію к Совѣтской власти и лишній раз говорит о правильной и здоровой оцѣнкѣ трудовыми слоями всего происходящаго в Россіи.

«Газеты сообщали, что Вы направились отъѣзда в Россію для совѣщанія с лидерами коммунистов, имѣющих своей цѣлью содѣйствіе признанію Совѣтскаго режима американским правительством. Независимо от того, правильно или неправильно указывается газетами цѣль Вашего посѣщенія Россіи, Вы могли бы оказать огромную услугу Американскому народу и Американскому рабочему движению, втолковав Совѣтскому Правительству что извѣстныя стороны его политики являются непреодолимым препятствіем для его признанія.

Прежде всего рабочее движеніе в Америкѣ не вмѣшивается в политическіе или экономическіе эксперименты, выполняемые в других странах, а равно ему нѣтъ дѣла до того, какую правительственную систему устанавливают другіе народы, если только это правительство не пытается использовать Америку, как дополнительную лабораторію для своих опытов.

С самаго начала русской революціи американскіе трудящіеся с симпатіей и сочувствіем смотрѣли на усиленіе Русскаго Народа установить свою свободу. Но вопреки этому дру-

жескому отношенію, агенты Совѣтскаго правительства сдѣлали невозможным сохраненіе послѣдняго по отношенію к коммунистически-совѣтскому режиму и его власти.

Америка была наводнена ордой Совѣтских агентов, пытавшихся путем лжи и интриг, разрушить организацію, созданную американскими рабочими для их собственной защиты. Работа этих агентов разрушенія была столь упорна, что лидеры Американской Федерациі труда должны были с исключительным вниманіем и напряженіем стоять на стражѣ единства и цѣлостности сѣзов, входящих в Федерацию.

Цѣлью этих совѣтских агентов было не только разрушеніе прогресса и благосостоянія американских рабочих, не только замѣна наших самоуправляющихся организацій революціонными комитетами, в которых рабочіе были бы только орудіем в руках Москвы; цѣли их шли дальше: эти мировые заговорщики хотѣли с помощью этих «революціонных комитетов» низвергнуть Американскую республику. Ни один гражданин, знающій подготовленную большевистских пропагандистов, не будет отрицать правильность этого.

Вы, конечно, слѣдите за застѣянными союза сельско-хозяйственных рабочих в Чикаго, захваченнаго коммунистами под маской «трудовой партіи», слѣдующей во всем инструкціям Москвы.

Вы знаете, также, что в концѣ концов, отбросив всѣ маски, коммунисты здѣсь открыто признали, что они представляют интересы Совѣтскаго режима. Теперь мы имѣем зрѣлище коммунистической партіи, формально допущенной в Америкѣ с ея политикой и тактикой, направ-

ленной на низвержение Американского правительства.

Несмотря на это, есть в нашей стране граждане, которые, большей частью по высокому мотивам, прислушиваются и склоняются к широко распространяемой и умно руководимой пропаганде в пользу признания этого большевистского правительства. Едва ли эти граждане отдадут себе отчет в том, что подобное признание поведет за собой открытие по всей стране советских консульств, чрез которые будет проводиться программа Москвы, направленная на низвержение всех существующих учреждений нашей республики.

Рабочие Америки, прежде чем требовать или поддерживать признание иностранного режима, должны иметь уверенность в том, что иностранное правительство не будет пытаться вмешиваться в свободу американского народа или в независимость Американского рабочего движения.

Чтобы американские трудящиеся могли быть уверенными в том, что Советское Правительство не намедлено вмешиваться во внутренние дела нашей страны, весьма важно, чтобы они были точно информированы в ряде вопросов.

Эту информацию Вы можете получить за время Вашего пребывания в России. Специальными пунктами, имеющими особенно важный интерес для рабочих Америки сейчас, являются следующие:

1. Правда ли, что в России нет свободной прессы? Допущена ли здесь оппозиционная печать? Цензуруется ли существующая правительственная печать? Разрешено ли иностранным корреспондентам свободно присылать их телеграммы?

2. Разрешено ли рабочим организовывать свои союзы без всякого вмешательства власти? В какой мере рабочим позволено критиковать Советскую власть и каковы условия, в которых они работают?

3. Правда ли что руководящие лидеры Советского правительства и Третьяго Интернационала одни и те же лица?

4. В какой мере Советское правительство поддерживает или, по меньшей мере, допускает пропаган-

ду Третьяго Интернационала, направленную против иностранных правительств?

5. Индивидуально и не официально ответственные ораторы Сов. Правительства объявляют, что Советская власть больше не представляет власти коммунистической партии, а что она, напротив, является копией власти таких республик, как Соед. Штаты. Если это действительно так, то почему Сов. власть официально и действительно не меняет своего характера, соответственно этому заявлению?

6. Если советская власть готова признать свои обязательства, почему она, в принципе, по меньшей мере, не идет на ясное и определенное их признание?

7. Уверяют, что Советская власть исполняет свои обещания и соглашения. Почему же в таком случае, такие правительства, как Чехословацкое, Турецкое, Финляндское, Латвийское, Польское, не говоря уже о Великобританском, имеющие официальные сношения с Россией, до сих пор имеют натянутые отношения с Советским правительством, и говорят, что оно не выполняет соглашений обещаний.

8. Является ли намерением американских посчителей России, быть в ней в качестве «гостей Советского Правительства», хотя бы даже часть расходов они и покрывали из своих собственных средств? Или же американцы намерены путешествовать свободно по всей России, чтобы найти то, что реально существует за декорациями.

Правда ли, что такие «гости» прибывают в Москву в особых «поездах для гостей», останавливаются в Москве и Петрограде в особых «отелях для гостей», посещают только специальные «школы, фабрики и рудники для гостей»? присутствуют на красноармейских парадах читают только советские газеты и советские статистические отчеты? пользуются советским переводчиком и руководителем?

Цель моего письма — познакомить Вас с некоторыми фактами, и условиями, с которыми Вы могли бы не знакомы.

Американский рабочий класс решительно стоит как против диктатуры «огромных капиталов и грандиозных предприятий», так и против

так называемой, «диктатуры пролетариата». Американский труд вполне ясно сознает всю тяжесть обеих этих крайностей и отвергая обе, он стремится усилить естественный и ра-

зумный прогресс, в направлении свободы, справедливости, демократии и гуманности».

N. Y., Times, July 16, 1923.

XI. Международный Земледельческий Конгресс в Париже.

(23—29 мая 1923 г.).

Одиннадцатый международный земледельческий конгресс собрался в Париже в конце мая (23—29). Впервые после войны, показавшей очевидно, что земледелие является основой благосостояния наций и что ужасы войны и лишения, ею вызванные, переносятся несравненно легче государствами, которые могли удовлетворять продовольственные потребности населения продуктами своего национального сельского хозяйства, сошлись представители агрономической науки и практики сельского хозяйства для выслушания докладов представителей различных государств в том числе и государств, возникших в результате войны.

Конгресс открылся 22 мая. Приветственная речь произнесена была бывшим председателем совета министров и бывшим министром земледелия Французской Республики престарелым Мелином. Приветствуя представителей двух возрожденных европейских национальностей — Чехо-Словакии и Польши, бывший французский премьер в своей речи сказал, что весь современный культурный мир признает теперь, что вопросы интенсификации сельского хозяйства является одним из важнейших для современного человечества, как с национальной, так и с интернациональной точек зрения. Мелин указал дальше на то, что для развития сельского хозяйства необходим мир между народами и что для возрождения сельского хозяйства стран, пострадавших от войны, нужен упорный труд и неунынные заботы, чтобы вернуть землю, истощенной войной, ту производительность, которой она обладала до 1914 года. В заключение своей речи бывший премьер призвал представителей различных стран на съезде к поддержанию идеи объединения всех стран в мирной

культурной работе и предлагал воспользоваться аппаратом Лиги Наций. После приветственной речи министра земледелия Шерона, конгресс разбился на секции и приступил к работе.

Всех секций было установлено семь: 1) агрономия, 2) влияние земледелия на международные отношения, 3) экономия сельского хозяйства, с подсекцией сельско-хозяйственного образования, 4) животноводство, 5) виноделие, 6) лесоводство и 7) земледелие в колониях.

Наибольший интерес представляли доклады третьей секции — секции экономии сельского хозяйства. Два вопроса поставлены были на рассмотрение конгресса: 1) причины отлива сельского населения из деревни в город, последствия этого явления и средства борьбы с ним, улучшение условий труда в сельском хозяйстве и облегчение для земледельцев приобретения в собственность участков, на которых они работают и 2) развитие профессиональных земледельческих союзов.

Из докладов, заслушанных в этой секции, обращает на себя внимание следующие: 1) *де Монико*, «Пути материального и морального улучшения условий земледельческого труда», 2) *Виме*, «О сельско-хозяйственных ассоциациях», 3) *Эгасс*, «Исход из деревни во Францию, его причины и пути борьбы с ним», 4) *Ионеску Сассети*, «Аграрная реформа в Румынии и ее последствия», 5) *Его же*, «Сельско-хозяйственная кооперация в Румынии», 6) *Виконт де Еза*, «Изменение режима собственности в Испании», 7) *А. Делос*, «Социальная роль земледелия», 8) *Де-ла Ломе и Милеко*, «Внутренняя колонизация в Испании». Заслушав доклады Монико и Виме об условиях земледельческого труда и о сельско-хозяйственных ассоциациях, конгресс принял следующую резолюцию: «Ассоциации во всех их видах (синдикаты, кредитные и потребительные кооперативы, общества взаимопомощи) суть основные устой

Особенное значеніе имѣют коопера- тивныя сельско-хозяйственныя орга- низаціи, созданныя в цѣлях коллек- тивнаго храненія, переработки и про- дажи продуктов сельскаго хозяйства потребителям, а также потребитель- ныя кооперативы, так как благодаря их дѣятельности понижается стои- мость жизненных припасов. При по- мощи этих организацій легче всего удержатъ в деревнѣ и на землѣ мел- каго и средняго земледѣльца и вос- препятствовать отходу в город. Поэ- тому онѣ заслуживают особаго вни- манія государственной власти, кото- рая, считаясь с особыми экономиче- скими, социальными и бытовыми особенностями каждой страны, дол- жны оказывать им всяческое покров- ительство».

Вторая секція занималась вопро- сом о вліяніи сельскаго хозяйства на международныя отношенія и глав- ным образом вопросом о сельско-хо- зяйственной эмиграціи и иммигра- ціи; в ней заслушаны были докла- ды: 1) *Туссен*, «О пользѣ междуна- родных сношеній между земледѣль- цами», 2) *Граф де Варен*, «Эмигра- ція и иммиграція сельско-хозяй- ственных рабочих», 3) *Тера*, «О рас- пространеніи метрической системы», 4) *Он же*, «Об объединеніи приѣмов таможеннаго контроля». По предло- женію доктора Лора была принята слѣдующая резолюція: «Одинадца- тый международный конгресс земле- дѣлія полагает, что развитіе между- народных отношеній между земле- дѣльцами есть необходимое условіе процвѣтанія в будущем сельскаго хозяйства; оно может значительно содѣйствовать разрѣшенію міровых экономических проблем, обезпечить мир между народами; конгресс обра- щает специальное вниманіе сельско- хозяйственных организацій всего

міра на неотложную необходимость поднятія международных отноше- ній».

Остальныя секціи конгресса заслу- шали ряд докладов. Техническаго свойства по животноводству, общей агрономіи, винодѣлію и лѣсоводству. В секціи лѣсоводства особый интерес представили доклады, посвященные вліянію войны на лѣсное хозяйство Франціи (*Жено*) и способы восстано- вленія лѣсов, поврежденных войной (*Делорлен*).

Французскіе члены конгресса представили также довольно боль- шое количество докладов, посвящен- ных сельскому хозяйству в колоніях. Наибольшій интерес представлял до- клад *Капюса*, посвященный сельско- хозяйственной политикѣ в колоніях. Автор познакомил седьмую секцію с методами англійской сельско-хозяй- ственной политики в Индіи и на Зо- лотом Берегу, германской — в Камерунѣ (до войны) и в голландской Индіи. Два доклада (*Золла* и *Спир*) были посвящены изученію условий наемнаго сельско-хозяйственнаго труда в колоніях.

Во время конгресса устроена была экскурсія для осмотра опытных станцій, расположенных около Пари- жа и образцоваго молочнаго хозяй- ства в Нормандіи.

Почти всѣ государства свѣта бы- ли представлены на конгресѣ, при- чем с наибольшим интересом кон- гресс выслушал доклады представи- телей новых государств — Польши и Чехо-Словакии. Только величайшее земледѣльческое государство — Рос- сія — не была никѣм представлена на международном земледѣльческом кон- гресѣ.

Проф. П. П. Гронскій.

П а р и ж.

Dr. O. LEHNICH: Währung und Wirtsschaft in Polen, Litauen, Lettland und Estland. Mit Kursübersichten und zwei grafischen Darstellungen, Berlin. Verlag von R. L. Prager, 1923, XII+356.

Значительныя западныя области Россіи вошли в состав новых государствъ европейскихъ образованій. Первые этапы развитія этихъ новыхъ государствъ представляютъ большой общій интерес. Для русскаго читателя онъ возрастаетъ еще больше, ибо развитіе Россіи будетъ совершаться в самомъ тѣсномъ взаимодействіи съ развитіемъ этихъ государствъ.

Книга Лениха представляетъ из себя опытъ систематическаго и объективнаго обзорнаго экономическаго развитія этихъ государствъ за недолгіе годы ихъ существованія. Авторъ особое вниманіе удѣляетъ вопросамъ денежнаго обращенія, но онъ изслѣдуетъ ихъ на фонѣ общаго развитія народнаго хозяйства.

Среди четырехъ разсматриваемыхъ государствъ Польша занимаетъ особое мѣсто по своимъ размѣрамъ, численности населенія, по своимъ естественнымъ и культурнымъ ресурсамъ. Къ той части Польши, которая выдѣлена изъ Россіи, присоединены очень цѣнныя провинціи изъ состава Германіи и Австріи; получившись, такимъ образомъ, новый своеобразный экономическій комплексъ.

Прежняя связь большей части территоріи теперешней Польши съ Россіей, по мнѣнію Лениха, имѣла и положительныя, и отрицательныя послѣдствія для экономическаго развитія. Отрицательныя послѣдствія Ленихъ усматриваетъ въ конкуренціи дешеваго хлѣба черноземной полосы, задерживавшей процессъ интенсификаціи сельскаго хозяйства Польши, а также въ препятствіяхъ, которыя русская таможенная и тарифная политика ставила развитію металлургической промышленности на основѣ добываемыхъ на мѣсть рудъ. Польша зато, благодаря связи съ Россіей, могла развитъ большую обрабатывающую, въ особенности мануфактурную промышленность. Последняя на $\frac{1}{2}$ была въ зависимости отъ внутреннихъ русскихъ рынковъ. Однако, эту промышленность Ленихъ считаетъ какимъ-то неестественнымъ тепличнымъ образованіемъ.

Здѣсь мы должны замѣтить, что авторъ, повидимому, склоненъ недооценивать положительныя стороны экономической связи Польши съ Россіей. Роль русскаго рынка для польской мануфактурной промышленности была даже больше, чѣмъ указываетъ Ленихъ; онъ затѣмъ совсѣмъ не упомянулъ о громадной галантерейной промышленности, характерной особенно для Варшавы, которая была также разсчитана на русскій рынокъ. Считать промышленность Польши тепличной, пока она была объединена съ Россіей, не имѣется оснований. Эта промышленность выросла подъ защитой таможенныхъ пошлинъ, но едь и въ другихъ молодыхъ странахъ правительства прибѣгали къ этой мѣрѣ. Можно ли всю промышленность Соединенныхъ Штатовъ, потому что она развивалась подъ эгидой таможенныхъ пошлинъ и до сихъ поръ еще пользуется ихъ защитой, называть тепличной? Польская промышленность вполне доказала свою жизнеспособность въ конкуренціи на восточно-русскихъ рынкахъ съ Московской промышленностью, пользовавшейся преимущественнымъ вниманіемъ русскаго правительства.

Если на польское сельское хозяйство давилъ дешевый черноземный хлѣбъ, зато промышленный разцвѣтъ Польши и то обстоятельство, что Варшава являлась центромъ потребленія ренты не только собственной Польши, но и всей Западной Россіи, создавало богатые рынки для мѣстнаго сельскаго хозяйства. Если тѣмъ не менѣе на западно-европейскую мѣрку (но не русскую) сельское хозяйство Польши нельзя считать передовымъ, то въ этомъ выражалось не столь-

ко отрицательное влияние экономической связи с Россией, сколько неблагоприятное влияние русского политического режима в Польшу. Последняя была мишена даже того местного самоуправления, которым пользовалась внутренняя Россия, а при полном отсутствии местного самоуправления благоприятное развитие сельского хозяйства, вообще, и крестьянского хозяйства, в частности, невозможно.

В тех границах, в которых сейчас очерчена Польша, она представляет из себя страну с очень богатыми естественными ресурсами и с очень выгодным (конечно, с экономической точки зрения) положением.

Сельскохозяйственные ресурсы Польши чрезвычайно возросли, вследствие включения в ее состав Восточной Галиции и, в особенности, двух провинций Германии: Познани и Западной Пруссии. Эти две провинции давали Германии большие избытки сельскохозяйственных продуктов, в них сосредоточена обширная свеклосахарная промышленность. Высокая сельскохозяйственная культура этих провинций несомненно окажет свое благотворительное влияние на сельское хозяйство русской Польши.

В первые годы после окончания войны Польша, вследствие ее разоренного состояния, вынуждена была ввозить к себе много продовольствия. Но с 1921 года запашки в Польшу стали быстро расширяться. В том же году она уже смогла вывезти около 3-х милл. пудов сахара. Автор, судя по темпу развития польского сельского хозяйства, полагает, что Польша скоро сумеет стать страной, вывозящей хлеб. Свою аграрную реформу Польша проводит весьма осторожно. С социальной точки зрения это может вызвать справедливые нарекания, но во всяком случае этим предотвращается слишком глубокое потрясение сельского хозяйства.

При раздѣлѣ между Германией и Польшей Верхней Силезии, Польшу досталась лучшая ее часть; в ее пользу отошли 75% добываемого угля, 80% жельза, весь цинк и пр. Польша располагает теперь значительными минеральными богатствами и прекрасно оборудованной железнорудительной промышленностью. Значение силезской промышленности так велико, что, по мнению автора, и другие виды промышленности будут оттянуты поближе к этому району.

Уголь Домбровского района, производительность которого, впрочем, могла быть увеличена, не удовлетворял Польшу, и она в первые годы вынуждена была ввозить много угля из Германии. Теперь условия коренным образом изменились. Польша потребляет 1.500 милл. пудов угля. Уже при сокращении настоящей производительности силезских копей, она получает возможность вывозить ежегодно 400 милл. пудов угля, а при поднятии этой производительности до довоенной нормы — даже 1.000 милл. пудов.

Польша обладает теперь богатейшей железнорудительной промышленностью, богатыми свинцовыми и цинковыми копями, очень богатыми залежами каменной соли (Богния и Величка в З. Галиции), а также некоторым запасом нефти (Дроздобыч в В. Галиции).

Конечно, наиболее трудным является положение мануфактурной промышленности Польши. Автор несколько замалчивает факт, что в сущности немцы в эпоху своего владычества в Польшу препятствовали ее функционированию. Тем не менее и эта промышленность в объеме 50% довоенного ее развития уже функционирует. Она со своими изделиями проникла на новые Балканские рынки, кое-что идет уже в Россию. Конечно, ее конкурентоспособность поднимается низким уровнем польской валюты. Но во всяком случае это возрождение польской мануфактурной промышленности не подтверждает мнения автора, что польская промышленность является тепличным растением.

Торговля в Польшу быстро оживает. Вместе с тем чрезвычайно быстро растет товарное и пассажирское движение. Железнодорожная сеть прусских провинций и Галиции достаточно густа, но сеть русской Польши недостаточна, так как и строилась она в значительной мере со стратегическими целями. Здесь необходим большой капитал для дополнительного оборудования сети, которым государство не располагает. Польша обладает в Данциг некоторые привилегии, которые обеспечивают ей удобный выход в Балтийское море; договором с Румынией она обеспечила себе выход в Черное море. Большая выгода Польша надеется извлечь из непосредственной и транзитной торговли с Россией, когда начнется процесс ее возрождения; даже теперь уже торговля с Россией играет заметную роль в жизни Польши.

«Окращение ввоза състных припасов, превращение Польши из страны, ввозящей уголь, в страну, вывозящую уголь, оживление промышленности и торговли, казалось бы, создают условия для финансового оздоровления страны. Однако, это оздоровление не наступило. Бюджетные дефициты громадны. Польская марка катится вниз, и только послы Рура германская марка стала ее обгонять в своем падении. Польское правительство никак не может получить заграничного займа, необходимого для государственных нужд. Но это по мнению автора, имеет место, несмотря на то, что народное хозяйство Польши развивается благоприятно и должно было бы возбуждать доверие к своей устойчивости. Финансовый затруднения автор считает следствием yanlışной политики Польши, ставящей страну перед трудными, можно сказать, непосильными задачами. Сможет ли быть эта политика когда-либо приведена в соответствие с реальными интересами народного хозяйства, или она вытекает из неблагоприятного (с политической точки зрения) географического положения страны и из ее глубоких национальных традиций, — это покажет будущее. Но автор постоянно предупреждает, что по современному неблагоприятному положению польских финансов не следует делать выводы о неблагоприятных перспективах польского народного хозяйства.

Литва, Латвия и Эстония являются, по сравнению с Польшей, очень маленькими политическими образованиями. В их небольших размерах заключаются известные трудности и для их организации. Для Латвии и Эстонии, которые являются центрами значительной промышленности, работавшей на русский рынок, и в которых имелись важнейшие для России порты, отрыв от России чувствуется очень болезненно. С указанной точки зрения в наименее потрясенном состоянии находится хозяйство Литвы. Последняя была всегда аграрной страной, вывозившей свои продукты на Запад. Такой она и осталась. Ее промышленность, металлургическая и кожевенная, работавшая на русский рынок, имела для страны второстепенное значение. Литва была не столь разорена войной и скорый приходит в равновесие.

Громадная промышленность Латвии была разорена до дна еще в 1915 году, когда оборудование фабрик было увезено вглубь России; к восстановлению ее промышленности не удалось приступить и теперь.

Успешнее пошло при помощи иностранного капитала восстановление промышленности в Эстонии, которая нашла себе новые рынки сбыта русского.

Все эти государства проводят радикальную аграрную реформу, которая здесь диктуется и социальными и национальными интересами. Но речь здесь все таки идет не о «черном переделье» и не о создании «права на землю». Принимаются во внимание производительные интересы; на место крупных хозяйств должны быть созданы жизнеспособные мелкие хозяйства, которые могли бы исполнять известные народно-хозяйственные функции, а не только продовольствовать своих хозяев. В Эстонии чувствуется влияние социалистической доктрины; земля здесь остается за государством, и сдается им в аренду на срок до 6 лет. Быть может, в связи с этим сельское хозяйство Эстонии остается наиболее потрясенным. Все три государства хорошо используют благоприятную конъюнктуру, создавшуюся в связи с выходом России из международного общения в качестве поставщика сырья; они много выручают за вывоз льна и льня. Литва уже теперь имеет стабилизированную валюту и активный баланс. В Латвии и Эстонии положение остается еще трудным. Они с нетерпением ждут восстановления связи с Россией, на которой прежде основывалось их благополучие; и надо сказать, что и все будущее прибалтийских государств зависит от того, будут ли они для возрождающейся России удобным мостом в Европу или препятствием на пути к ней. Иностранный капитал живо интересуется этими государствами, рассматривая их, как дверь для проникновения в Россию.

Само собою разумеется, что экономические перспективы Прибалтийских государств, ныне оторванных от России, очень ограничены. Они не могут уже стать центрами крупной промышленности, работающей на русские рынки. Их порты не могут в будущем иметь того значения, какое они имели, когда входили в состав России. Наконец, обоснование собственной государственности должно лежать тяжелым бременем на их экономику. Но при этих узких перспективах и в этих тяжелых условиях все же подъем национальной энергии, явившийся в результате национального освобождения, поможет залечить тяжелые раны, вызванные болезненным разрывом с Россией.

Большую помощь в этом возстановлении оказывает и иностранный капитал. В Литве большую роль сыграют вернувшиеся из Америки эмигранты.

И несомненно пригодит на ум сравнение с соседней великой страной. Неограниченный простор, неисчерпаемая богатства, одаренный народ, большой запас культурных ценностей, — и все же страна не может выйти из полосы катастроф. Впрочем правители новых государств не задаются широкими задачами; они хотят уже испытанными средствами построить благополучие своих народов. Правители же России хотят идти по новым стезям и сдвигать Россию святоческим народом. Но пока они ведут ее от катастрофы к катастрофе, и даже скромные успехи их соседей — по пути экономического возрождения — для России остаются недостижимым идеалом.

Берлин.

В. Бруцкус.

А. А. РЫБНИКОВ. *Мелкая промышленность и ее роль в возстановлении русского народного хозяйства.*

Москва. 1922. «Кооператив, изд-во». стр. 52 + 2 таблицы и картограмма.

«Цель нашей брошюры очертить общия хозяйственные условия работы промысловой кооперации. Мы хотели бы выяснить, главным образом, какия задачи в каких областях мелкой промышленности может и должна взять на себя промысловая кооперация» — так определяет свои задания автор. В действительности значение брошюры шире: она дает и общую ориентировку в географии, народно-хозяйственном значении и эволюции мелкой промышленности Европейской России по отраслям производства.

Брошюра состоит из 4 глав, некоторые части которых, а также погубернская свободная таблица о численности мелких промышленников, были уже напечатаны (в «Вестнике промысловой кооперации» в 1919—20 годах).

Наибольший теоретический интерес представляют и наиболее обоснованы обширным фактическим материалом две первые главы: «Место мелкой промышленности в русском народном хозяйстве» и «Характеристика промыслов и их география».

Включая в мелкую промышленность, как ремесло и кустарничество, так и домашнюю систему крупной промышленности, автор считает количество рабочих мелкой промышленности России до войны почти в два раза превышающим число рабочих крупной, при вдвое меньшей производительности первой по сравнению со второй*).

В целом ряд отраслей мелкая промышленность преобладает, нередко весьма значительно, над крупной. Это показывает, что первая, как формулирует автор, «не только подвергается конкуренции крупной промышленности, но и разделяет с фабриками и заводами производительныя задачи страны».

Центр тяжести книги — выяснение конкурентоспособности мелкой промышленности в зависимости от степени в обработки продукта.

Особенности рынка материалов, строение капитала и характер спроса создают условия для захвата крупной промышленностью областей концентрированного добывания сырья и выработки полуфабриката, тогда как выработка готовых изделий остается, главным образом, в распоряжении мелкой.

Вторая глава дает характеристику русской мелкой промышленности по ее отдельным отраслям с точки зрения производительности рабочего, применения рабочего труда, трудоемкости и капиталоемкости. Тут же автор пытается наметить различие в характере обрабатывающих промыслов города и деревни. Далее он переходит к выяснению закономерностей в распределении промыслов по территории Европ. России. Выясняется влияние на географию промыслов и их строение рынков труда, материалов и сбыта.

*) Некоторые цифровыя выдержки из книги А. А. Рыбникова приведены в статье А. Е. Малахова «Промысловая и кустарная кооперация в России» в № 4 «Крестьянской России».

Третья глава «Разрушение русского народного хозяйства и мелкой промышленности» неизмеримо слабее и, пожалуй, абсолютно слабо базирована на статистических данных, что не может, однако, в полной мере служить упрёком по адресу автора, в виду ненадежности материалов о состоянии крупной промышленности и почти полного отсутствия таковых о мелкой за военнореволюционный период. Общеизвестные факты разрушения фабрик и заводов, дезурбанизации, понижения качества потребностей и общей натурализации хозяйства, говорят в пользу расширения мелкой промышленности, но сокращение выработки крупной промышленностью полуфабрикатов ставит этому серьезнейший препятствие.

В четвертой главе «Возстановление русского народного хозяйства и промышленности» формулируются необходимые условия существования мелкой промышленности (являющейся, по существу, общими условиями нормального состояния хозяйственной жизни), намечаются очередные задачи государства и кооперации в области ее возсоздания. Последний формулируем словами брошюры: «организовать связи между районами, оперевшись на кредит, укрупнив себя симбиозом с предприятиями, вырабатывающими специализированные, а иногда и простые полуфабрикаты и, наконец, накопив некоторые средства, промышленная кооперация в состоянии будет совершенно реально поставить вопрос о реорганизации самого мелкого производства и шире развернуть свою работу в области выработки полуфабрикатов». Что касается форм кооперативной работы, то автор предостерегает от их шаблонизирования и описывает четыре примырных конструкции кооперативов первой и второй степени для четырех кустарных и кустарно-ремесленных районов разного типа.

Наиболее интересными и обоснованными главами являются две первые. В них определенно сказывается положительное влияние теоретического изыскания Альфреда Вебера о мьстонахождении промышленности*).

Можно пожалеть, что автор почти не останавливается на анализе форм сбыта и не дает группировок по этому признаку, — правда, избытому, но не переставшему от этого быть существенным.

Большой заслугой А. А. Рыбникова должно быть признано систематическое привлечение, свodka и обработка, не только для таблицы о численности промышленников, но и по каждому почти вопросу организации промышленности, обширного и по разбросанности мало доступного материала первоисточников, главным образом, земских изысканий. Не искушенный читатель может и не замечать, какая огромная работа лежит в основу этой брошюры, но каждый обращавшийся к первоисточникам должен ее оценить. Дьяло идет не только о статистической сводке табличных данных, но и о самой кропотливой выборке из текста описаний отдельных промыслов.

В области обработки материалов автору могут быть сделаны, однако, и некоторые упрёки. Главный из них слишком большая скудность на примечания, не дающая возможности установить, какой обработке подверглись приводимые данные. Уже таблица № 1 первой главы вызывает вопрос: относится ли она к Европейской или ко всей России и, если ко всей, как это кажется по тексту, то каким образом получены цифры мелкой сельской промышленности для Сибири и др. не европейских областей? Еще туманнее данные таблицы № 7 в первой главе (о производительности рабочего в мелкой промышленности) и таблицы № 1 во второй главе (об организации кустарно-ремесленного хозяйства) — при них нет даже ссылки на источники. Положим, зная состав материалов о русской мелкой промышленности, можно догадаться, что и тут имеем дьяло все с теми же земскими изысканиями, но это вызывает только дальнейшие сомнения. Земские данные напр., о производительности, расходе сырья и годовом заработке промышленника содержат чаще всего субъективные средние для кустарного мьзда или уьзда, иногда даже для губернии, исключительно редко они основаны на исчислении уьдных средних по данным хозяйственного обследования кустарей. Как поступает автор с этими разношерстными данными при выведении цифр, характеризующих весь промысел на территории России? Берет ли он простую арифметическую среднюю всех показаний? Пытается ли он взвесить ее и по какому основанию? Пользуется ли подобием «моды»? Или поступает еще как

*) Alfred Weber. Ueber den Standort der Industrien. Первое изд. 1919 г.

либо иначе? Характер материала тут вряд ли дает возможность методологически безукоризненного подхода, но каждый из этих приемов может значительно менять результат, и потому, в интересах убедительности выводов, должен быть оговорен и обоснован.

По свойству как самих изслыдуемых явлений, так и имьющихся материалов о них, средня оказываются тьм фиктивными и безсодержательными, чьм территориально обширныя характеризуемыя ими группы. С этой точки зрѣнія нельзя не пожелать опубликованія А. А. Рыбниковым болѣе детальныя таблицы, легшия в основу характеристик, приводимыя в брошюрѣ. Нельзя не пожелать также развитія и углубленія намѣченных путей изслыдованія мелкой промышленности Россіи в новой работѣ — болѣе обширной, в болѣе широкой преслѣдующей научныя задачи, и потому болѣе строгой по выполненію.

Н. В.

Б. Д. БРУЦКУС. Экономія сельскаго хозяйства. Народнохозяйственныя основы. Берлин. 1923 г. Издан. «Кооперативная мысль», стр. 360.

Названная книга извѣстнаго сельско-хозяйственнаго экономиста Б. Д. Бруцкуса имѣет подзаголовок — «Народнохозяйственныя основы». Тьм самым опредѣляется основное содержаніе и назначеніе книги.

Хоть автор, читавшій в теченіе 15 лѣтъ лекціи по экономіи сельскаго хозяйства на Петроградскихъ сельско-хозяйственныхъ курсахъ, имѣлъ в виду дать печатный курсъ сельско-хозяйственной экономіи, кромѣ ученія о системахъ и организаціи с.-х.-ва (которому он думаетъ посвятить другой том), и считаетъ самъ настоящую книгу «закругленнымъ цѣлымъ», тьм не менѣе он сдѣлалъ правильно, назвавъши ее еще «народнохозяйственными основами» экономіи сельскаго хозяйства. В книгѣ мы не найдемъ не только, какъ сказано, важнѣйшихъ и оригинальныхъ для науки с.-х. экономіи отдѣловъ о системахъ и организаціи сельскаго хозяйства, но и «народнохозяйственныя основы» экономіи с.-х.-ва не покрываютъ собою всѣ обычныя соотвѣтствующія части курсовъ нашей науки, предшествующія в курсахъ системамъ и организаціямъ.

«Народнохозяйственныя основы» представляютъ собою связанное (почти всегда) собраніе очерковъ по важнѣйшимъ вопросамъ и темамъ сельско-хозяйственной экономіи. Онѣ, к сожалѣнію, не являются системой изложенія материала по плану или схемѣ, которые заранѣе были бы установлены и мотивированы, исходя изъ существа теоріи нашей науки в цѣломъ. Матеріалъ книги не расположенъ в видѣ единого цѣльнаго построенія, части коего были бы взаимно координированы и представляли бы послѣдовательное логичное развитіе какихъ то исходныхъ общихъ положеній, которымъ подчинялась бы вся систематика материала.

Но послѣдуюмъ лучше за авторомъ. Книга содержитъ в себѣ нижеслѣдующее: введеніе, указывающее содержаніе, методъ и развитіе науки; главу I, посвященную «происхожденію современнаго сельскаго хозяйства» (24 стр.); главы 2 и 3-ю о «сушности с.-х. производства и его значеніи» и «техническихъ особенностяхъ и технической эволюціи сельскаго хозяйства» (23 стр.); главу 4 о «законѣ убывающей производительности затратъ в сельскомъ хозяйствѣ» (13 стр.); главу 5 о «категоріяхъ мьноваго хозяйства. Рентъ» (28 стр.); гл. 6 — о «транспортѣ и эволюціи мьноваго сельскаго хозяйства» (19 стр.); гл. 7 — «Рынокъ и производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Зерновые злаба» (24 стр.); гл. 8, 9 и 10 — послѣдовательно о «рынкѣ и производствѣ не-зерновыхъ питательныхъ продуктовъ растительнаго происхожденія; тоже животнаго происхожденія, прядильныхъ матеріаловъ, углеводовъ (сахара, спирта, крахмала); всего 86 страницъ; гл. 11 ая — «характеристика капиталистическаго и крестьянскаго хозяйства» (32 стр.); гл. 12 — «Народнохозяйственное значеніе и конкуренціи капиталистическаго и крестьянскаго хозяйствъ» (36 стр.); гл. 13 — «Наемный трудъ в сельскомъ хозяйствѣ»; главы 14 и 15 — «Общія основы сельско-хозяйственной кооперации» и «Отдѣльныя виды сельско-хоз. кооперации» (обѣ 44 стр.).

Этот перечень указывает, что систематика материала не претендует на цельность и законченность системы курса. Да и самое содержание и метод трактовки всех перечисленных тем убеждает в том же. Автор понимает под экономией сельского хозяйства: в узком смысле — «часть политической экономии, изыскующую экономические отношения людей в процессе их сельскохозяйственной деятельности», в широком смысле — «науку, изыскующую взаимоотношения между экономическими условиями и техникой сельскохозяйственного производства». При этом он относит знание о влиянии экономических условий на сельскохозяйственную технику к учению о системах хозяйства, каковое в книге не излагается, а следующей отдел науки — учение об организации хозяйства — считает носящим «в большей мере портативный и прикладной характер» и стоящим на частно-хозяйственной точке зрения (стр. 9—12).

Не излагая и не вводя в свою книгу оба последних отдела науки, автор создает себе свободу трактовать весь материал, как содержание науки в узком смысле слова, т. е. как «специальную часть политической экономии». Только в этом случае можно помириться с отсутствием в разбираемой книге систематического изложения и анализа систем сельского хозяйства и народно-хозяйственной, так сказать, значимости фактической организации сельского хозяйства. На протяжении почти всей книги автор должен, конечно, иметь определенные точки зрения в этих областях и в разных местах их можно угадывать, но мотивировку их, в виде самостоятельного научного анализа, у автора можно будет искать лишь в будущей книге, выход которой нужно пожелать самым горячим образом. От отсутствия же их в книге создается трудность для читателя понять и согласиться или нет с автором, да и самому автору (местами) трудно углубиться и правильно решить некоторые важные вопросы, ограничиваясь только подразумеваемыми знаниями о системах и организации сельского хозяйства.

Это тем более так, что автор «стремился по возможности основываться в своем курсе на русский материал» (14 стр.), а материал этот в отношении систем и организации систематизирован еще слабо (это автору известно) и общезначимость его еще невелика. Тем же отмежеванием от намерения дать курс экономии сельского хозяйства в широком смысле (и ограничиться «специальной частью политической экономии») можно объяснить и метод изложения и изложения в книге.

Автор относит экономию сельского хозяйства к монографическим наукам, согласно чему «она изыскует типичные явления в сфере сельского хозяйства и общия закономерности в них» и «широко пользуется дедуктивным методом изыскания для вывода закономерностей». Индуктивный метод здесь служит для проверки последних, а также при описании и классификации явлений (12 стр.). Изображение фактического положения вещей в прошлом или в настоящем не должно составлять, таким образом, самостоятельной задачи экономии сельского хозяйства и необходимо для уяснения закономерностей в нашей науке. Между тем «историзм» в изложении многих глав книги преобладает настолько, что они обращаются в больше или меньше схематизированное описание (само по себе очень хорошее и даже превосходное) действительности. Таковы стр. 19—38 из главы «о происхождении современного сельского хозяйства», читаемые с большим интересом: вся глава о рынке и производстве разных сельскохозяйственных продуктов, где прекрасное изложение (за некоторыми исключениями в смысле неполноты) носит характер очерков по экономической географии России (стр. 126—231); в значительной мере такой же описательный характер носит глава 13 — о паевом труде — и меньше глава 14 — о кооперации.

Отмечивши общий характер книги Б. Д. Бруцкуса, в смысле эклектичности ее содержания и метода изложения, мы должны указать на большую ценность ее с рядом русских оригинальных книг — курсов по сельскохозяйственной экономии. Россия имела их очень немного: Любимовский (досель непревзойденный в изяществе и логичности изложения нигде из русских теоретиков), Скворцов, Шишкин, Вернер, Вожаев, Фортунатов (только конспект). Это были, по которым можно проследить отражения прогресса политической экономии вообще и экономического изучения сельского хозяйства в мире и России на русской сельскохозяйственной экономии, как науки. Книга Б. Д. Бруцкуса найдет себя среди них место, тем более, что был очень большой

перерыв со времени появления русских, больше или меньше оригинальных и полных, курсов нашей науки (многочисленные и ценные работы А. В. Чаянова и Н. П. Макарова пока еще не вылились в цельные курсы).

Несмотря на то, что книга В. Д. Бруцкуса далеко не является цельным курсом нашей науки, в ней видно отражение многих научных приобретений последнего времени — теории предельной полезности, предельной производительности и основанной на ней теории распределения и пр.; но особенно ясно сказались в книге успехи теории мелкого (крестьянского) хозяйства, как по западно-европейским, так и по русским изысканиям, а также признание особенной роли для сельскохозяйственного производства этого мелкого хозяйства и его кооперирования. В книге В. Д. Бруцкуса мы имеем, посвященные и тому и другому, четыре главы (11, 12, 14 и 15) — почти совершенно новый, сравнительно со старыми курсами сельскохозяйственной экономики.

Мы не можем в краткой рецензии входить в содержание каждой из глав книги и их оценку. Для этого нужен специальный разбор их. Следим только несколько указаний. Глава о законе убывающей производительности затрат, особенным сторонником которого является В. Д. Бруцкус, не прибавляет новых аргументов за действительность этого закона в жизни сельского хозяйства. Кроме того, мы могли бы указать в книге несколько примыров рязкого противоречия, как в исходных определениях этого закона, так и между утверждением закона и фактами жизни, приведенными в самой книге В. Бруцкуса. Увлечение законом убывающей производительности затрат мы считаем вредным в изыскательском отношении, ибо оно отвлекает мысль от исканий в правильном направлении. Учение о нормальном уровне интенсивности хозяйства должно быть обосновано разной эластичностью экономических факторов в разных средах, но не названным законом. Считаем преувеличенным значение перевода сельскохозяйственных продуктов на калории при объяснении их оценки вообще и рыночном в частности (123—126). — В схематизированном описании русского рынка и производства разных сельскохозяйственных продуктов, во многих случаях не договорено о вариантах систем сельского хозяйства в России (напр., паровая обработка мыслится желательной как бы и для области пестрополя, стр. 129 и др.), а также не выделено достаточно резко подчиненное значение при формировании рынка крупного хозяйства вообще и значение порайонной организации крестьянского сельского хозяйства для всего сельскохозяйственного производства. Это во многих случаях приводит автора к преувеличению роли рынка и транспорта (мясо-шерстное овцеводство, стр. 178 и др.).

Недостаточно рьяными мы считаем выводы автора о роли поместничества привилегий в поддержании свекло-сахарной продукции за счет сокращения емкости русского рынка на сахар (и игнорирование этого при оценке роли поместничества и крестьянского хозяйства в отношении процента сахарной свеклы в посеве т.х. и других).

В главах о природе крестьянского хозяйства автор делает много усилий, чтобы ослабить доводы, высказываемые за потребительский характер крестьянского хозяйства, но в заключение должен все же в окончательное определение понятия о нем включить то, что оно имеет «целью удовлетворить потребности хозяйствующей семьи и, вообще, извлечь наибольший доход из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи» (стр. 263). Такую же нерешительность автора приходится отмечать и в вопросах о сравнительном значении и выживаемости крупного и мелкого хозяйства. Он признает, что крупное хозяйство, связанное с крупным земледелием, имеет для народного хозяйства отрицательное значение своей тенденцией понизить уровень интенсивности хозяйства» (стр. 284) — и это правильно с народно-хозяйственной точки зрения. — но в то же время не согласен с названием более интенсивного хозяйства — прогрессивным (стр. 270).

Еще примечание: «нельзя указать ни одной задачи, которая в конце концов была бы совершенно не под силу крестьянскому хозяйству» (стр. 284), но «крупного хозяйства нельзя просто ликвидировать без нанесения тяжелых ран народному хозяйству. Крестьянское хозяйство должно его преодолеть в процессе своего культурного роста» (стр. 285); а между тем, завоевания территории одной формы хозяйства со стороны другой — возможно, по мнению автора

книги, «социально-экономическим» методом, т. е. борьбой за землю. Тут, во всяком случае, «невязка».

— При всех сделанных замечаниях, мы считаем книгу все таки ценной, капитальной и читателю усердно рекомендуем ее.

А. Челинцев.

ALFRED NAST. *Le régime juridique des coopératives Principes coopératifs et exposé synthétique de la législation.* Paris 1919 г., изд. Jouve et Cie., стр. 296. Того же года изд. Rivière, стр. 330.

Большим пробьлом в кооперативной литературе является бьдность работ по кооперативному праву. В русской литературе, кроме нескольких брошюр и объяснительной записки к закону 20 марта, написанной кн. Кекуатовым, в этом направлении ничего сделано не было. За границей, особенно в Германии и Австрии, кооперативному праву было уделено больше внимания. Начиная с Шульце Делича, ряд видных немецких кооператоров занимался догматической и исторической его разработкой. Подготовка кооперативного закона (1889 года) создала цьлую литературу об юридической природе кооперативных товариществ и привела к замьчательным работам комментаторов германского закона — Паризиуса и Крюгера.

Интерес, проявленный кооперацией к праву, не остался без отвьта, и официальная юриспруденция — университетская наука — в свою очередь заинтересовалась кооперацией. В Университетских курсах, наряду с акционерной компанией, командитными и полными товариществами, подвергаются юридическому анализу и кооперативные товарищества. Так же и в австрийских университетах: в курсах торг. права Randa, J. Schön'a, Canstein'a, Strotz'a, Pöf-fitzer'a, и др. содержится критико-догматический разбор положительного кооперативного права. К сожаленью, однако, немецкие юристы ограничивали объект своего изучения германским и австрийским законами и не дали сколько нибудь широких обобщений, необходимых для построения теории кооперативного права.

При таком положении исключительный интерес по широть постановки задания получает докторская диссертация Alfred'a Nast'a о юридическом положении кооперации.

А. Nast давно занимается кооперативным правом. В 1910 г. на международном юридическом конгрессе акционерных и кооперативных товариществ в Брюсселе он выступил с блестящим и горячим докладом о необходимости во Франции единого кооперативного закона. У него есть и несколько других юридических работ по разным вопросам кооперации. К тому же он практик; теперь он состоит членом высшего кооперативного совета Франции. В своей диссертации он дьлает попытку дать теорию кооперативного права, которую строит на анализе не одного какого нибудь кооперативного закона, как это дьлают германские комментаторы, а всего кооперативного законодательства культурного мира. Его работа состоит из двух частей: принципов и определения кооперации и синтетического изложения современного кооперативного положительного права. Вторая часть диссертации в процесс работы была ее началом. В ней содержится весь тот материал, который дал основание для обобщений, составляющих содержание 1-й части. К сожаленью данные Nast'a об иностранных кооперативном законодательстве очень неполны. Он не дает характеристики кооперативных законов отдельных стран, а ограничивается их классификацией по признаку отношения к вопросу о распределении прибылей. Ни определений кооперативного товарищества, даваемых этими законами, ни вопроса об ответственности членов по обязательствам товарищества, ни других существенных моментов кооперативного законодательства он не касается, пока речь идет об иностранных законах. Его интересует только вопрос о распределении прибыли.

В теоретической части своей работы Nast доказывает, что порядок распределения прибыли, и только он, является основным моментом, характеризующим кооперацию. Этот признак он и кладет поэтому в основу всей классификации кооперативных законов. Конечно, это не является препятствием

для разбора других сторон закона, но этого он не делает пока не перейдет к французскому законодательству о кооперативных товариществах.

С трудной задачей найти систему в обзор калейдоскопически пестраго и чрезвычайно разнообразнаго кооперативнаго законодательства Франціи автор справился блестяще. Эта часть книги, занимающая 70 страниц, представляет большой интерес для русскаго читателя. Русская кооперация под влияніем нѣмецкой кооперативной практики и прессы всегда стояла на твердо стояла на необходимости одинаго кооперативнаго закона, который распространял-бы свои дѣйствія на всѣ виды кооперативныхъ товариществъ, независимо от характера ихъ операций. Французское законодательство держится иной системы. Общекооперативнаго закона там нѣтъ, для каждаго вида кооперации есть свой закон. *Nasf* перечисляетъ 24 законодательныхъ акта, къ которымъ было еще нѣсколько десятковъ дополненій. В густомъ лѣсу этихъ законовъ разобраться не такъ просто, чѣмъ между прочимъ и объясняется отсутствіе знанія французскаго законодательства за границей, а между тѣмъ нѣкоторые французскіе законы, какъ, на примѣръ, законъ 7 мая 1917 года о потребительныхъ обществахъ, представляють большой теоретическій и практический интерес. Достойно вниманія, что, в результатъ длительного изученія кооперативнаго права своей страны, *Nasf*, еще в 1910 году выступавшій на брюссельскомъ конгрессѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ одинаго общекооперативнаго закона для Франціи, сдѣлался поклонникомъ множественной системы. — регулированія каждой ветви кооперативнаго движенія в отдѣльности. К сожалѣнію книга *Nasf* не даетъ достаточнаго матеріала для безспорнаго обоснованія такой перемѣны мнѣнія.

Однако центр тяжести работы *Nasf* лежитъ в теоретической ея части, а именно в вопросѣ о юридическомъ опредѣленіи кооператива. В опредѣленіи кооперации по существу *Nasf* не даетъ ничего новаго. Онъ находится под несомнѣннымъ вліяніемъ проф. М. И. Тузан-Барановскаго и считаетъ наиболѣе характернымъ признакомъ кооперации ея стремленіе къ уменьшенію расходовъ на потребление или къ увеличенію трудовыхъ доходовъ ея участниковъ.

Это основное свойство кооперации по *Nasf* у опредѣляетъ собою и формальныя ея признаки, изъ суммы которыхъ должно состоять юридическое опредѣленіе. В числѣ послѣднихъ онъ выдѣляетъ признаки не специфичные для кооперации, но всегда ей сопутствующіе, къ которымъ онъ относитъ: 1) перемѣнный характеръ состава и капитала кооператива и 2) наличие общей у всѣхъ его членовъ потребности, для удовлетворенія которой они сообща создаютъ предпріятіе. Эти свойства встрѣчаются и у не кооперативныхъ коллективныхъ организаций, напр., у обществъ взаимопомощи, у обществъ взаимнаго кредита и другихъ; поэтому хотя кооперация безъ этихъ признаковъ не встрѣчается тѣмъ не менѣе они не могутъ быть основными в ея опредѣленіи. Отличительный признакъ кооперации, отдѣляющій ее отъ всѣхъ смежныхъ с нею образований, есть особый порядокъ распредѣленія прибылей, который состоитъ в раздѣлѣ послѣднихъ между участниками кооператива, пропорціонально операциямъ каждаго изъ нихъ съ общимъ предпріятіемъ. В обществѣ потребителей и в сырьевыхъ товариществахъ это распредѣленіе должно быть пропорціонально покупкамъ членовъ въ кооперативъ, въ жилищномъ товариществѣ — пропорціонально наемной платѣ, въ кредитномъ — пропорціонально взятымъ ссудамъ, в производственномъ — вложенному труду и т. д. *Nasf* считаетъ, что это свойство кооператива неразрѣнно связано съ его экономической природой — стремленіемъ къ сокращенію расходовъ по закупкамъ и увеличенію трудовыхъ доходовъ. Другими словами, порядокъ распредѣленія прибыли есть формальное выраженіе экономической сущности кооператива. Этотъ признакъ является не только главнѣйшимъ, но имъ опредѣляются всѣ остальные свойства кооператива. Онъ есть то *essentielle* кооперации, безъ котораго она невозможна. Вся книга *Nasf* проникнута этой основной мыслью. Замѣтимъ, что мысль эта не нова. *Nasf* ссылается на *M. Thaller* (*Traité élémentaire de droit commercial*, 5-e édit. 1887), выде. этотъ признакъ; съ своей стороны мы можемъ указать, что в русской литературѣ онъ былъ указанъ проф. Н. Анциферовымъ в его работѣ о кооперации в сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Но *Nasf* первый поставилъ этотъ признакъ въ основу угла в своемъ опредѣленіи кооперации и увидѣлъ в немъ формальный критерій для отжечиванія кооперации отъ близкихъ къ ней формъ коллективныхъ предпріятій.

К сожалѣнію, однако, при окончательной формулировкѣ своего опредѣле-

ния *Nast* предложил формулу, вызывающую очень много возражений. Вот она: «Кооперативами называются общественные организации, характеризующиеся их целью и в то же время средствами, применяемыми ими для достижения этих целей».

Их цель состоит, в зависимости от операций кооператива, или в достижении заинтересованными лицами возможно большей экономии при приобретении или найме предметов, которые им нужны, или в предоставлении им возможности получить наибольшее вознаграждение за их труд.

Средства достижения их цели состоят в объединении лиц, стремящихся получить одинаковые выгоды, и в образовании совместного предприятия с капиталом, образуемым из взносов всех участников.

Для того чтобы это средство достигло цели, общественная прибыль должна быть распределяема, в зависимости от обстоятельств, между покупателями, заемщиками, нанимателями или производителями, пропорционально сумме их операций или работ с организацией, после отчисления определенных сумм на вознаграждение администрации и в резервные капиталы, предусмотренные уставами в целях распространения кооперации (развития предприятия, пропаганды, жр по объединению и т. д.).».

На протяжении своей работы *Nast* не раз подчеркивает, что его исследование носит чисто юридический характер. Между тем, приведенная формула страдает смешением признаков по форм и существу, что теоретически не может быть признано правильным. Юридическое определение должно перечислить те внешние, формальные признаки, по которым можно сразу определить принадлежность объекта наблюдения к той или иной правовой категории. Эти признаки должны быть непременно внешними, иначе не может быть юридической формулы.

Nast этот признак видит. Он правильно считает этим признаком порядок распределения прибылей, потому, что, во-первых, этот порядок должен быть предписан законом или уставом, а во-вторых, он по существу своему является признаком формальным, который может быть установлен без внутреннего анализа для предприятия. *Nast* прав, включая его в свою формулу, но он очень грешит, когда включает в нее указание на экономическую цель кооператива. Этот признак отнюдь не является формальным. Чтобы установить, содействует ли данное предприятие сокращению расходов на потребление, или увеличению трудового дохода его участника, необходимо целое экономическое исследование его для. Цели кооператива являются именно тем внутренним скрытым свойством кооператива, которое, как думали раньше, не имеет своего внешнего выражения, специфического симптома. Раз установлено, что таким симптомом является особый способ распределения прибылей, который, на основании ли закона или устава, обязателен для данного коллективного предприятия, то только он и должен войти в юридическую определяющую формулу. Последняя должна дать родовые признаки кооператива, перечисляемые и *Nast*ом до его окончательной формулировки — переменный характер состава и капитала, совместная организация и ведение предприятия, — а затем указать на видовой признак — распределение прибылей.

Такая же теоретическая невыдержанность встречается у *Nast*'а и в других местах его книги. Большие возражения встречает, например, вся его система классификации кооперативных товариществ. Но, несмотря на недостатки, книгу *Nast*'а нужно горячо рекомендовать нашим цивилистам и кооператорам. Пора включить в университетские курсы правовое изучение кооперации, а для этого *Nast* дает много. Оновные проблемы поставлены им правильно и пути для разрешения их намечены. Кооператорам остается пожелать, чтобы ученые юристы продолжили работу по созданию научной теории кооперативного права.

Ужгород.
(Подкарпатская Русь).

Н. Малицкий.

Проф. П. Н. ПЕРШИН. Участковое землепользование в России. Изд. Наркомзема «Новая Деревня». Москва 1922, стр. 52.

В. КЕЛЛЕР и И. РОМАНЕНКО. Первые итоги аграрной реформы. (Опыт исследования результатов современного землеустройства на примырь Задонского уезда Воронежской губ.). Под редакцией и с вступительной статьей проф. П. Н. Першина.

Работы Статистико-Экономического Семинария Воронежского с.-х. Института. Воронеж 1922 г. Стр. 118.

В. КАЧИНСКИЙ. Очерки аграрной революции на Украине. Вып. I. Уравнилельный раздѣлъ земли. Державне Видавництво України. Харків 1922, стр. 166.

Из перечисленных трех книг о русских аграрных отношеніях, две послѣдних посвящены всецѣло ходу и результатам аграрной революции, первая же касается этой области только в части. Как попытки на основаніи фактического, и в частности статистическаго, матеріала освѣтить отдѣльныя стороны современнаго земельного строя в Россіи, о котором у нас до сих пор так мало объективных данных, онѣ всѣ три заслуживают вниманія*).

Цѣнность привлеченнаго матеріала и качество выполненія работ в брошюрѣ, однако, очень различны.

Брошюра П. Н. Першина касается организаціи территоріи земледѣльческих хозяйств. Этот вопрос неизбѣжно должен будет получить первостепенное значеніе в будущем строительствѣ Россіи. Он уже и теперь властно выдвигается жизнью. Брошюра «имѣет задачей, как указывает в предисловіи автор, в кратком обзорѣ подвести итоги и освѣтить результаты распространенія в Россіи участковаго землепользованія в межреволюціонное десятилѣтіе, а также прослѣдить его судьбу во время революціи».

В основаніе первой части, касающейся дореволюціоннаго періода, положены земскія, правительственныя и частныя изслѣдованія хозяйства хуторян и отрубников в различных районах Европейской Россіи и матеріалы официальной отчетности землеустройства (частью опубликованныя) за послѣдніе предреволюціонныя годы. Вторая часть базирована на матеріалах (частью тоже опубликованных) Главнаго Земельнаго Комитета и на рядѣ докладов Губземотделов.

Автор не касается в своей работѣ вопроса о формах землевлднія, разсматривая хутор и отруба, как факты участковой организаціи территоріи.

Книжка П. Н. Першина является безусловно полезной свѣдкой трудно доступнаго матеріала. Нѣсколько неудачна в ней свѣдка результатов участковаго землепользованія до революціи: она сдѣлана небрежно, изложена довольно сбивчиво и отдѣльныя пункты ея логически плотно расчленены. Вторая часть по составу и характеру источников менѣе обстоятельна и систематична, чѣм первая. Это не вина автора — матеріалов об аграрной революціи по всей территоріи нѣтъ и привлеченныя П. Н. Першиным неопубликованныя донесенія мѣстных земельных органов, несмотря на свою отрывочность, являются цѣнными свидѣтельствами.

В приложеніи даны полезныя таблицы погубернскихъ итоговъ устройства хуторовъ и отрубковъ с 1907 по 1916 г., впрочемъ уже ранѣе напечатанныя в сборникѣ «О землѣ» (Изд. Н. Е. З.).

Вторая книга об итогахъ аграрной реформы в Задонскомъ у. Воронежской губ., является работой, руководимаго тѣмъ же проф. П. Н. Першинымъ, статистико-экономическаго семинарія Воронежскаго Сельско-Хозяйственнаго Института. Она представляетъ собой опытъ мѣстнаго изслѣдованія землеустройства революціоннаго періода и основана на матеріалахъ поселенныхъ и поволостныхъ описаній, собранныхъ экспедиціоннымъ путемъ и статистически разработанныхъ коллективомъ участниковъ семинарія, а также на изученіи официальныхъ актовъ землеустроительнаго производства.

«Изслѣдованіе имѣло задачей, говорится в предисловіи, описать тѣ организаціонныя формы, в которыхъ протекаетъ в натурѣ земельное устройство крестьянскаго хозяйства и выявить статистически тѣ непосредственныя результаты, къ которымъ приводитъ аграрная реформа». Такихъ систематическихъ, хотя

*) Фактичскій матеріалъ ихъ использованъ выше, в статьѣ В. Кильдинскаго «Къ результатамъ аграрной революціи».

бы и относящихся к относительно небольшой территории, даных до сих пор не появлялось в печати, между тем, как важность объективного выяснения конкретных изменений в земельном строе различных районов России, не приходится доказывать.

Кроме интереса, представляемого самим материалом, нельзя не признать удачной, как в научно-учебном отношении, так и в отношении общественно-воспитательном, в широком смысле, мысль направить учебно-научную работу студентов местной высшей школы в область исследования важнейшего социально-хозяйственного процесса живой русской действительности, зафиксировать, пока не поздно, этот процесс в его определяющих этапах.

Книжка содержит четыре статьи: вступительную, являющуюся взлесть с тем и резюмирующей; статью П. Н. Першина — об итогах аграрной реформы, две статьи студ. В. Келлера — о первом периоде аграрной революции и об общин в революционное время и статью И. Романенко — об основном землеустройстве в 1918—20 гг.

Главный интерес книги в материалах экспедиционного обследования волостей и селений. Нужно сказать, что, конечно, для полноты статистического выявления непосредственных результатов земельного перераспределения, которое ставится целью в предисловии, чувствуется необходимость подворного обследования. Это не упрек Воронежскому экономическому семинарию, произведшему своими силами и без того большую и трудную, в современных условиях, работу, а лишь объективное констатирование потребности.

Что касается разработки материала, то она могла бы быть с успехом несколько усложнена. В книгу даются лишь перечневые таблицы поселенных данных по волостям и групповые по размерам селений. Было бы интересно проследить результаты перераспределения земли, группируя селения по ряду чисто экономических признаков.

Книга В. Качинского является первым из четырех намеченных выпусков «Очерков аграрной революции на Украине». Автор, как гласит предисловие, стремится «использовать имеющийся материал для схематического обзора самого процесса аграрной революции и фиксирования некоторых уже теперь определившихся положений», т. е. ставит себя в предмет Украины задание, аналогичное по содержанию только что рассмотренному изследованию Задонского уезда.

Близость заданий при сравнении обеих работ, особенно подчеркивает скудость и недостаточность, для поставленной цели, обычного отрывочного материала, на котором основывается В. Качинский.

Книга написана без четкого плана, с большим количеством повторений и отступлений. Выделение глав и их последовательность логически не обоснованы. Многочисленные отступления от конкретной темы, почти все не служат к украшению книги. В лучшем случае, автор экскурсирует в них по довольно случайно подобранной литературе и столь же случайному аграрному законодательству, в худшем, сбиваясь с тона изследователя на тон то прокурора, то защитника, отдает дань очень дешевой политической публицистике.

Общие вопросы экономики сельского хозяйства, к которым налегать подходит В. Качинский, разрываются им неизменно *ad majorem gloriam* аграрной революции и советской власти. Факт колоссального падения производства зерна на Украине спокойно отмечается в разряд неизбежных «издержек революции». Но тем показательнее, что обзор конкретного фактического материала все же приводит автора в выводу, что «отвлеченная формула уравнительного землепользования еще с первых дней революции настоятельно требовала существенного корректива. Этим коррективом является допущение наемного труда в крестьянском хозяйстве и относительная, хотя и достаточно ограниченная, свобода земельной мобилизации» (т. е. аренда земли). Дальше указывается, что здоровые хозяйственные тенденции выдвигают требование закрепления земли за держателями ее, после некоторого устранения чревополощцы.

Определенность этих выводов не в силах поколебать все многочисленные революционно-благонамеренные извинения и оговорки автора.

Положительной стороной работы является попытка систематического использования по данному вопросу переписи, отчетов землеустройства на Украине и частью итогов последней сельско-хозяйственной переписи. Цинность этой фактической стороны мы отнюдь не склонны умалять.

Довольно многочисленны и часто ненужны ссылки на общую литературу затрагиваемых вопросов, носят случайный характер и создают впечатленье просмотра книг, оказавшихся под рукой.

В. Ижемский.

БРУЦКУС. «Аграрный вопрос и аграрная политика». СПб. 1922 г.

Новый труд г. Бруцкуса, довольно давно специализировавшегося в вопросах из области аграрных отношений в России и из области аграрных мероприятий в различных странах, любопытен, как опыт обоснования в изменившихся условиях русской действительности все той же, также давно проводимой автором, мысли о бесполезности и безцельности всякой коренной аграрной политики.

Главная мысль автора ярко выражена в небольшом предисловии к вышецитированному сочинению:

«Согласно господствовавшему до революции взгляду, говорит автор в этом предисловии, русский аграрный вопрос есть результат неправильного распределения частной собственности. Более равномерным распределением земли этот кризис будет немедленно ликвидирован. Уступая этому убеждению, партия, осуществившая аграрную революцию, прокламировала тот аграрный переворот, о котором мечтало русское крестьянство, о котором мечтала русская «народническая» интеллигенция. Колоссальная катастрофа голода, которая обрушилась на страну, теперь, кажется, все же убедила, что переделить землю не значит еще преодолеть аграрный кризис».

Тут много спорного. Во-первых, те, кто до революции стремились к «более равномерному» распределению частной собственности на землю, никогда не смотрели на эту мьру, как на «немедленную ликвидацию аграрного кризиса». Они полагали, что это только необходимое средство для принятия ряда мероприятий к длительному (а отнюдь не немедленному) преодолению аграрного кризиса. Во-вторых, совершенно необосновано утверждение автора, что голод, разразившийся в России, есть следствие революционного перераспределения земли. Такое утверждение, не получившее обоснования и в дальнейшем изложении автора, явно тенденциозно и односторонне.

А между тем, материал, собранный автором, очень богат. Очень обстоятельно автор в первой главе излагает основные течения аграрной политики, проявившиеся в Бероп и в частности в России в последние два столетия. Очень обстоятельно излагает он господствовавшие во второй половине XVIII столетия и первой половине XIX фритредерские взгляды, под влиянием которых торжествовал принцип „laissez faire, laissez passer“; отразившийся в сельскохозяйственной области стремлением к укреплению свободной частной собственности на землю и к устранению всяких стеснений, связанных с личными, индивидуальными правами на землю; стремлением к обеспечению полной свободы мобилизации земельной собственности и свободы внешней торговли хлебом.

Очень обстоятельно автор излагает и смьну этих воззрений во второй половине XIX-го века началами протекционизма и государственного вмешательства в область сельскохозяйственных экономических отношений, отмьчая влияние, оказанное в эту эпоху учением катедр-социалистов, и учением Листа о национальной системе политической экономии.

Два противоположных, по своим исходным точкам зрния, течения приво-дили, по мнению автора, и в России во второй половине XIX-го столетия, к тому же результату — отрицанию экономического индивидуализма в аграрной области. Одно направление — консервативное, требовало опеки над крестьянством и ограждения устанавливающейся зависимости сельского хозяйства от денежного капитала, ограждения, которое должно быть проявлено во имя интересов государственного порядка и спокойствия, во имя сохранения государственной мощи России и во имя интересов крупного землевладения.

Другое направление, будто-бы связанное с усилением влияния в России учения германских катедр-социалистов, требовало поддержания общинного строя и предупреждения этим возникновения многочисленного рабочего пролета-

риата. С этой целью сторонники такого воззрения находили необходимым защиту тех своеобразных, сложившихся в русском крестьянстве институтов, как община и общая семейная собственность, стесняющих свободу индивидуальной деятельности крестьян.

Представителями последнего воззрения автор считает «корифеев русской экономической науки», как он их называет, А. И. Чупрова, Н. А. Карышева и А. С. Посникова.

Переходя к обзору чисто социалистических учений и их влияния на направление аграрной политики, автор останавливается на взглядах русской социал-демократической партии меньшевиков и большевиков с их проектами муниципализации земли и противопоставляет им взгляды другого течения, которое он обозначает термином «народнического».

Основы народничества, по мнению автора, заложены были еще Герценом и Чернышевским и продолжены партией социалистов-революционеров.

Взгляды этой партии, выразившиеся в отрицании права собственности на землю и в требовании социализации земли настолько овладели, по мнению автора, умами крестьянства, что даже большевики, совершив октябрьский переворот, должны были принять и осуществить земельную программу социалистов-революционеров, хотя лично ей и не сочувствовали.

Закон о социализации земли от 27 января 1918 года был редактирован в духе программы партии социалистов-революционеров и земельная революция совершена в направлении «черного передья».

Посвящая главную часть своего сочинения изложению истории аграрных отношений и аграрной политики в России, автор разделяет ее на три периода: 1) эпоху великих реформ (приблизительно от 1861 до 1880 гг.), 2) эпоху реакции (1880—1905 гг.) и, как он называет, 3) эпоху «контр-революции» (1905—1917 гг.).

Изложение сущности крестьянской реформы 1861 года сделано г. Бруцкусом очень обстоятельно и с большим знанием. Хотя он не ссылается на источники, которыми он пользовался, но для всякого, знакомого с крестьянским вопросом, не представляется трудным обнаружить знакомство автора с некоторыми наилучшими трудами по изложению и истолкованию сущности реформы 1861 года. Жаль только, что здесь он допускает некоторые небольшие ошибки в фактическом изложении и некоторые недостаточно обоснованные, следовательно, произвольные обобщения.

К числу первых из отмеченных недостатков нужно отнести утверждение автора, что закон 19 февраля 1861 года подразделял всю Россию на большое количество «мѣстностей», в зависимости от естественных и экономических условий, причем для каждой «мѣстности» был установлен один «указный надѣл». В действительности положение 19 февраля 1861 года для осущестления надѣления дѣлит Россию на три «полосы»: нечерноземную, черноземную и степную и уже эти «полосы» дѣлит на мѣстности. «Указные» надѣлы определены только для третьей, степной, полосы; а «мѣстности» первой и второй полосы (т. е. большая часть территории России) не имеют «указного» надѣла, потому что в них определяются только размеры «высшего» и «низшего» надѣла.

Произвольно утверждение автора, что результаты великой крестьянской реформы получились для русского крестьянства более благоприятными, чем в странах Средней Европы, Польши и Прибалтийском Краѣ. Такое утверждение очень спорно и во всяком случае остается у автора совершенно бездоказательным.

Очень подробно излагает автор земельное законодательство с 1880—1905 гг. — период, который правильно называет «эпохой реакцій».

Спорными являются взгляды автора, проводимые по отношению к третьему периоду истории русского земельного законодательства, который он очень правильно называет «эпохой контрреволюции» и который он старается взять под свою особую защиту.

Отрицательно относясь к земельной части программы социалистов-революционеров и даже «кадет», автор старается в особенно выгодном свете представить «Столыпинское» законодательство, сводя его главным образом к землеустройству.

Изложив главные основания Столыпинских аграрных законов, автор затѣм

подробно останавливается на изложении деятельности Крестьянского Банка и на истории развития в этот период переселенческого дела.

Из обзора мероприятий этого периода, который, как сказано выше, автор излагает с особой тщательностью и любовью, устанавливается главная мысль автора, — заключающаяся в том, что правительство перед революцией в своей аграрной политике стояло на правильном пути и что если бы ему не помешала революция, мероприятия, которые уже были приняты, ликвидировали бы аграрный кризис в России.

Благоприятным мероприятиям правительства мешала, по мнению г. Бруцкуса, агитация эс-ров и «кадет» и окончательно помешала революция, не давшая народу ничего, кроме разорения. Вот вывод, который г. Бруцкус хочет внушить читателям своей книги: «Революция произошла не на почве аграрной политики старого режима. Хотя эти политика и производилась подчас весьма грубыми приемами, но все же она ни разу не вызвала (?) ни одной серьезной вспышки народного недовольства. Очевидно, сама по себе насильственная реформа, раз она лежит по линии народно-хозяйственного развития (?), не может вызвать сильного противодействия», говорит автор.

Сам автор справедливо подводит под понятие «аграрная политика» весь мероприятия правительства, поддерживающие сословный крестьянский строй, его отчужденность от прочих граждан, особый строй административно-общественного уклада крестьян, включая сюда и установление института земских начальников и вместе с тем он рьяно утверждает, что весь эти мероприятия не возбуждали «противодействия» со стороны крестьян.

А в чем же тогда заключается причина частых волнений крестьян, в чем заключается причина революционной вспышки 1905 года, в чем, наконец, заключаются причины великой нашей революции?

Для полноты передачи содержания книги г. Бруцкуса, надо отметить, что она кончается трактатом о землеустройстве, в котором излагается техническая сторона этой важной отрасли государственной помощи сельскому хозяйству.

«Под землеустройством, как правильно определяет автор, следует разуметь систему аграрных мероприятий, имеющих целью так организовать территорию единоличных хозяйств, чтобы сдѣлать каждого хозяина в использовании принадлежащей на его долю земли независимым от его соседей, а также сдѣлать самый труд на этой земле экономически более производительным».

Из самого определения уже явствует, что землеустройство является чисто техническим средством содействия сельскому хозяйству. Несмотря на весь интерес этого предмета, мы не можем в краткой рецензии вдаваться в подробности задвигаемых здесь вопросов.

К книге г. Бруцкуса приложены, не имеющие тѣсной связи с его главной темой статьи: 1) «обзор современной земельной политики иностранных государств» и 2) «социально-экономическія условия крестьянского хозяйства».

Объ статьи представляют собой доклады, читанные автором в Петербургѣ еще в 1916 и 1917 годах в Лигѣ Аграрных Реформ, созданном при Вольно Экономическом Обществѣ.

Пишущий эти строки лично слышал эти доклады, еще в то время находясь в Петербургѣ.

В настоящее время они уже значительно устарѣли, потому что в них не включены аграрныя мероприятия, предпринимаемыя в разных странах в последнее время.

А. Леонтьев.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВѢСТНИК. Под редакціей С. Н. Прокоповича. Берлин 1923.

Книга первая, стр. 228. Книга вторая, стр. 283.

Возникший в этом году в Берлинѣ «Экономическій Вѣстник», ставит своей общей задачей объединение научной работы русских экономистов, находящихся за границей. Больше же конкретно, он выдвигает на первый план изучение

тых изменений, которые произошли «за время войны и революции в русском национальном хозяйстве», стремясь, объединив «всех работников в области экономических вопросов», «приступить к собиранию материалов, необходимых для разработки конкретных планов восстановления русского хозяйства».

Читая предисловие редакции к первому выпуску, невольно вспоминается выходивший в 1921—22 гг. в Петербурге «Экономист», мужественно и честно пытавшийся осуществить те же задачи внутри России. Преемственность заданий говорит лишний раз за их насущность.

В вышедших двух книжках, программа журнала осуществлена по отделам далеко не равномерно. Два, намеченных в редакционном предисловии, отдела, пока, не представлены вовсе. Это «статьи по истории народного хозяйства России и др. стран» и «обзоры мирового хозяйства».

Теоретический отдел состоит из двух статей П. Б. Струве, причем «Экономическому Вестнику» посчастливилось открыться его изысканиям. «Научная картина экономического мира и понятие «равновесия», представляющим заключительное звено оригинальной и цельной экономической системы, развитой в «Хозяйство и цель». Вторая статья П. Б. Струве (во второй книжке) является углублением и развитием данных в «Хозяйство и цель» основных экономических понятий.

Все остальные статьи должны быть отнесены к разряду «статей о современном состоянии народного хозяйства, экономической и социальной политики и финансах России и др. стран». Впрочем о других странах, в этом отделе, как в остальных, «Экономический Вестник», пока, ничего не дает.

Остановимся на том, что относится к крестьянству.

«Динамика крестьянского хозяйства» посвящена статья С. Н. Прокоповича во второй книжке. В ней на материалах 4-х динамических переписей автор пытался определить корни главнейших хозяйственно-морфологических процессов.

Анализ данных динамических переписей приводит к выводу о «чрезвычайно высокой изменчивости размеров и строения русского крестьянского хозяйства и семьи, с постоянным переходом большого числа крестьянских хозяйств из одной имущественной группы в другую. Изменчивость эта ограничивается «снизу — вымиранием и выселением, сверху — раздвоями», в результате чего получается варьирование хозяйств около некоторого среднего уровня. На этом положении С. Н. Прокопович базирует обстоятельную критику марксистской теории разложения крестьянства. «Слабая сила капиталообразования русского крестьянского хозяйства, незначительность в нем дохода от капитала по сравнению с доходом от труда, мешает развитию имущественных неравенств в социально-классовых отношениях» — таков вывод, к которому он приходит.

Жизнеспособность хозяйства определяется производительностью в нем труда, а эта последняя, по данным бюджетных изысканий, вырастает по мере укрупнения хозяйства. «Побуждают в борьбу больше крупные крестьянские хозяйства, располагающие большим количеством земли, хозяйственного имущества и рабочих сил. В результате мы имеем тенденцию вытеснения мелкого крестьянского хозяйства крупным. Этой тенденцией противодействуют семейные раздвоя, непрерывно дробящие крупные хозяйства. Борьба этих двух тенденций и определяет строение всей массы крестьянских хозяйств в данный момент».

Не являясь, конечно, бесспорной, статья подводит солидный базис под обоснование некоторых основных вопросов земельной политики.

Характеристик земельной политики советской власти посвящены статья Б. Д. Бруцкуса в первой книжке и часть статьи В. В. Ельяшевича — во второй. Обозревая эволюцию земельного законодательства коммунистов, Б. Д. Бруцкус останавливается на экономических причинах и последствиях отдельных актов. Основной закон 6 февр. 1928 г., бывший осуществлением программы социалистов-революционеров и требований крестьянства, был воспринят жизнью. Он установил преобладание продовольственного хозяйства над рыночным и экономические последствия его были отрицательны. В политическом отношении он «обозначает уничтожение экономической базы прежней дворянской России».

Ряд попыток осуществления программных требований большевиков, не дали жизненных результатов.

Посль ряда возстаній, с новой экономической политикой замѣчается рѣзкій поворот и в земельной политикѣ, которая начинает согласовываться с требованиями жизни и потому этой жизнью воспринимается. Таков закон о трудовом землепользованіи мая 1922 г., выдвигающій идею упрощенія крестьянскаго землепользованія, и Земельный Кодекс 30 окт. 1922 г. Разбор этого послѣдняго акта был дан Б. Д. Бруцкусом в IV вып. «Крестьянской Россіи», к нему мы и отсылаем читателя.

В. Б. Ельшиевич в своей статьѣ о «Двух путях совѣтскаго законодательства», подводит к Земельному Кодексу с пріемами юридическаго анализа. Он констатирует, прежде всего, что в этом актѣ, в предѣлах земельного общества, государство «одинаково относится ко всем формам землепользованія, включая единоличное, отрубное или тюторское». В постановленіях же о правѣ выдѣла «без насилія со стороны законодателя, но неуклонно насаждается индивидуальное землепользованіе». Посль блестящаго анализа прав землепользователя, автор говорит: «Если поставить вопрос, как должно быть юридически охарактеризовано это безсрочное, неприкосновенное, защищаемое не только обычным, петиторным, но и владѣльческим иском, право владѣнія и пользованія индивидуальнаго землепользователя, то вряд ли будет сомнѣніе в отвѣтъ, по крайней мѣрѣ при условіи непредубѣжденности. Перед нами собственность, хотя и ограниченная».

Разбирая во второй части своей статьи совѣтскій Гражданскій Кодекс, В. Б. Ельшиевич характеризует его так: «Основное заданіе совѣтскаго Гражданскаго Кодекса... — обезремитъ гражданскія права, сдѣлать их безопасными для коммунистическаго строя. Кодексом «уничтожается самая идея права, на мѣсто него ставится произвол, облеченный в форму норм».

Из остальных статей — 5 касаются хозяйственной жизни Россіи при новой экономической политикѣ. Таковы в первой книгѣ статьи С. Н. Прокоповича «Новая экономическая политика» и Л. М. Пумпянскаго «Организация и работа совѣтских трестов». Первая представляет собой соотвѣтствующую главу книги автора «Очерки хозяйства совѣтской Россіи», вторая больше тщательно обработанную часть брошюры «НЭП».

Во второй книгѣ «Экономическаго Вѣстника» к этому разряду статей относятся статьи Л. М. Пумпянскаго, С. О. Загорскаго и С. Г. Шермана.

Л. М. Пумпянскій дает характеристику послѣдней стадіи новой экономической политики, как стремленія к «укрѣпленію за счет мелко-хозяйственных производителей силъ, пострадавшаго под ударами конкуренціи и по причинѣ внутренней своей немоцѣ, государственнаго хозяйства».

Путем налогового нажима на частную торговлю и проведенія т. о. политически монопольных цѣн «Москвы, Петрограда и нѣсколько провинціальныя центров взламывают народное хозяйство, вытягивая из без того обезкровленнаго, сельскаго хозяйства максимум его цѣнностей, препятствуя тѣм самым возстановленію его производительности».

С. О. Загорскій путем тщательнаго сопоставленія данных о ввозѣ до войны и за послѣдніе годы освѣщает настоящее положеніе и перспективы внешней торговли совѣтской Россіи. «Экспортныя возможности... сведены к минимуму», полагает автор, так как «отсутствіе русских продуктов было компенсировано производством этих же продуктов в других странах». Что же касается ввоза, то «при сильном паденіи покупательной способности населенія и упадкѣ производительности сельскаго хозяйства, населеніе Россіи не может явиться потребителем иностранных товаров в сколько-нибудь ощутительных размѣрах», между тѣм ввоз цѣлага ряда издѣлій необходим для поднятія производства.

Статья С. Г. Шермана описывает, по данным, главным образом, совѣтской періодической печати, «внутренній рынок и торговый бытъ Совѣтской Россіи». Финансовой системѣ посвящены статьи А. П. Маркова в первой книгѣ и П. Бурюшкина во второй. Первая — «Значеніе натуральнаго налога в финансовом хозяйствѣ сов. власти на Украинѣ» — устанавливает, что и по сей час «натуральный налог является основным матеріальным фондом для удовлетворенія потребностей государства и для возможности пользоваться эмиссіей». Вторая, разсматривая и сопоставляя государственные бюджеты совѣтской власти, находит, что сих пор «совѣтское государство... имѣет промышленность и пути сообщенія в числѣ главнѣйших статей своих расходов. А источником содержанія государственной власти являются лишь тѣ цѣнности,

которая она унаследовала от прежнего строя, а именно: золотой запас и материальные ресурсы. Наконец приходится пользоваться... выпуском бу-мажных денег».

Что касается статьи Н. С. Тумашева, весьма обстоятельно опровергающей пункт за пунктом, напечатанный в *Vossische Zeitung* статьи Хансена о Рос-сии, то, думается, она была бы гораздо полезнее и умистнее в каком-нибудь иностранном общедоступном издании, нежели в русском специальном.

В общем всем статьям этого отдела, при различии их научной ценности и качестве выполнения, обща черта пристального изучения русского материала. И в этом смысле первыми книжками осуществляется задача журнала «больше или меньше точно установить характер и размеры явлений, происходящих сейчас на родине».

В немалой степени содействует этому же и отдел экономической хроники, заключающий в себя ряд очень толково и критически-тщательно составлен-ных обзоров отдельных сторон и вопросов русской хозяйственной жизни, на основании общей и специальной периодической печати советской России. В условиях заграничной оторванности от русской жизни, обзоры эти чрезвычай-но полезны и, впрочем, найдут многочисленных читателей.

Совершенно основательно, редакция «Экономического Вестника» придает большое значение библиографическому отделу. Но приходится констатиро-вать, что в первых книжках этот по полноте далеко не занимает того места, какое отводится ему программой журнала. Если для чрезвычайного рас-ширения библиографического отдела существуют изыскания технической пре-грады, то целесообразнее было бы, представляется нам, пожертвовать отзы-вами об изданиях не экономического характера (которые в некотором коли-честве имеются в общих книгах), и, в крайнем случае, даже из экономиче-ских книг ограничиться лишь работами русских экономистов и экономиче-скими работами о России, но зато эти отделы провести с надлежащей полно-той. Особенно существенны, в настоящих условиях, отзывы о выходящих в советской России экономических изданиях, как изысканий, так и мате-риалов, причем, в виду малой доступности их, представлялось бы желатель-ным введение элемента реферирования.

В качественном отношении библиографический отдел стоит в общем на уровне журнала, отдельные же отзывы представляют, иногда, исключитель-ный интерес.

В отделе материалов и документов общих книг напечатаны документы касающиеся отношения Соед. Ам Соединенных Штатов к России.

Внешность журнала производит приятное впечатление.

В общем не остается сомнений в том, что «Экономический Вестник» пред-ставляет собой нужное и ценное начинание.

Мы начали отзыв констатированием общности задач «Экономического Вестника» и выходившего в 1921—22 г. «Экономиста». Первый, конечно, нато-дится в значительно лучших условиях, чем был второй — с него за это боль-ше и спросится, — но кое в чем счастливее был «Экономист», и его преимущ-ества, в известной мере, может и должен постараться возродить «Экономи-ческий Вестник». Несколько крупных специалистов, уже давно оторванных от России, свобода печати и даже «буржуазная» условия книгопечатания, все это плюсы. Но невозможность наблюдения самой жизни, отпадение сотруд-ников, работающий над первичным сырым материалом внутри России и широ-кого круга, связанных с работой над этим же материалом и над самой хозяй-ственной действительностью, читателей — это, несомненно, минусы. Что на-блюдение над жизнью удается в значительной мере замкнуть пристальным и систематическим изучением материала, появляющегося в печати, за это гово-рят первые выпуски. Привлечение сотрудников и читателей в значительной мере не во власти редакции. Но хочется пожелать внимательного и непред-взятого отношения к тем работам экономистов, которые, несмотря ни на что, продолжают вестись в России. Оно может создать благоприятные условия для изжития отчуждения, создавшегося между, разорванными границей, частями русской интеллигенции. В области интересов профессиональных и научных, возстановить взаимное понимание всего легче и чрезвычайно существенно.

В. Ижемский.

Книги, поступившія в редакцію „Крестьянской Россіи“:

- 1) В. А. МОНИН. Задачи сибирскаго маслосдѣлія и кооперація. Берлин 1923. Издательство «Сотрудник». Стр. 63.
- 2) С. Н. ПРОКОПОВИЧ. Сельско-хозяйственная кооперація и бюджет крестьянскаго хозяйства. Изданіе Центрального Товарищества «Кооперативное Издательство» Москва-Петроград. 1922. Стр. 92.
- 3) С. Н. ПРОКОПОВИЧ. Кредитная кооперація в Россіи. Центральное Товарищество «Кооперативное Издательство». Москва 1923. Стр. 144 + 9.
- 4) Н. ВОРОНОВИЧ. Меж двух огней (Записки зеленаго). Оттиск из «Архива русской революціи» VII. Стр. 183.
- 5) Н. А. РУБАКИН. Письма к читателям о самообразованіи. Изданіе третье, пересмотрѣнное и дополненное. Изданіе Группы Читателей, Русских Рабочих в Нью-Йоркѣ. Печатано в Берлинѣ. Стр. 382.
- 6) ВАСИЛІЙ БЕНЗИН (Подстепянский). Культура кукурузы. Издательство «Хутор». Прага 1923. Стр. 100.
- 7) ЮРІЙ К. АКИНТИЕВСКІЙ. Сокольево. Его идея, развитіе и организація. Прага 1922. Издательство «Хутор». Стр. 32.
- 8) ПИТИРИМ СОРОКИН. Современное состояніе Россіи. Прага 1923. Издатель Владимир Винничук. Стр. 107.
- 9) А. АРЦЫБУШЕВ. Замѣтки по вопросам коннозаводства и коневодства в Россіи. Прага. 1923. Издательство «Хутор». Стр. 39.
- 10) В. А. ЕВРЕЙНОВ. Дикіе плоды и ягоды. Их сбор и использование. Прага 1923. Издательство «Хутор». Стр. 52.
- 11) В. Н. ЛЕОНТОВИЧ. Культура сельск. хоз. растений в условіях Юга Россіи. Прага 1923. Издательство «Хутор». Стр. 24.
- 12) РОССИЯ СЕГО ДНЯ. Из газеты „The Times“. Перевод с англійскаго. 1923. Стр. 80.
- 13) ВЛ. ЛЕБЕДЕВ. Новым путем. Изданіе «Воли Россіи». 1923. Стр. 191.
- 14) АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. Двѣнадцать портретов. Издательство „Internationale Commerciale Revue“ 1923, Prague. Стр. 85.
- 15) С. Н. ПРОКОПОВИЧ. Очерки хозяйства совѣтской Россіи. «Обелиск». Берлин. 1923. Стр. 215.
- 16) Л. ПУМЛЯНСКІЙ. Нэп. (Опыт характеристики совѣтской экономики). Берлин. 1923. Издательство «Основа». Стр. 79.
- 17) И. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. Кооперативныя организаціи среди земледѣльцев. Том I и II. Прага 1923. Изданіе Н. В. Емельяновой. Стр. 488 + XXXVI.
- 18) В. Д. ВРУЦКУС. Экономія сельскаго хозяйства. Народохозяйственные основы. Книгоиздательство «Кооперативная мысль». Берлин. 1923. Стр. 360.
- 19) BIBLIOGRAPHIE des questions ouvrières et sociales dans la Russie des soviets. Genève 1922 стр. 147.
- 20) MAX LAZARD. Le service obligatoire de travail en Bulgarie. Genève 1922. Стр. 170.

- 21) *ЗАРЯ*. Орган социал-демократической мысли. Берлин 1923. № № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.
- 22) *REVUE INTERNATIONALE DU TRAVAIL*. Genève 1922 et 1923. I, II, III, IV, V.
- 23) *СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ*. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал XIV (I), XV (II), XVI (III) Париж 1923.
- 24) *РУССКАЯ МЫСЛЬ*. Ежемесячное литературно-политическое издание под редакцией Петра Струве. Кн-во «Русская Мысль» Прага-Берлин. № VII — XII 1922; № I—II 1923 г.
- 25) *ВЪСТНИК РУССКАГО НАЦИОНАЛЬНАГО КОМИТЕТА*. № № 1, 2, 3, 4 и 5. Париж 1923.
- 26) *СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЪСТНИК*. Центральный Орган Российск. Социал. Демократ. Раб. Партии. № № 1 (47) — 15 (61). 1923 г. Берлин.
- 27) *ВОЛЯ РОССИИ*. Журнал политики и культуры. № № 1—14. Прага 1923 г.
- 28) *ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЪСТНИК*. Книжки — первая и вторая. Берлин. 1923 г.
- 29) *REVUE DE L'INSTITUT DE SOCIOLOGIE* Mai 1923. Bruxelles.
- 30) *СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ*. № № I, II, III и IV. Прага 1923 г. Издание Об'ед. Русск. Эмигр. Студ. Организаций. (О.Р.Э.С.О.).
- 31) *БЮЛЛЕТЕНЬ ОРГАНИЗАЦИОННАГО КОМИТЕТА ПО СОЗЫВУ СЪЪЗДА ДЪЯТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ И НИЗШЕЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ ЗАГРРАНИЦЕЙ*. Прага 1923. № 1, № 2.
- 32) *СТРЕМЛЕНИЕ* № 1. Январь—Февраль 1923 г. Студенческий журнал Москвы. Издание Редакции газеты «Дни» — Берлин. Стр. 44.
- 33) *КАЗАЧЬИ ДУМЫ*. Общеказачий журнал № 1—7. София. 1923 г.
- 34) *БЮЛЛЕТЕНЬ ФРАНЦУЗСКОЙ КНИГИ*. № № 1, 2, 3. 1923 г.
- 35) *УЧЕНЬЕ - СВЪТ*. Орган студенческого общества взаимопомощи Русскаго Народнаго Университета в гор. Нью-Йоркѣ. I. № 1, 2.
- 36) *ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ОРЭСО*. Прага. 1923 г. № № 1, 2, 3, 4, 5.
- 37) «ХУТОР». Двухнедельный журнал, посвященный интересам русского земледѣлія. № № 1—25. Прага. 1922 и 1923 гг.
- 38) *THE RUSSIAN ECONOMIST*. London. Январь—июнь 1923 г. Записки русского экономического общества в Лондонѣ.
- 39) *ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ* Центрального Бюро Об'единенія Русских Демократических Студенческих Организаций. О. Р. Д. С. О. № 1-й. Прага, Март 1923 г. Стр. 17.
- 40) *РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ*. № № 1 и 2—3. Прага. 1923.
- 41) *ZEMĚDĚLSKÝ ARCHIV*. Orgán vysoké školy zemědělského a lesního inženýrství při českém vysokém učení technickém v Praze 1923. NN 1, 2, 3—4.
- 42) *NÁRODNÍ KULTURA*. Revue ústřední školy dělnické. Ročník II. NN 1, 2-3, 4, 5, 6-7, 1923, Praha.

От редакціи сборников „Крестьянская Россія“.

С выходом настоящей книги участие Пит. Алекс. Сорокина в редактировании сборников «Крестьянская Россія», в виду его от'ѣзда в Америку, прекращается.

Прага, 21 сентября 1923 г.

Издание ОРЭСО.

„Студенческие Годы“.

Редакц. коллегія:

**В. И. Власевъ, С. А. Водовъ, А. А. Воеводинъ,
М. С. Ильяшевичъ, В. Н. Неандеръ.**

Въ журналъ принимаютъ участіе: Н. А. Антиповъ, К. П. Бельговскій, Н. Болъсцисъ, А. А. Валентиновъ, С. И. Варшавскій, В. И. Власевъ, С. А. Водовъ, А. А. Воеводинъ, В. Д. Головачевъ, А. Н. Ежовъ, К. І. Зайцевъ, Я. Н. Зеленкинъ, А. С. Изгоевъ, Вас. Ильинскій, М. С. Ильяшевичъ, А. И. Купринъ, Н. Лавровская, Бор. Лазаревскій, Вл. А. Лазаревскій, Вяч. Лебедевъ, Ив. Лукашъ, Анат. Луневъ, Д. И. Мейснеръ, В. Н. Неандеръ, Галина Петрова, А. Ремизовъ, С. Я. Савиновъ, И. Г. Савченко, П. А. Сорокинъ, Глѣбъ Струве, П. Б. Струве, И. Д. Сургучевъ, Вал. Тарханова, В. Татариновъ, Е. Н. Чириковъ, К. К. Цегоевъ, М. А. Циммерманъ, А. Б. Эфронъ и др.

Большой отдѣлъ объявленій.

Вышли изъ печати № 1 (5), 2 (6). 3 (7), 4 (8).

Глав. Контора и редакція: Praha-Žižkov, Bořivojova 19. Почт. счетъ: 26.017.

Складъ изданія:

Logos, Berlin SW., Markgrafenstr. 87. :: Telegr.

ВЫШЛА П КНИЖКА „НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ“

Историко-литературный сборникъ под редакціей С. П. Мельгунова при ближайшемъ участіи Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина.
ИЗДАНІЕ „ВАТАГА — ПЛАМЯ“

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Н. Щепкин. Из ранних воспоминаній. — Мих. Осоргин. Отецъ Яковъ. — С. П. Мельгунов. Как мы приобрѣтали записки Илюдора. — А. А. Дикгоф-Доренталь. Из перевернутыхъ страницъ. — Инж. Кили. Записка Ленину. — Н. О. Левин. Революція и большевизмъ в Венгріи. — А. И. Ляковский. Из переписки В. Г. Короленко в ссылкѣ. — Вал. Ф. Булгаков. Письма гр. С. А. Толстой к В. Ф. Булгакову. — Ю. И. Айхенвальд. Проспер Мериме. — В. А. Розенберг. Буки-Аз-Ба. В. А. Мякотин. Из недалекаго прошлаго. — А. В. Пѣшехонов. Перед краснымъ терроромъ. — А. А. Кизеветтер. Крики литературной моды. — С. П. Мельгунов. Большевикъ „второго сорта“ о русской революціи. — Критика и библиографія: П. Степанова. В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, А. А. Кизеветтер. — Объявленія.

Цѣна книжки 12 мар.

„На чужой сторонѣ“ 1-я книжка, цѣна 7 мар.

СКЛАД ИЗДАНІЯ:
БЕРЛИН: „Родина“ — Kantstrasse, 24.
ПРАГА: „Наша Рѣчь“ — Ječná, 32.

Педагогический журналъ „Русская Школа за рубежом“,

Издающийся в Праге под редакцией проф. С. И. ГЕССЕНА, пр.-доц. С. И. КАРЦЕВСКОГО и В. А. РИГАНА.

Книга 2—3 (240 стр.)

Содержание: — Итоги Съезда. А. Л. Бем: Русский педагогический съезд в Праге — А. В. Жекулина: Метода Декроли в школах Бельгии. — А. Ю. Макарова: Современные течения в Америке и детские сады. — Н. А. Ганц: The Dalton Plan. — В. Мелихар: Средняя школа в Чехословакии. — Проф. А. Д. Григорьев: История русского правописания и основы новейшей его реформы. — Проф. С. И. Гессен: К открытию Русского Педагогического Института в Праге. — Проф. А. В. Маклецов: Ф. В. Ферстер (К характеристике его воззрений в области общей и критической педагогики). — Проф. Д. М. Соколовцев: Русская Школа в Польше. — Е. А. Елачич: Основные задачи детского чтения. — Родной язык в школе 1-ой ступени (Примерные программы Московского Отдела Народного образования) — Петроградский съезд преподавателей родного языка и литературы. Библиография. — Хроника. — Некрологи. — Письма в Редакцию. — Объявления.

Книга 1 (116 стр.) (Распродана).

Содержание: От редакции. — Прив.-доц. С. И. Карцевский: Новая орфография. — Проф. С. И. Гессен: Фребель и Монтессори. — А. Л. Бем: К предстоящему Педагогическому съезду. — А. Очанашек: О сокольстве. — П. В. Кротков: Природа и дети. — Проф. А. В. Маклецов: К вопросу о судьбах подросткового поколения. — Кн. Петр Д. Долгоруков: Русская беженская школа. — С. П. Орлов: Изучение местного края. — А. Павлов: Положение русских школ в Югославии. — Проф. С. А. Острогорский: Задачи физического образования. — Пр.-доц. С. С. Безобразов: Русское школьное дело в Королевстве С. Х. С. — Вл. Тукалевский: Русские школы в Финляндии. — Библиография — Хроника. —

Книга 4 выйдет в свет в конце Сентября.

Адрес Редакции: Ruské Gymnasium, Praha-Strašnice, Tchécoslovaquie
Генер. представитель для заграницы: LOGOS, Berlin S. W. 68, Markgrafenstrasse, 87.

Контора журнала и представительство для Чехословакии:

„NAŠA ŘEČ“, Praha, Ječná 32.

Наши изданія имѣются:

Турція: Константинополь, Pera I, Rue Cartal („Iran“) М. И. Печковский.

Продолжается подписка на журналъ, посвященный интересамъ русск. земледѣлія, **ХУТОРЪ,**

выходящій 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ г. Прагъ — Чехословакія
(Адресъ редакціи и конторы: Tchechoslovaquie, Prague, Pošt. schr. 449)

Подписная плата на 3 мѣсяца:

для Чехословакіи — 8 Кš., Сербіи — 20 дин., Болгарія — 24 лев.,
Польши — 5.000 польск. мар. Германіи — 8 Кš., Франціи — 8 фр.,
Америки и др. странъ — 3 дол.

Генеральныя представительства:

для Германіи: Издательство В. Сіяльскій и Крейшманъ, Berlin N. W. 40, Kronprinzen Ufer 21;
для Югославин: Е. И. Анненковъ и С. Д. Виноградовъ, Бѣлградъ,
Неманина 26.

Представительства:

для Латвіи: M. Didkovsky, Agentura und Komisija, Riga, Stabu
iela 45 dr. 2.
для Польши: Общество им. Качковского, Г. С. Малецъ, Львовъ,
Walova 14.

Франція: Paris VII, Rue D'Audou 22, s-le Press de Publieite et D'edition.
Наши изданія имѣются:

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ сельско-хозяйственной и кооперативной литературы **РУССКІЙ ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ**

Адресъ:

PRANA II. Havličkovo nám. 10.
(Českomoravské pošt. a vydav.)

Почтовый ящикъ No 449.

Телефонъ 974.

На складѣ всегда большой выборъ
сельско-хозяйственной и кооперативной литературы
Принимаются заказы на составленіе спеціальныхъ
сельско-хозяйственныхъ библіотекъ.
Берутся порученія по выпискѣ изъ другихъ странъ
всевозможныхъ книгъ и журналовъ.

Принимаются книги на комиссію.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВѢСТНИК.

Под редакціей С. Н. Прокоповича.

При ближайшем участіи:

М. В. Бернацкаго, М. В. Брайкевича, В. Д. Бруцкуса, С. О. Загорскаго, А. И. Каминка, В. А. Косинскаго, Б. Э. Нольде, Л. М. Пумпянскаго,

П. Б. Струве и А. А. Чупрова.

Вышла книга вторая — 277 стр.

СОДЕРЖАНИЕ:

Петр Струве. Хозяйствованіе, хозяйство, общество. *С. Прокопович.* Динамика крестьянскаго хозяйства. *Л. Пумпянскій.* Внутреннія противорѣчія совѣтскаго хозяйства. *С. Загорскій.* Мировое хозяйство и внѣшняя торговля совѣтской Россіи. *П. Бурякин.* Бюджетное дѣло в совѣтской Россіи. *В. Ельшиевич.* Два пути совѣтскаго законодательства. *Н. С. Тимашев.* Фритиоф Хансен о совѣтской Россіи

Экономическая хроника: Голод 1923 года. Вывоз хлѣба за границу. Единый с.-х. налог. Экономическое и финансовое положеніе Россіи на III с'ѣздѣ коммунистической партіи. Населеніе русских городов в 1923 г. *Коммунальное хозяйство.* Москва: населеніе, промышленность, торговля, общественное хозяйство и финансы. Исполненіе государственной росписи на первую половину 1922—23 г.

Библиографія, матеріалы и документы.

Verlag „Zeitschrift für Nationaleconomie“, Berlin, SW. 19, Seydelstr. 27.
Эконом. кабинет С. Н. Прокоповича.

СКЛАД ИЗДАНИЯ „Russischer Bücherexport“, Berlin W 30, Motzstr. 76.

Продолжается подписка на ежедневную общественно-политическую газету

„ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“,

выходящую в Парижѣ под редакціей П. Н. Милокова.

Собственные корреспонденты во всѣх крупных центрах Европы, в Россіи, в лимитрофных странах и во всѣх мѣстах русской эмиграціи.

Условія подписки (с 1-го и 16-го каждаго мѣсяца):

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 год
Во Франціи	10 фр.	27 фр.	50 фр.	95 фр.
Заграницей	12 „	33 „	60 „	110 „

Перемѣна адреса — 1 франк.

Подписка принимается в Конторѣ Редакціи и во всѣх почтовых отдѣленіях. Пріем объявленій — в Конторѣ Редакціи.

Редакція и контора:

Paris (VIII), rue d'Anjou, 22. Tel.: Elysée 35—58.

Adresse télégraphique: „Dernouved Paris“.

СБОРНИКИ

Крестьянская Россія

под редакціей: А. А. Аргунова, А. Л. Бема,
С. С. Маслова, П. А. Сорокина

Издание посвящено разработкѣ вопросов, выдвигающихся перед демократической Россіей и, в особенности, перед будущим строителем ея - трудовым крестьянством.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ:

№ 1. От редакціи. *Сергей Маслов*. Восходящая сила — *Ст. Иванович*. Русский социализм наших дней — *Ф. Щербина*. Кардинальный вопрос текущаго историческаго момента — *И. Демидов*. Возрожденная Россія и ея земля — *А. Шилков*. Крестьянство и совѣтская власть — *С. Николаев*. Политическія настроенія крестьянства на Дальнем Востоку — *П. Богданов*. Крестьянство в Эстоніи — *В. Аграрный вопрос на Югѣ Россіи* — *А. Омелянов*. Старое и новое — *Библ. отдѣл*. Страниц 120. Цѣна 6 корон чехословацких.

№ 2—3. *А. Кизеветтер*. Крестьянство в исторіи Россіи — *П. Сорокин*. То, что часто забывается — *Ст. Иванович*. Деревня в социальной революціи — *С. Прокопович*. Производительность крест. хозяйства — *С. Маслов*. Возрожденіе Россіи и крестьянство — *П. Виноградов*. Задачи просвѣщенія в крест. Россіи — *П. К* вопросу о возстановленіи жел. дорог — *П. Гронскій*. Земское самоуправленіе и пути его возрожденія — *Діонео*. Ирландскій крестьянин — *П. Сорокин*. Россія послѣ напа — *С. Маслов*. Сельско-хоз. кооперація в современной Россіи — *А. Омелянов*. Старое и новое — *А. Аргунов*. Об'единенная эмиграція — Отдѣл «Из печати и жизни»: *Е. Кускова*. М. Горькій о крестьянствѣ — *Н. У.* Крестьянскія организаціи в Швейцаріи — *З. А.* Крестьянство Латвіи на выборах — *А.* Политическія организаціи крестьянства Литвы — *С.* Крестьянство Польши на выборах в Сейм — *Е. Вальницкій*. В Галиціи — *А. Ш.* «С'ѣзд русских земледѣльцев в Прагѣ» — *З. А. Спудов*. Значеніе и организація землед. хозяйств различных типов (по изслѣд. проф. Брдлика) — *Мелкія замѣтки*. В библиогр. отдѣлѣ статьи: *А. А. Чупрова*, *А. Шилкова*, *Н. Чадаева* и др. Страниц 255. Цѣна 10 корон чехословацких.

№ 4. П. А. Сорокин — Город и деревня. Н. П. Макаров. Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства. П. Н. Миллюков. Республика или монархия? Баратынский. На распутье трех дорог. Дюнео. Вѣчная аренда.

Отдѣл «Крестыанское движеніе»: Н. А. Ульянов. Крестьянский Союз в Швейцаріи. С. Дупаринов. Болгарскій народ. Земледѣльч. Союз. Инж. Ю. Фидлер. Пути чешскаго аграризма.

Отдѣл «В Россіи»: В. Д. Бруцкус. Новый строй земельных отношеній. С. С. Кон. Совѣтскіе финансы. А. Е. Малатов. Промысловая и кустарная кооперація. В. Ф. Булгаков. К характеристикѣ духовнаго облика русскаго народа.

Отдѣл «В Эмиграціи»: А. А. С'ѣзд русских инженеров. А. Бем. С'ѣзд дѣятелей средней и низшей русской школы. Н. В. Быстров. Русское студенчество в эмиграціи.

Отдѣл «Из печати и жизни»: Государственные дѣятели о Россіи. А. А. Чупров. К вопросу об основах кредитоспособности земледѣльца. В. У. Мировое сельское хозяйство во время войны и послѣ нея. З. А. Крестьянскія демонстраціи. В Чехословакии: З. А. Спудов. Организація земледѣльческих хозяйств различных типов (по Брдлику); М. Г. Сельскохозяй. образованіе; Л. Я. К юбилею Ан. Швецло; М. С. С'ѣзд с.-д. земледѣльческих организацій. В Дании: Кр. Крестьянская культура. Переимѣщеніе земли.

Отзывы о книгах: А. А. Чупрова, А. Елизветтера, Н. М., П. С. Стр. 203. Цѣна 10 корон чехословацких.

Адрес Редакціи: „Krestjanskaja Rossija“, Letohradská 21, Praha-Vinohrady, Tchechoslovaquie.

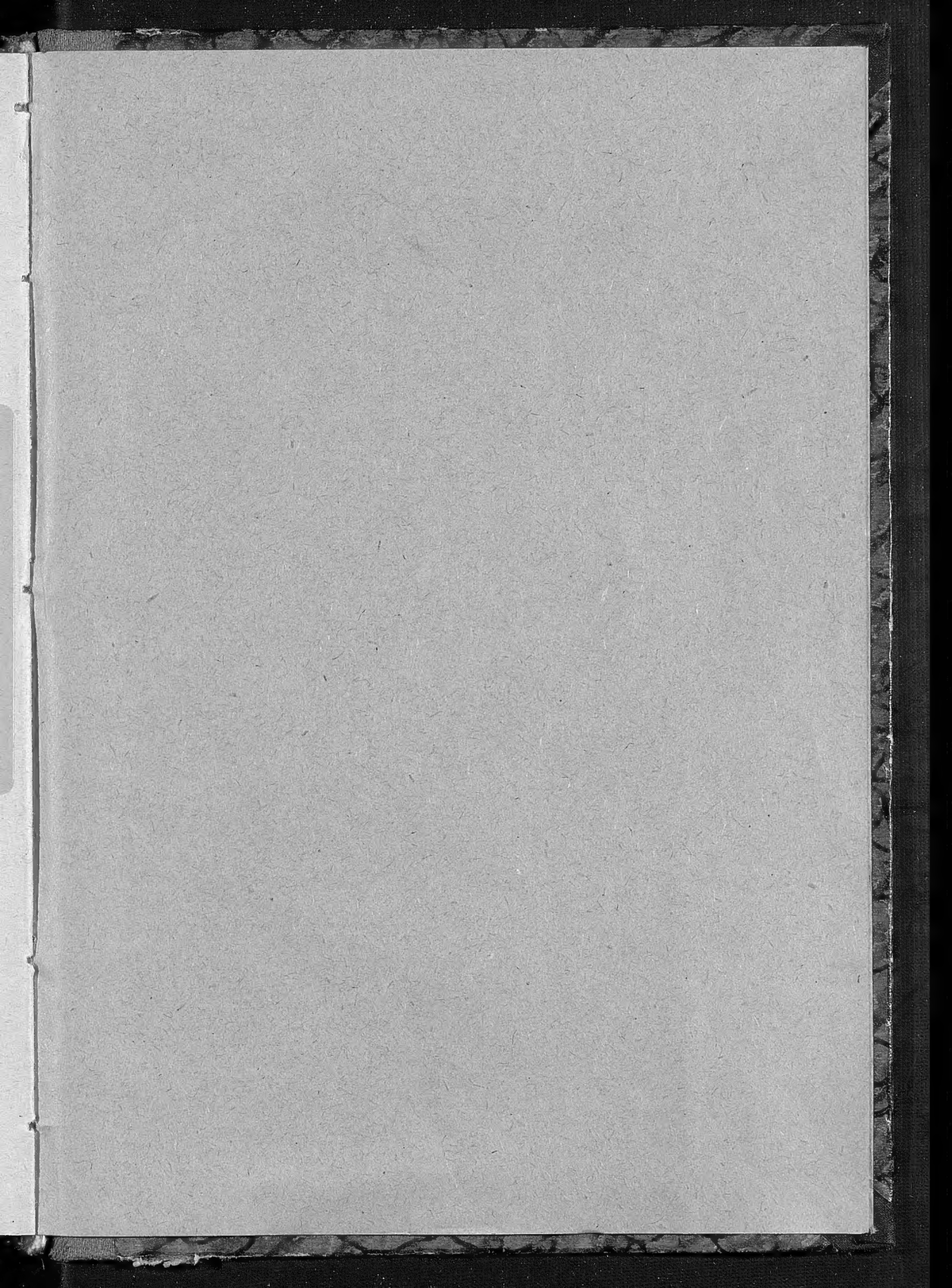
Главный склад: Русскій книжный магазин «Москва» — Berlin, SW. 48, Wilhelmstrasse, 20, Russischer Buchhandel, H. Sachs.

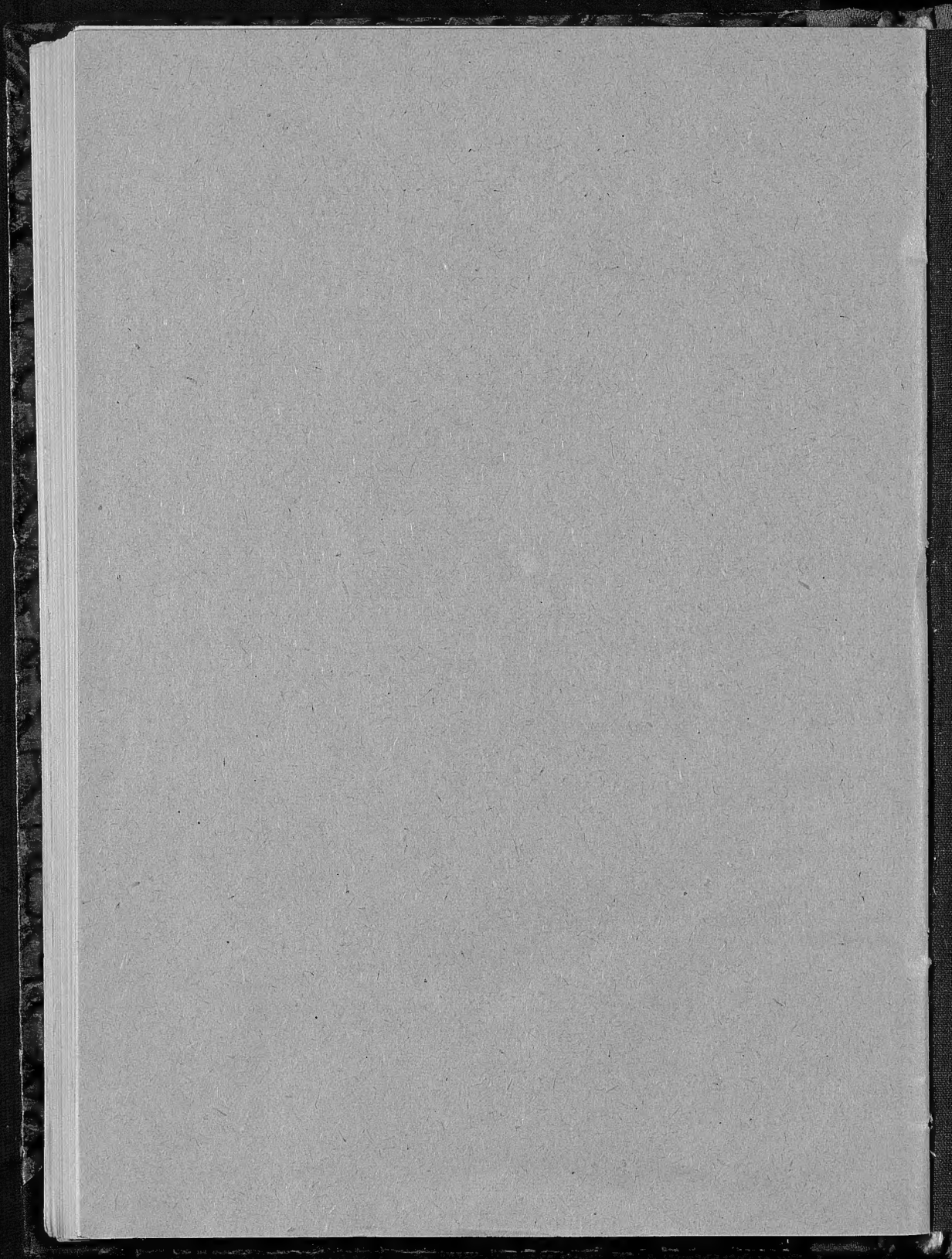
Представительство на Чехословакию: Магазин Ferdinand Svoboda, Václavské náměstí, 57, Praha II.

Представительство на Америку: Книжный магазин А. Чернова «Труд» в Нью-Йоркѣ. А. Chernoff. Book Shop, 14th. Str. New-York NY.

Цѣна сборника «Крестьянская Россія» № V—VI 15 кор. чехословацких.

Печатается в типографіи „Legeria“ v Praze II., Revoluční třída č. 6 n.

24.07.92.

